

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»,
НОМИНАНТ НА ПРЕМИИ «ЭНТОНИ» И «БАРРИ», ЛУЧШАЯ КНИГА 2017 ГОДА
ПО ВЕРСИИ «АМАЗОНА», «ЭСКВАЙРА» И «ВАШИНГТОН ПОСТ»!

ЭНТОНИ ГОРОВОИЦ

СОРОКИ- УБИЙЦЫ

Великолепно написано — яркие характеры подозреваемых,
идеальное чувство времени и громкий финал!

The Spectator

·thebigbook·

ЭНТОНИ
ГОРОВИЦ

СОРОКИ-
УБИЙЦЫ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 70

Anthony Horowitz
MAGPIE MURDERS
Copyright © 2016 by Anthony Horowitz
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Александра Яковлева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-18642-2

© А. Л. Яковлев, перевод, 2021
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Крауч-Энд, Лондон

Бутылка вина. Семейная упаковка начос из тортильи со вкусом сыра и баночка острого соуса сальса. Пачка сигарет под рукой — каюсь, каюсь! Капли дождя, барабнящие по окну. И книга.

Ну что может быть лучше?

«Английские сорочки убийства» были девятой частью любимой и популярной во всем мире детективной серии про Аттикуса Пюнда. Когда тем дождливым августовским вечером я впервые открыла эту книгу, она существовала только в виде распечатанной на принтере рукописи, и моей задачей было отредактировать ее перед изданием. Но прежде всего я собиралась насладиться ею. Помнится, едва войдя в дверь, я направилась на кухню, вынула из холодильника вкусняшки и положила их на поднос. Потом разделась, разбросав где попало вещи. В квартире все равно царил бардак. Я приняла душ, вытерлась и нырнула в просторную футболку с Мэйзи Маус, которую мне подарили на книжной ярмарке в Болонье. Час был слишком ранний, чтобы ложиться, но я плюхнулась на кровать, небурную еще с прошлой ночи. Обычно для меня это не характерно, но мой бойфренд уехал на шесть недель, а оставаясь в одиночестве, я сознательно понижаю стандарты. В неразберихе определенно есть что-то успокаивающее, тем более когда рядом нет никого, кто на нее сетует.

Вообще-то, мне жутко не нравится это слово — «бойфренд». Особенно в отношении мужчины пятидесяти двух лет, дважды разведенного. Беда в том, что в английском языке не подыскать толковой замены. Сожителем Андреаса не назовешь — для этого мы слишком редко встречаемся. Любовник? Моя вторая половина? По различным причинам оба определения заставляют меня поморщиться. Он приехал с Крита. Андреас преподавал древнегреческий в Вестминстерской школе и снимал квартиру в Мейда-Вейл, неподалеку от меня. Мы поговаривали о том, чтобы съехаться, но опасались, что это станет концом наших отношений, поэтому, хотя в моем гардеробе было полно вещей Андреаса, его самого рядом со мной частенько не доставало. Так было и в тот раз. Андреас уехал на время школьных каникул, чтобы побыть с семьей. Его родители, вдовья бабушка, двое несовершеннолетних сыновей и брат бывшей жены жили в одном доме, образуя запутанный клубок родственных связей, который грекам, похоже, по вкусу. Вернуться он должен был не раньше вторника, накануне начала занятий, и увидеться мы могли только в следующие выходные.

Так что я жила сама по себе в своей квартире в Крауч-Энде, размещавшейся в цокольном этаже викторианского дома на Клифтон-роуд, минутах в пятнадцати ходьбы от станции метро «Хайгейт». Наверное, это было самое разумное из моих приобретений. Мне нравилось жить там. Там было тихо и уютно, нам на двоих с хореографом со второго этажа принадлежал садик, но моя соседка почти не появлялась в нем. У меня, понятное дело, было слишком много книг. Каждый дюйм на полках был занят. Книги лежали поверх других книг. Сами полки прогибались под их весом. Вторую спальню я переоборудовала под кабинет, хотя старалась не работать дома. Им чаще пользовался Андреас, когда жил у меня.

Я откупорила вино. Отвинтила крышку с сальсы. Закурила сигарету. И начала читать книгу, как это делаете сейчас вы. Но прежде чем вы приступите, я обязана вас предупредить.

Эта книга изменила мою жизнь.

Вероятно, вам и прежде доводилось встречать подобное утверждение. Со стыдом говорю, что поместила это признание на обложку моего первого романа, весьма посредственного триллера про Вторую мировую войну. Кто-то, не помню, кто именно, сказал, что книга способна изменить вашу жизнь только одним способом — свалившись вам на голову. Никогда не забуду, как совсем еще девочкой я читала сестер Бронте и влюбилась в их мир: мелодрама, живописные пейзажи, очарование готики и тому подобное. Вы вправе решить, что увлечение «Джен Эйр» и подтолкнуло меня к издательской деятельности, но в свете случившегося в этом угадывается некая ирония. Есть немало книг, глубоко меня затронувших: «Не отпускай меня» Исигуро¹, «Искушение»

---

¹ Кадзуо Исигуро (р. 1954) — английский писатель японского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе 2017 года. — *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

Макьюэна². Говорят, что под воздействием феномена Гарри Поттера дети буквально хлынули в школы-пансионы. Бесспорный факт, что есть книги, оказывающие огромное влияние на наше мировоззрение. «Любовник леди Чаттерлей» — один очевидный тому пример, «1984» — другой. Но мне кажется, едва ли имеет значение, что именно мы читаем. Наша жизнь катится по проложенным с самого начала рельсам. Художественная литература способна лишь на миг приоткрыть нам альтернативу. Возможно, из-за этого мы ее так любим.

Но «Английские сорочьи убийства» в самом деле изменили для меня все. Я больше не живу в Крауч-Энде. Я оставила работу. Растеряла большинство друзей. Тем вечером, перевернув первую страницу распечатки рукописи, я понятия не имела, что отправляюсь в плавание. И честно признаться, если бы знала об этом, то едва ли согласилась подняться на борт. Это мерзавец Алан Конвей виноват во всем. Я с первого взгляда прониклась к нему неприязнью, хотя, странное дело, мне всегда нравились его книги. Как по мне, так нет ничего лучше хорошего детектива: крутые повороты и загадки, подсказки и ложные улики и, наконец, облегчение, когда все разъясняется, причем таким образом, что ты кусаешь себе локти — ну как можно было не заметить разгадки с самого начала?

Начиная читать, я примерно этого и ожидала. Однако «Английские сорочьи убийства» оказались не такими. Совсем не такими.

Надеюсь, мне нет нужды снова это повторять. В отличие от меня, вы предупреждены.

---

² Иэн Макьюэн (р. 1948) — английский писатель, сценарист и драматург, лауреат премии Сомерсета Моэма, Букеровской премии и других наград.

АЛАН КОНВЕЙ

**АНГЛИЙСКИЕ
СОРОЧЬИ УБИЙСТВА**

РАССЛЕДОВАНИЕ АТТИКУСА ПЮНДА

Об авторе

Алан Конвей родился в Ипсуиче, окончил школу в Вудбридже, затем с отличием Университет Лидса по специальности «английская литература». Позже поступил возрастным студентом в Университет Восточной Англии, чтобы изучать писательское мастерство. Следующие шесть лет Конвей работал учителем, пока в 1995 году его роман «Аттикус Пюнд расследует» не добился успеха. Книга двадцать восемь недель продержалась в списке бестселлеров «Санди таймс» и удостоилась премии «Золотой кинжал», присуждаемой Ассоциацией писателей детективного жанра за лучший детектив года. С тех пор во всем мире продано восемнадцать миллионов экземпляров книг про Аттикуса Пюнда, они переведены на тридцать пять языков. В 2012 году Алан Конвей был удостоен ордена Британской империи за вклад в литературу. Он имеет ребенка от первого брака и проживает во Фрамлингеме в Суффолке.

Книги серии «Аттикус Пюнд»:

- «Аттикус Пюнд расследует»
- «Нет покоя нечестивым»
- «Аттикус Пюнд берется за дело»
- «Гость приходит ночью»
- «Рождество Аттикуса Пюнда»
- «Аперитив с цианидом»
- «Маки для Аттикуса»
- «Мистер Пюнд за границей»

Отзывы о книгах Алана Конвея об Аттикусе Пюнде

Все, чего вы ждете от английского детектива. Стильно, умно и непредсказуемо.

«Индепендент»

Смотри в оба, Эркюль Пуаро! В городе объявился умник-коротышка из-за границы, и он уже наступает тебе на пятки.

«Дейли мейл»

Я поклонник Аттикуса Пюнда. Он возвращает нас в золотой век детективной литературы и напоминает о том, с чего все началось.

*Иэн Рэнкин*³

Шерлок Холмс, лорд Питер Уимзи, отец Браун, Филип Марлоу, Пуаро... чтобы перечислить всех великих сыщиков достаточно, наверное, пальцев одной руки. Что ж, для Аттикуса Пюнда вам понадобится лишний палец!

«Айриш индепендент»

Для отличной детективной истории нужен отличный сыщик, и Аттикус Пюнд — достойное пополнение в их рядах.

«Йоркшир пост»

У Германии появился новый посол. А у преступления — его величайший противник.

«Дер Тагесшпигель»

---

³ *Иэн Рэнкин* (р. 1960) — шотландский писатель, автор романов и рассказов детективного жанра; наиболее известен цикл произведений об инспекторе Джоне Ребусе; часть произведений опубликовал под псевдонимом Джек Харви.

Энтони Горовиц

Алан Конвей явно общается с вселившимся в него духом Агаты Кристи. И я желаю ему удачи. Мне нравится то, что он делает.

Роберт Харрис

Он наполовину грек, наполовину немец, но прав всегда на сто процентов. Как его зовут? Пюнд. Аттикус Пюнд.

«Дейли экспресс»

СКОРО В МАСШТАБНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ СЕРИАЛЕ
ОТ БИ-БИ-СИ-1!

Часть I Печаль

1

23 июля 1955 года

Предстояли похороны.

Два могильщика, старый Джефф Уивер и его сын Адам, встали спозаранку и обо всем позаботились. Могила была в точности нужного размера, земля аккуратно ссыпана на одну сторону. Церковь Святого Ботольфа в Саксби-на-Эйвоне никогда не выглядела прекраснее, утреннее солнце играло в витражах окон. Церковь вела свою историю с двенадцатого века, но, разумеется, не единожды перестраивалась. Свежая могила располагалась к востоку, близ развалин древнего алтаря, где буйно разрослась трава, а меж обрушившихся арок цвели ромашки и одуванчики.

В самой деревне царил тишина, улицы были пустынные. Молочник уже закончил развозку и исчез, позвякивая бутылками в кузове фургона. Разносчики почты завершили обход. Была суббота, так что на работу никто не торопился, а час был слишком ранний, чтобы домохозяйка занялась обычной рутинной выходного дня. В девять открывался деревенский магазин. От расположенной по соседству пекарни уже тянулся аромат только что вынутого из печи хлеба. Вскоре появятся первые покупатели. А едва закончится завтрак, заведет свою песню хор газонокосильщиков. Стоял июль, самый хлопотливый месяц для неугомонной армии обитающих в Саксби-на-Эйвоне садоводов, и в свете грядущей всего через месяц Ярмарки урожая уже шла подрезка роз, а кабачки тщательно обмерялись. В половине второго на деревенской лужайке должен был состояться матч по крикету. Приедет фургончик с мороженым, для детей организуют игры, гости будут устраивать пикники перед своими машинами. Заработает кафе. Идеальный английский летний день.

Но не в этот раз. Впечатление создавалось такое, будто деревня почтительно затаила дыхание, ожидая, когда гроб отправится в путешествие из Бата. В данный момент его грузили на катафалк в присутствии торжественно-мрачных сопровождающих: пяти мужчин и одной женщины, старательно отводивших глаза друг от друга, словно неуверенных, куда им следует смотреть. Из мужчин четверо были профессиональными организаторами похорон из высокоуважаемой фирмы «Ланнер и Крейн». Компания эта существовала с викторианских времен, когда занималась по преимуществу строительными подрядами и деревообработкой. В те дни гробы и погребения были почти неприметным, побочным бизнесом. Но по иронии судьбы именно это направление выжило. «Ланнер и Крейн» уже не строили домов, зато их имя стало олицетворением достойных похорон. Сегодняшняя церемония была в высшей степени скромной. Катафалк представлял собой автомобиль, никаких вороных коней или пышных гирианд. Сам гроб, хотя и добротной работы, сделан был, без всякого сомнения, из древесины дешевых сортов. На единственной табличке, скорее посеребрянной, чем серебрянной, значилось имя усопшей и две главные даты:

**Мэри Элизабет Блэкистон
5 апреля 1887 — 15 июля 1955**

Жизнь этой женщины не была такой уж короткой, она захватила рубеж двух столетий, но оборвалась довольно внезапно. Отложенных Мэри на похороны денег не хватило даже на покрытие всех расходов, но это не имело значения, поскольку страховщики гасили разницу, и покойная была бы довольна, если бы увидела, что все происходит в соответствии с ее желанием.

Катафалк выехал точно вовремя, отправившись в восьмимильное путешествие, когда минутная стрелка указала на тридцать минут десятого. Двигаясь подобающим случаю неспешным аллюром, экипаж должен был прибыть на церковный двор в час. Будь у фирмы «Ланнер и Крейн» слоган, он гласил бы: «Никогда не опаздывать». И хотя двое едущих с гробом плакальщика и не

замечали того, но более прелестный ландшафт трудно было себе представить: поля по ту сторону низкой каменной стены полого спускались к реке Эйвон, с которой им всю дорогу было по пути.

На кладбище у церкви Святого Ботольфа два могильщика озирали труды рук своих. Много слов можно найти о похоронах: глубоких, прочувствованных, философских. Но нельзя выразиться точнее, чем это сделал Джефф Уивер, когда, опершись на лопату и сворачивая мозолистыми пальцами самокрутку, обратился к сыну.

— Если уж соберешься помереть, — произнес он, — то более подходящего дня и представить трудно.

2

Сидя за кухонным столом в доме викария, преподобный Робин Осборн завершал приготовления к погребальной речи. Перед ним на столе лежали шесть страниц, отпечатанных на машинке, но уже пестрящих поправками, сделанными его угловатым почерком. Слишком длинно? На днях кое-кто из паствы сетовал, что его проповеди бывают затянуты, и даже епископ выказал признаки нетерпения во время обращения преподобного в день Пятидесятницы. Но в этот раз дело другое. Миссис Блэкистон всю жизнь прожила в деревне. Все ее знали. И наверняка готовы пожертвовать полчаса, а то и сорок минут, чтобы попрощаться с ней.

Кухня была просторной и светлой, плита фирмы «Ага» круглый год источала приятное тепло. На крючках были развешаны кастрюли и сковородки, здесь же хранились горшочки со свежими и засушенными растениями. Собраны они были Осборнами лично. Этажом выше располагались две спальни, обе непритязательные и уютные, с пушистыми коврами, вручную вышитыми подушечками и новомодными световыми окошками в потолке, добавленными только после долгих консультаций с церковными властями. Но главным достоинством дома священника было его расположение: он стоял на краю деревни и смотрел на лесистую местность, известную тут как Дингл-Делл. Она включала луг, покрытый весной и летом цветами, дальше простиралась полоса собственно леса, за деревьями которого — по большей части то были дубы и вязы — скрывалась усадьба Пай-Холл: озеро, газоны и сам дом. Каждое утро Робин Осборн просыпался и любовался на вид, не перестававший приносить ему радость. Иногда ему казалось, что он живет в волшебной сказке.

Резиденция викария не всегда была такой. Когда Осборны вместе с приходом унаследовали от дряхлого священника Монтегю дом, тот весьма подходил под описание жилища старого холостяка, будучи сырым и негостеприимным. Но Генриетта Осборн сразу пустила в ход свои магические способности. Она выбросила всю мебель, которую сочла некрасивой или неудобной, и прочесала все комиссионные магазины в Уилтшире и в Эйвоне в поисках подходящей замены. Ее энергия не переставала изумлять преподобного. Уже тот факт, что Генриетта согласилась выйти за приходского священника, вызывал удивление, но она еще и принялась исполнять свои обязанности с рвением, снискавшим ей уважение с самого их приезда. Нигде эта пара не могла обрести большего счастья, чем в Саксби-на-Эйвоне. Да, храм требовал ремонта. Отопление то и дело выходило из строя. Крыша опять протекла. Но паства была достаточно большой, чтобы удовлетворить даже епископа, а многих из верующих Осборны считали теперь своими друзьями. У них и в мыслях не было перебираться куда-то еще.

«Она была частью деревни. И хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам следует помнить о том, что оставила она после себя. Мэри делала Саксби-на-Эйвоне местом более приятным для всех, украшая ли цветами эту самую церковь каждое воскресенье, навещая престарелых здесь или в Эштон-Хаусе, собирая пожертвования для Королевского общества защиты птиц или привечая посетителей Пай-Холла. Ее домашней выпечки пироги неизменно были украшением деревенского праздника, и, признаюсь вам, она не раз оставляла в моей ризнице приятный презент в виде миндального пирожного или куска викторианского бисквита».

Осборн попытался вызвать в памяти образ женщины, большую часть своей трудовой жизни проведшей экономкой в Пай-Холле.

Низенькая, темноволосая, решительная, она всегда находилась в движении, как будто вела свой личный крестовый поход. Его воспоминания о ней были несколько расплывчатыми, поскольку, если честно признать, им крайне редко приходилось проводить время в одной комнате. Иногда они встречались на каком-нибудь общественном мероприятии, но не часто. Обитатели Саксби-на-Эйвоне не были в прямом смысле слова снобами, но в то же время не забывали о сословных различиях, и если викарий считался подходящим членом любой компании, эта привилегия не распространялась на особу, которая в конце дня должна была выполнять роль уборщицы. Вероятно, Мэри осознавала сей факт. Даже в церкви она старалась сесть на скамью в самых последних рядах. Предлагая помощь людям, она делала это с какой-то чрезмерной почтительностью, словно то была ее обязанность.

А может, все обстояло куда проще? Думая о Мэри и перечитывая текст, преподобный нашел, как описать ее одним словом. Назойливая. Несправедливо и неуместно было произносить его вслух, но Осборн вынужден был признать, что доля истины в этом есть. Мэри была из тех женщин, которые суют пальчик в любой пирог, включая яблочный и ежевичный, и ставила перед собой цель поддерживать знакомство со всеми в деревне. Каким-то образом ей всегда удавалось оказаться там, где в ней нуждались. Проблема заключалась в том, что она оказывалась и там, где такой необходимости не было.

Осборну вспомнилось, как он застал ее в этой самой комнате не далее как две недели назад. Он злился на себя, поскольку этого следовало ожидать. Генриетта постоянно жаловалась, что он не запирает входную дверь, как если бы дом викария являлся всего лишь пристройкой к церкви, а не частным жилищем. Стоило прислушаться к жене. Мэри стояла, держа в руке бутылочку с зеленой жидкостью, словно некий средневековый талисман для отпугивания демонов.

— Доброе утро, викарий! — произнесла женщина. — Слышала, что вам досаждают осы. Я принесла мятное масло, оно поможет избавиться от них. Моя матушка в этом средстве души не чаяла!

Это было правдой — в доме водились осы. Но откуда Мэри про это узнала? Осборн не говорил никому, кроме Генриетты, а уж та точно не стала бы болтать. Впрочем, трудно что-либо утаить в таком мирке, как Саксби-на-Эйвоне. Каким-то неисповедимым образом тут все знают все обо всех, и есть поговорка: чихни у себя в ванной, и кто-то тут же протянет тебе носовой платок.

Увидев ее тогда, Осборн не знал, стоит ли ему благодарить или злиться. Он пробормотал «спасибо», но одновременно скосил глаза на кухонный стол. И точно, они были там, лежали среди кипы его бумаг. Сколько она пробыла в комнате? Заметила их? Мэри ничего не сказала, а ему, естественно, не с руки было спрашивать. Он как можно скорее выпроводил ее, и эта их встреча оказалась последней. Когда Мэри умерла, Робин и Генриетта находились в отпуске и вернулись к самым ее похоронам.

Услышав шаги, викарий поднял голову и увидел Генриетту. Она только что вышла из душа и еще не успела надеть банный халат. В свои почти пятьдесят она оставалась очень привлекательной женщиной с водопадом каштановых волос и фигурой, которую каталоги модных товаров характеризуют как «пышная». Генриетта происходила совсем из другого мира — она была младшей дочерью богатого фермера, владельца тысячи акров земли в Западном Суссексе. И тем не менее, встретившись в Лондоне, на лекции в Уигмор-холле, молодые люди с первого взгляда прониклись взаимной симпатией. Они поженились без согласия родителей и с тех пор жили душа в душу. Единственным сожалением было то, что брак их не был благословлен детьми, но на то, разумеется, была Божья воля, и им пришлось принять ее. Эти двое были счастливы просто оттого, что они есть друг у друга.

— Думала, ты уже закончил, — сказала Генриетта, доставая из буфета мед и масло. Потом отрезала себе ломтик хлеба.

— Просто добавляю пару мыслей, пришедших в последний момент в голову.

— Ну, Робин, на твоём месте я бы не стала разглагольствовать. Сегодня суббота как-никак, и всем хочется поскорее освободиться.

— После мы собираемся в «Гербе королевы». В одиннадцать.

— Чудесно. — Генриетта поставила тарелку с завтраком на стол и плюхнулась на стул. — Сэр Магнус ответил на твоё письмо?

— Нет. Но я уверен, что он придет.

— Что ж, он явно не торопится. — Женщина наклонилась и пробежала взглядом по страницам.
— Ты не можешь сказать так.

— Как?

— «Была жизнью и душой любого общества».

— Почему?

— Потому что это неправда. Если начистоту, я всегда находила Мэри очень скрытной, застегнутой на все пуговицы. Общаться с ней было совсем не просто.

— Она выглядела даже веселой, когда была у нас на минувшее Рождество.

— Присоединилась к хоралу, если ты это имел в виду. Но что на самом деле у нее на уме, никто не знал. Не могу сказать, что она мне нравилась.

— Не стоит так говорить о ней, Хен. И уж точно не сегодня.

— Не вижу к тому причины. Ох уж мне эти похороны — сущее лицемерие! Все твердят, каким замечательным был покойник, каким добрым и щедрым, но в глубине души знают, что это не так. Я никогда не испытывала симпатии к Мэри Блэкистон и не намерена теперь петь ей дифирамбы только из-за того, что она удосужилась свалиться с лестницы и сломать шею.

— Ты ведешь себя немилосердно.

— Я просто честна, Робби. И знаю, что ты полностью со мной согласен, даже если пытаешься убедить себя в обратном. Но не переживай: обещаю не опозорить тебя перед лицом плакальщиц. — Женщина состроила гримасу. — Ну, достаточно скорбное выражение?

— Не лучше ли тебе приготовиться?

— Все уже лежит наверху. Черное платье, черная шляпка, черный жемчуг. — Генриетта вздохнула. — Когда я умру, пусть меня не одевают в черное. Это так уныло. Дай мне слово. Я хочу, чтобы меня похоронили в розовом с большим букетом бегоний в руках.

— Ты не умрешь. Это случится не скоро. А теперь ступай наверх и оденься.

— Ну хорошо-хорошо, грубиян ты этакий!

Она склонилась над ним, и ее груди, теплые и мягкие, прижались к его шее. Поцеловав мужа в щеку, Генриетта поспешно вышла, оставив на столе завтрак. Возвращаясь к тексту речи, Робин Осборн улыбнулся про себя. Возможно, жена права и следует выбросить пару страниц. Он еще раз перечитал написанное.

«Жизнь у Мэри Блэкистон была непростая. Вскоре после переезда в Саксби-на-Эйвоне ей довелось пережить личную трагедию, и горе вполне могло поглотить ее. Но она не сдалась. Она была из тех женщин, что любят жизнь и не позволяют судьбе взять над ними верх. И теперь, когда тело ее упокоится рядом с сыном, которого она так любила и так трагически лишилась, мы можем черпать толику утешения в мысли, что теперь они наконец вместе».

Этот абзац Робин Осборн перечитал дважды. И снова вспомнил Мэри стоящей здесь, в этой самой комнате, прямо перед столом.

«Слышала, что вам досаждают осы».

Заметила ли она их? Знала ли?

Солнце, должно быть, спряталось за облако, потому что по лицу священника внезапно пробежала тень. Он протянул руку, вырвал целый лист и, разодрав его в клочья, бросил в мусорную корзину.

3

Доктор Эмилия Редвинг проснулась рано. Целый час она провалялась в постели, пытаясь убедить себя, что еще сумеет заснуть, потом встала, накинула халат и приготовила чашку чая. Так и оставшись сидеть на кухне, она наблюдала, как солнце поднимается над ее садом и расположенными позади него развалинами Саксби-Касл, замка постройки тринадцатого века. Замок привлекал сотни любителей истории, но всякий раз после полудня заслонял солнце, отбрасывая длинную тень на усадьбу. Стрелки часов едва миновали половину девятого. Вскоре принесут газеты. На столе перед Эмилией лежало несколько медицинских карт пациентов, и она занялась ими, отчасти чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем дне. По утрам в субботу

лечебница, как правило, работала, но сегодня по причине похорон останется закрытой. Ну что же, хорошая возможность разобраться с бумажными делами.

В деревнях вроде Саксби-на-Эйвоне особо серьезных медицинских случаев не бывает. Если что и уносило жизни ее обитателей, так это преклонный возраст, а с этим доктор Редвинг поделаться ничего не могла. Просматривая карты, она усталым глазом скользила по названиям разных хворей, с которыми пришлось недавно столкнуться. Мисс Доттерел, помогавшая в магазине, встала после того, как провела пять дней в кровати с корью. Девятилетний Билли Уивер слег с жестоким приступом коклюша, но уже шел на поправку. Его дед, Джефф Уивер, уже много лет страдал артритом, но ему не становилось ни лучше, ни хуже. Джонни Уайтхед порезал руку. Генриетта Осборн, жена викария, ухитрилась наступить на куст ядовитого паслена, *atropa belladonna*, и каким-то образом обожгла всю ногу. Ей прописали неделю постельного режима и обильное питье. За исключением этих случаев, теплое лето благотворно сказывалось на здоровье всех жителей.

Нет, не всех. Один человек умер.

Отодвинув медицинские карточки в сторону, доктор Редвинг подошла к плите и принялась готовить завтрак для себя и для мужа. Она уже слышала, как Артур ходит наверху, потом до нее донеслись скрежет и гул, сопровождавшие водные процедуры. Канализационная система в доме имела за плечами по меньшей мере лет пятьдесят стажа и громко жаловалась всякий раз, когда ее заставляли работать, но кое-как справлялась. Супруг скоро спустится. Эмилия нарезала хлеб для тостов, налила в кастрюльку воды, поставила на плиту, достала молоко и хлопья.

Артур и Эмилия Редвинг были женаты тридцать лет. Этот брак оказался успешным и счастливым, подумала она, даже если дела пошли не совсем так, как они надеялись. Начать хотя бы с Себастьяна, их единственного сына. Ему исполнилось двадцать четыре, и он жил со своими приятелями-битниками в Лондоне. Как мог он стать таким разочарованием? И в какой именно момент сын обернулся против них? Родители не слышали о нем уже несколько месяцев и даже не знали, жив он или умер. Потом сам Артур. Он начал с карьеры архитектора, причем блестящей. Ему вручили медаль Слоуна Королевского института британских архитекторов за проект, разработанный в художественном училище. Артур поработал над строительством нескольких зданий, возведенных сразу после войны. Но истинным его влечением была живопись, особенно портреты маслом, и десять лет назад он оставил архитектуру, став профессиональным художником. И сделал это с полного одобрения Эмилии.

Одна из работ Артура висела в кухне, на стене рядом с буфетом, и доктор Редвинг посмотрела на картину. Это был ее собственный портрет, написанный десять лет назад. Глядя на него, она всегда улыбалась, вспоминая долгое молчание, в каком сидела, позируя для мужа в окружении полевых цветов. За работой супруг никогда не разговаривал. Понадобилось около дюжины сеансов тем долгим жарким летом, и Артуру каким-то образом удалось передать нависающее к исходу дня марево и аромат лугов. Эмилия была в длинном платье и в соломенной шляпке — прямо Ван Гог женского пола, шутила она. Наверное, намек на стиль этого великого художника угадывался в ярких красках и грубоватых мазках. Красавицей Эмилию назвать было нельзя, она это знала. Слишком суровое лицо, широкие плечи и темные волосы делали ее мужеподобной. В ее поведении было что-то от учительницы или гувернантки. Люди находили доктора слишком официальной в общении. Но Артур сумел найти в ней нечто прекрасное. Если бы эта картина висела в лондонской галерее, никто не прошел бы мимо, не задержавшись взглядом.

Но картина была не в музее, а здесь. Ни одна из лондонских галерей не проявила интереса к работам Артура. Эмилия отказывалась это понять. Вдвоем они посетили летнюю выставку в Королевской академии и видели работы Джеймса Ганна и сэра Альфреда Маннингса. Был там и вызвавший противоречивые отклики портрет королевы пера Саймона Элвеса. Все они выглядели такими обыкновенными и скучными по сравнению с картинами ее мужа.

Почему же все отказываются признавать Артура Редвинга гением, каким он, без всякого сомнения, является?

Эмилия взяла три яйца и осторожно опустила в кастрюльку: два для него, одно для себя. На одном из них скорлупа лопнула от соприкосновения с кипящей водой, и у нее промелькнула вдруг мысль о черепе Мэри Блэкистон, расколовшемся при падении. Ей никак не удавалось прогнать эту картину из головы. До сих пор доктор вздрагивала, вспоминая об увиденном, и никак не могла

понять почему. Ведь доктору не в первый раз приходилось видеть мертвое тело, а работая в Лондоне во время самых тяжелых дней Блица⁴, она лечила людей с жуткими ранами. Так чем отличается этот случай?

Возможно, причина в том, что они были близки. Верно, что у доктора и экономки крайне мало общего, но, вопреки всему, они были друзьями. Началось все с того времени, как миссис Блэкистон стала ее пациенткой. У Мэри проявился опоясывающий лишай, она промучилась месяц, и доктора Редвинг впечатлили ее выдержка и здравый смысл. С тех пор Эмилия стала часто делиться с Мэри своими проблемами — просто чтобы поплакаться ей в жилетку. Разумеется, доктор свято хранила врачебную тайну, но, если что-то ее тяготило, она всегда могла рассчитывать, что Мэри внимательно ее выслушает и даст разумный совет. И тут вдруг ни с того ни с сего все закончилось: примерно неделю тому назад самое заурядное утро нарушил телефонный звонок Брента, смотрителя парка в Пай-Холле.

— Доктор Редвинг, вы можете прийти? Тут миссис Блэкистон. Она у подножия лестницы в большом доме. Лежит там. Думаю, она упала.

— Она шевелится?

— Да нет вроде.

— Вы сейчас с ней?

— Я не могу войти — все двери заперты.

Бренту было за двадцать. Это был сутулый молодой человек с грязью под ногтями и с выражением угрюмого безразличия в глазах. Он ухаживал за лужайками и клумбами и по временам гонял незаконно проникших на территорию, в точности как прежде его отец. Земли Пай-Холла сзади выходили к озеру, и летом дети любили там купаться, но только если Брента не было поблизости. Он был холост, жил один в доме, принадлежавшем раньше его родителям. В деревне его недолюбливали, считали, что этот малый себе на уме. Правда заключалась в том, что Брент не получил образования и, возможно, страдал легкой формой аутизма, но деревенская молва всегда норовит по-своему заполнить пробелы. Доктор Редвинг велела ему ждать ее у парадного входа, захватила кое-какие врачебные принадлежности, дала Джой, выполняющей при ней роль медсестры и администратора, наказ отправлять прочь новых пациентов, и поспешила к машине.

Пай-Холл находился на противоположной стороне Дингл-Делла, в пятнадцати минутах ходьбы и всего в пяти минутах езды. Он стоял там все время, сколько существовала деревня, и, даже представляя собой мешанину архитектурных стилей, бесспорно оставался самым примечательным домом в округе. Начав существование как женский монастырь, в шестнадцатом веке Пай-Холл был переоборудован в частную резиденцию и с тех пор с каждым столетием приходил в упадок. Сохранилось от него только продолговатое крыло с восьмиугольной башней — ее значительно позже возвели в дальнем конце. Окна по большей части были елизаветинские, вытянутые и решетчатые, но имелись и густо увитые плющом дополнения из георгианской и викторианской эпохи, как бы извинявшиеся за небрежение к старине. За зданием располагался двор и развалины строения, видимо монастырского. Отдельно стоящая конюшня использовалась теперь как гараж.

Но главной достопримечательностью усадьбы была планировка. Ворота с двумя каменными грифонами отмечали въезд, далее гравийная дорожка шла мимо гостевого дома, Лодж-хауса, где жила Мэри Блэкистон, затем описывала грациозный, точно лебединая шея, поворот среди газонов к парадным дверям с готической аркой. Здесь имелись цветочные клумбы, пестрые, как мазки краски на палитре художника, в обрамлении искусно обрезанного кустарника, и розарий, в котором, как утверждали, произрастало более ста сортов роз. Лужайки простирались далее до самого озера, с Дингл-Деллом на противоположной стороне. Усадьба вообще была со всех сторон окружена вековым лесом, отрезавшим ее от современного мира и по весне синим от цветущих пролесок. Гравий захрустел под колесами, когда доктор Редвинг остановилась и увидела Брента,

---

⁴ Блиц — кампания стратегической бомбардировки Великобритании во время Второй мировой войны.

который дожидался ее, нервно теребя кепку в руках. Она вышла, захватив медицинскую сумку, и зашагала за ним.

— Признаки жизни есть? — спросила Эмилия.

— Я не смотрел, — промямлил Brent.

Редвинг удивилась: неужели он даже не попытался помочь бедной женщине?

Прочитав ее мысли по лицу, молодой человек поспешил добавить:

— Я ведь уже говорил, что не мог войти.

— Парадная дверь заперта?

— Да, мэм. И дверь в кухню тоже.

— А ключей у вас нет?

— Нет, мэм. Я в дом не хожу.

Доктор Редвинг с досадой тряхнула головой. За то время, пока она сюда добиралась, Brent мог бы попытаться сделать хоть что-то: допустить, раздобыть лестницу и влезть в окно наверху.

— Если вы не могли попасть внутрь, то откуда звонили мне? — спросила доктор. Это не имело значения, просто ей стало интересно.

— В конюшне есть телефон.

— Ладно. Лучше покажите мне, где она.

— Можете через окно посмотреть...

Окно, о котором шла речь, располагалось на углу дома, в одной из более современных пристроек. Через него открывался вид сбоку на холл с широкой лестницей, ведущей на второй этаж. И действительно, у ее подножия была Мэри Блэкистон. Она лежала, распростершись, на ковре, одна рука вытянута вперед, частично закрывая голову. С первого же взгляда у Редвинг почти не осталось сомнений, что женщина мертва. Она каким-то образом упала с лестницы и свернула шею. Разумеется, Мэри не шевелилась. Но было еще кое-что — поза, в которой лежало тело, тоже казалась неестественной. Похоже на сломанную куклу. Эмилии доводилось видеть такое в книгах по медицине.

Об этом говорил инстинкт. Но видимость бывает обманчива...

— Нам необходимо войти, — сказала доктор Редвинг. — Парадная и кухонная дверь заперты, но должен же быть другой путь.

— Можно попробовать через обувную комнату.

— Где это?

— Нужно только пройти чуть подальше.

Brent подвел ее к следующей двери по задней стене. Она была со стеклянными панелями, и хотя тоже была заперта, Эмилия разглядела связку ключей, торчащую из замка на противоположной стороне.

— Это чьи? — спросила она.

— Ее, наверное.

Доктор Редвинг приняла решение:

— Нам нужно разбить стекло.

— Не думаю, что сэру Магнусу это понравится, — буркнул Brent.

— Если сэр Магнус будет недоволен, пусть спрашивает с меня. Так вы это сделаете или придется мне?

Смотритель не обрадовался, но нашел камень и разбил одну из панелей. Потом просунул в дыру руку и повернул ключ. Дверь открылась, они вошли.

Дождаясь, пока сварятся яйца, доктор Редвинг во всех деталях вспоминала представшую перед ней сцену. Она отпечаталась у нее в мозгу, словно фотография.

Пройдя через обувную и по коридору, они попали прямо в главный холл, с лестницей, ведущей на площадку с балюстрадой. Их окружали темные деревянные панели. На стенах висели картины маслом и охотничьи трофеи: птицы в стеклянных ящиках, голова оленя, здоровая рыба. У ведущей в гостиную двери стояли доспехи, дополненные мечом и щитом. Длинный и узкий проход вел от парадной двери к лестнице, расположенной точно посередине холла. С одной стороны находился каменный очаг, достаточно большой, чтобы в него можно было войти. С другой стороны стояли два кожаных кресла и антикварный столик с телефоном. Пол был из каменной плитки, частично покрыт персидским ковром. Ступени тоже были из камня, посередине

шла бордовая ковровая дорожка. Если Мэри Блэкистон споткнулась и скатилась с лестничной площадки, ее смерть легко объяснить. Тут не было практически ничего, способного смягчить удар.

Пока Brent нервно топтался у двери, Эмилия осмотрела тело. Оно еще не остыло, но пульс не прощупывался. Доктор Редвинг отбросила с лица Мэри прядь темных волос, стали видны карие глаза, направленные на очаг. Она бережно закрыла их. Миссис Блэкистон всегда торопилась, мелькнула у нее неизбежная мысль. Мэри буквально слетала вниз по ступенькам, и спешка довела ее до могилы.

— Нужно вызвать полицию, — сказала доктор.

— Что? — удивился Brent. — Разве кто-то причинил ей вред?

— Нет. Конечно нет. Это несчастный случай. Но мы обязаны сообщить о нем.

Это был несчастный случай. Не надо быть сыщиком, чтобы выяснить этот факт. Экономка пылесосила. Пылесос, похожая на игрушку красная штуковина, так и остался там, наверху лестницы, застрял между балясин. Видимо, ее нога запуталась в проводе. Мэри споткнулась и покатила по ступенькам вниз. В доме никого больше не было. Двери заперты. Какое еще объяснение можно предложить?

От мыслей о случившемся неделю назад Эмилию Редвинг отвлек шум за дверью. В комнату вошел ее муж. Она достала из кастрюли яйца и аккуратно выложила на две фарфоровые подставки. Женщина с облегчением увидела, что супруг оделся для похорон. Она почти не сомневалась, что он забудет. Артур облачился в темный выходной костюм, но без галстука — галстуков он никогда не носил. На рубашке было несколько пятен краски, но этого следовало ожидать. Артур и краска были неразделимы.

— Ты встала рано, — заметил он.

— Прости, дорогой. Я тебя разбудила?

— Нет, не то чтобы. Но я слышал, как ты спускалась. Не спалось?

— Видимо, задумалась о похоронах.

— Хороший день для них. Надеюсь, проклятый викарий не станет затягивать. С этими святошами-проповедниками вечно так. Они без ума от звука собственного голоса.

Артур взял чайную ложку и расколос скорлупу первого яйца.

Хрусть!

Эмилии вспомнился разговор, состоявшийся у нее с Мэри Блэкистон буквально за пару дней до того, как Brent вызвал ее в усадьбу. Доктор Редвинг кое-что узнала. Дело было важное, и она собиралась найти Артура и попросить у него совета, как вдруг, словно по наущению некоего злого духа, появилась экономка. И Эмилия рассказала все ей, а не мужу. Каким-то образом, одним хлопотливым днем, из лечебницы исчезла некая склянка. Попав не в те руки, ее содержимое могло причинить много вреда, и было ясно, что кто-то намеренно взял сосуд. Как тут следовало поступить? Сообщать в полицию доктору не хотелось, потому как это неизбежно означало расписаться в собственной глупости и безответственности. Каким образом аптека могла остаться без присмотра? Почему шкафчик не был заперт? Почему она обнаружила пропажу только сейчас?

— Не переживайте, доктор Редвинг, — ответила Мэри. — Дайте мне денек-другой дней. Говоря по существу, есть у меня пара идей...

Вот что она тогда сказала. И выражение ее лица было не то чтобы лукавым, но каким-то самодовольным, как если бы она уже все знала и просто ждала, когда у нее спросят совета по этому делу.

И вот теперь Мэри мертва.

Разумеется, это несчастный случай. У Мэри Блэкистон не было времени переговорить с кем-либо насчет пропавшего яда, а если бы и было, злоумышленники не успели бы расправиться с ней. Она споткнулась и упала с лестницы, только и всего.

Но, глядя, как ее супруг окунает корочку тоста в яйцо, Эмилия Редвинг была вынуждена сама себе признаться: она в самом деле сильно обеспокоена.

— С какой стати нам идти на похороны? Мы ведь почти не знали эту женщину!

Джонни Уайтхед возился с верхней пуговицей рубашки, но, сколько ни старался, никак не мог попасть в прорезь. Причина попросту заключалась в том, что ворот не сходилась у него на шее. Ощущение создавалось такое, будто вся его одежда недавно подседа. Пиджаки, которые он носил годами, стали вдруг жать в плечах, а уж про брюки и говорить нечего! Джонни сдался и уселся за стол. Его жена Джемма поставила перед ним тарелку. Она приготовила настоящий английский завтрак: два яйца, бекон, сосиска и пожаренный кусочками помидор — все как ему нравилось.

— Там все будут, — сказала Джемма.

— Но это не означает, что там должны быть мы.

— Если не придем, пойдут разговоры. К тому же это для бизнеса хорошо. Теперь, когда она умерла, ее сын Роберт будет, вероятно, освобождать дом от вещей, а мало ли что попадется.

— Наверняка куча хлама. — Вооружившись ножом и вилкой, Джонни принялся за еду. — Но ты права, милая. Думаю, не повредит, если мы там помелькаем.

Торговых заведений в Саксби-на-Эйвоне было очень мало. Собственно говоря, там имелся один универсальный магазин, в котором продавалось почти все на все случаи жизни, от тряпки и ведра до порошка для заварного крема и джема шести различных сортов. Казалось почти чудом, что все это множество товаров способно разместиться на таком крошечном пространстве. С тыльной его стороны располагалась мясная лавка мистера Тернстоуна, с отдельным входом и свисающими ленточками, чтобы отпугивать мух. По вторникам приезжал фургончик с рыбой. А вот за чем-нибудь экзотическим, вроде оливкового масла или средиземноморских приправ, которые Элизабет Дэвид упоминает в своих кулинарных книгах, приходилось ездить в Бат. На другой стороне улицы располагался так называемый магазин «Дженерал электрик», но покупатели заглядывали туда крайне редко, разве что за запасной лампочкой или пробкой-предохранителем. Большинство выставленных на витрине товаров запылились и выглядели устаревшими. Были тут еще книжная лавка и кафе, работавшие только в летний сезон. Рядом с площадью, перед пожарной частью, располагался гараж, предлагавший широкий ассортимент запчастей, но среди них не нашлось бы ни одной, в которой на самом деле нуждались бы потребители. Такой была здешняя торговля, и она существовала в неизменном виде насколько хватало памяти.

А потом из Лондона приехали Джонни и Джемма Уайтхеды. Они купили бывшее почтовое отделение, давно стоявшее пустым, и превратили его в антикварный магазин с вывеской над окном, на которой старинным шрифтом были выведены их имена. Многие в деревне полагали, что под описание тамошнего товара больше подходит термин «утиль», чем «антиквариат», но магазинчик с самого начала приобрел популярность среди гостей, с явным удовольствием бродивших среди часов, пивных кружек «Тоби», наборов со столовыми приборами, монет, медалей, старых картин, кукол, перьевых ручек и прочих штучек, выложенных на прилавок. Действительно ли они их покупали, это уже другой вопрос. Однако магазин существовал вот уже шесть лет, а Уайтхеды жили в квартире над ним.

Джонни был невысоким, широкоплечим и лысым и, хотя сам не замечал того, уверенно набирал вес. Ему нравилось одеваться кричаще, в выдавший виды костюм-тройку с ярким, как правило, галстуком. На похороны он скрепя сердце надел более сдержанные пиджак и брюки из серой камвольной шерсти, но, как и рубашка, они сидели на нем плохо. Его жена, настолько худенькая и низкорослая, что в ее муже поместились бы три такие, облачилась в черное. Приготовленный завтрак она есть не стала, вместо этого налила чашку чая и потихонечку грызла треугольный тост.

— Сэра Магнуса и леди Пай там не будет, — как бы спохватившись, пробормотал Джонни.

— Где?

— На похоронах. Они вернутся только к следующим выходным.

— Кто тебе сказал?

— Не помню. Об этом разговаривали в пабе. Они уехали на юг Франции или куда-то еще. Везет же некоторым! Кстати, с ними пытались связаться, но пока все без толку. — Джонни помолчал, держа на весу кусок сосиски.

Послушать его сейчас, так сразу становилось ясно, что большую часть жизни он провел в лондонском Ист-Энде. Имея дело с покупателями, он говорил с совсем другим акцентом.

— Сэра Магнуса это расстроит, — продолжил Уайтхед. — Он был очень привязан к миссис Блэкистон. Эта парочка была не разлей вода!

— Ты к чему клонишь? Хочешь сказать, что у него с ней что-то было? — Размышляя над этим «чем-то», Джемма наморщила нос.

— Нет, это едва ли. Он бы не отважился, особенно когда его собственная миссис в поле зрения. Да и Мэри Блэкистон не из тех, за кем стоит бегать. Но она преклонялась перед ним. Воображала, будто у него солнце светит сама знаешь из какого места! И много лет служила у него домоправительницей. Хранительницей ключей. Она готовила ему, убирала, посвятила ему половину жизни! Уверен, сэра Магнус хотел бы проводить ее в последний путь.

— Могли бы подождать до его возвращения.

— Ее сын настоял, чтобы с похоронами покончили без отлагательств. И я его не виню, честное слово. Все это дело довольно неприятное.

Они сидели молча, пока Джонни не доел завтрак. Джемма пристально смотрела на мужа. Она часто так делала. Впечатление создавалось такое, будто она пытается проникнуть за его безобидную вроде бы внешнюю оболочку и обнаружить нечто такое, что муж пытается скрыть.

— Что ей здесь понадобилось? — спросила Джемма вдруг. — Мэри Блэкистон в смысле.

— Когда?

— В понедельник, перед смертью. Она была здесь.

— Нет, не была. — Джонни отложил нож и вилку. Съел он все быстро и насухо вытер тарелку.

— Не ври мне, Джонни. Я видела ее выходящей из магазина.

— А, из магазина! — Джонни виновато улыбнулся. — Мне показалось, что ты видела ее наверху, в квартире. Вот это было бы совсем другое дело, не так ли? — Он помедлил в надежде, что жена переменит тему, но та не выказывала такого намерения, и Джонни продолжил, тщательно подбирая слова: — Да... миссис Блэкистон заглядывала в магазин. И думаю, как раз на той неделе, когда это случилось. Если честно, любовь моя, то я не помню в точности, что именно ей понадобилось. Кажется, она говорила про подарок кому-то, но так ничего и не купила. Да и пробыла тут, кстати, всего пару минут.

Джемма Уайтхед всегда знала, когда муж лжет.

Она действительно видела, как миссис Блэкистон выходила из магазина, и запомнила этот факт, каким-то чутьем догадываясь, что дело нечисто. Но ни словом не обмолвилась тогда, да и сейчас решила не углубляться в тему. Ей не хотелось ссоры, особенно когда им вскоре предстоит идти на похороны.

Что до Джонни Уайтхеда, то, вопреки своим словам, он отлично помнил про их последнюю с миссис Блэкистон встречу. Та пришла в магазин и озвучила свои обвинения. И хуже всего, у нее имелись доказательства в их поддержку. Как удалось ей раздобыть их? А прежде всего, как она на него вышла? Разумеется, этого Мэри ему не сказала, но изъяснялась напрямик. Стерва!

Разумеется, Джонни Уайтхед никогда не признался бы в этом своей жене, но его очень радовало, что Мэри Блэкистон умерла.

5

Кларисса Пай, одетая с головы до пят в черное, рассматривала свое отражение в зеркале в полный рост, висящем в конце коридора. И снова возвращалась к мысли, что шляпка с тремя перьями и жатой вуалью выглядит не к месту. *De trop*⁵, как говорят французы. Повинуясь минутному порыву, она купила эту шляпку в магазине секонд-хенд в Бате и сразу же пожалела об этом. Клариссе хотелось выглядеть во время похорон как можно лучше. Там соберется вся

---

⁵ Излишне, избыточно (*фр.*).

деревня, а затем ее пригласили в «Герб королевы», где будут кофе и безалкогольные напитки. Ну так надеть или не стоит? Она аккуратно сняла шляпку и положила на стол в холле.

Волосы у Клариссы были слишком темные. Она специально подстригла их коротко, но хотя Рене, как всегда, справился на отлично, этот его новый колорист определенно все загубил. Вид у нее стал нелепый, как с обложки журнала «Хоум чат». Ладно, решено. Без шляпки не обойтись. Кларисса взяла тюбик помады и осторожно покрасила губы. Так лучше. Важно приложить старания. Похороны начнутся минут через сорок, и первой приходиться ни к чему. Чем заполнить время? Она прошла в кухню, где после завтрака осталась грязная посуда, но мыть ее, будучи уже одетой, не хотелось. На столе обложкой вниз лежала книга. Кларисса читала Джейн Остин — ах, милая Джейн! — перечитывала в бог весть какой раз, но в эту минуту настроения не было. Эммой Вудхауз и ее махинациями можно будет заняться после обеда. Послушать радио? Или выпить еще чашку чая и поразгадывать кроссворд в «Телеграф»? Да, пожалуй, она так и поступит.

Кларисса жила в современном доме. Очень многие здания в Саксби-на-Эйвоне представляли собой солидные георгианские постройки из батского камня с красивыми портиками и террасными садами. Даже Джейн Остин читать не надо: достаточно выйти на улицу, и окажешься в ее мире. Кларисса предпочла бы поселиться близ главной площади или на Ректори-лейн, идущей за церковью. Там стояли красивые коттеджи, элегантные и ухоженные. А вот дом номер 4 по Уинсли-Террас строили в спешке. Он имел самую обычную планировку: две комнаты наверху, две внизу, отделанный штукатуркой с галькой фасад и квадратный сад, едва ли стоивший трудов. Сад был неотличим от соседских, если не считать оставшегося от прежних владельцев прудика, в котором обитали две престарелые золотые рыбки. Верхний Саксби-на-Эйвоне и Нижний Саксби-на-Эйвоне. Разница не могла быть более разительной. Кларисса находилась не на той стороне.

Этот дом — все, что она могла себе позволить. Кларисса обвела взглядом маленькую квадратную кухню с новыми занавесками, пурпурного цвета стенами, аспидстрой в горшке на подоконнике и небольшим деревянным распятием на буфете, где она могла видеть его, начиная каждый новый день. Ее глаза скользнули по обеденным принадлежностям, так и оставленным на столе: одна тарелка, один нож, одна ложка, одна наполовину пустая баночка мармелада «Голден шред». На Клариссу волной нахлынули чувства, с которыми ей удалось сжиться за годы, но, чтобы обуздать их, по-прежнему требовались все ее силы. Она была одинока. Не стоило ей приезжать сюда. Не жизнь, а пародия.

И все это из-за двенадцати минут. Каких-то двенадцати минут!

Схватив чайник, Кларисса с силой поставила его на плиту и резким поворотом кисти открыла газ. Нет, это действительно нечестно. Ну как можно предопределить жизнь человека, не спрашивая его согласия, только по причине времени рождения? В детские свои годы в Пай-Холле она никак не могла этого понять. Они с Магнусом были близнецами. Будучи ровней, они наслаждались богатством и привилегиями, которые окружали их тогда и должны были окружать до конца жизни. Так Кларисса всегда считала. Как же такое могло случиться?

Теперь она знала ответ. Магнус сам первым рассказал ей, поведав про некий многовековой давности акт, согласно которому дом и все имение отходили к нему, исключительно по праву первородства, а титул — в силу его принадлежности к мужскому полу, и с этим ничего нельзя поделаться. Она подумала, что он говорит это все, чтобы ее позлить. Но вскоре сама убедилась. Процесс осознания происходил мучительно, начавшись с гибели родителей в автомобильной аварии, когда Клариссе перевалило за двадцать пять. Усадьба формально перешла к Магнусу, и с этого момента статус ее изменился. Она стала гостьей в собственном доме, причем нежеланной. Ее переселили в комнату поменьше, а когда Магнус познакомился с Фрэнсис и женился на ней — это произошло спустя два года после войны, — Клариссу и вовсе вежливо попросили съехать.

Год она влачила жалкое существование в Лондоне, снимая крошечную квартиру в Бейсуотере и наблюдая, как тают ее сбережения. И в итоге решила стать гувернанткой. Что еще оставалось одинокой женщине, сносно говорившей по-французски, умеющей играть на пианино и цитировать известных поэтов, но не владеющей никаким иным достойным ремеслом? В погоне за приключениями Кларисса отправилась в Америку: сначала в Бостон, затем в Вашингтон. Обе семьи, где ей довелось работать, оказались весьма неприятными, а с ней, естественно, обращались, как со скотом, хотя она была во всех отношениях опытнее и более утонченной — пусть сама она об этом никогда бы не сказала. А дети?! Для нее стало очевидно, что американские

дети самые скверные в мире: они лишены воспитания, породы и не могут похвастаться умом. Однако платили ей хорошо. Кларисса откладывала каждый пенни — вернее, каждый цент — из заработанных денег и, когда дольше терпеть стало невозможно, после десяти долгих лет вернулась домой.

Домом был Саксби-на-Эйвоне. В каком-то смысле это было последнее место, где ей хотелось бы жить, но тут она родилась и выросла. Куда же еще ехать? Не мыкаться же до конца дней в однушке в Бейсуотере? По счастью, подвернулась работа в местной школе, а накопленных сбережений как раз хватало, чтобы выплачивать ипотеку. Магнус ей, естественно, не помогал. Клариссе даже и мысли не приходило попросить у него. Поначалу она злилась при виде того, как он въезжает в большой дом или выезжает оттуда. В этом доме они некогда играли вместе. И у нее до сих пор хранился ключ, ее собственный, от парадной двери! Кларисса не вернула его и никогда не вернет. Ключ служил ей напоминанием об утраченном, но одновременно подтверждал, что у нее есть полное право жить там. Ее присутствие в Саксби-на-Эйвоне наверняка раздражало брата. В этом она черпала некое утешение.

Досада и гнев захлестнули Клариссу Пай, пока она стояла у себя на кухне, а чайник на плите, закипая, уже шипел на нее. Из двух близнецов умной была она, а не Магнус. В классе он всегда тянулся в хвосте и получал ужасные отметки, тогда как в ней учителя души не чаяли. Брат ленился, потому что мог себе это позволить. Ему не о чем было переживать. Это ей пришлось уйти и искать работу, любую работу, чтобы добыть кусок хлеба. У Магнуса есть всё, а Кларисса для него теперь никто. Зачем вообще она идет на эти похороны? Ей пришла вдруг в голову мысль, что Мэри Блэкистон была брату намного ближе, чем она. Простая экономка, Господи, прости!

Кларисса повернулась к распятию и стала глядываться в крошечную фигурку, прибитую к деревянному кресту. В Библии ясно сказано: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». Она искренне старалась следовать словам из книги Исхода, глава двадцатая, стих семнадцатый, и во многих смыслах ей это почти удавалось. Разумеется, хотелось бы денег побольше. Как хорошо было бы жарче топить зимой и не беспокоиться насчет счетов. Обычная человеческая слабость. По пути в церковь Кларисса часто напоминала себе, что даже если Магнус не самый добрый и отзывчивый из братьев — по правде говоря, далеко не самый, — ей все-таки следует прощать его. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный»⁶[6].

Но это не помогало.

Время от времени Магнус приглашал Клариссу на ужин. В последний раз это случилось месяц назад. Именно тогда, когда она — одна из десятка гостей, вкушающих еду с фарфоровых тарелок и пьющих вино из хрустальных бокалов, — сидела за столом в большом холле среди фамильных портретов под галереей для менестрелей, эта мысль впервые закралась ей в голову. И больше не уходила. Она и сейчас была там. Кларисса пыталась ее прогнать. Молилась, чтобы эта мысль ушла. Но в итоге вынуждена была признать, что обдумывает грех куда более страшный, чем сребролюбие, хуже того: уже сделала первый шаг на пути к нему. Это безумие! Вопреки своей воле Кларисса возвела глаза к небу, думая о вещи, которую взяла и которая спрятана у нее в шкафчике в ванной.

«Не убий».

Кларисса прошептала слова, но с губ ее не сорвалось ни звука. Чайник за спиной перешел на визг. Она схватила ручку, забыв, что та горячая, и, коротко вскрикнув от боли, уронила чайник на плиту. Потом с досадой сунула руку под струю холодной воды. Так ей и надо.

Несколько минут спустя, позабыв про чай, Кларисса схватила со стола шляпку и отправилась на похороны.

---

⁶ Мф. 6: 14.

Катафалк въехал на окраину Саксби-на-Эйвоне. Маршрут его неизбежно пролегал мимо въезда в Пай-Холл с его каменными грифонами и безмолвным теперь гостевым домом. Главная дорога из Бата была одна, а чтобы добраться до деревни в обход, приходилось делать большой крюк. Имелось ли что-то зловещее в том, что покойницу провезут мимо дома, служившего ей жилищем? Если бы этот вопрос задали распорядителям похорон Джеффри Ланнеру и Мартину Крейну — потомкам основателей фирмы, — они ответили бы отрицательно. Напротив, подчеркнули бы эти двое, разве это совпадение не символично в смысле завершенности? Как если бы Мэри Блэкистон замкнула круг.

Расположившись на заднем сиденье, перед гробом, и чувствуя себя больным и опустошенным, Роберт Блэкистон посмотрел на свой старый дом как на чужой. Он не повернул головы, провожая его взглядом. Даже не подумал о нем. Здесь жила его мать. Теперь она была мертва и лежала у него за спиной. Роберту было двадцать восемь, он был бледный и худой, с черными волосами, коротко подстриженными: прямая линия челки пересекала лоб и шла дальше, симметрично огибая уши. Роберт выглядел неловким в надетом на него костюме, и этому едва ли стоило удивляться, потому как костюм был чужим. Ему его одолжили на похороны. Свой костюм у Роберта был, но его невеста Джой уверяла, что он недостаточно хорошо сидит. Она взяла новый костюм взаймы у своего отца, что послужило причиной ссоры между молодыми людьми. Джой заставила Роберта надеть его, и это послужило поводом для другой ссоры.

Джой сидела в катафалке рядом с Робертом. С момента выезда из Бата они почти не разговаривали, погружившись каждый в свои думы. Оба переживали.

Роберту иногда казалось, что он почти с самого дня своего рождения пытался сбежать от матери. Детство его прошло в Лодж-хаусе, где они жили только вдвоем, каждый зависимый от другого, но по-разному. Он был ничто без нее. Она — без него. Роберт пошел в местную школу, где считался способным учеником, одним из тех, кто мог бы добиться многого, прилагай он чуть больше усердия. Друзей у него было мало. Учителя беспокоились, частенько замечая, как Роберт стоит в одиночестве посреди шумного школьного двора и никто с ним не играет. С другой стороны, это было вполне объяснимо. В раннем возрасте мальчик пережил трагедию. Его младший брат погиб — жуткий несчастный случай, а отец вскоре после того ушел из семьи, виня во всем себя. Отпечаток этого горя так и остался на Роберте, и другие дети шарахались от него, словно в страхе заразиться.

В учебе Роберт так и не преуспел. Преподаватели старались найти оправдания его плохому поведению и отсутствию успехов, принимая в расчет семейную драму, но даже они вздохнули с облегчением, когда в шестнадцать лет он окончил школу. По стечению обстоятельств случилось это в 1945 году, в конце войны, в которой сам Роберт не принимал участия, поскольку был слишком молод, но которая на длительные промежутки времени забирала его отца. Много тогда было юношей, чье образование понесло урон, и в этом смысле Роберт оказался еще одной из этих жертв. О поступлении в университет и речи не шло. А следующий год оказался полным разочарований. Роберт продолжал жить с матерью, перебиваясь случайными заработками в деревне. Все, кто его знал, говорили, что он недооценивает себя, — вопреки всему, Роберт был слишком интеллигентен, чтобы вести подобный образ жизни.

В итоге сэр Магнус Пай, работодатель Мэри Блэкистон, бывший последние семь лет Роберту вместо отца, убедил юношу поступить на нормальную работу. Когда истек срок армейской службы подопечного, сэр Магнус помог ему получить место ученика механика в службе сервиса у главного поставщика автомобилей «форд» в Бристоле. Как ни странно, Мэри вовсе не была ему благодарна. То был первый и единственный раз, когда она повздорила с сэром Магнусом. Она беспокоилась за Роберта. Ей не хотелось оставлять его одного в далеком городе. Ее возмущало, что сэр Магнус действовал, не посоветовавшись с ней, даже у нее за спиной.

Копья ломать едва ли стоило, потому как в учениках Роберт продержался недолго. Не прошло и трех месяцев, как он отправился пропустить стаканчик в паб «Синий вепрь» в Брислингтоне. Там он оказался вовлечен в драку, обернувшуюся весьма скверно. Приехала полиция. Роберта задержали, и, хотя обвинения ему не предъявили, работодатели посмотрели на этот случай косо и

выгнали его из учеников. Волей-неволей Роберту пришлось снова вернуться домой. Мать вела себя так, будто заранее предвидела такой исход. Она, мол, сразу не хотела его отпускать, и прислушайся он к ней, избавил бы обоих от кучи проблем. Все, кто их знал, считали, что с тех пор мать и сын никогда больше не ладили по-настоящему.

Но Роберт хотя бы открыл настоящее свое призвание. Он любил автомобили и умел их ремонтировать. Вышло так, что в местном гараже появилась вакансия механика на полный день, и хотя опыта у Роберта было маловато, владелец решил дать ему шанс. Денег работа приносила мало, зато, как часть договора найма, предоставляла право поселиться в квартирке над мастерской. Это молодого человека вполне устраивало. Он совершенно ясно дал понять, что не намерен больше жить с матерью и считает атмосферу Лодж-хауса гнетущей. Он перебрался в свою квартиру и с тех пор обитал там.

Роберт Блэкистон был человеком, лишенным амбиций. И не особенно любопытным. Его вполне устраивало то, чего он достиг, ни больше ни меньше. Но все переменялось, когда в результате несчастного случая он поранил правую руку, а мог и вовсе ее лишиться. Происшествие было заурядным и вовсе не относилось к неотвратимым: машина, под которой Роберт возился, сошла с домкрата, едва его не придавив. Травму нанес именно упавший домкрат. Баюкая руку, молодой человек, качаясь на ходу и заливая кровью спецовку, отправился в лечебницу к доктору Редвинг. Именно так он познакомился с Джой Сандерлинг, только начавшей работу в качестве медсестры и администратора. Несмотря на боль, Роберт сразу обратил на девушку внимание: симпатичная, с песчаного цвета волосами и веснушками на лице. Он думал о ней всю дорогу, пока ехал в «скорой», после того как доктор Редвинг наложила гипс на сломанные кости и отослала пациента в Королевский госпиталь в Бате. Рука давно зажила, но Роберт всегда с благодарностью вспоминал про тот несчастный случай, потому что он свел его с Джой.

Девушка жила с родителями в доме в Нижнем Вествуде. Отец ее был пожарным — раньше входил в боевой расчет в расположенной в Саксби-на-Эйвоне части, теперь работал в управлении. Мать была домохозяйкой и опекала старшего сына, нуждавшегося в постоянном уходе. Подобно Роберту, Джой покинула школу в шестнадцать лет и с миром за границами графства Сомерсет была почти не знакома. Зато, в отличие от него, горела страстью к путешествиям. Она читала книжки про Францию и Италию, и даже выучила несколько слов по-французски у дававшей ей частные уроки Клариссы Пай. У доктора Редвинг Джой работала уже полтора года, приезжая в деревню каждое утро на купленном в рассрочку розовом мотороллере.

Роберт сделал Джой предложение на церковном дворе, и она согласилась. Они собирались повенчаться в храме Святого Ботольфа следующей весной. До назначенного времени им предстояло накопить денег на медовый месяц в Венеции. Роберт обещал, что в первый же день, как они туда приедут, он прокатит жену на гондоле. Они будут потягивать шампанское, проплывая под мостом Вздохов. У них уже все было распланировано.

Странно было сидеть теперь вот так рядом с Джой, когда его мать лежит сзади, все еще вклиниваясь между ними, но теперь уже совсем иным образом. Роберту вспомнилось, как он в первый раз привел Джой в Лодж-хаус, на чаепитие. Мать проявляла крайнюю степень негостеприимства, в так хорошо знакомой ему манере: закупорила все эмоции стальной крышкой, из-под которой проглядывала только ледяная вежливость. «Очень рада познакомиться. Нижний Вествуд, говорите? Да, я хорошо его знаю. А отец ваш пожарный? Как любопытно». Мать вела себя как робот или актриса в дрянной пьесе. Хотя Джой не жаловалась и держалась молодцом, Роберт дал себе слово, что не заставит ее пройти через это снова. Тем вечером Роберт поругался с матерью, и, по правде говоря, с тех пор они никогда уже не проявляли по-настоящему родственных чувств друг к другу.

Но самая тяжкая ссора случилась всего несколько дней назад, когда викарий с женой были в отпуске, и Мэри Блэкистон приглядывала за церковью. Они встретились на улице у деревенского паба. «Герб королевы» размещался рядом с храмом Святого Ботольфа. Роберт сидел на солнышке, наслаждаясь после работы пинтой пива. Он увидел мать, идущую по кладбищу: видимо, она собирала цветы для служб в выходные дни, вести которые предстояло священнику из соседнего прихода. Заметив сына, Мэри направилась прямо к нему.

— Ты обещал починить свет в кухне.

Да-да-да... Освещение над плитой. Всего лишь лампочку нужно поменять, но добраться до нее трудно. Он обещал еще неделю назад. Роберт частенько заглядывал в Лодж-хаус, когда возникали проблемы. Но как сущий пустяк мог перерасти в такую глупую ссору? Кричать они не кричали, но говорили достаточно громко, чтобы их слышали все, сидящие возле паба.

— Почему бы тебе не оставить меня в покое? Как я хочу, чтобы ты умерла и дала мне немного передохнуть!

— Ну конечно, это тебе очень бы понравилось!

— Ты права! Еще как понравилось бы.

Неужели он в самом деле бросил матери эти слова? Да еще на людях? Роберт извернулся и посмотрел на лакированную деревяшку — крышку гроба с венками из белых лилий. Всего несколько дней назад, даже недели не прошло, его мать нашли лежащей у подножия лестницы в Пай-Холле. Смотритель парка Brent пришел к нему в гараж и сообщил новость. При этом взгляд у него был какой-то странный. Он был в пабе тем вечером? Слышал их перепалку?

— Приехали, — сказала Джой.

Роберт снова сел ровно. Верно, прямо перед ними находились церковь и кладбище, где собрались люди. Много, человек пятьдесят, не меньше. Роберт удивился, так как и представить не мог, что у его матери так много друзей.

Автомобиль замедлил ход и остановился. Кто-то открыл дверцу.

— Я не хочу этого делать, — пробормотал Роберт. Он прижался к Джой, почти как ребенок.

— Все хорошо, Роб. Я с тобой. Это скоро закончится.

Девушка улыбнулась, и ему сразу стало лучше. Что бы он делал без Джой? С ней его жизнь переменялась. Она стала для него всем.

Вдвоем они вышли из машины и направились к церкви.

7

Номер располагался на четвертом этаже отеля «Женевьева» в Кап-Ферра, с видом на сады и террасы. Солнце уже горело в голубом безоблачном небе. Чудесная выдалась неделя: отличная еда, превосходное вино, общение с обычным для средиземноморского курорта обществом. При всем этом сэр Магнус Пай, заканчивая собирать чемодан, пребывал в дурном расположении духа. Прибывшее позавчера письмо испортило, можно сказать, весь отдых. Лучше бы этот проклятый викарий его не посылал. Очень характерное поведение для церковников: всюду они лезут, лишь бы помешать людям веселиться.

Жена равнодушно наблюдала за ним с балкона, покуривая сигарету.

— Мы опоздаем на поезд, — предупредила она.

— До поезда еще три часа. Куча времени.

Фрэнсис Пай затушила сигарету и вошла в комнату. Это была смуглая, властная женщина, ростом немного выше мужа и гораздо более импозантная. Сам лорд был низеньким, пухлым, с темной бородой, которая робко расползалась по щекам, не отваживаясь претендовать на все лицо. Теперь, в пятьдесят три, он носил костюмы, подчеркивающие его возраст и общественный статус. Они были сшиты на заказ, дорогие, с обязательным жилетом. Эти двое представляли собой крайне неподходящую пару: сельский сквайр и голливудская актриса, допустим, или Санчо Панса и Дульсинея Тобосская. Хотя носителем титула был сэр Магнус, его жене этот титул подходил гораздо больше.

— Тебе стоило уехать сразу же, — сказала Фрэнсис.

— Ничего подобного. — Магнус хрюкнул, налегая на крышку чемодана, чтобы застегнуть замок. — Это всего лишь чертова экономка!

— Она жила с нами.

— Она жила в Лодж-хаусе. Это не одно и то же.

— Полицейские хотят поговорить с тобой.

— Поговорят, как только я вернусь. Мне и сказать-то им нечего. Викарий пишет, что она споткнулась об электрический шнур. Чертовски жалко, но это не моя вина. Они же не предполагают, что я убил ее или что-то в этом роде?

— С тебя станется, Магнус.

— Ну я не мог этого сделать — я все время был с тобой.

Фрэнсис Пай наблюдала, как муж сражается с чемоданом, но помощи не предлагала.

— Мне казалось, ты любил ее, — произнесла она.

— Она хорошо готовила и хорошо справлялась с уборкой. Но если начистоту, я экономку на дух не переносил: и ее саму, и ее сыночка. Мне всегда казалось, что в ней есть что-то неприятное. То, как она расхаживала по усадьбе с этим своим взглядом... словно ей известно что-то такое, чего не знаешь ты.

— Тебе следовало поехать на похороны.

— Почему?

— Потому что деревенские обратят внимание на твое отсутствие. И не одобряют.

— Меня там все равно не любят. И станут любить еще меньше, когда узнают про Дингл-Делл. А какое мне до них дело? Я никогда не пытался получить звание самого популярного человека, и к тому же это особенность жизни в деревне. Тут правит молва. Что же, пусть люди думают обо мне что угодно. По правде говоря, пошли они все к черту! — Сэр Магнус защелкнул замки, надавив на них большими пальцами, потом сел, переводя дух после приложенных усилий.

Фрэнсис посмотрела на него с любопытством, и на миг в ее глазах промелькнуло выражение сродни пренебрежению и омерзению. В их браке больше не было места для любви, и оба знали об этом. Они оставались вместе, потому что так удобнее. Даже среди жары Лазурного Берега атмосфера в комнате казалась ледящей.

— Я позвоню насчет носильщика, — сказала женщина. — Такси придет с минуты на минуту.

Подойдя к телефону, она заметила лежащую на столе открытку. На ней значилось имя Фредерика Пая и адрес в Гастингсе.

— Бога ради, Магнус! — с укором воскликнула Фрэнсис. — Ты так и не отправил Фредди открытку. Ты обещал это сделать, а она провалялась тут целую неделю! — Женщина вздохнула. — Он вернется домой прежде, чем открытка дойдет.

— Ну, семья, у которой он остановился сейчас, перешлет ее. Это не конец света. Мы все равно не можем сообщить ничего интересного.

— В открытках никогда не бывает ничего интересного. Их посылают по другой причине.

Фрэнсис Пай подняла трубку и позвонила портье. Пока она разговаривала, Магнус пытался что-то вспомнить. Поводом стал разговор про открытку. Что-то сказанное женой. Что именно? Это каким-то образом связано с похоронами, на которые он сегодня не попадет. Ах да! Как странно. Магнус Пай сделал в памяти зарубку, одну из таких, какие не забудешь. Ему предстоит кое-что сделать, и он сделает это, как только вернется домой.

8

— Мэри делала Саксби-на-Эйвоне местом более приятным для всех, украшая ли каждое воскресенье цветами эту самую церковь, навещая престарелых здесь или в Эштон-Хаусе, собирая пожертвования для Королевского общества защиты птиц или привечая посетителей Пай-Холла. Ее домашней выпечки пироги неизменно были украшением деревенского праздника, и, признаюсь вам, она не раз оставляла в моей ризнице приятный презент в виде миндального пирожного или куска викторианского бисквита.

Похороны шли чередом, каким идут все похороны: медленно, спокойно, с чувством тихой неизбежности. Джеффри Уивер присутствовал на множестве таких церемоний, стоя в сторонке и с интересом наблюдая за людьми: как за теми, кто пришел и ушел, так и за теми, кто пришел и остался. Ему даже не приходило в голову, что в совсем недалеком будущем может наступить день, когда хоронить будут его самого. Его отец дожил до ста, а Джеффри было всего семьдесят три. У него еще полно времени.

Джеффри считал себя знатоком характеров и взглядом живописца озирает толпу, собравшуюся вокруг выкопанной им могилы. У него имелось мнение о каждом из этих людей. Можно ли найти более удобную ситуацию для изучения человеческой природы, чем похороны?

Начать с самого vicar, с его каменным, точно могильная плита, лицом и слегка взъерошенной шевелюрой. Джеффри помнил, как Осборн поселился в Саксби-на-Эйвоне, сменив преподобного Монтегю, начавшего в старости чудить: повторяться в проповедях и засыпать во время вечерни. Осборнов встретили хорошо, хотя пара была немного странной: жена гораздо ниже мужа, изрядно полная и задиристая. Она никогда не стеснялась высказывать свое мнение, чем Джеффри скорее восхищался, хотя такое поведение вряд ли подобает супруге vicar. Вот и теперь Уивер видел, как она, стоя позади мужа, одобрительно кивает, если сказанное ей нравится, и хмурится, если нет. Эти двое живут душа в душу, уж как пить дать. Но что-то много в них странного. Взять хотя бы их интерес к Пай-Холлу. О да, он пару раз видел, как они ныряют в лесок за садом, отделяющим их участок от владений сэра Магнуса Пая. Многие использовали Дингл-Делл как способ срезать путь к главному дому — отпадала необходимость делать крюк до дороги из Бата, а потом проходить через центральные ворота. Вот только не посреди ночи. Что же им там понадобилось?

Джеффри некогда было заниматься мистером и миссис Уайтхед, и он с ними толком никогда не разговаривал. То были лондонцы, а столичным, как он считал, не место в Саксби-на-Эйвоне. И антикварный магазин в деревне не нужен. Можно взять старое зеркало, старые часы или еще что-то, прицепить дурацкий ценник и назвать вещь антиквариатом, но хлам так и останется хламом, и дурак тот, кто думает иначе. Дело было в том, что Джеффри этой парочке не доверял. У него создалось впечатление, что они строят из себя кого-то, кем на самом деле не являются — в точности как тот товар, который продают. И что они забыли на похоронах? Они ведь едва знали Мэри Блэкистон, и та определенно не сделала ничего, за что им стоило поминать ее добрым словом.

А вот у доктора Редвинг и ее мужа есть полное право здесь находиться. Это она обнаружила труп — вместе со зрителем Brent, который тоже стоял рядом, теребя в руках кепку, его выющиеся волосы спадали на лоб. Эмилия Редвинг всю жизнь жила в деревне. Доктор Реннард, ее отец, работал в здешней лечебнице до нее. Сегодня его здесь нет, но это не удивительно — он живет в доме престарелых в Трубридже, и поговаривают, что и ему не долго осталось пребывать на этом свете. Джеффри никогда серьезно не болел, но числился пациентом и у отца, и у дочери. Старый Реннард принимал его сына — в те дни человек зачастую совмещал роль доктора и повитухи. Что сказать про Артура Редвинга? Он слушал vicar с выражением, граничащим со скукой и нетерпением. Приятный человек, без всякого сомнения. Художник, пусть это и не приносит ему денег. Не он ли какое-то время назад написал портрет леди Пай, что висит в холле? Так или иначе, на этих двоих можно положиться, не то что на Уайтхедов. Трудно представить себе деревню без четы Редвинг.

Это относится и к Клариссе Пай. Она, конечно, чересчур нарядилась на похороны и выглядит несколько нелепо в своей шляпке с тремя перьями. Куда только она собиралась? На коктейльную вечеринку? Но даже так Джеффри не мог не посочувствовать ей. Трудно, должно быть, ей жить здесь, где всем верховодит ее братец. Ему-то хорошо — раскатывает на своем «ягуаре», пока сестра горбатится в сельской школе. Причем учительница из нее, судя по отзывам, неплохая, пусть дети ее и недолюбливают. Наверное, потому что чувствуют ее обездоленность. Кларисса одна как перст. Замужем никогда не была. Половину жизни, похоже, проводит в церкви: он постоянно наблюдал, как она идет то в храм, то из храма. По правде говоря, Кларисса частенько останавливалась поболтать с ним, но, разумеется, по душам ей поговорить не с кем, если не считать того, к кому обращаются, стоя на коленях. В Клариссе заметно некоторое сходство с братом, сэром Магнусом, хотя сходство это не в ее пользу. Но она хотя бы пришла.

Кто-то чихнул. Brent. Джеффри наблюдал, как зритель вытер нос рукавом, потом огляделся по сторонам. Малый понятия не имеет о том, как подобает вести себя в обществе, но этому едва ли стоит удивляться. Большую часть жизни Brent провел в одиночестве, и, в отличие от Клариссы, это его собственный выбор. Он допоздна работает в усадьбе, а закончив, иногда заходит выпить или поесть в «Паромщик», где у него есть свой столик с видом на большую дорогу. Но в компанию он никогда не вливается. Никогда не участвует в разговоре. Иногда Джеффри задавался вопросом: что же в голове у этого парня?

Отвлечись от прочих провожающих, Джеффри сосредоточился на молодом человеке, приехавшем на катафалке, — Роберте Блэкистоне. Джеффри сочувствовал и ему, ведь это его мать

хоронили, пусть даже эти двое жили как кошка с собакой. В деревне хорошо знали, что они не ладили, а Джеффри собственными ушами слышал слова, оброненные Робертом у «Герба королевы» в вечер накануне несчастного случая. «Как я хочу, чтобы ты умерла и дала мне немного передохнуть!» Ну, не стоит строго его судить. У людей часто срывается с языка что-нибудь, о чем они потом жалеют, и никто не мог предположить, что вскоре произойдет. Вид у парня, стоящего рядом с симпатичной девушкой, что работает в местной лечебнице, был несчастный. Всем отлично известно, что эти двое пара и очень хорошо подходят друг другу. Она явно соперничает Роберту — Джеффри читал это по ее лицу и по тому, как она держится за его руку.

— Она была частью деревни. Хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам следует помнить о том, что оставила она после себя...

Викарий подбирался к концу речи. Он был уже на последней странице. Джеффри обернулся и заметил, как Адам вошел на кладбище и остановился в конце дорожки. Хороший парень, на него можно положиться. Всегда рядом в нужный момент.

А вот затем произошло кое-что странное. Один из провожающих повернулся и пошел прочь, хотя викарий еще продолжал говорить. Джеффри его не разглядел, потому что этот человек стоял чуть поодаль, в самых задних рядах. Это был средних лет мужчина в темном плаще и в черной шляпе. Мягкой фетровой, такой фасон называется «федора». Джеффри успел бросить на его лицо только краткий взгляд, но оно показалось ему знакомым. Впалые щеки, крючковатый нос. Видел он его где-то прежде? Ладно, слишком поздно: уходящий был уже у главных ворот, направляясь к деревенской площади.

Что-то заставило Джеффри поднять взгляд. Незнакомец проходил под большим вязом, растущим на краю кладбища. На ветвях устроилось и шевелилось какое-то существо. Сорока. И не одна. Посмотрев снова, Джеффри увидел, что их там полным-полно. Сколько? Трудно было разглядеть сквозь густую листву, но в итоге он насчитал семь птиц, и это навело его на мысль про считалочку из детства.

*Единицу для печали,
Два для радости возьмем,
Тройку девочке оставим,
Четыре мальчику даем.
Пять — число для серебра,
А вот шесть — для золота.
Ну а семь увидит свет
Для секрета на сто лет.*

Ну разве это не чудно: целая стая сорок на одном дереве, как будто они прилетели сюда на похороны. Но потом подошел Адам, викарий закончил речь, присутствующие стали расходиться, и когда Джеффри снова посмотрел на вяз, птиц на нем уже не было.

Часть II Радость

1

Доктору не было необходимости что-либо объяснять. Его лицо, тишина в комнате, разложенные на столе рентгеновские снимки и результаты анализов говорили сами за себя. Двое сидели друг напротив друга в уютно обставленном офисе в конце Харли-стрит и знали, что подошли к финалу драмы, разыгрывавшейся множество раз до них. Шесть недель назад они были едва знакомы. Теперь их соединяла связь самого глубокого свойства. Один сообщал новость. Другой ее принимал. Оба старались не выразить лишних эмоций. Обязанность их скрывать была частью процедуры, джентльменским соглашением.

— Доктор Бенсон, могу я осведомиться, сколько мне осталось? — спросил Аттикус Пюнд.

— Точно определить трудно, — ответил доктор. — Боюсь, что опухоль быстро прогрессирует. Если бы мы смогли обнаружить ее раньше, существовал бы небольшой шанс на операцию. А так... — Он покачал головой. — Сожалею.

— Нет нужды. — Пюнд говорил на прекрасном литературном английском образованного иностранца, тщательно выговаривая каждый слог, словно в качестве компенсации за немецкий акцент. — Мне шестьдесят пять. Я прожил жизнь долгую и, осмелюсь добавить, во многих смыслах счастливую. Много раз в прошлом я ожидал смерти. Можно сказать даже, что смерть была моей спутницей, постоянно следуя за мной по пятам. Что же, теперь она меня нагнала. — Пюнд развел руками и изобразил улыбку. — Мы с ней старые знакомые, и нет причин ее бояться. Тем не менее мне необходимо устроить свои дела, привести их в порядок. В этом плане очень помогло бы знать срок, хотя бы в грубом исчислении... Мы говорим о неделях или о месяцах?

— Ну, боюсь, ситуация будет ухудшаться. Ваши головные боли усилятся. Могут случаться приступы. Я пришлю вам кое-какие книги, которые помогут вам представить общую картину, и пропишу сильные обезболивающие. Возможно, вам стоит подумать о лечении в стационаре. Могу порекомендовать очень хорошее заведение в Хэмпстеде, оно находится в ведении Мемориального фонда Марии Кюри. На более поздних стадиях вам потребуется постоянный уход.

Слова уплывали куда-то вдаль. Доктор Бенсон смотрел на своего пациента несколько озадаченно. Имя Аттикуса Пюнда ему, естественно, было известно. Его часто упоминали в газетах: беженец из Германии, ухитрившийся пережить войну, проведя год в одном из гитлеровских концлагерей. На момент ареста он служил полицейским в Берлине, а может, в Вене, и после переезда в Англию сделался частным детективом, помогая полиции в расследовании множества дел. На сыщика он был совсем не похож: низенький, очень аккуратный, со сложенными перед собой руками. На нем был темный костюм, белая рубашка и узкий черный галстук. Туфли отполированы до блеска. Его можно было принять за бухгалтера из разряда таких, что работают на семейную фирму и безупречно надежны. И все же было в Аттикусе Пюнде нечто особенное. Только-только войдя в кабинет и еще не услышав новость, он выказывал некую странную нервозность. Глаза смотрели из-под круглых, в проволочной оправе очков бесконечно внимательно, а прежде чем заговорить, Пюнд словно колебался. Странность заключалась в том, что, узнав диагноз, пациент явно успокоился. Создавалось впечатление, будто он давно ожидал его услышать и теперь был рад, что это наконец свершилось.

— Два или три месяца, — подвел итог доктор Бенсон. — Возможно, дольше, но я опасаясь, что после этого срока ваши физические и умственные способности начнут угасать.

— Большое спасибо, доктор. Назначенное вами лечение было образцовым. Можно вас попросить, чтобы последующая ваша корреспонденция была адресована мне лично с пометкой «В собственные руки»? У меня работает секретарь, и мне пока не хочется, чтобы он знал.

— Разумеется.

— Наши с вами дела закончены?

— Буду рад видеть вас снова через пару недель. Нам нужно будет произвести кое-какие приготовления. Я всерьез считаю, что вам следует съездить в Хэмпстед и присмотреться к заведению.

— Я так и сделаю. — Пюнд встал. Удивительно, но в результате этого он почти не стал выше. Стоя, он казался ничтожным на фоне комнаты с ее панелями из темного дерева и высоким потолком. — Еще раз благодарю, доктор Бенсон.

Сыщик взял трость из палисандрового дерева с увесистой бронзовой ручкой. Вещица из восемнадцатого века. Она приехала из Зальцбурга и была подарком от немецкого посла в Лондоне. Не единожды эта трость выказывала себя эффективным оружием. Пюнд миновал администратора и швейцара, вежливо кивнув каждому, и вышел на улицу. Едва оказавшись там, он остановился и оглядел залитую яркими лучами улицу. Он совсем не удивился открытию, что все его чувства обострились. Очертания зданий казались математически ровными. Ухо вычленяло из общего гула дорожного движения звук, производимый каждой машиной. Кожа ощущала тепло солнечного света. В голову пришла мысль, что это могут быть последствия шока. Ему шестьдесят пять, и он едва ли встретит шестьдесят шестой день рождения. К этому нужно привыкнуть.

И тем не менее, шагая по Харли-стрит в направлении Риджентс-парка, Пюнд почти преуспел уложить новую ситуацию в рамки. Это был всего лишь очередной бросок костей, да и, в конце концов, вся его жизнь протекала, подчиняясь маловероятным обстоятельствам. Он знал, к примеру, что самым своим появлением на свет обязан историческому казусу. Когда баварский принц Отто I стал в 1832 году королем Греции, некоторое число греческих студентов предпочло эмигрировать в Германию. Одним из них был его прадедушка. Пятьдесят два года спустя Аттикус появился на свет от матери-немки, работавшей секретаршей в ландполицай⁷, где его отец служил патрульным. Наполовину грек, наполовину немец. Представитель этнического меньшинства, если такое вообще существовало. Ну а потом, разумеется, возвышение нацизма. Пюнды были не только греки — в их жилах текла еврейская кровь. По мере того как большая игра набирала обороты, шансы на их выживание таяли, и только самый беспечный игрок рискнул бы сделать на них ставку. И верно, Аттикус потерял всех: мать, отца, братьев, друзей. В итоге сам он угодил в концлагерь неподалеку от Бельзена, и собственная его жизнь оказалась спасена лишь благодаря административной ошибке, одному шансу на тысячу. После освобождения судьба подарила ему еще десять лет, так что стоит ли всерьез жаловаться, что в последний раз кости легли против него? Аттикус Пюнд был человек сильный духом и на Юстон-роуд уже вполне примирился с ситуацией. Чему быть, того не миновать. Сетовать он не будет.

Домой он поехал на такси. Пюнд никогда не пользовался метро, ему не нравилось скопление людей в тесном пространстве: такое множество грез, страхов и сожалений, спрессованных в темноте. Он находил его невыносимым. Черные автомобили были куда более спокойными, как кокон ограждая его от реального мира. Движение в середине дня не было плотным, и вскоре Пюнд оказался на Чартерхаус-сквер в Фаррингдоне. Такси подкатило к Таннер-Корту, весьма элегантному многоквартирному дому, где проживал сыщик. Он заплатил шоферу, прибавив щедрые чаевые, и вошел в подъезд.

Квартиру Пюнд купил на деньги, полученные за дело о бриллианте «Людендорф»⁸: две спальни, просторная и светлая гостиная, выходящая на сквер, и самое важное — коридор и кабинет, где он принимал клиентов. Поднимаясь в лифте на восьмой этаж, сыщик подумал, что в настоящий момент у него на руках нет расследований. Что же, это даже к лучшему.

— Эй! Привет! — раздался из кабинета голос, прежде чем Пюнд успел закрыть входную дверь.

Мгновение спустя из кабинета вылетел Джеймс Фрейзер с пачкой писем в руке. Молодой человек на пороге тридцатилетия, блондин, он был тем самым секретарем и помощником, о котором Пюнд обмолвился доктору Бенсону. Выпускник Оксфордского университета с претензией на карьеру актера, неудачник и хронический безработный, он откликнулся на объявление в «Спектейторе», полагая, что продержится на работе пару месяцев. Прошло шесть лет, а он все еще оставался здесь.

---

⁷ Ландполицай — территориальное управление полиции в Германии.

⁸ См. «Аттикус Пюнд берется за дело». — *Примеч. автора.*

— Как успехи? — спросил секретарь.

— Успехи в чем? — в свою очередь спросил Пюнд. Фрейзер понятия не имел, куда ходил его шеф.

— Не знаю. В том, чем вы были заняты. — Джеймс одарил его своей по-мальчишески задорной улыбкой. — Кстати, звонил инспектор Спенс из Скотленд-Ярда. Просил, чтобы вы ему перезвонили. Кто-то из «Таймс» хочет взять у вас интервью. И не забудьте, что в половине первого придет клиент.

— Клиент?

— Да. — Фрейзер порылся в письмах, которые держал. — Ее зовут Джой Сандерлинг. Она звонила вчера.

— Не припоминаю, чтобы я разговаривал с Джой Сандерлинг.

— А вы и не разговаривали. Это я с ней говорил. Она звонила из Бата или еще откуда-то. Голос у нее был изрядно встревоженный.

— Почему вы не согласовали со мной?

— А нужно было? — Фрейзер спал с лица. — Мне ужасно жаль. У нас покуда ничего нет, и я решил, что вы не откажетесь от нового дела.

Пюнд вздохнул. Вид у него всегда был немного усталый и страдальческий, это было присуще его манере себя вести, но в этот раз трудно было выбрать более неподходящее время. Но даже теперь он не повысил голоса, действуя, как всегда, рассудительно.

— Мне жаль, Джеймс, — сказал Пюнд. — Но я не могу ее принять.

— Но мисс Сандерлинг уже в пути.

— Тогда передайте, что она зря потратила время.

Пюнд прошел мимо секретаря в свою комнату и закрыл за собой дверь.

2

— Вы же сказали, что он меня примет.

— Знаю, мне ужасно жаль. Но у него сегодня так много дел.

— Но я отпросилась на день с работы, добиралась сюда поездом из Бата. Нельзя так обращаться с людьми!

— Вы совершенно правы. Но мистер Пюнд тут не виноват: я не заглянул в его ежедневник. Если хотите, я оплачу вам железнодорожные билеты из сумм на текущие расходы.

— Дело не только в расходах на билеты. Тут вся моя жизнь решается. Я должна увидеться с ним. Не знаю, кто еще способен мне помочь.

Пюнд слышал голоса, доносящиеся из-за двойной двери, ведущей в гостиную. Он удобно устроился в кресле, покуривая любимые сигареты «Собрание», черные с золотым кончиком. Он размышлял о своей книге, труде всей жизни, разросшейся уже до четырехсот страниц, а конца все еще не предвиделось. Называлась книга «Ландшафт криминалистического расследования». Фрейзер отпечатал на машинке последнюю главу, и Пюнд пододвинул листы к себе. «Глава двадцать шестая. Допрос и интерпретация». Читать сейчас он не мог. Пюнд подумал, что на завершение книги нужен еще год. Этого года в его распоряжении нет.

Голос у девушки был приятный. Она была молода. Даже находясь по другую сторону деревянной преграды, он мог сказать, что она вот-вот расплчется. Пюнд подумал про свой диагноз: внутричерепное новообразование. Доктор отвел ему три месяца. Неужели он и проведет их вот так, размышляя о делах, которые не смог доделать? Злясь на себя, он аккуратно затушил сигарету, встал и открыл дверь.

Джой Сандерлинг стояла в коридоре и разговаривала с Фрейзером. Девушка она была невысокая, миниатюрная во всех смыслах, с русыми волосами, обрамляющими очень милое личико и по-детски наивные голубые глаза. Для встречи с сыщиком она принарядилась. Светлый плащ, перехваченный на талии поясом, был излишним в такую погоду, но сидел на ней хорошо, и Пюнд заподозрил, что Джой выбрала его потому, что он придавал ей деловитый вид. Она заглянула за спину Фрейзеру и увидела его.

— Мистер Пюнд?

— Да. — Он медленно кивнул.

— Простите, что отрываю вас. Я знаю, как вы заняты. Но прошу вас, не могли бы вы уделить мне всего пять минут своего времени. Это так важно!

Пять минут. Она едва ли догадывается, но это имеет очень большое значение для них обоих.

— Хорошо, — ответил он.

Стоящий позади нее Джеймс Фрейзер выглядел расстроенным, словно считал, что подвел шефа. Но Пюнд принял решение, когда услышал ее голос. В нем звучало такое отчаяние. Хватит на сегодня горя.

Он проводил девушку в кабинет, вполне уютный, хотя и несколько аскетически обставленный. Здесь имелись стол и три кресла, антикварное зеркало, гравюры в золотых рамах, все в присущем Вене девятнадцатого века стиле бидермаейр. Фрейзер прошел за ними и занял место у стены: уселся, скрестив ноги, и примостил блокнот на колене. На самом деле записывать необходимости не было — Пюнд никогда не упускал даже самой мелкой детали и помнил каждое оброненное слово.

— Прошу вас, продолжайте, мисс Сандерлинг.

— Пожалуйста, зовите меня Джой, — откликнулась девушка. — Вообще-то, мое имя Джози. Но все зовут меня Джой.

— И вы приехали в такую даль из города Бата.

— Ради встречи с вами я готова была уехать даже дальше, мистер Пюнд. Я читала про вас в газетах. Там пишут, что вы лучший в мире сыщик и для вас нет ничего невозможного.

Аттикус Пюнд заморгал. От такой лести ему стало неудобно. Нервным движением он поправил очки и слегка улыбнулся.

— Это очень любезно с вашей стороны, но мы, похоже, несколько забегаем вперед, мисс Сандерлинг. Прошу нас извинить, мы поступили невежливо и не предложили вам кофе.

— Спасибо большое, но я не хочу кофе и не желаю слишком долго занимать ваше время. Но мне позарез нужна ваша помощь.

— Тогда почему бы вам не начать с того, чтобы рассказать о причине своего приезда?

— Да. Конечно.

Она выпрямилась в кресле. Джеймс Фрейзер ждал, держа ручку наготове.

— Имя мое вы уже знаете, — заговорила девушка. — Живу я в местечке Нижний Вествуд с родителями и братом Полом. К несчастью, брат родился с синдромом Дауна и не способен позаботиться о себе. Но мы с ним очень близки. На самом деле я жутко его люблю. — Она помедлила. — Дом наш совсем рядом с Батом, но работаю я в деревне, которая называется Саксби-на-Эйвоне. Устроилась в тамошнюю лечебницу, помогаю доктору Редвинг. Она ужасно славная, кстати. Я у нее скоро уже два года и очень довольна.

Пюнд кивнул. Он успел проникнуться симпатией к этой девушке. Ему нравились ее уверенность и манера четко изъясняться.

— Год назад я познакомилась с парнем, — продолжила Джой. — Он обратился к нам, потому что серьезно повредил руку в результате несчастного случая с машиной. Он чинил автомобиль, и тот едва не рухнул на него. Домкрат упал ему на руку и сломал несколько костей. Зовут его Роберт Блэкистон. Мы сразу приглянулись друг другу, и я начала с ним встречаться. Я очень его люблю. Мы собираемся пожениться.

— Примите мои поздравления.

— Хотелось бы мне, чтобы все было так просто. Теперь я не уверена, что наша свадьба состоится. — Джой достала платок и промокнула глаза, но сделала это скорее деловито, чем эмоционально. — Две недели назад умерла его мать. Ее похоронили в прошлые выходные. Роберт и я присутствовали на похоронах, и, разумеется, это было ужасно. Но хуже всего было то, как люди смотрели на него... С тех пор пошли слухи. И слухи заключаются в том, мистер Пюнд, что это сделал он!

— Вы хотите сказать, что он убил ее?

— Да. — Девушке потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Затем она продолжила рассказ: — Роберт всегда был не в лучших отношениях с матерью. Ее звали Мэри, она работала экономкой в одном большом доме — вы бы сказали в усадьбе, как я понимаю, — под названием Пай-Холл. Хозяином был сэр Магнус Пай, и его семья владеет этим домом уже много

веков. Мэри готовила еду, убирала, совершала покупки и все такое, жила она в гостевом доме у ворот. Именно там и рос Роберт.

— Вы не упомянули про отца.

— Отца нет. Он ушел от них во время войны. Это все очень сложно, и Роберт никогда об этом не рассказывает. Семейная трагедия, понимаете? За Пай-Холлом есть большое озеро, очень глубокое, как говорят. У Роберта был младший брат Том. Они вдвоем пошли на озеро купаться. Роберту было четырнадцать, Тому — двенадцать. Так вот, Том заплыл на глубину и утонул. Роберт пытался его спасти, но не смог.

— Где в это время был их отец?

— В Боскомб-Дауне, служил там механиком в Королевских военновоздушных силах. Это недалеко, и он довольно много времени проводил с семьей, но, когда случилось несчастье, его не было. А когда он узнал, то... Ну, вам лучше спросить у Роберта, хотя он, мне кажется, не очень-то хорошо все помнит. Суть в том, что его родители буквально вцепились друг в друга. Он обвинял жену, что та плохо смотрела за детьми, она его за то, что он уехал. Много я вам не расскажу, потому что Роберт никогда не говорит об этом, а все остальное — только деревенские слухи. Так или иначе, отец ушел, оставив их двоих жить одних в Лодж-хаусе. Позже супруги развелись, и с отцом Роберта я никогда не встречалась. На похоронах его не было, а если и был, я не видела. Его зовут Мэтью Блэкистон, но это все, что мне известно. Роберта вырастила мать, и они никогда не были счастливы. На самом деле им следовало бы переехать. Ни к чему было оставаться рядом с тем жутким местом. Даже не знаю, как ей это удавалось — ходить мимо озера, в котором утонул ее сын, видеть это место каждый день. Думаю, это отравляло ей душу... Напоминало о потерянном ребенке. Вероятно, в сердце своем она частично винила Роберта, хотя он ничем не мог помочь. Людям такое свойственно, не правда ли, мистер Пюнд? Некоего рода безумие...

Пюнд кивнул:

— Действительно, существуют разные способы пережить утрату. И горе не подвластно рассудку.

— С Мэри Блэкистон я встречалась всего несколько раз, — продолжила девушка. — Хотя, разумеется, видела ее в деревне. Она часто приходила в лечебницу. Не потому что болела: они с доктором Редвинг были близкими подругами. После нашей с Робертом помолвки она пригласила нас на чай в Лодж-хаус. Получился кошмар. Не то чтобы Мэри вела себя недружелюбно, но она была так холодна и допрашивала меня так, словно я на работу устраивалась или что-то в этом роде. Чай мы пили в гостиной, и я словно сейчас вижу, как она сидит в кресле в углу с чашкой и блюдечком. Точно паук на паутине. Понимаю, что мне не следует так говорить, но таковы были мои мысли. А бедный Роберт целиком оказался в ее тени. Рядом с ней он совершенно менялся, становился замкнутым и тихим. Думаю, за все время чаепития он и слова не проронил. Просто сидел, уставившись в ковер на полу, словно сделал что-то нехорошее и ждал выволочки. Вы бы видели, как она с ним обращалась! У нее для сына не находилось ни единого доброго слова. Мэри была решительно настроена против нашего брака и ясно дала это понять. При этом все время слышалось тиканье. В комнате стояли громоздкие прадедовские часы, и я уже не чаяла, когда они пробьют час и придет пора уходить.

— Ваш жених не жил больше с матерью? На момент ее смерти?

— Нет. Он остался в той же деревне, но перебрался в квартиру над гаражом, в котором работает. — Свернув платочек, Джой сунула его за рукав. — Мы с Робертом любим друг друга. Мэри Блэкистон ясно дала понять, что не считает меня подходящей невестой для сына, но, даже если бы она не умерла, ничего бы не изменилось. Мы поженимся. И будем счастливы вместе.

— Если вы не против, мисс Сандерлинг, мне хотелось бы больше узнать о ее смерти.

— Конечно. Как я уже сказала, это произошло в пятницу, две недели назад. Мэри пошла в Пай-Холл убираться — сэр Магнус и леди Пай были в отъезде, — каким-то образом споткнулась, пока пылесосила, и упала с лестницы. Brent, который присматривает за парком, заметил, как она лежит, и вызвал врача, но было уже поздно. Она сломала шею.

— В полицию сообщили?

— Да. Из отделения в Бате приехал следователь. Я с ним не разговаривала, но он все четко установил. Петля из пылесосного провода лежала на верхней площадке лестницы. Больше в доме никого не было. Все двери закрыты. Очевидно, что произошел несчастный случай.

— И тем не менее вы сказали, что Роберта Блэкистона обвиняют в убийстве.

— Это все просто деревенские сплетни, и именно поэтому вы должны помочь нам, мистер Пюнд. — Девушка вздохнула. — Роберт повздорил с матерью. Они часто ссорились. Мне кажется, им так и не удалось избавиться от груза того, что случилось много лет назад, и это тяготило обоих. Короче говоря, они страшно поругались перед пабом. Куча народу это слышала. Началось все с того, что ему нужно было что-то починить в Лодж-хаусе. Она всегда требовала делать для нее какую-нибудь дурацкую работу, и Роберт никогда не отказывал. Но на этот раз не сдержался. Они по-разному обзывали друг друга, а потом Роб сказал кое-что, чего не имел на самом деле в виду. Но поскольку все его слышали, не имеет значения, имел он это в виду или нет: «Как я хочу, чтобы ты умерла!» — Платочек снова вынырнул наружу. — Вот что он сказал. А три дня спустя именно так и случилось.

Джой замолчала. Аттикус Пюнд сидел за столом, аккуратно сложив руки, с серьезным выражением лица. Джеймс Фрейзер делал пометки. Дойдя до конца предложения, он несколько раз подчеркнул одно слово. В окно лился солнечный свет. Там, снаружи, в парке Чартерхаус стали появляться офисные работники, вышедшие пообедать сэндвичем на свежем воздухе.

— Возможно, ваш жених имел вескую причину убить мать, — негромко проговорил Пюнд. — Я с ним не знаком и не желаю обидеть, но мы обязаны хотя бы допустить такую возможность. Вы двое хотели пожениться. Она стояла на пути.

— Да нет же! — возразила Джой Сандерлинг. — Нам не требовалось ее согласие, да и денег или другого имущества у нее не было. В любом случае я знаю, что Роберт не имеет к ее смерти никакого отношения.

— Откуда у вас такая уверенность?

Джой тяжело вздохнула. Было очевидно, что ей не хочется объяснять, но она понимает, что выбора нет.

— Полицейские сказали, что миссис Блэкистон умерла около девяти утра. Brent позвонил доктору Редвинг незадолго до десяти, а когда она приехала, тело было еще теплым. — Девушка помедлила. — Гараж открывается в девять, в одно время с лечебницей, и до этого часа я была с Робертом. Мы вышли из его квартиры вместе. Мистер Пюнд, если мои родители узнают об этом, они умрут, хотя мы и помолвлены. Мой отец пожарный и сейчас работает в управлении. Он человек очень серьезный и ужасно старомодный. К тому же необходимость ухаживать за Полом выработала у моих родителей острую привычку оберегать. Я сказала им, что собираюсь в театр в Бате и заночую у подруги. Но на самом деле я всю ночь провела с Робертом и ушла от него в девять утра, а это значит, что он не имеет никакого отношения к смерти матери.

— Могу я осведомиться: как далеко находится гараж от Пай-Холла?

— В трех-четыре минуты езды на моем мотороллере. Пешком, думаю, вы доберетесь туда за четверть часа, если срежете путь через Дингл-Делл. Так называется лес на окраине деревни. — Она насупилась. — Я понимаю, к чему вы клоните, мистер Пюнд. Но я видела Роберта тем утром. Он принес мне завтрак в постель. Разве мог он так поступить, если бы задумал убить кого-то?

Аттикус Пюнд не ответил, но по опыту знал, что бывают убийцы, способные улыбаться и поддерживать приятную беседу, а в следующую минуту нанести жестокий удар. А еще жизнь во время войны помогла ему выработать теорию, которую он назвал институционализацией убийства. Заключалась она в следующем: убедив себя в абсолютной необходимости своего поступка, человек приходит в конечном счете к выводу, что совершает вовсе не убийство.

— Так чего вы хотите от меня? — спросил он.

— Денег у меня мало. Мне по большому счету даже нечем вам заплатить. Понимаю, что не права и что мне, наверное, не следовало сюда приходить. Но это несправедливо. Просто нечестно. Я надеюсь, что вы съездите в Саксби-на-Эйвоне, всего на один день. Уверена, этого будет достаточно. Стоит вам побывать там и сказать, что это был несчастный случай и не было никакого злого умысла, все кончится, я в этом не сомневаюсь. Вас все знают. К вам прислушаются.

Повисла недолгая пауза. Пюнд снял очки и протер их платком. Фрейзер понимал, что это предвещает. Он достаточно долго пробыл с сыщиком, чтобы узнать его манеры. Пюнд всегда полировал очки, прежде чем сообщить неприятную новость.

— Мне жаль, мисс Сандерлинг, — начал он. — Я ничего не могу сделать. — Он вскинул руку, предвосхищая возражения. — Я частный детектив. Да, полиция часто обращается ко мне за

помощью в расследованиях, но официального статуса в этой стране у меня нет. В этом-то и проблема. Мне крайне неуместно вмешиваться, особенно в дело, где, при всех подоплеках и намерениях, преступление не было совершено. Я спрашиваю себя: под каким предлогом мне попасть в Пай-Холл? Также мне приходится принимать в расчет сообщенные вами исходные данные. Вы сказали, что миссис Блэкистон погибла в результате несчастного случая. Полиция явно считает так же. Давайте исходить из того, что это был несчастный случай. Тогда я могу всего лишь противостоять молве, распространяемой некоторыми из селян, слышавшими злополучный разговор и по-своему истолковавшими его. Но молве нельзя противостоять. Слухи и злые сплетни подобны выюнку: их нельзя срезать, даже мечом правды. Я могу, разумеется, утешить вас: дайте время, молва зачахнет и сгинет сама по себе. Таково мое мнение. Да и с какой стати вам и вашему жениху продолжать жить в той части света, раз она так недружелюбна к вам?

— А почему мы должны переезжать?

— Не должны. Если хотите моего совета, то оставайтесь там, женитесь и наслаждайтесь совместной жизнью. А самое главное, не обращайтесь на эту... я думаю, верно будет сказать «болтовню». Борьба с нею означает подпитывать ее. Забудьте про нее, и она сгинет.

Все было сказано. Как бы подчеркивая момент, Фрейзер захлопнул записную книжку. Джой Сандерлинг встала.

— Я очень благодарна вам, мистер Пюнд, — промолвила она. — Спасибо, что согласились меня принять.

— Всего доброго вам, мисс Сандерлинг, — совершенно искренне отозвался Пюнд. Он хотел, чтобы эта девушка была счастлива. Разговаривая с ней, он напрочь позабыл про свои собственные проблемы, про новость, услышанную сегодня.

Фрейзер проводил Джой до порога. До Пюнда донесся краткий обмен репликами, затем входная дверь открылась и закрылась. Несколько секунд спустя секретарь вернулся в комнату.

— Послушайте, мне жутко неудобно из-за этого, — пробормотал он. — Я пытался объяснить ей, что вас нельзя беспокоить.

— Я рад, что увиделся с ней, — ответил Пюнд. — Но скажите мне, Джеймс, какое слово вы подчеркнули несколько раз во время нашего разговора?

— Что? — Фрейзер залился краской. — Ах, на самом деле это пустяк. Даже не имеющий отношения к делу. Мне просто хотелось выглядеть деловитым.

— Мне пришло в голову, что тут кроется нечто важное.

— Да? Почему?

— Потому что в тот миг мисс Сандерлинг не сообщала ничего особенно интересного. Вот только мотороллер. Будь он любого другого цвета, только не розового, это могло иметь значение. — Пюнд улыбнулся. — Вы не будете любезны принести мне чашечку кофе, Джеймс? Но после этого, думаю, меня лучше не беспокоить.

Он повернулся и ушел в свою комнату.

3

Джой Сандерлинг возвращалась на станцию метро «Фаррингдон», дорога вела в обход Смитфилдского мясного рынка. У одного из многочисленных входов стоял грузовик, и, как раз когда Джой проходила мимо, двое мужчин в белых робах вытаскивали из кузова целую баранью тушу, освежеванную и всю в крови. Девушку передернуло. Ей не нравился Лондон. Она находила его угнетающим и не могла дождаться, когда окажется в поезде, идущем домой.

Встреча с Атиксом Пюндом ее разочаровала, хотя она призналась сама себе, что ничего по большому счету от нее и не ожидала. С какой стати самому известному сыщику в стране интересоваться ею? У нее даже денег нет, чтобы заплатить. И все, что он сказал, — правда. Нет дела, чтобы его расследовать. Джой знала, что Роберт не убивал свою мать. Она была с ним в то утро и наверняка услышала бы, если бы он выходил из дома. Роберт бывает резким, может брякнуть сгоряча что-то такое, о чем потом пожалеет. Но Джой прожила с ним достаточно долго, чтобы знать: он никому не способен причинить вреда. Случившееся в Пай-Холле — это несчастный

случай, и ничего более. Но всем сыщикам мира не под силу сдержать злые языки в Саксби-на-Эйвоне.

И все-таки она правильно сделала, что пошла. Они заслужили свое право на счастье вдвоем, особенно Роберт. Он был таким потерянным, пока не встретился с ней, и она никому не позволит разлучить их. Никуда они переезжать не станут. И им нет дела до того, что люди думают о них. Они постоят за себя.

Джой добралась до станции и купила билет у человека в киоске. В голове постепенно зрела мысль. Она была девушкой скромной, выросла в семье строгой и, вопреки участию отца в политике, консервативной. Шаг, который она вознамерилась предпринять, пугал, но другого пути не было. Ей нужно защитить Роберта. Нужно защитить их совместное будущее. Нет ничего важнее этого.

Прежде чем поезд прибыл на станцию, Джой твердо знала, что ей предстоит сделать.

4

Сидящая в ресторане на другом конце Лондона Фрэнсис Пай пробежала рассеянным взглядом по меню и заказала приготовленные на гриле сардины, салат и бокал белого вина. Заведение Карлотты было одним из тех семейных итальянских ресторанчиков, что лепятся к магазинам «Харродса»: администратор была замужем за шеф-поваром, а в число официантов входили сын и племянник. Заказ у нее приняли, меню унесли. Фрэнсис закурила сигарету и откинулась на спинку стула.

— Тебе следует уйти от него, — сказал ее спутник, темноволосый мужчина с усами, в двубортном пиджаке спортивного покроя и при галстуке.

Джек Дартфорд был на пять лет моложе Фрэнсис. У него была приятная улыбка, но сейчас во взгляде, устремленном на собеседницу, читалась озабоченность. Он с первого взгляда подметил, что с Фрэнсис что-то не так. Даже в том, как она сидела, угадывались нервозность и зажатость, одна ее рука поглаживала другую. Темные очки женщина не сняла, и Джек заподозрил, не скрывается ли за стеклами синяк.

— Он убьет меня, — ответила Фрэнсис и усмехнулась. — На самом деле он, можно сказать, уже пытался меня убить. После нашей последней ссоры.

— Ты шутишь!

— Не переживай, Джек, он не причинил мне вреда. Это все пустые угрозы. Он что-то прознал. Все эти телефонные звонки, визиты в Лондон, письма... Я просила не писать мне.

— Он прочел письма?

— Нет. Но Магнус не дурак. И разговаривает с почтальоном. Если ко мне приходит из Лондона написанное от руки письмо, мужу наверняка докладывают об этом. Кстати, наша ссора произошла вчера вечером перед ужином. Он более или менее открыто обвинил меня в том, что я с кем-то встречаюсь.

— Ты не рассказала ему обо мне?

— Боишься, что он явится к тебе с плетью? С него станется. Но не бойся, Джек, я ничего не рассказала ему.

— Он бил тебя?

— Нет. — Фрэнсис сняла солнечные очки. Глаза у нее были уставшие, но синяков под ними не было. — Это было просто неприятно. Как неприятно все, к чему имеет отношение Магнус.

— Почему же ты не уйдешь от него?

— Потому что у меня нет денег. Пойми, что жилка мстительности у Магнуса размером с Панамский канал. Если я попытаюсь его бросить, он созовет целую армию адвокатов и добьется того, чтобы я ушла из Пай-Холла только в том, что на мне надето.

— У меня есть деньги.

— Сомневаюсь, милый. Уж точно недостаточно.

Это было так. Дартфорд работал на валютном рынке, что сложно было назвать работой в прямом смысле слова. Он занимался этим не как профессионал, а время от времени. Делал вложения. Но в последнее время у него пошла черная полоса, и он очень надеялся, что Фрэнсис

Пай не подозревает, насколько крепко сидят на мели его финансы. Джек не мог позволить себе жениться на ней. Не мог сбежать с ней. Если так пойдет и дальше, он скоро и обед едва ли сможет себе позволить.

— Как юг Франции? — меняя тему, спросил он. Именно там они в свое время познакомились, играя в теннис.

— Скука. Мне так хотелось, чтобы ты был там.

— Ну еще бы. В теннис поиграла?

— Толком нет. Признаться честно, я была рада уехать. В середине недели пришло письмо. Одна женщина из Пай-Холла споткнулась о провод, скатилась с лестницы и сломала шею.

— Господи! Фредди был там?

— Нет, жил с друзьями в Гастингсе. Он и до сих пор там, если на то пошло. И домой, похоже, возвращаться не собирается.

— Не удивительно. Так кто была та женщина?

— Экономка. Ее звали Мэри Блэкистон. Она прожила с нами много-много лет и сделалась почти незаменимой. Но и это еще не все. Когда в прошлую субботу мы наконец вернулись, то обнаружили, что нас ограбили.

— Не может быть!

— Честное слово. То была вина смотрителя парка, — по крайней мере, так думает полиция. Он разбил стекло позади дома. Ему пришлось сделать это, чтобы доктор смогла войти.

— А зачем тебе понадобился доктор?

— Не спеши, Джек. Это для той погибшей женщины. Брент, смотритель, увидел через окно, как она лежит на полу. Он вызвал доктора, и вместе с ней они проникли в дом, чтобы посмотреть, не нужна ли экономке помощь. Помощь, понятное дело, не понадобилась. Но потом Брент так и оставил дверь с разбитым стеклом. Не потрудился даже забить дыру досками. Она просто звала грабителей, и те не замедлили принять приглашение, сказав большое спасибо.

— Значительный урон нанесли?

— В плане имущества нет. Магнус большую часть ценностей хранит в сейфе, а воры не смогли его открыть. Но они все обшарили. И натворили немало: повытаскивали ящики и повытряхивали их содержимое, ну и так далее. У нас весь воскресный и вчерашний день ушли на то, чтобы убраться. — Фрэнсис протянула руку с сигаретой, и Дартфорд придвинул к ней пепельницу. — Я оставила на тумбочке у кровати кое-какие драгоценности и лишилась их. Становится не по себе, когда вообразишь, как кто-то чужой проникает к тебе в спальню.

— Могу представить.

— А Магнус лишился своего драгоценного клада, и это его совсем не обрадовало.

— Какого еще клада?

— Римского, по большей части из серебра. Он хранился в семье не одно поколение, с тех самых пор, как его выкопали на их земле. Его нашли в чем-то вроде гробницы. Там были кольца, браслеты, несколько декоративных шкатулок, монеты. Клад лежал у нас в витрине в столовой. Разумеется, Магнус его никогда не страховал, хотя говорят, что он стоит целое состояние.

— Теперь, разумеется, уже поздно... Полиция помогла?

— Нет, конечно. Приехал какой-то тип из Бата, послонялся вокруг, перевел кучу порошка для отпечатков пальцев, замучил всех своими вопросами и исчез. Никакого проку.

Официант принес бокал с вином. Дартфорд пил кампари с содовой. Он заказал еще.

— Жаль, что это был не Магнус, — заметил он, когда официант ушел.

— Это ты о чем?

— О леди, свалившейся с лестницы. Жаль, что это был не он.

— Страшные слова ты говоришь.

— Я говорю то, о чем ты думаешь, дорогая. Мне ли тебя не знать? Как понимаю, если Магнус отбросит копыта, вся казна достанется тебе.

Фрэнсис выпустила сигаретный дым и с интересом посмотрела на спутника.

— По сути дела, дом и усадьба отойдут к Фредди — это определено правилами наследования. Так было из поколения в поколение.

— Но ты в накладе не останешься.

— Нет, конечно. И разумеется, у меня пожизненные права на Пай-Холл. Единственное, чего я не могу сделать, так это продать дом. Но ничего такого не случится. Магнус обладает идеальным здоровьем, по крайней мере для своего возраста.

— Пусть так, Фрэнсис. Но большой дом — особое место. Провод, протянутый поперек лестничного пролета. Всякое может случиться. Вдруг эти ваши грабители вернутся и прикончат его?

— Ты ведь шутишь?

— Просто размышляю вслух.

Фрэнсис Пай замолчала. Ни к чему вести такие разговоры, особенно в ресторане, где полно народа. Но ей пришлось признать, что Джек прав. Жизнь без Магнуса будет значительно проще и намного приятнее. Жаль только, что молния не попадает в одно и то же место дважды.

Но, с другой стороны, почему бы и нет?..

5

Доктор Эмилия Редвинг старалась навещать отца каждую неделю, но так получалось не всегда. Если в лечебнице было много посетителей, много вызовов к пациентам на дом и в больницу, если наваливалась бумажная работа, ей приходилось отложить поездку. Так или иначе, оправдание находилось с легкостью. Всегда найдется веская причина не ехать.

Эти визиты доставляли ей мало радости. Когда умерла жена, доктору Эдгару Реннард было восемьдесят, и, хотя он продолжал жить в своем доме близ Кингз-Эббот, оставаться прежним ему было уже не суждено. Вскоре Эмилия привыкла к постоянным телефонным звонкам от соседей. Отца видели бесцельно бродящим по улицам. Он перестал регулярно питаться. Был рассеян. Поначалу она убеждала себя, что это просто последствия тяжкого горя и одиночества, но симптомы буквально кричали, и пришлось признать очевидный диагноз. У ее отца развивалось старческое слабоумие. Лучше ему уже не станет. Напротив, прогноз обещал серьезное ухудшение. Эмилия какое-то время подумывала забрать отца к себе в Саксби-на-Эйвоне, но это было бы нечестно по отношению к Артуру, да и полноценной сиделки для старика из нее не получится. И все же она не могла избавиться от чувства вины и клейма предательницы, когда впервые привезла отца в Эштон-Хаус в долине Бата, бывший госпиталь, переоборудованный после войны в дом престарелых. Как ни странно, но Эмилии легче удалось убедить отца, чем себя саму.

Тот день был не самым удачным для пятнадцатиминутной поездки в Бат. Джой Сандерлинг уехала в Лондон, повидаться с кем-то, как она сказала, по личному делу. Мэри Блэкистон похоронили всего пять дней назад, и в атмосфере деревни сохранялось некое напряжение, которое сложно было определить, но Эмилия по опыту знала, что оно еще даст о себе знать. Несчастье обладает свойством передаваться, подобно гриппу, и, по ее мнению, даже налет на Пай-Холл являлся частью этой общей заразы. Но оттягивать визит было нельзя. Во вторник Эдгар Реннард упал. Его осмотрел местный доктор, и дочери сообщили, что ничего серьезного не произошло. Тем не менее отец спрашивал о дочери. У него кончились продукты. Сестра-распорядительница Эштон-Хауса позвонила ей и попросила приехать.

Сейчас она была у отца. Ему помогли встать с кровати, но только чтобы усадить в кресло у окна. Там он и сидел, облаченный в халат, такой худой и хрупкий, что Эмилии хотелось расплакаться. Папа всегда был сильным, крепким. Маленькой девочкой Эмилия думала, что весь мир держится на его плечах. Теперь ему потребовалось добрых пять минут, чтобы узнать ее. Она видела, что болезнь усугубляется. Не то чтобы ее отец умирал — он просто утратил желание жить.

— Нужно было мне сказать ей... — произнес он. Голос у него был хриплый, губы шевелились с трудом. Ему пришлось повторить дважды, прежде чем она разобрала слова.

— О ком ты говоришь, папа? Что ты должен сказать?

— Ей следует знать, что случилось... Что я сделал.

— Что ты имеешь в виду? О чем толкуешь? Это имеет отношение к маме?

— Где она? Где твоя мать?

— Ее здесь нет.

Эмилия досадовала на себя — не следовало упоминать о матери.

Это только собьет старика с толку.

— Что ты хотел мне сказать, папочка? — смягчив тон, спросила она.

— Это важно. Мне недолго осталось.

— Не говори ерунды. С тобой все будет хорошо. Только постарайся и скушай чего-нибудь. Я побуду с тобой, пока ты будешь есть.

— Магнус Пай...

Очень странно, что он произнес это имя. Разумеется, доктор Реннард знал сэра Магнуса, когда работал в Саксби-на-Эйвоне. Он лечил всю их семью. Но с какой стати вспоминать про него сейчас? Не связан ли как-то сэр Магнус с событием, про которое отец хочет рассказать? Проблема деменции в том, что она не только пробивает в памяти огромные бреши, но и перепутывает воспоминания между собой. Отец в равной степени может иметь в виду события пятилетней и пятидневной давности. Для него тут нет никакой разницы.

— Так что насчет сэра Магнуса? — спросила Эмилия.

— Кого?

— Сэр Магнуса Пая. Ты упомянул его. И хотел что-то мне сказать.

Но взгляд старика снова стал пустым. Он вернулся в мир, в котором теперь жил. Доктор Эмилия Редвинг пробыла с ним еще двадцать минут, но отец едва замечал, что дочь здесь. Затем она обменялась парой слов с сестрой-распорядительницей и ушла.

Домой она возвращалась с гнетущим чувством беспокойства, но едва припарковала машину, как выбросила из головы мысли про отца. Артур обещал приготовить сегодня вечером ужин. Они вместе посмотрят по телевизору «Жизнь с Лайонами» и пораньше лягут спать. Доктор Редвинг успела уже пролистать запись на прием на завтра и поняла, что день предстоит хлопотный.

Она открыла дверь и уловила запах гари. На секунду Эмилия всполошилась, но дыма не было, запах был слабым — скорее воспоминание об огне, чем реальный пожар. Войдя в кухню, она обнаружила Артура. Тот сидел за столом, точнее, лежал на нем и пил виски. Готовить ужин он даже не начал, и Эмилия сразу поняла: что-то стряслось. Артур тяжело переносил удары. Что-то произошло. Но что именно? Взглянув в сторону, доктор Редвинг увидела прислоненную к стене картину: деревянная рама обуглилась, большая часть холста прогорела. Это был портрет женщины. Его явно написал Артур, Эмилия сразу узнала его стиль, но ей потребовалось некоторое время, чтобы узнать, кто на нем изображен.

— Леди Пай... — пробормотала она, ответив на собственный вопрос прежде, чем успела его задать. — Что случилось? Где ты нашел его?

— В костре неподалеку от розария... В Пай-Холле.

— Как тебя туда занесло?

— Просто гулял. Я срезал путь через Дингл-Делл, увидел, что никого поблизости нет, и решил пройти через сады к большой дороге. Даже не знаю, почему меня туда потянуло. Возможно, так нужно было. — Он отхлебнул еще. Пьян Артур не был, виски служило ему для психологической поддержки.

— Брента не было. Никого вокруг, только эта чертова картина вместе с кучей остального хлама.

— Артур...

— Ну это их собственность. Они за нее уплатили и могут распоряжаться ею как угодно.

Доктор Редвинг вспомнила. Сэр Магнус заказал портрет к сорокалетию жены, и Эмилия была рада, даже когда узнала, как мало сэр Магнус готов заплатить. Это был заказ. Он так много значил для самооценки Артура, и тот принялся за работу с энтузиазмом. Он писал Фрэнсис Пай в течение трех сеансов в саду, с Дингл-Деллом на заднем фоне. Времени ему дали очень мало — начать с того, что леди Пай позировала крайне неохотно. Но даже так Фрэнсис Пай осталась довольна результатом: портрет подчеркивал все лучшее в ней, на нем она выглядела спокойной, слегка улыбающейся, уверенной в себе. Артур был вполне удовлетворен, как и сэр Магнус, приказавший повесить картину на видное место в большом холле.

— Это, наверное, ошибка, — сказала Эмилия. — С какой стати им его выбрасывать?

— Его кинули в огонь, — глухо проронил Артур и махнул в сторону холста. — А сначала он, похоже, исполосовал картину ножом.

— Можешь восстановить ее? Можно что-нибудь сделать?

Ответ она знала сама. Сохранились глаза женщины с их властным взглядом, уложенные темные волосы, часть плеча. Но большая часть изображения потемнела. Холст был разрезан на куски и обгорел. Эмили не хотелось даже, чтобы он оставался в доме.

— Прости, — сказал Артур. — Я не приготовил ужин.

Допив стакан, он вышел из комнаты.

6

— Ты это видела?!

Робин Осборн читал выпуск «Бат уикли кроникл», и Генриетта никогда не видела его более рассерженным. В нем действительно есть что-то ветхозаветное, подумалось ей. Черные волосы, ниспадающие на воротник, бледное лицо, горящие гневом глаза. Так мог выглядеть Моисей, клеймящий золотого тельца. Или Иисус Навин, штурмующий стены Иерихона.

— Они решили срубить Дингл-Делл!

— О чем ты говоришь? — Генриетта налила две чашки чая и, поставив их на поднос, понесла в комнату.

— Сэр Магнус Пай продал лес застройщикам. Они намерены проложить новую дорогу и возвести восемь новых домов.

— Где?

— Прямо здесь! — Викарий указал на окно. — Прямо за нашим садом! Вот на что предстоит нам теперь любоваться: на ряд современных домов! Ему-то самому, разумеется, смотреть на них не придется — он будет на другом берегу озера и оставит достаточно деревьев, чтобы отгородиться. А вот нам с тобой...

— Но он не может так поступить!

Генриетта обошла мужа так, чтобы прочитать заголовок. «Новые дома для Саксби-на-Эйвоне». Чересчур оптимистичное истолкование для подобного акта вандализма. Руки мужа, держащие газету, заметно тряслись.

— Это охраняемые законом земли! — продолжила она.

— Не важно, охраняемые они или нет. Судя по всему, он дал разрешение. Такие дела творятся по всей стране. Здесь пишут, что работы начнутся еще до конца лета. А значит, в грядущем месяце или следующим за ним. И мы ничего не в силах поделать.

— Можно написать епископу.

— Епископ не поможет. Никто не поможет.

— Но попытаться стоит.

— Нет, Генриетта. Слишком поздно.

Позже тем вечером, пока они вместе готовили ужин, преподобный все еще никак не мог успокоиться.

— Это ужасный, ужасный человек! Он сидит в своем большом доме, поглядывая на нас свысока. А ведь он ничем не заслужил этого. Он просто унаследовал усадьбу от своего отца, как тот от своего. Но бога ради, сейчас ведь тысяча девятьсот пятьдесят пятый, а не Средние века! Конечно, то, что проклятые тори до сих пор у власти, не очень помогает, но мы все-таки далеко ушли от тех дней, когда человек получал богатство и власть исключительно благодаря своей родословной. Разве сэр Магнус хоть пальцем пошевелил, чтобы помочь ближнему? Посмотри на церковь! Крыша течет, новая отопительная система нам не по карману, а он не соизволит порыться в своей мошне и дать хотя бы шиллинг. Да он даже на службы не ходит в тот самый храм, где его крестили. Фу! На кладбище у него есть зарезервированный участок. И если хочешь узнать мое мнение, чем быстрее он будет использован, тем лучше.

— Ты ведь не всерьез, Робин.

— Ты права, Хен. Не подобает так говорить, и это совершенно непростительно с моей стороны. — Осборн помолчал и перевел дух. — Я совсем не против строительства новых домов в Саксби-на-Эйвоне. Наоборот, очень важно, чтобы молодые люди оставались в деревне. Но данное предприятие — дело совсем другое. Очень сомневаюсь, что кто-то из здешних жителей сможет

позволить себе купить такое жилье. И попомни мои слова: эти дома будут отвратительно современными, совершенно не вписывающимися в местный колорит.

— Тебе не под силу остановить прогресс.

— Разве это прогресс? Стереть с лица земли прекрасный луг и лес, существующий тут тысячу лет? Честно говоря, я сомневаюсь, что это сойдет ему с рук. За все время здесь мы полюбили Дингл-Делл. Ты знаешь, что он для нас значит. Так вот, если эта затея осуществится, не пройдет и года, как мы будем жить рядом с пригородной улицей. — Робин отложил овощечистку и снял фартук. — Пойду-ка я в церковь, — ни с того ни с сего заявил он.

— А как же ужин?

— Я не голоден.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет. Спасибо, дорогая, но мне нужно время, чтобы поразмыслить. — Осборн надел пиджак.

— И попросить прощения.

— Ты не сделал ничего дурного.

— Я произнес слова, которые мне говорить не следовало. И в голове моей появились мысли, которым там не место. Я почувствовал ненависть к ближнему своему... Это ужасно!

— Есть люди, заслуживающие этого.

— Это верно. Но сэр Магнус — такой же человек, как и мы. Я обязан молиться о спасении его души.

Преподобный вышел из комнаты. Генриетта услышала, как открылась и закрылась входная дверь, и принялась наводить порядок в кухне. Она искренне переживала за мужа и знала, какой удар им обоим нанесет утрата Дингл-Делла. Может ли она что-то сделать? А если ей лично повидаться с сэром Магнусом Паем...

Тем временем Робин Осборн ехал по Хай-стрит, направляясь к храму. Велосипед его стал в деревне притчей во языцех: дряхлая развалина с вихляющимися колесами и железной рамой в тонну весом. К рулю его была прикреплена корзина. Обычно в ней лежали молитвенники или свежие овощи, которые преподобный вырастил сам и раздавал в дар бедным членам общины. В тот вечер в корзине было пусто.

Крутя педали, священник проехал на деревенской площади мимо Джонни Уайтхеда с женой. Чета под ручку направлялась в «Герб королевы». Уайтхеды не часто ходили в церковь — определенно не чаще, чем были обязаны. В этом, как и во всей своей жизни, они руководствовались соблюдением внешних приличий — именно оные побудили их поприветствовать викария. Тот не удостоил их вниманием. Бросив велосипед у входа на кладбище, он быстро прошагал и скрылся за главной дверью.

— Что с ним стряслось? — высказал мысль вслух Джонни. — Вид у него какой-то расстроенный.

— Может, это из-за похорон? — предположила Джемма Уайтхед. — Не очень-то приятное дело — погребать человека.

— Нет, викарии к такому привычны, — возразил Джонни. — Им это даже нравится. Похороны дают им повод почувствовать свою значимость.

Он оглядел дорогу. В гараже недалеко от храма Святого Ботольфа погас свет. Джонни заметил Роберта Блэкистона, пересекающего внешний дворик. Молодой человек закрывал на ночь мастерскую. Уайтхед посмотрел на часы, было ровно шесть.

— Паб открыт, — сказал он. — Давай заглянем.

Джонни пребывал в прекрасном настроении. Джемма разрешила ему сегодня съездить в Лондон — даже ей не под силу было заставить его всю жизнь проводить в Саксби-на-Эйвоне. Как славно было посетить пару любимых местечек и повидаться с парой старых друзей! Более того, ему просто нравилось находиться в городе, с его оживленным движением, пыльным и грязным воздухом. Ему нравился шум, нравились спешащие люди. Он изо всех сил старался стерпеться с жизнью в сельской местности, но чувствовал себя не более живым, чем фаршированный кабачок. Пересечься с Дерекком и Колином, пропустить в компании по паре кружек пива, прогуляться по Брик-лейн было все равно что родиться заново. Да при этом еще и вернуться с полусотней фунтов в кармане. Его такая щедрость удивила, но Колин даже глазом не моргнул.

— Отличная работа, Джонни! — сказал он. — Чистое серебро, да еще и старинное. Из музея добыл, так ведь? Тебе следует почаще к нам навещаться.

Что ж, сегодня он выпьет, даже если в «Гербе королевы» немногим веселее, чем на расположенном по соседству кладбище. В заведении собрались несколько человек из местных. За музыкальным автоматом стоял Тони Беннет. Уайтхед открыл дверь, пропуская жену, потом вошел сам.

7

Джой Сандерлинг была одна в аптечном пункте, выполнявшем также роль основного кабинета в лечебнице доктора Редвинг.

Дверь она открыла своим ключом. У нее имелись ключи от всех замков в здании, если не считать шкафчика с опасными лекарствами, и даже его она могла отпереть, так как знала, где доктор Редвинг хранит запасной ключ. Джой решила, как поступить. При одной мысли об этом сердце у нее начинало колотиться, но она все равно шла вперед.

Девушка вытащила из ящика стола лист бумаги и заправила в пишущую машинку. То была «Олимпия 8М2 Делюкс», которую ей дали при устройстве на работу. Машинка была портативная. Джой предпочла бы что-нибудь более солидное, поскольку печатать приходилось много, но не в ее характере было сетовать. Она посмотрела на изогнутую белую страницу перед ней и на миг вернулась мыслями к своей поездке в Таннер-Корт и встрече с Аттикусом Пюндом. Знаменитый сыщик ее разочаровал, но обиды на него она не чувствовала. С его стороны любезно было принять ее, тем более что выглядел он не слишком здоровым. Ей постоянно приходилось видеть больных людей. За время работы в больнице у Джой выработалось своего рода чутье. Она с первого взгляда определяла, если у пациента действительно серьезная болезнь, даже до его приема доктором, и сразу поняла, что Пюнд нуждается в помощи. Впрочем, это не ее забота. Важно то, что он был прав. Теперь, трезво все обдумав, Джой понимала, что остановить захлестнувшую деревню волну злых слухов невозможно. Пюнд ничего не мог бы тут поделать.

А вот она может.

Тщательно подбирая слова, девушка начала печатать. Много времени не понадобилось: весь текст состоял из трех-четырёх строчек. Закончив, Джой перечитала написанное, и теперь, увидев эти слова воочию, черным по белому, задала себе вопрос, действительно ли она сможет это сделать. Но другого пути не было.

Перед ней что-то пошевелилось. Подняв глаза, Джой увидела Роберта Блэкистона, стоявшего с другой стороны стойки, в зоне для посетителей. Он был в спецовке, перепачканной маслом и копотью. Девушка настолько сосредоточилась на деле, что не заметила его прихода. Смутьившись, она выдернула лист из машинки и положила его тыльной стороной вверх на стол.

— Ты что тут делаешь? — спросила Джой.

— Зашел повидать тебя, — ответил Роб.

Ну разумеется, он только что закрыл гараж и направился прямо сюда. Она не сказала ему о своей поездке в Лондон, и Роберт уверен, что она пробыла тут весь день.

— Как работа? — повеселев, поинтересовалась она.

— Недурно. — Роб посмотрел на лежащее текстом вниз письмо. — Что это?

В его голосе угадывалось подозрение, и девушка сообразила, что перевернула бумагу слишком поспешно.

— Это для доктора Редвинг, — ответила она. — Личное письмо. По медицинскому вопросу.

Лгать ей страшно не хотелось, но показать ему написанное она не согласилась бы ни при каких условиях.

— Может, выпьем чего-нибудь? — спросил молодой человек.

— Нет, мне нужно возвращаться к маме и папе. — Джой заметила, как по лицу Роберта пробежала тень, и обеспокоилась. — Что-то случилось?

— Да нет, в общем. Просто хотел побыть с тобой.

— Когда поженимся, мы всегда будем вместе, и никто ничего не сможет поделать.

— Ага.

Девушка заколебалась. Она вполне могла пойти вместе с Робом. Но мать приготовила праздничный ужин, а брат Пол всегда волновался, если сестра опаздывала. Она обещала почитать ему вечером, перед сном. Его это всегда радовало. Захватив письмо, Джой встала и прошла через дверцу, разделяющую зоны. Она улыбнулась жениху и поцеловала его в щеку.

— Мы станем мистер и миссис Роберт Блэкистон, будем идти по жизни вместе и никогда не расставаться.

Внезапно он обхватил Джой обеими руками и сжал так сильно, что ей стало больно. Потом Роб поцеловал ее, и она заметила в его глазах слезы.

— Я не вынесу разлуки с тобой, — сказал он. — Ты значишь для меня все, Джой, честное слово! Встреча с тобой была самым замечательным событием моей жизни, и я никому не позволю встать между нами.

Джой поняла, что он имеет в виду: деревню, слухи.

— Мне нет дела до того, что говорят люди, — покачала головой она.

— К тому же мы не обязаны оставаться в Саксби, а можем уехать куда захотим.

Ей подумалось, что именно об этом говорил Пюнд.

— Но мы останемся здесь, — продолжила девушка. — Все устроится, вот увидишь.

Через пару минут они расстались. Он пошел в свою крошечную квартирку, чтобы помыться и переодеться. Но Джой не поехала к родителям. Не сразу. У нее на руках оставалось написанное письмо, и его следовало доставить.

8

В ту же самую минуту, немного дальше по улице, Кларисса Пай услышала, как кто-то звонит в ее парадную дверь. Она готовила: на ужин у нее было нечто новенькое, недавно появившееся в деревенском магазине, — нарезанная аккуратными ломтиками мороженая рыба в сахарной крошке. Она налила на сковороду масла, но рыбу, по счастью, выложить не успела. Звонок издал новую трель. Кларисса положила картонную коробку на разделочный стол и отправилась посмотреть, кто там.

Через гранитное стекло окошка парадной двери обрисовывался размытый темный силуэт. Неужто бродячего коммерсанта занесло в такой поздний час? Недавно деревня подверглась настоящему нашествию таковых — не хуже саранчи, обрушившейся на Египет. Кларисса неохотно приоткрыла дверь, довольная, что предохранительная цепочка на месте, и выглянула в щель. На пороге стоял ее брат, Магнус Пай. За его спиной она разглядела машину, голубой «ягуар», припаркованный на Уинсли-Террас.

— Магнус? — Женщина так удивилась, что не могла подобрать слов. Брат навещал ее всего дважды, когда она болела. Он не был на похоронах, и Кларисса не видела его за все время после возвращения из Франции.

— Привет, Клара. Можно войти?

Он всегда, с детских лет, называл ее Кларой. Имя напомнило ей про мальчишку, каким он был, прежде чем стал мужчиной, таким, какой есть сейчас. Зачем взбрело ему в голову отрастить эту отвратительную бороду? Кто-нибудь подсказал Магнусу, что она ему не идет? Что с ней он похож на чокнутого аристократа с карикатуры? Глаза у брата стали водянистыми, на щеках проступили сосуды. Очевидно, что он злоупотребляет спиртным. А манера одеваться? Словно на гольф собрался. На Магнусе были мешковатые штаны, заправленные в носки, и ярко-желтый кардиган. Трудно было представить, что они брат и сестра, и даже более того — близнецы. Возможно, это разные жизненные пути длиной в пятьдесят три года развели их настолько, что между ними не осталось ничего общего. Если оно вообще когда-то было.

Кларисса закрыла дверь, сняла цепочку, потом отворила дверь снова. Магнус улыбнулся, хотя этот излом губ мог означать что угодно, и шагнул в коридор. Кларисса собиралась проводить его на кухню, но вспомнила про коробку с мороженой рыбой на разделочном столе и направилась в другую сторону. Поворот направо или поворот налево: дом номер четыре по Уинсли-Террас — это не Пай-Холл, тут выбор невелик.

Вдвоем они вошли в гостиную, чистую и уютную комнату: ковер с круговым орнаментом, диван и два кресла и эркерное окно. Дополняли обстановку электрокамин и телевизор. С минуту они неловко молчали.

— Как ты? — спросил Магнус.

Он на самом деле хочет знать? Ему это интересно?

— Все замечательно, спасибо, — ответила Кларисса. — Как сам? Как Фрэнсис?

— А, с ней все замечательно. В Лондон поехала... за покупками. — Последовала очередная неловкая пауза.

— Могу я предложить тебе чего-нибудь выпить? — спросила Кларисса. Возможно, это просто визит вежливости: другая причина, по которой брат мог оказаться здесь, не приходила ей в голову.

— Было бы недурно. А что у тебя есть?

— Есть шерри.

— Спасибо.

Магнус сел. Кларисса подошла к угловому шкафчику и достала бутылку. Она стояла там с Рождества, кажется. Не испортилось ли шерри? Кларисса наполнила два стакана, понюхала, потом вернулась к гостю.

— Жаль слышать, что вас ограбили, — сказала она.

Магнус пожал плечами:

— Да, дома нас встретили не самым приятным образом.

— Когда вы вернулись из Франции?

— В субботу вечером. Входим в дом и обнаруживаем, что там все перерыто. Этот чертов идиот Brent не отремонтировал заднюю дверь. Я рад, что избавился от него, он давно уже действовал мне на нервы. Садовник из него неплохой, но поведение его мне никогда не нравилось.

— Ты его уволил?

— Думаю, настало время ему съехать.

Кларисса отпила шерри. Напиток прилипал к губе, словно отказываясь литься в горло.

— Слышала, ты потерял часть серебра?

— Почти все на самом деле. Признаться честно, времечко выдалось трудное: эта история и все прочее.

— Ты имеешь в виду Мэри Блэкистон?

— Да.

— Я огорчилась, не увидев тебя на похоронах.

— Знаю, мне жаль. Я не знал...

— Но викарий вроде бы написал тебе?

— Написал. Вот только я получил его письмо слишком поздно. Проклятая французская почтовая служба! Вообще-то, об этом я и хотел с тобой поговорить.

К шерри Магнус не притронулся. Он обвел взглядом комнату, словно видел ее в первый раз.

— Тебе здесь нравится?

Вопрос удивил ее.

— Нормально, — ответила Кларисса. Потом придала голосу больше твердости: — На самом деле я здесь очень счастлива.

— Правда? — Он произнес это таким тоном, словно сомневался в ее искренности.

— А почему нет?

— Дело, знаешь ли, в том, что Лодж-хаус теперь опустел...

— Ты про гостевой дом в Пай-Холле?

— Да.

— И ты хочешь, чтобы я переехала туда?

— Я думал об этом, пока летел назад. Чертовски жаль Мэри Блэкистон. Я, как тебе известно, был очень к ней привязан. Она была хорошая повариха и хорошая домоправительница, но прежде всего умела держать язык за зубами. Узнав об этом злополучном происшествии, я понял, что ее трудно будет заменить. И тут я подумал о тебе...

По телу у Клариссы пробежал холодок.

— Магнус, ты предлагаешь мне ее место?

— Почему нет? Ты ведь не работала толком с тех пор, как вернулась из Америки. Уверен, в школе тебе платят не очень много, а деньги наверняка не помешают. Если переедешь в Лоджхаус, то сможешь продать эту квартиру и будешь снова наслаждаться жизнью в усадьбе. Помнишь, как мы с тобой бродили вокруг озера? Играли в крокет на лужайке. Естественно, мне нужно будет обсудить все с Фрэнсис. Пока я с ней не разговаривал, хотел услышать твой ответ. Ну, что скажешь?

— Могу я подумать?

— Конечно. Это была просто мысль, но из нее в самом деле может выйти что-то очень дельное. — Магнус поднялся, держа стакан в руке, потом передумал и снова сел. — Всегда рад видеть тебя, Клара. Будет здорово, если ты вернешься.

Усилием воли она проводила брата до двери, а после стояла и смотрела, как он садится в свой «ягуар» и уезжает. Ей никак не удавалось восстановить дыхание. Даже разговаривать с ним стоило гигантского труда. Волна за волной подкатывала тошнота, руки онемели. Кларисса слышала выражение «помертветь от гнева», но не думала, что оно может быть буквальным.

Магнус предложил ей место, предложил стать его служанкой. Мыть полы, убирать. Боже правый! Она ведь ему сестра и родилась в том самом доме. Она прожила там двадцать с лишним лет, ела с ним за одним столом. Ей пришлось съехать лишь после того, как погибли родители, а Магнус женился — эти два события произошли в неподобающе быстрой последовательности. С того дня Кларисса превратилась для него в ничто. А теперь такое!

В коридоре висела репродукция картины Леонардо да Винчи «Мадонна в скалах». Дева Мария вполне могла бы оторвать взгляд от Иоанна Крестителя и посмотреть с опаской на Клариссу Пай, протопавшую мимо с жаждой мести в глазах.

Определенно, на уме у этой женщины была не молитва.

9

К половине девятого на Саксби-на-Эйвоне опустилась темнота.

Брент заработался допоздна. Помимо лужаек и прочей растительности, было еще пятьдесят сортов роз, на которых требовалось убрать увядшие цветы, и нужно было подрезать кроны на вязах. Убрав в конюшню тележку и садовые инструменты, он обогнул озеро и зашагал через Дингл-Делл по тропе, идущей мимо дома викария к «Паромщику», второму деревенскому пабу, расположенному у нижнего перекрестка.

Как раз когда Брент выходил на опушку леса, произошло нечто, заставившее его обернуться. Он услышал какой-то звук. Он бросил взгляд на дом, стараясь разглядеть его в темноте. На нижнем этаже горела пара окон, но никакого движения не наблюдалось. Насколько Брент знал, сэра Магнуса Пай находился там один. Он прикатил из деревни с час назад, но его жена уехала на день в Лондон. Ее машины в гараже до сих пор не было.

Брент увидел фигуру на дорожке от главных ворот. Это был мужчина, он шел. Зрение у Брента было хорошее, и луна светила, но ему не узнать, не из деревенских ли этот человек. Трудно было сказать, потому что большая часть лица посетителя пряталась под шляпой. Но было нечто странное в том, как он шел: неизвестный пригнулся и старался держаться в тени, как если бы не хотел, чтобы его заметили. Поздновато было для визитов к сэру Магнусу. Брент поразмыслил, не повернуть ли ему назад. В тот самый день, когда состоялись похороны, в усадьбу залезли воры, и все держались настороже. Чтобы пересечь лужайку и проверить, все ли в порядке, потребуется всего пара минут.

Но Брент решил этого не делать. В конечном счете не его дело, кто наведывается в Пай-Холл, а в свете разговора, состоявшегося между ним и сэром Магнусом тем самым вечером, и после сказанного сэром Магнусом Брент определенно не чувствовал преданности ни к своему нанимателю, ни к его жене. Им никогда не было до него дела. Его воспринимали как само собой разумеющееся. Он работал на них с восьми утра до ночи много лет за откровенно смешное жалование, и ни разу не услышав спасибо. Обычно среди недели Брент не ходил выпить, но получилось так, что в кармане у него лежали десять шиллингов, которые он намеревался спустить на фиш-энд-чипс и пару пинт. «Паромщик» стоял в нижнем конце деревни. То было убогое

обшарпанное заведение, куда менее солидное, чем «Герб королевы». Брента там знали. Он всегда садился в одном и том же месте у окна. За два часа пребывания в пабе он обменивался с барменом десятком слов, но для Брента это сходило за беседу. Смотритель выкинул неурочного посетителя из головы и зашагал своей дорогой.

Прежде чем двадцатью пятью минутами позже он дошел до паба, у него произошла еще одна странная встреча. Когда Brent вынырнул из-под деревьев, то наткнулся на идущую навстречу ему несколько растрепанную женщину, в которой он узнал Генриетту Осборн, жену викария. Она, должно быть, вышла из своего дома, стоявшего немного дальше по дороге, и очень спешила. На ней была голубая парка, мужская, видимо принадлежащая ее супругу. Волосы у нее были в беспорядке, вид рассеянный.

— Ах, Brent, добрый вечер! — увидев его, воскликнула Генриетта Осборн. — Поздновато вышли.

— Я в паб иду.

— Правда? А я просто хожу... Ищу викария. Вы, случайно, его не видели?

— Нет. — Brent тряхнул головой, недоумевая, с какой стати священнику понадобилось уходить в такой час. Они с женой поссорились? Потом он вспомнил. — Кто-то шел в Пай-Холл, миссис Осборн. Может, это он был?

— В Пай-Холл?

— Хозяева недавно приехали.

— Ума не приложу, что могло ему там понадобиться. — Голос у нее был встревоженный.

— Я не знаю точно, кто это был, — пожал плечами Brent.

— Ну хорошо, спокойной ночи. — Генриетта повернулась и пошла назад, к своему дому.

Час спустя Brent сидел за фиш-энд-чипс, потягивая вторую пинту. В комнате было темно от табачного дыма. Музыкальный автомат играл громко, но в паузах между дисками смотритель парка уловил шум велосипеда, проезжающего по направлению к перекрестку. Brent поднял глаза и увидел, как велосипед проезжает мимо. Этот звук ни с чем нельзя было спутать. Выходит, он был прав: викарий побывал в Пай-Холле и теперь возвращался домой. В усадьбе он пробыл довольно долго. Brent подумал мельком про встречу с Генриеттой Осборн. Женщина беспокоилась о чем-то. Что происходит? Ну да ладно, не его ума дело. Brent отвернулся и выбросил это дело из головы.

Но довольно скоро ему пришлось о нем вспомнить.

10

На следующее утро Аттикус Пюнд прочел в «Таймс» статью.

УБИЙСТВО БАРОНЕТА

Уилтширскую деревню Саксби-на-Эйвоне посетила полиция в связи со смертью сэра Магнуса Пая, богатого местного землевладельца. Следователь Реймонд Чабб из полицейского отделения в Бате подтвердил, что смерть произошла в результате убийства. У сэра Магнуса остались его жена Фрэнсис, леди Пай, и сын Фредерик.

Пюнд сидел в гостиной в Таннер-Корте и курил сигарету. Джеймс Фрейзер принес ему газету и чашку чаю. Вскоре он вернулся, чтобы опорожнить пепельницу.

— Видели первую страницу? — спросил Пюнд.

— Еще бы! Это ужасно. Бедная леди Маунтбеттен...

— Прошу прощения?

— Ее машину угнали! И это посреди Гайд-парка!

Пюнд улыбнулся, немного печально.

— Я не ту статью имел в виду. — Он ткнул пальцем в нужное место. Фрейзер прочитал.

— Пай! — воскликнул он. — Не тот ли это...

— Да, он самый. Работодатель Мэри Блэкистон. Его имя упоминалось в этой комнате всего пару дней назад.

— Какое совпадение!

— Возможно. Совпадения случаются. Но в данном случае я не очень-то в него верю. Мы говорим о смерти — о двух скоропостижных смертях в одном и том же доме. Вы не находите это занимательным?

— Вы ведь так просто это не оставите?

Аттикус Пюнд задумался.

Ему определено не с руки было браться за новое дело. Время, которое было в его распоряжении, попросту не позволяло этого. Согласно доктору Бенсону, ему оставалось от силы три месяца относительного здоровья, а их может не хватить, чтобы поймать убийцу. К тому же он уже принял определенные решения. Нужно использовать это время, чтобы привести в порядок дела. Необходимо составить завещание, распорядиться домом и собственностью. Из Германии он уехал практически без гроша за душой, но была коллекция фигурок из мейсенского фарфора работы восемнадцатого века, принадлежавшая его отцу и каким-то чудом пережившая войну. Пюнду хотелось бы видеть эту коллекцию в качестве экспоната, и он уже написал в Музей Виктории и Альберта в Кенсингтоне. Для него будет утешением, если после его ухода музыкант, проповедник, солдат, швея и прочие члены его маленького «семейства» останутся неразлучны. В конечном счете это единственная семья, которая у него есть.

Пюнд упомянул в завещании Джеймса Фрейзера, бывшего с ним в ходе пяти последних дел и чья преданность и бодрый дух никогда ему не изменяли, пусть даже от молодого человека было мало проку, когда дело касалось расследования преступлений. Пюнд хотел совершить несколько благотворительных пожертвований, особенно в Фонд поддержки сирот полиции метрополии и столицы. Более того, оставались бумаги, касающиеся главного труда его жизни, «Ландшафт криминалистического расследования». Чтобы закончить работу, ему требовался целый год. В нынешнем ее состоянии монографию издателю направлять невыносимо. Но Пюнд рассчитывал хотя бы собрать все свои записки, а также газетные вырезки, письма и полицейские рапорты, чтобы в будущем некий ученый-криминолог смог свести все их воедино. Обидно будет, если такой труд пропадет даром.

Таков был его план. Но если жизнь чему и научила его, так это тщетности составления планов. У жизни есть своя программа действий.

Сыщик повернулся к Фрейзеру.

— Я сказал мисс Сандерлинг, что не могу ей помочь, так как у меня нет веского повода появиться в Пай-Холле, — сказал он. — Но теперь этот повод имеется, и, как я вижу, дело ведет наш старый знакомый, инспектор Чабб. — Пюнд улыбнулся. Былые искорки заблестели в его глазах. — Соберите вещи, Джеймс, и подгоните машину. Мы выезжаем немедленно.

Часть III Девочка

1

Водить Аттикус Пюнд так и не научился. Не потому что был махровым ретроградом. Он был в курсе последних научных достижений и без колебания прибегал к ним — например, в части лечения своей болезни. Но в стремительности перемен, в этом внезапном нашествии механизмов всех типов и размеров было нечто приводящее его в смятение. По мере того как телевизоры, пишущие машинки, холодильники и стиральные машины все шире входили в обиход и даже поля заполнились столбами электролиний, Пюнд все чаще ловил себя на мысли, что человечеству еще, возможно, придется заплатить за прогресс неведомую пока цену. Об этом говорил его жизненный опыт. Ведь нацизм, по сути говоря, тоже был не чем иным, как машиной. Пюнд не бежал без оглядки навстречу новой технологической эре.

И потому, склонившись перед неизбежным и согласившись, что ему нужен личный автомобиль, он целиком переложил задачу на Джеймса Фрейзера. Тот ушел и пригнал модель «Велокс» от фирмы «Воксхолл» с четырехдверным салоном. Выбор, как признавал Пюнд, был удачным: солидный и надежный аппарат, достаточно просторный. Фрейзер, разумеется, радовался как мальчишка. Шестицилиндровый двигатель. Разгон с нуля до шестидесяти миль в час всего за двадцать две секунды. Обогрев лобового стекла зимой. Но Пюнд был доволен уже тем, что машина доставляла его туда, куда нужно, и, имея неброский серый кузов, не возвещала на всю округу о его прибытии.

После трехчасовой поездки из Лондона, проделанной без остановок, «воксхолл» с Джеймсом Фрейзером за рулем подкатил к Пай-Холлу. На гравийной дорожке были припаркованы две полицейские машины. Пюнд вышел и размял ноги, радуясь освобождению из замкнутого пространства. Взгляд его проделал путь по фронтому здания, отметив его пышность, элегантность и чисто английский стиль. Он сразу определил, что этот дом много поколений принадлежал одной семье. Об этом говорили неизменность качества, дух постоянства.

— Чабб здесь, — вполголоса заметил Фрейзер.

В проеме входной двери появилась знакомая физиономия полицейского инспектора. Фрейзер позвонил ему перед выездом, и Чабб определенно ждал их. Пухлый и жизнерадостный, с усами, как у Оливера Харди⁹, следователь был в скверно сидящем костюме, под который было надето последнее изделие, связанное его женой: на этот раз особенно неудачный розовато-лиловый кардиган. Следователь был толстяком — такое впечатление он неизменно производил. Пюнд заметил однажды, что Чабб имеет вид человека, только что особенно вкусно отобедавшего. Инспектор скатился по ступенькам парадного входа, явно радуясь гостям.

— Герр Пюнд! — воскликнул он.

Чабб всегда обращался к нему «герр», как-то исподволь указывая, что в характере Пюнда есть изъян, поскольку он родился в Германии. Это все равно как если бы следователь сказал: давайте не будем забывать, кто победил в войне.

— Ваш звонок очень меня удивил, — продолжил Чабб. — Только не говорите, что вы вели дела с покойным сэром Магнусом.

— Ничего подобного, инспектор, — ответил Пюнд. — Я никогда не встречался с ним и узнал о его смерти из утренних газет.

— Так что же вас сюда привело? — Инспектор перевел взгляд на Джеймса Фрейзера и воззрился на него, словно видел в первый раз.

— Странное совпадение.

По правде, Фрейзер часто слышал из уст сыщика, что такой штуки, как совпадение, не бывает. В «Ландшафте криминалистического расследования» имелась глава, где автор излагал точку

---

⁹ Оливер Харди (1892-1957) — американский комик.

зрения, что все в жизни следует определенному шаблону и совпадение — это просто момент, когда этот шаблон становится на краткое время видимым.

— Одна юная леди из этой деревни приезжала ко мне вчера, — продолжил Пюнд. — Она поведала мне о смерти, произошедшей здесь две недели назад.

— Это вы про экономку, Мэри Блэкистон?

— Да. Девушку беспокоило то, что определенные люди делают на основании случившегося ложные обвинения.

— Хотите сказать, что за смертью той пожилой дамочки кроется умышленное убийство? — Чабб достал из кармана пачку «Плейерс» — он покупал сигареты только этой марки — и закурил. На указательном и среднем пальцах правой его руки проступали несмываемые желтые пятна, как на клавишах старого фортепьяно. — Ну, тут я могу вас успокоить, герр Пюнд. Я лично все проверил и могу вас уверить, что это чистой воды несчастный случай. Она пылесосила на верхней площадке лестницы, запуталась в проводе и скатилась по ступеням. На полу толстая каменная плитка — какая незадача для жертвы! Ни у кого не имелось причины ее убивать, к тому же она заперлась в доме и была совершенно одна.

— А как насчет смерти сэра Магнуса?

— Вот это уже совсем другая история. Войдите и сами посмотрите на эту бойню — другого слова не подберешь. Я сначала докурю, если не возражаете. Внутри довольно мерзко. — Он с жадностью припал к сигарете и затянулся. — Мы в данный момент склонны считать, что это грабеж, пошедший не по сценарию. Это самый очевидный вывод.

— Самые очевидные выводы — это то, чего я всегда стараюсь избегать.

— Ну, у вас свои методы, герр Пюнд, и я не утверждаю, что от них не было проку в прошлом. Что мы имеем здесь: богатый местный землевладелец, прожил в этой деревне всю жизнь. Рано пока говорить, но я не вижу никого, кто затаил на него обиду. Дальше: накануне вечером примерно в половине восьмого кто-то проник в усадьбу. Его заметил Brent, смотритель парка, только что закончивший работу. Описать внешность этого человека он не смог, но впечатление у него создалось такое, что это кто-то не из местных.

— Откуда такая уверенность? — спросил Фрейзер. Его до этой минуты упорно не замечали, и он решил напомнить присутствующим, что все еще здесь.

— Ну вы знаете, как это бывает. Гораздо проще узнать человека, если видел его прежде. Даже если не видно лица, можно узнать походку или очертания фигуры. Brent твердо убежден, что видел чужака. К тому же в поведении шедшего к дому незнакомца было нечто странное — он словно не хотел, чтобы его заметили.

— Вы полагаете, что это был грабитель, — сказал Пюнд.

— Несколько дней назад на дом уже совершили налет. — Чабб вздохнул, словно устав объяснять все снова. — Когда экономка умерла, пришлось выбить стекло в задней двери, чтобы доктор могла войти. Дверь так и не починили, и пару дней спустя в дом залезли воры. Они унесли с собой изрядный груз древних монет и украшений — римской эпохи, если угодно. Возможно, тогда они тут осмотрелись. В кабинете сэра Магнуса есть сейф. В тот раз грабители не смогли его вскрыть, но теперь-то они знали, где он, и решились на вторую попытку. Они считали, что дом по-прежнему стоит пустым. Сэр Магнус застал их врасплох, и вот вам результат.

— Вы упомянули, что его убили жестоко.

— Это слабо сказано. — Чаббу пришлось успокоить нервы еще одной глубокой затяжкой. — В главном холле есть старинные доспехи. Скоро вы их увидите. В полном комплекте, с мечом. — Инспектор сглотнул. — Мечом-то и воспользовались. Убитому начисто снесли голову.

Пюнд поразмыслил над услышанным.

— Кто его нашел? — спросил он.

— Жена. Она ездила в Лондон за покупками и вернулась примерно в девять пятнадцать.

— Поздновато закрываются магазины, — едва заметно улыбнувшись, заметил Пюнд.

— Ну, допустим, она еще поужинала. Так или иначе, когда она вернулась, то заметила отъезжающую машину. Женщина не уверена насчет модели, но машина была зеленая, и еще она разглядела две буквы на регистрационном номере: *FP*. Кстати, это ее инициалы. Леди Пай вошла и обнаружила мужа лежащим у подножия лестницы, почти в том же самом месте, где за неделю до того нашли тело экономки. Но лежал он там не весь: голова откатилась по полу до самого

камина. Не уверен, что вам удастся в ближайшее время поговорить со свидетельницей. Она сейчас в больнице в Бате, до сих пор под действием успокоительных препаратов. Именно она позвонила в полицию, и я прослушал запись звонка. Бедная женщина: он так кричала и рыдала, что едва могла говорить. Если это убийство, вы определенно можете вычеркнуть ее из списка подозреваемых, если только она не величайшая в мире актриса.

— Тело, как я понимаю, убрали.

— Да. Мы увезли его ночью. Для этого требовался крепкий желудок, скажу я вам.

— После этого второго проникновения в дом что-то пропало, инспектор?

— Трудно сказать. Нужно переговорить с леди Пай, когда она будет в состоянии ответить. Но на первый взгляд ничего не украли. Если угодно, можете зайти, герр Пюнд. Официальных полномочий у вас нет, конечно, и мне, вероятно, следовало бы перемолвиться с заместителем начальника, но думаю, никакого вреда не будет. Если вам что-то придет на ум, дайте мне знать.

— Разумеется, инспектор, — кивнул Пюнд.

Фрейзер знал, однако, что этого не будет. Он сопровождал Пюнда в пяти отдельных расследованиях и познакомился с раздражающей привычкой сыщика держать все соображения при себе до тех пор, пока ему не будет угодно сообщить правду.

Они одолели три ступеньки, но, прежде чем войти в парадную дверь, Пюнд остановился и наклонился.

— А вот это странно, — произнес он.

Чабб в недоумении воззрился на него.

— Вы хотите сказать, я что-то проглядел? — резко спросил следователь. — А мы даже не вошли в дом!

— Возможно, инспектор, это не относится к делу, — поспешил успокоить его Пюнд. — Но обратите внимание на цветочную клумбу рядом с дверью...

Фрейзер посмотрел вниз. Цветочные клумбы шли по обеим сторонам от входа, разделенные ступеньками крыльца.

— Петунии, если не ошибаюсь, — отозвался Чабб.

— Насчет этого судить не берусь, — сказал Пюнд. — Но вы не видите этого отпечатка ладони?

Чабб и Фрейзер присмотрелись. Действительно, слева от двери на мягкой почве виднелся след от руки. Судя по размеру, Фрейзер предположил, что принадлежал он мужчине. Пальцы были расставлены. Очень странно, подумал Фрейзер. Отпечаток ноги был бы куда уместнее.

— Он, скорее всего, принадлежит садовнику, — предположил Чабб. — Другое объяснение мне в голову не приходит.

— Возможно, вы правы. — Пюнд пружинисто поднялся и пошел дальше.

Дверь привела их в просторную прямоугольную комнату с лестницей прямо перед ними и двумя другими дверями, справа и слева. Фрейзер сразу увидел, где лежало тело сэра Магнуса, и у него, как всегда, засосало под ложечкой. Персидский ковер тускло поблескивал, густо пропитанный кровью. Кровь щедро разлилась по плитам пола, до самого очага, окружив ножки одного из стоявших там кожаных кресел. Вся комната была насыщена ее запахом. Меч лежал по диагонали, рукоятью к лестнице, а острием указывая на оленью голову, смотревшую свысока своими стеклянными глазами. Видимо, чучело было единственным очевидцем происшедшего. Остальная часть доспехов, пустотелый рыцарь, стояла рядом с дверью в гостиную. Вместе со своим нанимателем Фрейзер посетил немало мест преступления. Нередко ему приходилось видеть там тела жертв: заколотых, застреленных, утонувших и так далее. Но он поймал себя на мысли, что в представшей здесь картине есть что-то особенно зловещее, а темные деревянные панели и галерея для менестрелей придавали ей сходство с эпохой Иакова I.

— Сэр Магнус был знаком с человеком, убившим его, — вполголоса заметил Пюнд.

— Почему вы так решили? — спросил Фрейзер.

— Исходя из расположения доспехов и планировки комнаты. — Пюнд взмахнул рукой. — Взгляните сами, Джеймс. Вход позади нас. Доспехи и меч в глубине комнаты. Если убийца вошел через парадную дверь с намерением напасть на сэра Магнуса, ему пришлось бы обойти жертву кругом, чтобы добраться до оружия. Тем временем, если дверь была открыта, сэр Магнус без труда мог сбежать. А так создается впечатление, что сэр Магнус скорее провожал гостя. Они выходят из гостиной. Сэр Магнус идет первым, убийца следом за ним. Открывая дверь, баронет

не видит, что гость вытащил меч. Он поворачивается, видит, как гость приближается, и, вероятно, просит пощады. Убийца наносит удар. И мы видим ту картину, которая перед нами.

— И все-таки это мог быть чужак.

— Вы бы пригласили неизвестного человека в дом поздно вечером? Не думаю. — Пюнд покрутил головой. — Здесь не хватает картины.

Фрейзер проследил за его взглядом и убедился, что сыщик прав. На стене рядом с дверью виднелся пустой крюк, а на деревянной панели выделялся оттенком прямоугольник, красноречиво указывающий на отсутствующее произведение искусства.

— Думаете, это важно? — спросил Фрейзер.

— Важно все, — ответил Пюнд. Он в последний раз огляделся. — Здесь больше смотреть не на что. Любопытно было бы выяснить, как именно обнаружили экономку, погибшую две недели назад, но мы к этому еще вернемся. Не пройти ли нам в гостиную?

— Разумеется, — кивнул Чабб. — Эта дверь ведет в гостиную, а кабинет сэра Магнуса находится с другой стороны. Там мы нашли письмо, которое может вас заинтересовать.

В гостиной значительно сильнее, чем в холле, ощущалась женская рука: бледно-розовый ковер, плюшевые шторы с цветочным рисунком, удобные диваны и столики под рукой. Повсюду лежали фотографии. Фрейзер взял одну. На ней были изображены три человека, стоящие вместе перед домом. Круглолицый мужчина с бородой в старомодном костюме. Женщина рядом с ним, возвышаясь над соседом на несколько дюймов, смотрела в объектив нетерпеливым взглядом. Еще там был мальчик в школьной форме, с хмурым лицом. Определенно, это была фотография семьи, пусть и не самой счастливой: сэр Магнус, леди Пай и их сын.

Дверь в дальнем конце охранял полицейский в мундире. Пройдя через нее, они оказались в комнате, центральным предметом которой был антикварный стол, расположенный между двумя книжными шкафами, и из окна напротив открывался вид на лужайку и лежащее за ней озеро. Пол был паркетным, часть деревянных панелей стены скрывалась за ковром. К центру комнаты были обращены два кресла, между ними стоял старинный глобус. Главным предметом интерьера дальней стены был камин, пепел и угли говорили о том, что в нем недавно разжигали огонь. В воздухе чувствовался слабый аромат сигарного дыма. На боковом столике Фрейзер заметил хьюмидор и тяжелую стеклянную пепельницу. Деревянные панели, как в холле, украшали еще несколько полотен маслом, висевших, видимо, тут со времени возведения самого дома. Пюнд подошел к одной из них — изображению лошади перед конюшней, очень похоже на стиль Стаббса¹⁰. Сыщик обратил на нее внимание, потому что она висела под углом к стене, как приоткрытая дверца.

— Так и было, когда мы вошли, — заметил Чабб.

Пюнд достал из кармана ручку, подцепил ею картину и потянул на себя. Она повернулась на петлях, открыв очень прочный с виду сейф, вделанный в стену.

— Комбинацию мы не знаем, — продолжил Чабб. — Уверен, что леди назовет ее нам, когда поправится.

Пюнд кивнул и перенес внимание на стол. Скорее всего, сэр Магнус провел за ним несколько часов перед смертью, поэтому разбросанные по столешнице бумаги могли дать какой-то намек на случившееся.

— В верхнем ящике лежит пистолет, — сказал Чабб. — Старый армейский револьвер. Из него не стреляли, он не заряжен. Если верить леди Пай, ее муж обычно держал его в сейфе. Видимо, он достал его из-за ограбления.

— Или у сэра Магнуса имелись причины для тревоги. — Пюнд открыл ящик и посмотрел на оружие.

Это и в самом деле был револьвер «уэбли» тридцать восьмого калибра. И Чабб был прав — из пистолета не стреляли.

Детектив задвинул ящик и обратился к поверхности стола, начав с серии чертежей. Это были архитектурные планы, разработанные компанией под названием «Ларкин Гэдуэлл», расположенной в Бате. На них был изображен квартал жилых домов, числом двенадцать, двумя

---

¹⁰ Джордж Стаббс (1724-1806) — английский художник и натуралист.

линиями по шесть в каждом. Рядом лежала кучка документов, переписка с муниципальным советом: бумажный след, призванный в результате привести к разрешению на застройку. Вскоре догадка подтвердилась: красочная брошюра с заголовком «Дингл-драйв. Саксби-на-Эйвоне». Все это занимало один угол стола. На другом стоял телефон и рядом с ним блокнот. Кто-то, скорее всего сэр Магнус, написал карандашом — сам карандаш лежал поблизости:

*Эштон Х
Ро
Девочка*

Эти слова были аккуратно написаны наверху страницы, но затем сэр Магнус, должно быть, разволновался. Несколько строчек размашистым сердитым почерком наезжали друг на друга. Пюнд передал страницу Фрейзеру.

— Девочка? — спросил Джеймс.

— Похоже на заметки во время телефонного разговора, — предположил Пюнд. — «Ро» может быть обозначением для чего-то. Обратите внимание, что буква «о» строчная. А вот девочка... Возможно, она была предметом разговора.

— Похоже, разговор этот не доставил ему особой радости.

— Совершенно верно.

В завершение Пюнд обратился к пустому конверту, а затем к письму, о котором, видно, и упоминал Чабб и которое лежало на середине стола. Адреса на конверте не было, только имя «сэру Магнусу Паю», написанное от руки черными чернилами. Вскрыт он был небрежно. Пюнд вытащил платок и воспользовался им, чтобы взять конверт. Он тщательно осмотрел его, потом положил и взял письмо. Отпечатанное на машинке, оно было адресовано Магнусу Паю и содержало дату 28 июля 1955 года — тот самый день, когда произошло убийство. Пюнд прочел:

Думаешь, это сойдет тебе с рук? Эта деревня стояла тут до тебя и будет стоять после, и если ты думаешь, что можешь уничтожить ее своим строительством и наживой, то очень ошибаешься. Пораскинь мозгами, говнюк, если хочешь жить здесь. Если хочешь жить.

Подписи не было. Пюнд снова положил его на стол, чтобы Фрейзер мог прочитать.

— Кто бы его ни написал, у него проблемы со словом «строительство», — заметил молодой человек.

— А еще он может быть кровожадным маньяком, — вполголоса добавил Пюнд. — Это письмо должно было прийти вчера. Сэра Магнуса убили спустя несколько часов после того, как оно было доставлено, — все, как тут обещано. — Он повернулся к полицейскому инспектору. — Насколько понимаю, чертежи имеют отношение к этому делу.

— Верно, — согласился Чабб. — Я звонил этим ребятам из «Ларкин Гэдуэлл». Это застройщики из Бата, и у них, надо полагать, состоялась некая сделка с сэром Магнусом. Я собирался навестить их сегодня после обеда. Если хотите, едемте со мной.

— Вы очень любезны, — кивнул Пюнд. Его внимание по-прежнему было сосредоточено на письме. — Есть здесь нечто, что я нахожу немного странным.

— Думаю, тут я вас опередил, Пюнд. — Следователь просиял, довольный собой. — Надпись на конверте сделана от руки, тогда как письмо отпечатано на машинке. Стоит счесть это серьезным проколом со стороны отправителя, если он или она намеревались остаться неизвестными. Мое предположение таково: он сначала запечатал письмо, потом сообразил, что забыл указать адресата, а всунуть конверт в машинку уже не получится. Со мной самим такое частенько происходит.

— Вполне вероятно, что вы правы, инспектор. Но я обратил внимание не на эту странность.

Чабб ждал продолжения, но стоявший по другую сторону стола Фрейзер знал, что это напрасная надежда. Так и оказалось. Пюнд уже переключил внимание на камин. Снова достав из кармана ручку, он покопался в пепле, нашел что-то и аккуратно отделил от кучки. Подойдя, Фрейзер увидел клочок бумаги, размером с сигаретную карточку, обгоревший по краям. Такие

моменты в работе с Пюндом Джеймс очень ценил. Чаббу даже в голову не пришло осмотреть очаг. Полицейский обычно окидывал комнату беглым взглядом, вызывал судебных экспертов и шел заниматься своими делами. А тут вам ключ, причем такой, что может широко распахнуть дверь к разгадке. На клочке может оказаться имя. И даже несколько букв могут дать образец почерка, по которому удастся установить человека, побывавшего в комнате. К сожалению, в данном случае обрывок бумаги оказался совершенно чистым. Но Пюнда это, похоже, вовсе не обескуражило, напротив.

— Взгляните-ка, Фрейзер! — воскликнул сыщик. — Вот тут есть слегка выцветшее пятно. И мне кажется, можно рассмотреть по крайней мере часть отпечатка пальца.

— Отпечаток пальца? — Услышав эти слова, Чабб подошел ближе. Фрейзер вгляделся пристальнее и убедился, что Пюнд прав. Пятно было темно-коричневого цвета, и первое, о чем подумал Джеймс, что это пролитый кофе. В то же время он не понимал, какое отношение к делу может иметь находка. Кто угодно мог разорвать лист бумаги и бросить в огонь. Допустим, сам сэръ Магнус.

— Передам его в лабораторию, чтобы изучили, — сказал Чабб. — Заодно и письмо пусть посмотрят. Все-таки нельзя сбрасывать со счетов возможность, что я пришел к слишком поспешным выводам насчет того взломщика.

Пюнд кивнул и выпрямился.

— Нам понадобится жилье, — заявил он вдруг.

— Вы планируете остаться?

— Если позволите, инспектор.

— Ну еще бы. Полагаю, в «Гербе королевы» можно разместиться. Это паб рядом с церковью, но у них есть и комнаты на ночь. Если предпочитаете гостиницу, то вам в Бат.

— Мне удобнее оставаться в деревне, — ответил Пюнд.

Фрейзер вздохнул про себя, представив горбатые кровати, уродливую мебель и плюющиеся краны, являющиеся неотъемлемой чертой местечкового гостеприимства. Своих денег, помимо жалованья от Пюнда, довольно скромного, у Фрейзера не было, что не мешало ему иметь дорогие привычки.

— Хотите, чтобы я заказал? — спросил молодой человек.

— Мы можем пойти туда вместе, — ответил сыщик и повернулся к Чаббу. — Когда вы едете в Бат?

— Встреча в «Ларкин Гэдуэлл» назначена на два часа, а прямо оттуда мы можем заехать в больницу и повидать леди Пай.

— Превосходно, инспектор. Обязан заявить, что для меня величайшее удовольствие снова работать с вами.

— Взаимно. Рад видеть вас, герр Пюнд. Обезглавленные трупы и все такое! Как только раздался звонок, я понял, что это дело как раз по вашей части.

Закурив очередную сигарету, Чабб направился к машине.

2

К досаде Фрейзера, в «Гербе королевы» нашлись две свободные комнаты, и Пюнд, даже не поднявшись наверх, чтобы посмотреть их, снял обе. Они оказались именно такими, как предполагал Джеймс: с неровным полом и окошками слишком маленькими в пропорции к стенам, в которых они были проделаны. Комната Фрейзера выходила на деревянную площадь. У Пюнда — на кладбище, но он не жаловался. Напротив, этот вид даже заставил его оживиться. И на недостаток удобств он тоже не жаловался. Едва приступив к работе в Таннер-Корте, Фрейзер, к своему удивлению, обнаружил, что детектив спит на простой кровати, скорее кушетке с железной рамой, аккуратно застеленной одеялами. Хотя в прошлом Пюнд был женат, о жене он никогда не распространялся и не выказывал дальнейшего интереса к слабому полу. Но даже при этом подобный аскетизм в дорогой лондонской квартире выглядел изрядным чудачеством.

Они пообедали вместе внизу, потом вышли на улицу. На площади на автобусной остановке собралась небольшая толпа, но у Фрейзера создалось впечатление, что эти люди ждут не автобус.

Их явно что-то привлекло. Они оживленно переговаривались. Джеймс не сомневался, что Пюнд захочет подойти и разузнать, в чем дело, но тут на кладбище появилась фигура, идущая в их сторону. Это был викарий, об этом безошибочно говорили священническая рубашка и воротничкошейник. Он был высоким и тощим, с нечесаными черными волосами. Фрейзер видел, как священник взял прислоненный к воротам велосипед и повел его к дороге. Колеса громко скрипели при каждом обороте.

— Викарий! — воскликнул Пюнд. — В английской деревне это человек, который всех знает.

— Не все ходят в церковь, — возразил Фрейзер.

— Не важно. Священник считает своим долгом знать даже атеистов и агностиков.

Они направились вперед и перехватили викария, прежде чем тот успел уехать. Пюнд представился.

— Ах да! — воскликнул викарий, моргая от яркого солнца. — Это имя мне знакомо, уверен. Сыщик? Разумеется, вы здесь из-за сэра Магнуса Пая. Какое ужасное происшествие! Маленькая община вроде Саксби-на-Эйвоне ни при каких обстоятельствах не готова к подобному событию, и нам будет очень тяжело сжиться с ним. Но прошу меня извинить, я не назвался: Робин Осборн. Я викарий здешней церкви Святого Ботольфа. Впрочем, вы, наверное, и сами это выяснили, учитывая ваше ремесло!

Он рассмеялся, и Пюнду пришло в голову — это пришло в голову даже Фрейзеру, — что священник — человек очень нервный и ему не под силу замолчать. Слова изливались из него в попытке скрыть то, что на самом деле у него на уме.

— Как понимаю, вы неплохо знали сэра Магнуса, — сказал Пюнд.

— Более или менее. Да. К несчастью, мы встречались с ним реже, чем мне хотелось бы. Не очень набожный человек. Он не часто посещал службы. — Осборн запрыгнул на велосипед. — Вы здесь, чтобы расследовать преступление, мистер Пюнд?

Тот ответил, что приехал именно ради этого.

— Я несколько удивлен, что нашей полиции понадобилась помощь со стороны. Это не означает, конечно, что вам здесь не рады. Сегодня утром я уже разговаривал с инспектором Чаббом. Он высказал предположение, что это мог быть взломщик. Грабители. Вам ведь, разумеется, известно, что недавно Пай-Холл обокрали?

— Похоже, Пай-Холлу выпала более чем средняя порция несчастий.

— Вы имеете в виду смерть Мэри Блэкистон? — уточнил Осборн. — Она упокоилась здесь. Я лично вел погребальную службу.

— Сэра Магнуса любили в деревне?

Вопрос застиг викария врасплох, и ему никак не удавалось подобрать верный ответ.

— Были такие, кто завидовал ему. Он обладал значительным богатством. Ну, была еще, конечно, проблема Дингл-Делла. Следует признать, что она вызывала большое недовольство.

— Дингл-Делл?

— Это полоса леса. Он продал ее.

— Фирме «Ларкин Гэдуэлл»? — вмешался Фрейзер.

— Да. Это застройщики, насколько мне известно.

— Мистер Осборн, вас удивит, если я скажу, что прямым следствием намерений сэра Магнуса стала письменная угроза убить его?

— Угроза убить? — Викарий смешался еще сильнее. — Меня бы это очень удивило. Уверен, что никто в округе не мог послать такое. Это очень мирная деревня. Здешний народ не приветствует подобное.

— Тем не менее вы упомянули о большом недовольстве.

— Люди негодовали. Но это не одно и то же, что убить.

— Когда вы в последний раз видели сэра Магнуса?

Робину Осборну не терпелось отправиться в путь. В велосипед он вцепился так, словно это был зверь, рвущийся с привязи. И последний вопрос его оскорбил. Это было видно по его глазам. Его что, в чем-то подозревают?

— Я встречался с ним довольно давно, — ответил он. — Он не смог присутствовать на похоронах Мэри Блэкистон — очень жаль, но сэр Магнус находился в это время на юге Франции. А до этого я сам был в отъезде.

— Где?

— В отпуске. С женой. — Пюнд выжидал подробностей, и Осборн не замедлил заполнить паузу: — Мы провели вместе неделю в Девоншире. Вообще-то, она меня уже давно ждет, так что, с вашего позволения...

Кисло улыбнувшись, викарий проехал между ними, шестерни велосипеда отчаянно скрипели.

— Я бы сказал, что он по какой-то причине нервничает, — вполголоса заметил Фрейзер.

— Да, Джеймс. Определенно, это человек, которому есть что скрывать.

По мере того как сыщик и его помощник шли к машине, Робин Осборн изо всех сил гнал велосипед по направлению к дому. Он понимал, что не был до конца честен: пусть не солгал, но утаил часть правды. Но хотя бы утверждение, что Генриетта давно ждет его, соответствовало истине.

— Где тебя носило? — спросила она, когда муж занял место на кухне. Она поставила на стол перед ним собственной выпечки открытый пирог и салат с фасолью.

— Э... просто был в деревне. — Осборн вознес немую молитву. — Я встретил того сыщика, — продолжил он, едва успев произнести «аминь». — Аттикуса Пюнда.

— А кто это такой?

— Ты наверняка о нем слышала. Он настоящая знаменитость. Частный детектив. Помнишь ту школу в Мальборо? Там был учитель, которого убили во время спектакля? Пюнд расследовал это дело.

— Но зачем нам нужен частный детектив? Я думала, что это был грабитель.

— Похоже, полиция могла допустить ошибку. — Осборн помедлил. — Сыщик полагает, что дело может быть как-то связано с Деллом.

— С Деллом?

— Так он думает.

Они ели молча. Никому еда не доставила особого удовольствия. Потом Генриетта неожиданно нарушила молчание.

— Куда ты ходил вчера ночью, Робин? — спросила она.

— Что?

— Ты знаешь, о чем я. Сэр Магнус был убит.

— Ей-богу, я-то тут при чем? — Осборн отложил нож и вилку и выпил глоток воды. — Я почувствовал гнев, — пояснил он. — Это один из смертных грехов. И были в моем сердце помыслы... которым там не место. Я разозлился из-за новостей, но это меня не оправдывает. Мне требовалось побыть одному, поэтому я отправился в церковь.

— Но тебя не было так долго.

— Для меня это оказалось нелегко, Генриетта. Понадобилось время. — Поначалу она не хотела говорить, потом передумала.

— Робин, я так за тебя волновалась. Ходила искать тебя. По правде говоря, я столкнулась с Брентом, и тот сказал, что видел, как кто-то пробирается к Пай-Холлу...

— На что ты намекаешь, Хен? Неужели ты думаешь, что я пошел в Пай-Холл и убил сэра Магнуса? Отрубил ему голову мечом? Ты это хочешь сказать?

— Нет, конечно нет. Просто ты был так зол.

— Это просто смешно. Я даже близко не подходил к усадьбе. И ничего не видел.

Было еще кое-что, о чем Генриетте хотелось сказать. О кровавом пятне на рукаве мужа. Она видела его собственными глазами. На следующее утро она взяла рубашку и прокипятит ее с отбеливателем. Теперь рубашка висела на веревке и сушилась на солнышке. Генриетте хотелось знать, чья это кровь и как она попала на одежду. Но она не осмелилась. Она не могла обвинить его. Такой поступок был невыносимым.

С остатком обеда они покончили в молчании.

Джонни Уайтхед сидел в отреставрированном капитанском кресле с изогнутой спинкой и вращающимся сиденьем и тоже размышлял насчет убийства. По правде говоря, он тем утром

только этим и занимался, пока, как слон в посудной лавке, топал среди своего фарфора, бесцельно переставляя предметы и не выпуская сигареты изо рта. Когда он свалил и разбил прелестную суповую тарелку работы мейсенских мастеров, которая, хоть и будучи со сколом, была выставлена за девять шиллингов и шесть пенсов, Джемма Уайтхед потеряла наконец терпение.

— Что с тобой случилось? — осведомилась она. — Ты сегодня как медведь после зимней спячки. И это уже четвертая сигарета. Почему бы тебе не пойти на улицу, глотнуть свежего воздуха?

— Не хочу я выходить, — буркнул Джонни.

— Что стряслось?

Джонни затушил окурки в пепельнице от «Ройял Далтон» в форме коровы, оцененной в шесть шиллингов.

— А ты как думаешь?! — рявкнул он.

— Не знаю. Потому и спрашиваю.

— Сэр Магнус Пай, вот что стряслось! — Он посмотрел на дым, все еще поднимающийся витками от окурка. — Зачем кому-то понадобилось пойти и убить его? Теперь у нас в деревне полицейские, стучатся в двери и задают вопросы. Скоро и до нас доберутся.

— И что с того? Пусть спрашивают о чем угодно. — Последовала пауза, достаточно продолжительная, чтобы не остаться незамеченной. — Разве не так?

— Так, конечно. Пусть спрашивают.

Джемма впиалась в мужа взглядом:

— Ты ведь ни в чем не замешан, правда, Джонни?

— К чему ты клонишь? — В его голосе прозвучала обида. — Даже спрашивать об этом не стоит! Разумеется, я ни в чем не замешан. Да и во что можно вляпаться в этой глуши?

Это был старый их спор: город против села, Саксби против всего остального на свете. Но, даже произнося эти слова, Джонни не мог забыть, как Мэри Блэкистон приперла его к стенке в этом самом доме, как много было ей известно о нем. Она и сэр Магнус внезапно умерли, с промежутком в две недели. Это не совпадение, и полиция наверняка придет к такому же выводу. Уайтхед знал, как работают полицейские. Сотрудники уже роются в досье, проверяя всех, живущих по соседству. Немного пройдет времени, прежде чем за ним придут.

Джемма подошла, села рядом с мужем и положила руку ему на плечо. Хотя в сравнении с ним она казалась миниатюрной и хрупкой, в их семье сильной была она, и оба это знали. Она стояла рядом, когда у них были неприятности в Лондоне. Она писала письма, полные оптимизма и доброго юмора, пока он был «в отъезде». А когда Джонни наконец вернулся, именно Джемма приняла решение, приведшее их в Саксби-на-Эйвоне. Она увидела в журнале рекламу антикварного магазина, и у нее родилась идея, как дать Джонни возможность использовать часть навыков из прежней жизни и при этом заложить надежный, честный фундамент для новой.

Покинуть Лондон было нелегко, особенно для человека, прожившего всю свою жизнь в пределах слышимости «колоколов»¹¹, но Джонни увидел в этом предложении смысл и смирился с ним. Но Джемма знала, что переезд дорого дался ее мужу. Шумный, веселый, вспыльчивый и открытый Джонни Уайтхед так и не освоился до конца в общине, где все постоянно на виду и где общественное осуждение означает полный остракизм. Не ошиблась ли она, притащив его сюда? Она позволяла ему время от времени съездить в город, хотя всякий раз жутко переживала. Джемма никогда не допытывалась, что он там делает, а сам он не рассказывал. Но в этот раз все иначе. Джонни был в столице всего несколько дней назад. Может ли это быть как-то связано с тем, что произошло?

— Чем ты занимался в Лондоне? — спросила она.

— А тебе-то что?

— Просто интересно.

---

¹¹ Так жители английской столицы называют в обиходе звон колоколов лондонской церкви Сент-Мэри-ле-Боу.

— Повидался с приятелями, Дерекком и Колином. Мы пообедали, пропустили по стаканчику. Тебе следовало поехать со мной.

— Ты сам этого не хотел.

— Ребята спрашивали о тебе. Я прошел мимо нашего старого дома. Там теперь квартиры. Знаешь, о чем я подумал? Что мы были очень счастливы там, ты и я. — Джонни похлопал ее по тыльной стороне ладони, обратив внимание, как истончилась эта ладонь. Создавалось впечатление, что чем старше Джемма становится, тем меньше ее остается.

— С меня Лондона на мой век хватило, Джонни. — Она убрала руку. — Что до Дерекка и Колина, то они никогда не были тебе друзьями. Когда дело приняло скверный оборот, не они поддерживали тебя, а я.

Джонни насупился.

— Ты права, — вздохнул он. — Пойду-ка я прогуляюсь. С полчаса. Проветрю мозги.

— Я пойду с тобой, если хочешь.

— Нет. Ты лучше пригляди за магазином.

С самого открытия утром в лавку никто не зашел. Вот еще одно последствие убийства — оно отпугивает туристов.

Джемма смотрела, как муж уходит, услышала, как привычно звякнул колокольчик на двери. Она полагала, что они поступили правильно, приехав сюда и оставив позади прежнюю жизнь. Не важно, что говорил тогда Джонни: решение было верным. Но две смерти, одна в скорой последовательности за другой, все изменили. Казалось, будто тени из прошлого вытянулись и нашли их.

Мэри Блэкистон была здесь. Впервые за долгое-долгое время экономка пришла в магазин, а Джонни, будучи спрошен в лоб, солгал об этом. Он сказал, будто женщина собиралась что-то купить, но Джемма знала, что это неправда. Будь Мэри нужен подарок, она отправилась бы в Бат: в «Вулворт» или в «Бутс-кемист». И меньше чем через неделю она погибла. Существует ли связь между двумя этими событиями? И если так, есть ли следующее звено, ведущее к смерти сэра Магнуса Пая?

Джемма Уайтхед перебралась в Саксби-на-Эйвоне из расчета, что тут безопаснее. Но, сидя в затхлом магазинчике в окружении сотен бесполезных вещей и побрякушек, которые никому не нужны и которые, по меньшей мере сегодня, никто не придет покупать, Джемма всей душой хотела, чтобы они с Джонни оказались где угодно, только не здесь.

4

Каждый из обитателей деревни был уверен, что знает, кто убил сэра Магнуса Пая. К сожалению, среди всех их теорий не нашлось бы и двух совпадающих.

Было хорошо известно, что сэр Магнус и леди Пай не ладили. Их редко видели вместе. Если им случалось посетить церковь, они располагались поодаль друг от друга. Если верить хозяину «Паромщика» Гарету Кайту, сэр Магнус спал со своей экономкой Мэри Блэкистон. Вот леди Пай и убила обоих. Хотя каким образом ей удалось подстроить первую смерть, будучи на отдыхе во Франции, объяснить он не брался.

Нет-нет. Это Роберт Блэкистон убийца. Разве не угрожал он матери буквально накануне ее гибели? Сделал он это, потому что злился на нее, а сэра Магнуса ему пришлось убрать, когда тот каким-то образом узнал правду. Был еще Брент. Смотритель жил один. И был определенно с приветом. Ходили слухи, что сэр Магнус уволил его в тот самый день, когда был убит. А как насчет неизвестного, пришедшего на похороны? Никто не станет надевать такую шляпу, разве что из желания скрыть лицо. Даже Джой Сандерлинг, милая девушка, работающая у доктора Редвинг, и та угодила под подозрение. Странное объявление, размещенное ею на доске рядом с автобусной остановкой, бесспорно указывало на то, что в ней кроется нечто большее, чем видно на первый взгляд. Мэри Блэкистон была настроена против нее. И умерла. Сэр Магнус Пай проник в суть дела. И тоже умер.

А тут еще уничтожение Дингл-Делла. Хотя полиция не обнародовала подробностей обнаруженного на столе у сэра Магнуса письма с угрозами, все прекрасно знали, какое

возмущение вызвала идея грядущей застройки. Чем дольше прожил человек в деревне, тем сильнее должен быть его гнев. Исходя из этой посылки, старый Джефф Уивер, которому стукнуло восемьдесят три и который присматривал за церковным кладбищем столько, сколько его помнили, оказывался подозреваемым номер один. Викарию тоже было что терять: его дом располагался прямо по соседству с местом предполагаемой стройки, а все давно подметили, как преподобному и миссис Осборн нравится затеряться в лесу.

Любопытно, что единственной жительницей, у которой имелись все причины убить сэра Магнуса, но чье имя никогда не упоминалось, была Кларисса Пай. Обедневшую сестру то не замечали, то унижали, но никому из деревенских даже в голову не пришло заподозрить в ней убийцу. Вероятно, причина крылась в том, что Кларисса была женщиной одинокой и притом набожной. Возможно, сыграла роль ее приметная внешность. Крашенные волосы были видны за пятьдесят ярдов. Также она перебарщивала со шляпками, с поддельной бижутерией, с нарядами, некогда претендовавшими на моду, тогда как скромная одежда шла бы ей куда больше. Физические данные тоже говорили против нее: не толстушка, не мужеподобная, не коротышка, она находилась тем не менее в опасной близости ко всем этим трем эпитетам. Короче говоря, Кларисса считалась в Саксби-на-Эйвоне чем-то вроде посмешища, а посмешища убийств не совершают.

Сидя у себя дома на Уинсли-Террас, Кларисса старалась не думать о случившемся. В течение последнего часа она была с головой погружена в разгадывание кроссворда в «Дейли телеграф», хотя в обычные дни ей хватило бы половины этого времени. Одно задание оказалось для нее особенно сложным:

16. Сетует немало против Бобби.

Загадано было слово из восьми букв, вторая «о», четвертая «и». Кларисса понимала, что ответ лежит прямо на поверхности, но каким-то образом не дается ей. Кроется разгадка в синониме слова «сетует» или это какая-то знаменитость по имени Бобби? Едва ли. Кроссворды в «Дейли телеграф» редко касались знаменитостей, разве что классиков — писателей или художников. В таком случае может ли «Бобби» иметь какое-то иное значение, ускользающее от нее? Она погрызла немного ручку «Паркер джоттер», с которой всегда решала кроссворды. И тут Клариссу осенило. Ответ был таким очевидным и находился прямо перед ней все это время! «Сетует немало против...» «Против» указывает на анаграмму. А Бобби?

Допустим, с заглавной «Б» получилось несколько нечестно. Кларисса подставила недостающие буквы: «Полисмен»¹². Разумеется, это навело ее на мысль про Магнуса, про полицейские машины в деревне и патрульных, которые прямо сейчас еще находятся в Пай-Холле. Что станет с домом теперь, после смерти брата? Скорее всего, Фрэнсис продолжит жить в нем. Продать она его не вправе. Так гласил майоратный порядок — сложный документ, многие века определяющий владение Пай-Холлом. Поместье отойдет теперь к Фредди, ее племяннику, следующему в роду. Парнишке всего пятнадцать, и когда Кларисса последний раз встречалась с ним, он оставил у нее впечатление юноши неглубокого и высокомерного, в точности как его отец. И вот теперь он стал миллионером!

Конечно, если он и его мать умрут — погибнут в ужасной автомобильной аварии, к примеру, — то собственность, хотя и без титула, перейдет по боковой линии. Любопытная мысль. Едва ли реальная, но любопытная. По правде говоря, нет причин исключать такую возможность. Сначала Мэри Блэкистон, затем сэр Магнус Пай. А дальше...

Услышав звук поворачивающегося в замке парадной двери ключа, Кларисса быстро свернула газету и отложила ее в сторону. Ей не хотелось, чтобы кто-то подумал, будто она убивает время и ей нечем заняться. Она уже поднялась и шла в кухню, когда на пороге появилась Дайана Уивер, жена Адама Уивера, выполнявшая по деревне разные работы и помогавшая в церкви. Дайана была женщиной средних лет, деловитая и приветливая. Она работала уборщицей: два часа в день

---

¹² Английских полицейских называют «бобби» в честь министра внутренних дел Роберта Пиля, основавшего службу столичной полиции в 1829 году.

в лечебнице, а остальное ее время было расписано между различными домами в Саксби-на-Эйвоне. Раз в неделю после полудня она появлялась здесь. Глядя, как Уивер возится с огромным пластиковым пакетом, который всегда таскала с собой, и расстегивает плащ, излишний в столь теплую погоду, Кларисса поймала себя на мысли, что именно так и должна выглядеть настоящая уборщица, то есть женщина, вполне подходящая и даже необходимая для такой работы. Как мог Магнус причислить ее, свою сестру, к этой категории? Говорил ли он всерьез или просто хотел ее обидеть? Клариссу не огорчало, что брат умер. Совсем напротив.

— Добрый день, миссис Уивер, — сказала она.

— Здравсте, мисс Пай.

Кларисса сразу уловила неладное. Уборщица была подавлена и явно нервничала.

— В свободной спальне есть кое-что для глажки. И я купила новую бутылку «Аякса». — Кларисса перешла сразу к делу. Не в ее привычках было вступать в беседы, и это не было только вопросом статуса — ей едва по карману было позволить себе оплатить эти два часа в неделю, и она не собиралась растрачивать их на досужие разговоры.

Однако, сняв плащ, миссис Уивер не тронулась с места и не выказывала рвения приступить к работе.

— Что-то случилось? — осведомилась Кларисса.

— Ну... это происшествие в большом доме...

— С моим братом.

— Да, мисс Пай.

Уборщица волновалась явно сильнее, чем следовало от нее ожидать. Она не работала в усадьбе, да и с Магнусом разговаривала, скорее всего, пару раз в жизни.

— Жуткое это событие, — продолжила Дайана. — Для деревни вроде нашей. Я хочу сказать, с людьми всякое случается. Я тут сорок лет живу, но такого никогда не видала. Сначала бедняжка Мэри. А теперь вот это.

— Я как раз сама об этом думала, — согласилась Кларисса. — Такое горе. Мы с братом никогда не были близки, но все равно это кровь...

Кровь.

Она вздрогнула. Знал ли он, что его ждет смерть?

— И теперь тут повсюду полиция, — гнула свое Дайана Уивер. — Задает вопросы и никому не дает покоя.

Так вот что ее беспокоит: полиция?

— Как думаете, полицейские догадываются, кто это сделал? — спросила уборщица.

— Едва ли. Убийство произошло только вчера ночью.

— Я не сомневаюсь, что они должны были обыскать дом. Мой Адам говорит... — Дайана помедлила, не уверенная, стоит ли упоминать об этом. — Он говорит, что кто-то срубил ему голову с плеч.

— Да, я слышала.

— Такая жуть!

— Это действительно очень пугающе. Вы в состоянии работать сегодня или лучше пойдете домой?

— Нет-нет. Я уж лучше займу себя делом.

Уборщица направилась в кухню. Кларисса посмотрела на часы.

Миссис Уивер приступила к исполнению обязанностей с опозданием на две минуты. Нужно проследить, чтобы она отработала положенное время, прежде чем уйти.

Встреча в «Ларкин Гэдуэлл» не пролила особого света. Аттикусу Пюнду показали рекламный буклет будущей застройки: весь в акварельных картинках, с изображением улыбающихся семей. Нарисованные мазками люди напоминали скорее духов, плывущих через обретенный новый рай. Проект прошел утверждение. Начало строительства намечено на следующую весну. Филип

Гэдуэлл, старший партнер фирмы, стоял на том, что Дингл-Делл представляет собой ничем не примечательный участок леса, а новостройки облагораживают пейзаж.

— В совете преобладает мнение, что мы возрождаем наши деревни, — сказал он. — Если мы хотим, чтобы они жили, местным семьям нужны новые дома.

Чабб слушал все это молча. Ему подумалось, что изображенные в буклете семьи в чистенькой одежде и на новеньких машинах уж как-то совсем не похожи на местные. Инспектор обрадовался, когда Пюнд объявил, что не имеет больше вопросов, и они снова вышли на улицу.

Получилось так, что Фрэнсис Пай уже выписалась из больницы и настояла на возвращении домой. Так что трое мужчин, Пюнд, Фрейзер и Чабб, сразу отправились в усадьбу. Ко времени их прибытия полицейские машины уже разъехались от Пай-Холла. Проезжая мимо гостевого дома и далее по гравийной дорожке, Пюнд поразился тому, какой обыденный вид имеет усадьба в свете уже скрывающегося за деревьями вечернего солнца.

— Здесь, должно быть, жила Мэри Блэкистон, — сказал Фрейзер, указывая на безмолвный Лодж-хаус.

— Причем прежде с двумя сыновьями, Робертом и Томом, — заметил Пюнд. — Не будем забывать, что младший из детей тоже погиб. — Он смотрел в окно, и лицо его вдруг помрачнело. — Этому месту довелось повидать много смертей.

Они подкатили к дому. Чабб опередил их и уже ждал у парадной двери. Место с отпечатком ладони было отгорожено квадратиком обвисшей полицейской ленты, и Фрейзер размышлял, принадлежит ли след садовнику Brentу или оставлен кем-то еще? Они прошли внутрь. Там кто-то хорошо поработал. Персидский ковер убрали, пол вымыли. Набор доспехов тоже исчез. По идее, полиция могла ограничиться мечом — как никак это орудие преступления, — но остальная часть доспехов служила слишком острым напоминанием о случившемся. Дом обволакивала тишина. Не было никаких признаков присутствия леди Пай. Чабб медлил, не зная, как поступить.

А потом открылась дверь и из гостиной вышел мужчина, лет под сорок, с черными волосами и усами, в синем свитере с планкой на переднем кармане. Шел он вальяжно, одну руку сунув в карман, а в другой держа сигарету. Фрейзеру сразу подумалось, что этот человек из тех, к кому легко сразу проникнуться неприязнью. Причем он не просто порождает эту неприязнь, но и, похоже, тщательно культивирует.

Неизвестный удивился, увидев в холле троих посетителей, и не пытался скрыть это.

— Вы кто такие? — резко спросил он.

— Хочу задать вам тот же вопрос, — парировал Чабб, мигом ощетинившись. — Я из полиции.

— Ох! — Мужчина сник. — Ну, я друг Фрэнсис... леди Пай. Приехал из Лондона, чтобы ее поддержать: трудный час и все такое. Мое имя Дартфорд. Джек Дартфорд. — Он робко протянул руку, потом убрал. — Она очень переживает, знаете ли.

— Еще бы. — Пюнд выступил вперед. — Разрешите полюбопытствовать, мистер Дартфорд: как вы узнали новости?

— Насчет Магнуса? Фрэнсис мне позвонила.

— Сегодня?

— Нет. Вчера ночью. Сразу после того, как вызвала полицию. Она была в настоящей истерике. Мне следовало бы приехать сразу, но час был поздний, чтобы пускаться в путь, и на утро у меня назначена была встреча. Так что я обещал ей приехать к обеду, что и сделал. Забрал ее из больницы и привез сюда. Кстати, с ней ее сын Фредди. Он живет с друзьями на южном берегу.

— Вы не возражаете, если я спрошу, почему из всех своих друзей в трудный час она выбрала именно вас?

— Ну это достаточно легко объяснить, мистер...

— Пюнд.

— Пюнд? Немецкое имя. Да и говорите вы с акцентом. Что вы тут делаете?

— Мистер Пюнд помогает нам, — отрезал Чабб.

— А, ну хорошо. Так о чем вы спрашивали? Почему она позвонила мне?

Было очевидно, что при внешней браваде Джек Дартфорд лихорадочно подыскивает безопасный ответ.

— Я думаю, это произошло потому, что мы с Фрэнсис в тот день пообедали вместе. На самом деле я проводил ее до станции и посадил на поезд в Бат. Поэтому был первым, кто пришел ей в голову.

— Леди Пай была с вами в Лондоне в день убийства? — спросил Пюнд.

— Да. — Дартфорд вздохнул, как бы сожалея, что сболтнул лишнее. — У нас состоялся деловой обед. Я давал ей советы насчет акций и паев, инвестиций и всего такого.

— И чем вы занимались после обеда, мистер Дартфорд?

— Я ведь только что сказал, что...

— Вы сказали, что проводили леди Пай на станцию. Но нам известно, что она вернулась в Бат с поздним вечерним поездом. И до дома добралась примерно в половине десятого. Отсюда я делаю вывод, что вторую половину дня вы провели вместе.

— Да. Провели. — Дартфорд чувствовал себя все более не в своей тарелке. — Убили какое-то время. — Он подумал немного. — Ходили в галерею. В Королевскую академию.

— Что видели?

— Так, картины разные. Скучота.

— Леди Пай утверждает, что ходила по магазинам.

— Ну, по магазинам мы тоже прошлись. Правда, она ничего не купила... По крайней мере, насколько я помню. У нее не было настроения.

— С вашего позволения, у меня остался к вам только один вопрос, мистер Дартфорд. Вы сказали, что являетесь другом леди Пай. Могли бы вы характеризовать себя также как друга покойного сэра Магнуса Пая?

— Нет. Едва ли. Я хочу сказать, что мы были знакомы, конечно. Мне он вполне нравился. Довольно-таки приличного сорта малый. Но мы с Фрэнсис играли вместе в теннис. Так мы и повстречались. Поэтому мне чаще доводилось видеться с ней, чем с ним. Но он не имел ничего против, хотя и никогда особо не тяготел к спорту. Вот и все.

— Где леди Пай? — спросил Чабб.

— В своей комнате наверху. В постели.

— Она спит?

— Не думаю. По крайней мере, она не спала, когда я заглядывал к ней несколько минут назад.

— В таком случае нам хотелось бы повидаться с ней.

— Сейчас? — Ответ Дартфорд прочитал по непреклонному лицу детектива. — Ну хорошо, я провожу вас наверх.

6

Фрэнсис Пай лежала в постели, завернувшись в халат и наполовину утонув в волне сомканных простыней. Она пила шампанское. На столике рядом стоял полупустой бокал, наклоненная бутылка выглядывала из ведерка со льдом. Заливает горе или празднует? На взгляд Фрейзера, это могло быть как то, так и другое, и по выражению ее лица было трудно что-либо понять. Леди Пай была раздосадована визитом, но в то же время ожидала его. Она не хотела говорить, но уже приготовилась отвечать на вопросы, которые ей неизбежно зададут.

В комнате она находилась не одна. В кресле развалился, закинув ногу на ногу, подросток, одетый в белое, как для игры в крикет. Юноша явно приходился ей сыном: у него были такие же темные волосы, зачесанные на лоб, и такой же надменный взгляд. Он грыз яблоко. Ни мать, ни сын не выглядели особо опечаленными недавним событием.

Она с равным успехом могла слечь в постель с гриппом, и сын заглянул навестить ее.

— Фрэнсис... — начал Джек Дартфорд, представляя гостей. — Это инспектор Чабб. Он из полиции Бата.

— Мы встречались с вами в ночь, когда это произошло, — напомнил Чабб. — Я был здесь, когда вас увезли на «скорой».

— Ах да... — Голос был хрипловатый, безразличный.

— А это мистер Понд.

— Пюнд. — Сыщик кивнул, здороваясь. — Я помогаю полиции. Это мой помощник Джеймс Фрейзер.

— Они хотят задать тебе несколько вопросов. — Дартфорд настойчиво старался остаться в комнате. — Я пристроюсь тут, если позволишь.

— Все в порядке, мистер Дартфорд, спасибо, — ответил вместо хозяйки Чабб. — Мы позовем вас, если понадобится.

— По правде говоря, не думаю, что мне стоит оставлять Фрэнсис одну.

— Мы не отнимем у нее много времени.

— Все хорошо, Джек. — Фрэнсис Пай села, опершись на гору подложенных под спину подушек, и повернулась к трем незванным посетителям. — Полагаю, нам следует покончить с этим раз и навсегда.

Последовала неудобная пауза, пока Дартфорд решал, как быть дальше, и даже Фрейзер понял, что у него на уме. Джек хотел предупредить Фрэнсис о том, что сообщил гостям про поездку Лондон. Ему было важно, чтобы ее рассказ совпал с его версией. Как раз этого Пюнд и не собирался позволить. Разделяй свидетелей, сталкивай их друг с другом — так он работал.

Дартфорд вышел. Чабб прикрыл дверь, а Фрейзер поставил три стула. Мебели в комнате хватало — спальня была большой, с пышными шторами, толстыми коврами, встроенными шкафами и антикварным туалетным столиком, изогнутые ножки которого, казалось, вот-вот подломятся под весом пузырьков, шкатулок, баночек и щеток, громоздившихся на его поверхности. Фрейзер, любивший читать Чарльза Диккенса, сразу подумал про мисс Хэвишем из «Больших надежд». Вся комната выглядела старомодной, слегка викторианской. Ей только паутины по углам не хватало.

Пюнд сел.

— Боюсь, мне придется задать вам несколько вопросов касательно вашего супруга, — начал он.

— Я понимаю. Это настоящий кошмар. Кто мог сотворить такое? Прошу вас, продолжайте.

— Возможно, вы предпочтете попросить вашего сына выйти?

— Но я хочу остаться! — вскинулся Фредди. В голосе его присутствовала некая надменность, вдвойне неуместная, потому как голос этот еще не сломался. — Мне никогда не доводилось встречать настоящего сыщика. — Он дерзко уставился на Пюнда. — Откуда у вас иностранное имя? Вы работаете на Скотленд-Ярд?

— Не груби, Фредди, — сказала его мать. — Можешь остаться, но при условии, что не будешь перебивать — Ее взгляд перепрыгнул на Пюнда. — Приступайте!

Пюнд снял очки, протер их, потом снова надел. Фрейзер предположил, что сыщик чувствует себя неуютно, вынужденный говорить в присутствии мальчика. Пюнд никогда не ладил с детьми, особенно с английскими, росшими в убеждении, что он до сих пор их враг.

— Очень хорошо. Для начала, вам что-то известно об угрозах, которые мог получать ваш муж последнее время?

— Угрозах?

— Ему поступали письма или телефонные звонки, заставляющие предположить, что его жизнь в опасности?

На прикроватном столике, рядом с бутылкой со льдом, стоял большой белый телефон. Прежде чем ответить, Фрэнсис посмотрела на него.

— Нет, — сказала она. — А с какой стати ему их получать?

— Существует, насколько мне известно, некая проблема, в которую он был вовлечен. Новая застройка...

— А, вы про Дингл-Делл! — Название в ее устах прозвучало пренебрежительно. — Ну, мне об этом известно мало. Тут возможен был некий накал страстей. Местные жители — народ весьма узколобый, и Магнус ожидал определенных протестов. Но угрозы убить — это вряд ли.

— На столе вашего мужа мы нашли записку, — вмешался Чабб. — Она была отпечатана на машинке, не имела подписи, и у нас есть все основания полагать, что написавший ее был действительно очень зол.

— Что заставляет вас так думать?

— В письме содержалась довольно конкретная угроза, леди Пай. Еще мы нашли пистолет — армейский револьвер у него в столе.

— Ну об этом я ничего не знаю. Пистолет обычно лежал в сейфе. И Магнус никогда не говорил мне ни про какое письмо с угрозами.

— Позвольте осведомиться, леди Пай... — Тон у Пюнда был извиняющийся. — Каковы были ваши перемещения по Лондону вчера? Я не хочу быть назойливым, — торопливо добавил он, — но нам необходимо установить местонахождение всех, причастных к делу.

— Вы думаете, что мамочка причастна?! — ретиво спросил Фредди. — Думаете, это она сделала?

— Молчи, Фредди! — Фрэнсис Пай свысока посмотрела на сына, потом снова обратила глаза на Пюнда. — Это вмешательство в личную жизнь, — сказала она. — И я уже в подробностях рассказала полицейскому инспектору обо всем, что делала. Но если вам необходимо знать, то я пообедала в «Карлотте» с Джеком Дартфордом. Обед получился довольно долгим. Мы говорили о бизнесе. Я плохо понимаю в денежных делах, а Джек тут крайне полезен.

— В котором часу вы уехали из Лондона?

— На поезде, отправляющемся в семь сорок. — Она помолчала, сообразив, видимо, что придется как-то объяснять значительный разрыв во времени. — После обеда я ходила по магазинам. Я ничего не купила, но прогулялась по Бонд-стрит и заглянула в «Фортнум и Мейсон».

— Убивать время в Лондоне — истинное удовольствие, — согласился Пюнд. — Может статься, вы и в художественную галерею заглянули?

— Нет, не в этот раз. В Курто что-то, кажется, происходило, но у меня в тот день не было настроения.

Получается, Дартфорд лгал. Даже Джеймс Фрейзер подметил очевидные расхождения между двумя версиями событий вечера, но прежде, чем о них зашла речь, зазвонил телефон — не в спальне, а внизу. Леди Пай бросила взгляд на аппарат на столике рядом с ней и нахмурилась.

— Фредди, ты не будешь любезен пойти и взять трубку? — спросила она. — Кто бы это ни был, скажи, что я отдыхаю и меня нельзя беспокоить.

— Что, если спросят папу?

— Просто сообщи, что мы не отвечаем ни на какие звонки. Ну же, будь хорошим мальчиком.

— Ладно.

Фредди слегка досадовал, что его выставляют из комнаты. Он сполз с кресла и вышел за дверь. Трое оставшихся слушали трели звонка, доносящиеся с первого этажа. Не прошло и минуты, как они прекратились.

— Телефон здесь сломан, — пояснила Фрэнсис Пай. — Дом старый, и тут постоянно что-нибудь барахлит. Сейчас это телефоны. В прошлом месяце — электричество. А еще у нас грибок и предстоят плотницкие работы. Люди могут жаловаться насчет Дингл-Делла, но новые дома хотя бы будут современными и функциональными. Вы даже представления не имеете, что значит жить в древней развалюхе.

Фрейзеру пришло в голову, что женщина ловко сменила тему, оставив в стороне то, чем она занималась — или не занималась — в Лондоне. Но Пюнд не придал этому особого значения.

— Когда вы вернулись в Пай-Холл в ночь убийства вашего мужа? — спросил он.

— Так-так, дайте-ка припомнить... Поезд прибывает где-то в половине девятого. Он шел ужасно медленно. Свою машину я оставила на станции в Бате, и, когда добралась сюда, было где-то девять двадцать. — Она помедлила. — Когда я подъезжала, от дома отъехала машина.

Чабб кивнул:

— Вы упомянули об этом в разговоре со мной, леди Пай. Не думаю, что вы успели разглядеть водителя.

— Я видела его только мельком. Не берусь ничего утверждать. Не уверена даже, что за рулем был мужчина. Я вам уже говорила. На номере были литеры *FP*. Боюсь, это все, что я могу сказать.

— В машине был только один человек?

— Да. На водительском сиденье. Я видела плечи и тыльную часть головы. На нем была шляпа.

— Вы видели отъезжающую машину, — вступил в разговор Пюнд. — Опишите нам, как она ехала.

— Водитель торопился. При выезде на главную дорогу машину занесло.

- Он повернул на Бат?
- Нет, в другую сторону.
- Вы направились дальше к парадной двери. Свет был включен.
- Да. Я вошла. — Она вздрогнула. — Я увидела мужа и сразу вызвала полицию.

Повисла долгая пауза. Леди Пай казалась непритворно уставшей. Когда Пюнд заговорил снова, голос его звучал мягко.

— Вам, случайно, не известен шифр от сейфа вашего супруга? — спросил он.

— Да, известен. Я храню в нем самые дорогие из моих ценностей. Сейф ведь не был открыт?

— Нет-нет, леди Пай, — заверил ее Пюнд. — Хотя возможно, что недавно его открывали, потому как картина, за которой он спрятан, не вполне прилегает к стене.

— Должно быть, это Магнус. Он хранил там деньги. И личные бумаги.

— А что за комбинация? — осведомился Чабб.

Женщина пожала плечами:

— Налево на семнадцать, направо на девять, налево на пятьдесят семь, затем два раза повернуть циферблат.

— Спасибо. — Пюнд сочувственно улыбнулся. — Уверен, что вы устали, леди Пай, и мы не станем долго вас задерживать. Осталось всего два вопроса, которые мне хотелось бы вам задать. Первый касается записки, также обнаруженной нами в столе вашего мужа и написанной, похоже, его рукой.

Чабб достал записную книжку, помещенную теперь в полиэтиленовый мешок для вещественных доказательств, и передал его леди Пай, которая быстрым взглядом пробежала по трем написанным карандашом строчкам:

Эштон Х

Ро

Девочка

— Это почерк Магнуса, — сказала она. — И в этом нет ничего загадочного. У него имелась привычка делать пометки во время разговора по телефону. Он вечно все забывал. Понятия не имею, кто такой или что такое Эштон. «Ро»? Видимо, чьи-то инициалы.

— «Р» — прописная буква, а «о» — строчная, — указал Пюнд.

— Тогда это может быть слово. Такое за ним тоже водилось. Если попросишь его купить свежую газету во время поездки, он ставил пометку «Га».

— Могло ли это «Ро» каким-то образом разозлить его? Он ничего больше не написал, но провел несколько линий. Как вы видите, он едва не прорвал лист карандашом.

— Понятия не имею.

— А как насчет девочки? — Влез Чабб. — О ком может идти речь?

— Этого я тоже не знаю. Определенно, нам требовалась новая экономка. Я допускаю, что кто-то мог порекомендовать ему некую девушку.

— Ваша прежняя экономка, Мэри Блэкистон... — начал было Пюнд.

— Да, это было ужасное время, просто ужасное. Когда это произошло, мы находились в отъезде, на юге Франции. Мэри навсегда останется с нами. Они с Магнусом были очень близки. Она его боготворила! С самого момента своего переезда в Лодж-хаус она принадлежала ему, как если бы он был монархом и предложил ей вступить в королевскую гвардию. Я лично находила ее в некоторой степени занудой, но о мертвых плохо не говорят. Что еще угодно вам узнать?

— Я заметил, что со стены в большом холле, где был обнаружен труп вашего мужа, пропала картина. Она висела рядом с дверью.

— А какое это может иметь отношение к делу?

— Мне интересна каждая подробность, леди Пай.

— Это был мой портрет. — Леди Фрэнсис Пай явно не хотелось давать этот ответ. — Магнусу он не нравился, поэтому он выбросил его.

— Недавно?

— Да. На самом деле не больше недели назад. Точно не помню. — Фрэнсис Пай снова откинулась на подушки, давая понять, что сказала достаточно.

Пюнд кивнул. Фрейзер и Чабб последовали его примеру и встали, затем все трое направились к выходу.

— Что скажете об этом? — спросил Чабб, когда они покинули комнату.

— Насчет Лондона она определенно лгала, — сказал Фрейзер. — Если хотите знать мое мнение, они с этим малым, Дартфордом, провели тот вечер вместе. И занимались явно не покупками.

— Очевидно, что леди Пай и ее супруг не делили больше ложе, — согласился Пюнд.

— Откуда вы знаете?

— Это следует из декора спальни, расшитых подушек. В этой комнате нет ни намека на присутствие мужчины.

— Выходит, есть два человека, имеющих вескую причину убить сэра Магнуса, — пробормотал Чабб. — Мотив, древний как мир: убейте мужа и бегите вместе с добычей.

— Возможно, вы правы, инспектор. Вероятно, мы найдем в сейфе экземпляр завещания сэра Магнуса Пая. Впрочем, его род обитает в том доме уже много лет, и, скорее всего, как мне кажется, перейдет напрямую его единственному сыну и наследнику.

— И надо заметить, человек он был не из приятных, — заметил Чабб.

Сейф, как выяснилось, содержал мало интересного. В нем обнаружилось несколько ювелирных украшений, около пятисот фунтов в различной валюте и всякие документы: некоторые свежие, другие двадцатилетней давности. Чабб забрал их с собой.

Они с Пюндом расстались у дверей: Чабб возвращался домой в Хэмсуэлл, где его ждала жена Гарриет. Узнать, в каком она настроении, ему не составляло труда — как инспектор признался однажды Пюнду, супруга оповещала о нем с той же скоростью, с какой двигаются ее вязальные спицы.

Пюнд и Фрейзер пожали ему руку, после чего отправились к сомнительному комфорту «Герба королевы».

У автобусной остановки в дальнем конце деревенской площади собралось еще больше людей, чем прежде, их явно что-то привлекало. Фрейзер подметил толпу еще утром, когда они заглядывали в паб. С тех пор новость явно распространилась. Что-то произошло, и узнать об этом должна была вся деревня.

— Как вы думаете, что тут творится? — спросил молодой человек, припарковав машину.

— Возможно, нам следует выяснить, — отозвался Пюнд.

Они вышли и пересекли площадь. Антикварная лавка Уайтхедов и магазин «Дженерал электрик» были уже закрыты, и в тишине вечера, не нарушаемой шумом проезжающих автомобилей, хорошо было слышно, о чем толкуют собравшиеся.

— Ну и характер!

— Ей стыдно должно быть!

— Так выставлять себя напоказ!

Обитатели деревни слишком поздно заметили приближение Пюнда и Фрейзера, и им оставалось только расступиться, давая двоим приедем пройти к предмету обсуждения. Они увидели его сразу. Рядом с автобусной остановкой находилась стеклянная доска объявлений с различными бумагами внутри: протоколами последнего заседания совета, расписание богослужений, извещения о предстоящих событиях. Среди них имелся одинарный листок с отпечатанным на машинке текстом.

Тем, кого это касается

Много слухов про Роберта Блэкистона ходит по деревне. Некоторые намекают, что он может иметь отношение к трагической смерти его матери, Мэри Блэкистон, в пятницу в девять утра. Эти рассказы неприятные, глупые и ошибочные. В этот час я была с Робертом в его квартире над гаражом и провела с ним всю ночь. Если потребуется, я готова присягнуть в этом перед судом. Мы с Робертом собираемся пожениться. Пожалуйста, проявите к нам немного доброты и прекратите распространять злые сплетни.

Джой Сандерлинг

Джеймс Фрейзер был поражен. Была в его характере черта, привитая за время воспитания в английской частной школе, которую с легкостью задевало любое проявление эмоций. Даже пара, держащаяся за руки на улице, и то казалась ему нескромной, а уж эта декларация — иного снова он подобрать не мог — и вовсе выглядела из ряда вон выходящей.

— О чем она только думала?! — воскликнул он, когда они отошли.

— Вас поразило содержание этого воззвания? — отозвался Пюнд.

— Больше вы ничего не заметили?

— Чего?

— Того, что посланная сэру Магнусу Паю угроза и признание Джой Сандерлинг были отпечатаны на одной и той же пишущей машинке.

— Боже правый! — Фрейзер заморгал. — Вы так думаете?

— Уверен. Хвостик у буквы «е» бледноват, а «т» слегка наклонена влево. Это не просто одинаковая модель. Это одна и та же машинка.

— Вы считаете, это она написала письмо сэру Магнусу?

— Такое возможно.

Несколько шагов они шли в молчании, потом Пюнд снова заговорил:

— Мисс Сандерлинг вынуждена была это сделать, потому как я ей не помог. Она готова принести в жертву свое доброе имя, прекрасно сознавая, что новость эта может достигнуть ее родителей, которые, как девушка дала нам понять, не одобряют такого поведения. — Сыщик помедлил немного. — В деревне Саксби-на-Эйвоне есть нечто, что меня беспокоит. Мы с вами, друг мой, уже говорили прежде о злобности молвы. О маленькой лжи и умолчаниях, которые никто не в силах разглядеть или выявить, но которые, сливаясь воедино, способны отравить человека не хуже дыма в горящем доме.

Сыщик обернулся и обвел взглядом дома, обступившие объятую тенью площадь.

— Они роятся вокруг нас, — продолжил он. — Уже приключились две смерти; три, если считать ребенка, погибшего в озере много лет назад. Все эти три смерти связаны. Нам необходимо действовать быстро, пока не произошла четвертая.

Он пересек площадь и вошел в гостиницу. А за спиной у него селяне продолжали негромко переговариваться и качать головами.

Часть IV Мальчик

1

Аттикус Пюнд проснулся с головной болью.

Он осознал это еще прежде, чем открыл глаза. А стоило ему их открыть, как боль многократно усилилась, словно она наблюдала за ним, притаившись в засаде, а теперь совершила бросок. От этого натиска у него перехватило дыхание, и он мог только потянуться за оставленными накануне вечером рядом с кроватью таблетками, которые ему дал доктор Бенсон. Каким-то образом рука нащупала их и схватила, но вот найти стакан с водой, также приготовленный заранее, не удавалось. Не важно. Он сунул пилюли в рот и проглотил всухую, чувствуя, как они царапают горло. Только несколько минут спустя, когда таблетки благополучно попали в организм, начали растворяться и, всасываясь в кровь, понесли обезболивающие вещества в мозг, Пюнд нашарил стакан и припал к нему, смывая горький привкус во рту.

Довольно долго он лежал неподвижно, втиснувшись плечами в подушки и созерцая тени на стене. Постепенно комната снова обретала фокус: шкаф из дуба, великоватый для пространства, в котором стоит, зеркало, пятнистое от времени, репродукция в рамке: вид на улицу Ройял-Кресент в Бате, тяжелые шторы — если их отдернуть, взору откроется кладбище. Что же, вполне уместно. Ожидая, пока боль отступит, Аттикус Пюнд размышлял о своей быстро приближающейся тленности.

Похорон не будет. За свою жизнь он слишком часто видел смерть, чтобы обставлять ее ритуалами и возвеличивать это событие, как будто оно нечто большее, чем просто... переход. Не верил он и в Бога. Пюнду встречались люди, прошедшие лагеря и сохранившие в целостности свою веру, и он восхищался ими. Его собственный опыт привел его к неверию ни во что. Человек — сложное существо, способное на исключительное добро и великое зло, но действующее полностью по своему выбору. В то же время его не пугала перспектива убедиться, что он был не прав. Если после прожитой согласно законам разума жизни ему предстоит вдруг оказаться пред судом некой верховной палаты, Пюнд не сомневался, что будет оправдан. Согласно имеющейся у него информации, Бог был из числа лиц, склонных прощать.

Зато ему подумалось, что прогноз доктора Бенсона оказался несколько оптимистичным. По мере того как эта штука в голове неумолимо разрастается, подобные приступы будут происходить чаще, все больше подрывая его силы. Сколько еще пройдет времени, прежде чем он окажется не в состоянии работать? Самой пугающей мыслью была та, что он не сможет больше мыслить. Лежа в одиночестве в номере «Герба королевы», Пюнд дал себе два обещания. Первое заключалось в том, что он раскроет тайну убийства сэра Магнуса Пая и уплатит свой долг Джой Сандерлинг. Второе он отказался облечь в слова.

Часом позже сыщик спустился в обеденный зал, одетый, как всегда, в тщательно отглаженный костюм, белую рубашку и при галстук, было совершенно невозможно предположить, как начался для него этот день. По крайней мере, Джеймс Фрейзер не заметил ничего подозрительного. Впрочем, этот молодой человек отличался поразительным недостатком наблюдательности. Пюнд припомнил первое их совместное дело, когда Фрейзер удосужился не заметить, что пассажир, с которым они вместе ехали на поезде в три пятнадцать с Паддингтонского вокзала, был на самом деле покойником. Многих удивляло, как ему удается сохранять работу помощника детектива. На самом деле Пюнд находил своего секретаря полезным именно из-за его туповатости. Фрейзер был для него чистым листом, чтобы записывать собственные теории, зеркалом, в котором он наблюдал отражение своих мыслительных процессов. И еще молодой человек был весьма расторопным. Он уже заказал черный кофе и одно сваренное вкрутую яйцо — то, что Пюнд предпочитал на завтрак.

Ели молча. Себе Фрейзер заказал полноценный английский завтрак — изобилие пищи, которое Пюнд неизменно находил поразительным. Только покончив с едой, сыщик перешел к планам на предстоящий день.

— Нам следует снова повидать мисс Сандерлинг, — заявил он.

— Ну еще бы. Я так и думал, что вы с нее начнете. До сих пор не могу поверить, что она могла вывесить такое объявление. И написать сэру Магнусу ...

— Едва ли угрожающее письмо принадлежит ей. Но оно отпечатано на одной и той же машинке. В этом сомнений нет.

— Возможно, у кого-то еще был к ней доступ.

— Мисс Сандерлинг работает в лечебнице. Там мы ее и найдем. Выясните, когда лечебница открывается.

— Разумеется. Хотите, чтобы я предупредил девушку о нашем приходе?

— Нет. Думаю, будет лучше, если мы заявимся неожиданно. — Пюнд подлил себе кофе. — Мне хотелось бы также разузнать побольше о смерти экономки, миссис Блэкистон.

— Думаете, тут есть связь?

— Несомненно. Ее смерть, ограбление, убийство сэра Магнуса: все это определенно три шага по одной дороге.

— Любопытно, что извлечет Чабб из найденной вами улики — того листка в камине. На нем есть отпечаток пальца, он может нам о чем-то рассказать.

— Он уже сказал мне очень многое, — ответил Пюнд. — Интересен не отпечаток пальца сам по себе. Он никак нам не поможет, если только не принадлежит лицу с преступным прошлым, в чем я сомневаюсь. Интересно то, как отпечаток оказался там и почему бумагу сожгли. Вот вопросы, имеющие отношение к самой сути дела.

— И, зная вас, предположу, что вам уже известны ответы. По правде говоря, я даже готов побиться об заклад, что вы уже раскрыли все преступление, старый вы плут!

— Пока еще нет, друг мой. Но позже мы увидимся с инспектором Чаббом и посмотрим...

Фрейзеру хотелось поспрашивать еще, но он знал, что из Пюнда ничего не выудишь. Задай ему вопрос, и в лучшем случае получишь ответ, почти или вовсе не имеющий смысла и, по сути, более раздражающий, чем прямой отказ отвечать. Несколько минут спустя, покончив с завтраком, они вышли из гостиницы. Оказавшись на деревенской площади, они сразу заметили, что доска объявлений рядом с автобусной остановкой пуста. Признание Джой Сандерлинг изъяли.

2

— Собственно говоря, я сама его убрала. Сегодня утром. Я не жалею, что поместила его. Решение приняла я сама, когда побывала у вас в Лондоне. Мне следовало предпринять что-то. Но после того, что здесь произошло — я имею в виду сэра Магнуса и полицию, задающую вопросы, — это признание показалось неуместным. И тем не менее свое дело оно сделало. Достаточно было прочитать одному человеку, чтобы вся деревня узнала — уж такой тут уклад. Согласна, кое-кто искоса на меня поглядывает, да и викарий наверняка не очень-то мной доволен. Но мне все равно. Мы с Робертом собираемся пожениться. Наши дела касаются только нас, и я не позволю людям распространять лживые сплетни о нем или обо мне.

Джой Сандерлинг сидела на своем рабочем месте в современной одноэтажной лечебнице, стоящей в верхней части Саксби-на-Эйвоне в окружении домов и бунгало, возведенных в одну пору с ней. Это было ничем не примечательное здание, из дешевых материалов и чисто утилитарное по конструкции. Когда лечебницу построили, отец доктора Редвинг сравнил ее с общественным туалетом. Впрочем, сам он вел прием у себя дома. А вот доктор Редвинг находила весьма удобной возможность разделить работу и частную жизнь. В деревне теперь проживало гораздо больше людей, чем во времена Эдгара Реннарда.

Через стеклянную дверь пациенты попадали прямо в приемную с несколькими диванчиками из искусственной кожи, кофейным столиком с наваленным на него журналами: старыми выпусками «Панча» и «Кантри лайф». Были также игрушки для детей, пожертвованные леди Пай, хотя было это давно и их следовало бы заменить. Джой сидела в смежном с приемной кабинете

со сдвигающимся окном в перегородке, чтобы можно было обращаться напрямую к ожидающим. Перед ней лежал журнал регистрации, сбоку стояли телефонный аппарат и пишущая машинка. Сзади располагались полки и шкафчик с лекарствами, выдвижные ящички с медицинскими картами и маленький холодильник, в котором время от времени находили приют наркотические вещества или различные анализы для отправки в больницу. В противоположных стенах было две двери: та, что слева от Джой, вела в приемную, справа — в кабинет доктора Редвинг. Когда врач готов был принять следующего пациента, лампочка рядом с телефоном начинала мигать.

Сейчас в лечебнице находился Джефф Уивер, могильщик, сопровождавший на последний осмотр внука. Девятилетний Билли Уивер полностью поправился от коклюша и был полон решимости сбежать отсюда как можно скорее. Других пациентов в книге записи не значилось, поэтому Джой удивилась, когда дверь открылась и на пороге появился Аттикус Пюнд со своим блондинистым помощником. Она знала об их присутствии в деревне, но не ожидала увидеть здесь.

— Ваши родители осведомлены о том, что вы написали? — спросил Пюнд.

— Пока нет, — ответила Джой. — Хотя я уверена, что очень скоро кто-нибудь им сообщит. — Она пожала плечами. — И если они узнают, что с того? Я перееду к Роберту. Я в любом случае собиралась это сделать.

Фрейзеру показалось, что за короткое время, прошедшее с их встречи в Лондоне, девушка сильно переменилась. В тот раз он проникся к ней симпатией и молча негодовал, когда Пюнд отказался помочь ей. Молодая женщина по ту сторону окна по-прежнему выглядела очень привлекательной — именно к такой особе хочется обратиться, когда чувствуешь себя не очень хорошо. Но в то же время появилась в ней какая-то острая грань. Джеймс подметил, что она не вышла им навстречу, а предпочла остаться в другой комнате.

— Не ожидала увидеть вас, мистер Пюнд, — сказала Джой. — Что вам угодно?

— Вы могли счесть, мисс Сандерлинг, что я несправедливо обошелся с вами во время вашего приезда в Лондон, и, вероятно, мне следует извиниться. Я просто был с вами честен. В то время я не допускал, что смогу найти выход из ситуации, в которой вы оказались. Однако, прочитав о смерти сэра Магнуса Пая, я понял, что у меня нет иного выбора, как расследовать этот случай.

— Вы решили, что он как-то связан с тем, что я вам рассказала?

— Именно так.

— Что же, не вижу, чем я могу вам помочь. Если только вы не считаете, что убийство совершила я.

— У вас имелась причина желать сэру Магнусу смерти?

— Нет. Я едва его знала. Видела его изредка, но меня ничто с ним не связывало.

— А вашего жениха, Роберта Блэкистона?

— Но уж его-то вы не подозреваете? — В глазах у нее что-то блеснуло. — Сэр Магнус был к нему исключительно добр. Это он помог Роберту найти работу. Они никогда не ссорились. Да и встречались крайне редко. Так вы за этим сюда пришли: хотите обернуть меня против него?

— Ничто не может более отстоять от правды.

— Тогда чего вы хотите?

— Вообще-то, я пришел сюда, чтобы встретиться с доктором Редвинг.

— У нее сейчас пациент, но я думаю, она скоро освободится.

— Благодарю вас.

Пюнда не оскорбила враждебность девушки, но Фрейзеру показалось, что сыщик смотрит на нее скорее с сочувствием.

— Вынужден вас предупредить, — продолжил Пюнд, — что мне необходимо будет поговорить с Робертом.

— Почему?

— Потому что Мэри Блэкистон была его матерью. Нельзя исключить, что он мог счесть сэра Магнуса частично ответственным за ее смерть, и уже один этот факт предоставляет ему мотив для убийства.

— Месть? Очень сильно сомневаюсь.

— В любом случае он прежде жил в Пай-Холле, и между ним и сэром Магнусом существовали взаимоотношения, в которых мне необходимо разобраться. Я сообщаю вам об этом, потому как мне пришло в голову, что вы захотите присутствовать при нашем разговоре.

Джой кивнула:

— Где вы хотите с ним увидеться? И когда?

— Допустим, мог бы он прийти ко мне в гостиницу, когда ему будет удобно? Я остановился в «Гербе королевы».

— Я приведу его, когда он закончит работать.

— Спасибо.

Дверь кабинета доктора Редвинг открылась, и вышел Джефф Уивер, держащий за руку маленького мальчика в коротких штанишках и школьной курточке. Дождавшись, когда они уйдут, Джой подошла к двери на другом конце своей комнаты.

— Я сообщу доктору Редвинг, что вы здесь, — сказала она и скрылась за дверью.

Именно этого шанса ждал Пюнд. По его сигналу Фрейзер выхватил из кармана пиджака лист бумаги, перегнулся в окошко и вставил его вверх ногами в пишущую машинку. Нажав наугад несколько клавиш, Джеймс вытащил лист и передал Пюнду. Осмотрев буквы, сыщик удовлетворенно кивнул и вернул бумагу помощнику.

— Та же самая? — спросил Фрейзер.

— Именно.

Джой Сандерлинг вернулась к регистрационному столу.

— Можете войти, — сказала она. — Доктор Редвинг свободна до одиннадцати.

— Благодарю вас, — промолвил Пюнд, потом спросил как бы невзначай: — А вы одна пользуетесь этим кабинетом, мисс Сандерлинг?

— Доктор Редвинг заходит сюда время от времени, но больше никто, — ответила Джой.

— Вы совершенно уверены в этом? Ни у кого нет доступа к этому аппарату? — Он указал на пишущую машинку.

— А почему вы спрашиваете? — Не дождавшись от Пюнда ответа, она продолжила: — Никто не заходит сюда, кроме миссис Уивер. Это мать того малыша, который только что ушел. Она убирается в лечебнице два раза в неделю. Но я сильно сомневаюсь, что она могла бы воспользоваться пишущей машинкой, и уж тем более без разрешения.

— Раз уж я здесь, позвольте узнать ваше мнение по поводу новых домов, которые сэр Магнус намеревался тут построить. Он планировал вырубить лес, известный как Дингл-Делл...

— Думаете, его поэтому убили? Боюсь, вы плохо разбираетесь в английской деревне, мистер Пюнд. Это была дурацкая идея. Саксби-на-Эйвоне не нужны новые дома, и найдется множество мест, более удобных для застройки. Мне ненавистна мысль о том, что будут вырубать деревья, и почти все в деревне придерживаются того же мнения. Но никто не убил бы сэра Магнуса за это. Самое большое, что недовольные могли сделать, — это написать в местную газету или поворчать в пабе.

— Возможно, строительство не состоится теперь, когда некому надзирать за ним? — высказал предположение Пюнд.

— Такое не исключено.

Узнав, что хотел, Пюнд улыбнулся и двинулся к двери в кабинет. Фрейзер, сложив листок бумаги пополам, сунул его в карман и пошел следом.

3

Кабинет был маленьким и квадратным и настолько соответствовал расхожим представлениям о больничном помещении, что мог показаться воплощением карикатуры из одного из старых номеров «Панча», валявшихся на столике. Мебель состояла из стоящего посередине старинного стола с двумя стульями напротив, деревянного каталожного шкафчика и полки, заставленной книгами по медицине. Справа занавеской была отгорожена комнатуха с еще одним стулом и кушеткой. На крючке висел белый халат. Единственным неожиданным элементом оказалась картина маслом, на которой был изображен прислонившийся к стене темноволосый мальчик.

Работа явно принадлежала любителю, но Фрейзер, изучавший искусство в Оксфорде, отметил, что она совсем не плоха.

Сама доктор Редвинг сидела с прямой спиной и делала записи в лежащей перед ней раскрытой папке, она оставляла впечатление довольно строгой женщины лет пятидесяти с небольшим. Все в ней было каким-то угловатым: прямая линия плеч, острые скулы, подбородок. Ее портрет можно было начертить с помощью линейки. Но, предлагая двум гостям присесть, она держалась довольно любезно. Закончив писать, доктор нагнула колпачок на ручку и улыбнулась.

— Джой сказала, что вы работаете с полицией.

— Мы действуем в качестве частных лиц, — пояснил Пюнд. — Но верно и то, что мы работаем совместно с полицией и в данный момент помогаем инспектору Чаббу. Меня зовут Аттикус Пюнд. А это мой помощник Джеймс Фрейзер.

— Я слышала о вас, мистер Пюнд. Как понимаю, вы очень умны. Надеюсь, вы докопаетесь до сути. Ужасно, когда такое приключается в маленькой деревне, да еще так скоро после кончины бедняжки Мэри... Честное слово, не знаю даже, что сказать.

— Насколько мне известно, вы с миссис Блэкистон были подругами?

— Ну это сильно сказано. Однако да, виделись мы довольно часто. Мне кажется, люди недооценивали ее. Это была очень умная женщина. Жизнь она прожила трудную: потеряла одного ребенка и в одиночку растила другого. Но Мэри отлично справлялась и помогала многим жителям деревни.

— И это вы нашли ее после несчастного случая.

— На самом деле это был Brent, смотритель парка в Пай-Холле. — Эмилия прикусила язык. — Но, насколько я понимаю, вы пришли поговорить со мной про сэра Магнуса.

— Меня интересуют оба случая, доктор Редвинг.

— Ну так вот. Brent позвонил мне из конюшни. Он увидел через окно Мэри, лежащую в холле, и заподозрил неладное.

— Он не вошел внутрь?

— У него не было ключа. В конечном итоге нам пришлось взломать заднюю дверь. Ключи Мэри торчали в замке с обратной стороны.

Женщина лежала у подножия лестницы, и выглядело все так, будто она споткнулась о шнур пылесоса, стоявшего наверху. У нее была сломана шея. Не думаю, что с момента смерти прошло много времени — когда я вошла, тело было еще теплым.

— Надо полагать, это оказалось тяжким ударом для вас, доктор Редвинг.

— Так и есть. Разумеется, я привыкла к смерти. Видела ее много раз. Но всегда труднее, когда умирает человек, которого ты знал лично. — Эмилия помолчала немного, в ее серьезных темных глазах чередой мелькали противоречивые мысли. Затем она приняла решение. — И было кое-что еще.

— Правда?

— Я собиралась сразу рассказать это полиции, и, вероятно, мне так и следовало поступить. А может, я делаю ошибку, делясь с вами сейчас. Я убедила себя в том, что это не имеет отношения к делу. К тому же никто не допускал и тени сомнения в том, что гибель Мэри произошла не в результате несчастного случая. И тем не менее с учетом того, что произошло и поскольку вы здесь...

— Прошу, продолжайте.

— Ну, буквально за несколько дней до смерти Мэри, здесь, в лечебнице, произошел инцидент. В тот день у нас было довольно много работы, три пациента один за другим, и Джой приходилось отлучаться несколько раз. Я попросила ее купить мне ланч в деревенском магазине. Джой — хорошая девушка и никогда не отказывает в такого рода просьбе. Еще я оставила дома кое-какие бумаги, и она сходила и принесла их. Так вот, наводя в конце дня порядок, мы заметили, что из аптечного шкафчика исчез один пузырек. Как вы можете представить, мы не спускаем глаз с наших медикаментов, особенно опасных, поэтому исчезновение этой склянки сильно встревожило меня.

— Что это был за препарат?

— Физостигмин. Его обычно применяют при отравлении белладонной, и я прописала определенную дозу Генриетте Осборн, жене викария. Гуляя в Дингл-Делле, она ухитрилась зайти в заросли паслена, а вам, мистер Пюнд, наверняка известно, что это растение содержит большое количество атропина. Физостигмин целебен в малых дозах, но значительное его количество способно убить человека.

— И вы говорите, что кто-то похитил это лекарство?

— Этого я не утверждаю. Будь у меня хоть одна причина считать, что это так, я немедленно обратилась бы в полицию. Его могли просто переставить куда-то в другое место. Лекарств у нас много, и, хотя мы очень аккуратны, такое случалось прежде. А быть может, миссис Уивер, которая здесь убирается, уронила и разбила склянку. Непорядочной женщиной ее не назовешь, но с нее вполне стало бы вытереть все за собой и заявить, что она ничего не знает. — Доктор Редвинг нахмурилась. — Дело в том, что я обмолвилась об инциденте Мэри Блэкистон. Если кто-то в деревне по какой-то причине взял лекарство, она наверняка выяснила бы это. Мэри была в каком-то роде вроде вас — сыщик. Имелся у нее дар вытягивать сведения из людей. И в самом деле, она сказала мне, что у нее есть пара идей.

— И несколько дней спустя после этого инцидента она умерла.

— Через два дня, мистер Пюнд. Ровно через два дня. — Внезапная тишина, полная значения, оставшегося невысказанным, повисла в комнате. Доктор Редвинг явно почувствовала себя неуютно. — Я убеждена, что ее смерть никак не связана с этой пропажей, — продолжила она. — Это случайное совпадение. И сэр Магнус не был отравлен — ведь его зарубили мечом.

— Можете ли вы назвать тех, кто посещал лечебницу в день, когда пропал физостигмин? — спросил Пюнд.

— Да. Я заглядывала в журнал регистрации, чтобы проверить. Как я уже сказала, тем утром приходили трое. Миссис Осборн я уже упоминала. Джонни Уайтхед содержит антикварный магазин на деревенской площади. У него был неприятный порез на руке, который загноился. И еще Кларисса Пай, сестра сэра Магнуса, заглядывала с расстройством желудка. По совести говоря, у нее не было ничего серьезного. Она живет одна и склонна к ипохондрии. Скорее всего, ей просто хотелось поболтать. Не думаю, что пропавшая склянка имеет отношение к делу, но она на моей совести, и, наверное, лучше, если вы будете знать все факты. — Эмилия посмотрела на часы. — Есть еще вопросы? Не хочу быть невежливой, но мне пора на обход.

— Вы очень помогли нам, доктор Редвинг. — Пюнд поднялся и сделал вид, что только-только заметил картину маслом. — Что это за мальчик? — спросил он.

— Вообще-то, это мой сын Себастьян. Портрет написан всего за несколько дней до его пятнадцатилетия. Сейчас он живет в Лондоне, и мы редко с ним видимся.

— Очень хорошая работа, — с неподдельным восторгом заметил Фрейзер.

Врач была польщена.

— Картину написал мой муж Артур. По моему мнению, он замечательный художник, и очень жаль, что его талант не нашел признания. Муж пару раз нарисовал меня и сделал прекрасный портрет леди Пай... — Эмилия не договорила. Фрейзеру бросилось в глаза ее внезапное волнение. — Вы ничего не спросили у меня про сэра Магнуса, — сказала она.

— А вы желали бы что-то сказать мне?

— Да. — Доктор помедлила, как если бы спрашивая себя, стоит ли продолжать. А когда заговорила снова, голос ее звучал холодно и сдержанно. — Сэр Магнус был эгоистичным, бесчувственным и самолюбивым человеком. По вине новых домов погибнет чудесный уголок деревни, но и это еще не все. Он никогда никому не сделал ничего доброго. Вы обратили внимание на игрушки в приемной? Их подарила леди Пай, но взамен она ожидала, что мы должны кланяться и брать под козырек всякий раз, когда ее увидим. Наследственное богатство погубит эту страну, мистер Пюнд, истинная правда. Неприятная была парочка, и на вашем месте я не стала бы сильно утруждаться ради них. — Она бросила последний взгляд на портрет. — Правда в том, что половина деревни рада была видеть его покойником, и если вы ищете подозреваемых, то их впору в шеренгу строить.

Все знали Брента, смотрителя парка из Пай-Холла, и в то же время никто толком его не знал. Когда он шел по деревне или сидел на привычном месте в «Паромщике», люди говорили: «Вот старый Brent», но при этом представления не имели, сколько ему лет, и даже имя его оставалось своего рода загадкой. Что это: имя или фамилия? Несколько человек помнили его отца. Тот тоже звался Brentом и занимался тем же ремеслом, — по правде говоря, оба они, старый Brent и молодой Brent, работали вместе: толкали ручную тележку и копали землю. Родители его умерли. Неизвестно, когда и как, но случилось это в другой части страны — по уверениям некоторых, в Девоншире. Автомобильная авария. Вот так молодой Brent сделался старым Brentом. Он жил теперь на Дэфни-роуд в карманных размеров хибарке, где и появился на свет. Она стояла в ряду других домов, но соседей никогда не приглашали зайти на огонек. Шторы всегда были наглухо закрыты.

Где-то в церковных книгах можно было разыскать запись о рождении в мае 1917 года некоего Невилла Джона Брента. Наверное, было время, когда его звали Невиллом: в школе или в бытность добровольцем сил местной самообороны — статус работника на ферме обеспечил ему броню от призыва на войну. Но то был человек без тени, а быть может, тень без человека. Он был одновременно бросающимся в глаза и невидимым, словно флюгер на шпиле храма Святого Ботольфа. Единственная причина, по какой его могли заметить, так это если бы все однажды проснулись и поняли, что он исчез.

Аттикус Пюнд и Джеймс Фрейзер разыскали Брента на территории усадьбы Пай-Холл, где он продолжал выполнять свою работу, пропалывая сорняки и катая тачку, как если бы ничего не случилось. Пюнду удалось убедить его передохнуть с полчаса, и они втроем уселись в розарии, в окружении тысячи цветов. Brent свернул самокрутку пальцами настолько черными, что, закулив папиросу, должен был скорее почувствовать вкус грязи, а не табака. Смотритель парка производил впечатление подростка в теле мужчины. Угрюмый и стесняющийся, он ежился в одежде, слишком просторной для него, на лоб спадал непослушный чуб. Фрейзеру неуютно было сидеть рядом с ним. В Brentе угадывалось какое-то неприятное свойство, как если бы он выведал какой-то секрет, но не желает им поделиться.

— Насколько хорошо вы знали Мэри Блэкистон? — Пюнд начал с первой смерти, хотя Фрейзер поймал вдруг себя на мысли, что смотритель в обоих случаях является главным свидетелем. В самом деле, он мог быть последним человеком, видевшим экономку и ее нанимателя живыми.

— Вообще никак. Она меня и знать не хотела. — Вопрос, похоже, обидел Brentа. — Ей нравилось мной командовать: сделай то, сделай это. Даже в свой дом гоняла — мебель передвинуть, течь устранить. А права у нее такого не было — я ведь на сэра Магнуса работал, не на нее. Я ей так и говорил. Меня не удивляет, что за такое поведение кто-то спихнул ее с лестницы. Всюду она совала свой нос. Уверен, она многим наступила на мозоль. — Он громко фыркнул. — Не хочу плохо говорить о покойниках, но миссис Блэкистон была суцая заноза, что есть, то есть.

— Вы думаете, ее столкнули? Полиция придерживается мнения, что это был несчастный случай и она упала.

— Не мне судить, сэ. Сама упала... Кто-то столкнул... Меня любой расклад не удивил бы.

— Это вы увидели ее лежащей в холле?

Brent кивнул:

— Я подстригал кусты перед парадным входом. Заглянул в окно и вижу: она лежит у подножия лестницы.

— Вы ничего не слышали?

— А чего тут услышишь? Она же померла.

— И в доме никого больше не было?

— Я не видел. Кто-нибудь мог и быть, думается. Но я пробыл там несколько часов и не видел, чтобы кто-то выходил.

— И что же вы сделали?

— Постучал в окно — вдруг она очнется. Но экономка не пошевелилась, поэтому я пошел в конюшню и воспользовался тамошним телефоном, чтобы позвонить доктору Редвинг. Она заставила меня разбить стекло в задней двери. Сэр Магнус был очень этим недоволен. Вообще-то, он обвинил меня в том, что в дом позже залезли воры. Но я тут ни при чем. Я не хотел ничего ломать, просто сделал, как мне велели.

— Вы поругались с сэром Магнусом?

— Нет, сэр, ничего такого. Но сэр Магнус был недоволен, а когда он злился, лучше было обходить его стороной, скажу я вам.

— Вы были здесь тем вечером, когда умер сэр Магнус?

— Да я каждый вечер тут. В это время года я раньше восьми не уйду, а в тот день ушел только в восемь пятнадцать. При этом за сверхурочные я платы никогда не требовал.

Любопытно, но чем больше Brent говорил, тем красноречивее становился.

— У них с леди Пай лишнего пенни не допросишься, — продолжил смотритель. — Тем вечером сэр Магнус оставался дома один. Она уехала в Лондон. Я видел, что он заработался допоздна. В кабинете у него горел свет, и он, верно, ждал кого-то, потому что, как раз когда я уходил, появился посетитель.

Brent уже говорил об этом инспектору Чаббу. К несчастью, описать наружность таинственного визитера оказалось выше его сил.

— Как понимаю, лица этого человека вы не разглядели? — сказал Пюнд.

— Я его не видел. И не узнал. Но потом, поразмыслив, я понял, кто это был. — Это заявление поразило Пюнда, живо ожидавшего, когда смотритель продолжит. — Он был на погребении. Присутствовал, когда хоронили миссис Блэкистон. Я знаю, что встречал его прежде. Я заметил, что он стоит в хвосте толпы. И в то же время почти и не заметил, если вы понимаете, к чему я клоню. Держался он тихонько, словно не хотел, чтобы его увидели, и лица его я не разглядел. Но я знаю, что это был один и тот же человек. Уверен, что это он. Из-за его шляпы.

— На нем была шляпа?

— Верно. Старомодная шляпа, такие лет десять назад носили, и она была глубоко надвинута на лоб. Человек, пришедший в Пай-Холл в восемь пятнадцать, был тот же самый, что и на похоронах. Я в этом уверен.

— Можете сказать про него еще что-то? Возраст? Рост?

— Шляпа на нем была, вот и все, что я могу сказать. Он был там. Ни с кем не разговаривал. А потом пропал.

— Что произошло, когда он подошел к дому?

— Я не стал дожидаться, чтобы посмотреть. Отправился в «Паромщик» за куском пирога и пинтой. У меня в кармане завалялись деньжата, которые дал мистер Уайтхед, и мне хотелось поскорее пустить их в ход.

— Мистер Уайтхед? Это владелец антикварного магазина?

— А он тут при чем? — Глаза Brentа с подозрением прищурились.

— Он заплатил вам деньги.

— Я никогда такого не говорил! — Сообразив, что проболтался, Brent лихорадочно искал способ выпутаться. — Он вернул мне пятерку, которую был должен. Вот и все. Вот я и пошел выпить пинту.

Пюнд не стал развивать тему. Обидеть человека вроде Brentа очень легко, а обидевшись, он бы замкнулся и не сказал больше ни слова.

— Итак, вы ушли из Пай-Холла примерно в четверть девятого, — сказал сыщик. — Вполне вероятно, что не прошло и нескольких минут, как сэр Магнус был убит. Интересно, могли бы вы объяснить отпечаток ладони, обнаруженный нами в цветочной клумбе перед парадной дверью?

— Тот малый из полиции уже спрашивал об этом, и я ему сказал. Это не мой отпечаток. С какой стати мне вляпываться ладонью в почву? — криво усмехнулся Brent.

Пюнд попробовал зайти с другого бока:

— Заметили вы что-нибудь еще?

— Вообще-то, да. — Brent бросил на детектива и его помощника лукавый взгляд. Все это время он держал самокрутку в пальцах, но теперь сунул ее в рот и закурил. — Значит, я пошел в «Паромщик». И вот по пути я столкнулся с миссис Осборн, женой викария. Бог весть, что ей

понадобилось на улице в такой час, впрочем, это никого не касается. Короче, она спросила, не видел ли я ее мужа. Она была чем-то встревожена, может, даже напугана. Видели бы вы ее лицо! Ну я сказал, что видел его у Пай-Холла, и он вполне может быть там и...

Пюнд нахмурился:

— Но вы только что сказали, что видели близ холла человека в шляпе, который был на похоронах.

— Знаю, что сказал, сэр. Но они оба были там, и тот человек, и викарий. Понимаете, потягивая свою пинту, я видел, как викарий проехал мимо на велосипеде. Это было немного позже.

— Насколько именно?

— Минут на тридцать. Может, на час. Я слышал, как он едет. Этот велосипед скрипит и щелкает так, что его с другого конца деревни слышно. И именно он проехал мимо паба, пока я сидел там. А откуда мог викарий ехать, как не из Пай-Холла? Ведь не из Бата же. — Brent глянул на сыщика поверх самокрутки, как бы предлагая ему поспорить.

— Вы очень помогли, — кивнул Пюнд. — У меня остался всего один вопрос. Он касается гостевого дома, где жила миссис Блэкистон. Вы обмолвились, что выполняли для нее кое-какую работу, и мне подумалось — нет ли у вас ключа от него?

— А вам это зачем?

— Потому что я хочу попасть туда.

— Ну, не знаю... — пробормотал смотритель, пожевав сигаретку. — Если хотите попасть в дом, вам лучше потолковать с леди Пай.

— Это полицейское расследование, — вмешался Фрейзер. — Мы можем входить, куда захотим, а у вас могут возникнуть проблемы, если откажетесь помогать нам.

На лице Brent отразилось сомнение, но возражать он не стал.

— Я могу вас сейчас проводить. Но потом мне нужно возвращаться к ним. — Он кивком указал на розы.

Пюнд и Фрейзер направились за Brentом в конюшню, где смотритель взял ключ с большим деревянным брелоком, потом они пошли по подъездной дорожке к Лодж-хаусу, располагавшемуся в самом ее конце. Это было двухэтажное здание с покатой крышей, массивной трубой, георгианскими окнами и прочной входной дверью. Тут обитала Мэри Блэкистон, пока работала в качестве экономки у сэра Магнуса Пая. Сначала с ней жили муж и два мальчика, но постепенно члены семьи покидали ее, пока не оставили совсем одну. Возможно, виной тому было положение солнца или растущие вокруг дубы и вязы, но создавалось впечатление, что дом постоянно скрывается в тени. Он определенно стоял пустым. У него были вид и атмосфера заброшенного жилища.

Brent отпер прихваченным ключом переднюю дверь.

— Хотите, чтобы я зашел? — спросил он.

— Было бы очень хорошо, если бы вы побыли с нами еще некоторое время, — ответил Пюнд. — Мы не задержим вас надолго.

Втроем они вошли в небольшой холл с двумя дверями, коридором и ведущей наверх лестницей. Обои на стенах были старомодные, с растительным орнаментом и изображениями английских птиц и сов. Из мебели имелись антикварный стол, вешалка и зеркало в полный рост. Все вещи выглядели так, как если бы стояли здесь с незапамятных времен.

— Что вы хотели увидеть? — спросил Brent.

— Этого я вам сказать не могу, — отозвался Пюнд. — Пока.

Комнаты на первом этаже представляли собой мало интересного. Кухня была стандартная, в старомодной гостиной выделялись старинные дедовские часы. Фрейзеру вспомнилось, как Джой Сандерлинг описывала тиканье этих часов, пока она старалась произвести впечатление на мать Роберта. Везде было очень чисто, словно дух Мэри совсем недавно был здесь. А быть может, никуда не уходил вовсе. Кто-то взял почту и положил на кухонный стол, но ее было мало, и ничего интересного в ней не нашлось.

Они поднялись наверх. Спальня Мэри находилась в конце коридора, рядом с ванной. Спала она, видимо, в той же самой кровати, которую прежде делила с мужем: конструкция была такой громоздкой и тяжелой, что едва ли кому пришло бы в голову затаскивать ее сюда после его ухода. Спальня выходила на дорогу. В общем-то, ни в одной из основных комнат окна не смотрели на

Пай-Холл, как если бы дом специально построили так, чтобы слуги не могли наблюдать за хозяевами. Пюнд заглянул в две другие двери. В этих спальнях уже долгое время никто не жил. Кровати не были застелены, на матрасах местами завелась плесень. Третья дверь, напротив, была разбита, замок выломан.

— Работа полиции, — пояснил Brent недовольным голосом. — Хотели войти, а ключа не нашли.

— Миссис Блэкистон держала эту комнату закрытой?

— Никогда в нее не входила.

— Откуда вы знаете?

— Так я вам уже говорил — мне часто приходилось бывать здесь. Я чинил протечки, стелил ковры внизу, и она то и дело меня вызывала. Но в эту комнату — ни разу. Дверь она не открывала. Сомневаюсь даже, был ли у нее ключ. Поэтому полиции пришлось выломать дверь.

Они вошли. Комната производила неприглядное впечатление: подобно остальным помещениям в доме, она была полностью лишена жизни. Односпальная кровать, пустой гардероб, окно с видом на вязы, под ним письменный стол. Пюнд подошел к окну и выглянул. Деревья заслоняли не все, и сыщик разглядел край озера, а за ним злополучную полосу леса, Дингл-Делл. В глаза ему бросился единственный выдвижной ящик в середине стола, и он его открыл. Внутри Фрейзер увидел полосу из черной кожи в виде кольца с маленьким медальоном. Собачий ошейник. Молодой человек протянул руку и взял его.

— Белла, — прочел он. Имя было написано заглавными буквами.

— Белла — это была собака, — без надобности сообщил Brent. Фрейзер ощутил легкое раздражение — он бы и сам догадался.

— Чья собака? — спросил Пюнд.

— Младшего мальчика. Который погиб. У него была собака, только недолго.

— Что с ней случилось?

— Убежала. Ее так и не нашли.

Фрейзер положил назад ошейник, который был совсем маленьким и мог принадлежать разве что щенку. Какой-то невыразимой грустью веяло от этой вещи в пустом ящике.

— Значит, это комната Тома, — пробормотал он.

— Скорее всего, да.

— Это объясняет, почему она запирала дверь. Бедной женщине трудно было заходить сюда. Удивляюсь, почему она отсюда не переехала.

— У нее могло просто не быть выбора.

Сыщик и его помощник разговаривали вполголоса, словно боялись потревожить тени прошлого. Brent тем временем переступал с ноги на ногу, торопясь идти по своим делам. Но Пюнд не спешил покидать дом. Фрейзер понимал, что детектив не столько ищет улики, сколько хочет прочувствовать атмосферу — ему не раз доводилось слышать его рассуждения про память преступлений, мистическое эхо, которое оставляют за собой горе и насильственная смерть. Этому была посвящена целая глава в его книге: «Информация и интуиция», или как-то в этом роде.

Заговорил Пюнд, только когда они вышли на улицу.

— Чабб должен был забрать все интересное. Хотелось бы знать, что он нашел. — Сыщик посмотрел вслед Brentу, уже топавшему обратно к поместью. — И этот субъект тоже. Он сообщил нам много ценного.

Пюнд огляделся вокруг, посмотрел на наступающие со всех сторон деревья.

— Не хотел бы я жить здесь, — сказал он. — Отсюда ничего не видно.

— Да, обстановка гнетущая, — согласился Фрейзер.

— Нам следует выяснить у мистера Уайтхеда, сколько денег он заплатил Brentу и за что. И нужно еще раз побеседовать с преподобным Осборном. У него несомненно была причина прийти сюда в ночь убийства. Также есть вопрос насчет его жены...

— Brent сказал, что миссис Осборн была напугана.

— Да. И мне интересно, чего она испугалась. — Пюнд в последний раз обернулся. — В атмосфере этого дома присутствует нечто, Джеймс. И оно подсказывает мне, что тут есть чего всерьез опасаться.

Реймонду Чаббу не нравились убийства. Он стал полицейским, потому что верил в закон и считал графство Сомерсет, с его аккуратными деревушками, живыми изгородями и старинными полями, одной из самых упорядоченных и цивилизованных частей страны, если не всего мира. Убийство меняло все. Оно нарушало размеренный ритм жизни. Настраивало соседа против соседа. В один миг люди переставали доверять друг другу, и двери, оставшиеся обычно открытыми на ночь, запирались на замок. Убийство было актом вандализма, как бросок кирпичом в витражное стекло. И в какой-то мере работой Чабба было собирать осколки воедино.

Сидя в своем кабинете в полицейском отделении на Ориндж-Гроув в Бате, он размышлял о текущем расследовании. Эта история с сэром Магнусом Паем не сулила ничего хорошего. Одно дело быть заколотым в своем собственном доме, но когда человеку посреди ночи сносят голову средневековым мечом — это просто возмутительно! А ведь Саксби-на-Эйвоне была таким тихим местечком. Да, там произошел несчастный случай с уборщицей, которая споткнулась и свалилась с лестницы, но это, опять же, совсем другое. Неужели в самом деле один из обитателей деревни, живущий, допустим, в доме георгианской эпохи, посещающий церковь и играющий за местную крикетную команду, подстригающий по утрам в воскресенье лужайку и продающий на ярмарках собственноручно сделанный мармелад, является кровожадным маньяком? Ответ был таков: да, это вполне возможно. И раскрыть личность убийцы наверняка могла книга, лежащая теперь на столе перед инспектором.

В сейфе сэра Магнуса не нашлось ничего интересного. Создавалось впечатление, что и Лоджхаус окажется пустой тратой времени. И тут обладающий зорким глазом молодой констебль Уинтербрук обнаружил среди поварских книг на кухне у Мэри Блэкистон кое-что важное. Он далеко пойдет, этот мальчик. Ему нужно только серьезнее относиться к работе и проявить больше амбиций, и он глазом моргнуть не успеет, как станет инспектором. Преднамеренно ли она спрятала его там? Боялась ли, что кто-то придет в дом: ее сын или сам сэр Магнус? Определенно, этот документ, содержащий нелицеприятные наблюдения обо всех в деревне, — не из тех, что оставляют лежать на виду. Тут нашлось место для мистера Тернстоуна, мясника, осознанно обвешивающего покупателей, для Джеффри Уивера, могильщика, жестоко обращающегося со своей собакой, Эдгара Реннарда, врача на пенсии, бравшего взятки, мисс Доттерел, продавщицы из деревенского магазина, позволяющей себе пропустить стаканчик. Похоже, никто не избежал ее внимания.

Инспектору понадобилось почти два дня, чтобы прочитать дневник, и к исходу этого срока он чувствовал себя так, словно выпачкался в чем-то. Ему вспомнилась миссис Блэкистон, лежащая с остекленевшим взглядом у подножия лестницы в Пай-Холле, уже холодная и окоченевшая. Тогда ему было ее жалко. Теперь ему хотелось понять, что заставляло ее без конца шаркать по деревне, вынюхивая и выискивая гадости. Неужели она не могла хотя бы раз найти что-то хорошее? Почерк у Мэри был корявым и неровным, но при этом очень разборчивым, как будто она вела своего сорта протоколы зла. Да, Пюнду такое определение понравится! Именно так мог бы выразиться он сам. Каждая запись была датирована. Книжица охватывала период в три с половиной года, и Чабб уже отрядил в гостевой дом Уинтербрука — проверить, не сохранилось ли более ранних изданий. Впрочем, ему и этого тома за глаза хватило.

Имелись у миссис Блэкистон два или три «любимчика», переходившие со страницы на страницу. Как ни странно, вопреки существовавшей между ними розни, ее сын Роберт не входил в их число. А вот Джози, или Джой, стала объектом презрения с самого момента знакомства. Смотрителя парков Брента экономка по-настоящему ненавидела. Его имя встречалось постоянно. Он груб, он ленив, опаздывает на работу, подворовывает, он подглядывал за бойскаутами, пока те стояли лагерем в Дингл-Делле, он пьет, склонен ко лжи и никогда не моется. Похоже, миссис Блэкистон делилась своим мнением с сэром Магнусом Паем. По крайней мере, одна из последних ее записей наводила на мысль об этом.

28 июля

Наконец-то разум восторжествовал! Сэр М. попросил Брента уйти с работы. Произошло это вчера вечером в Пай-Холле. Brent был недоволен. Дулся все утро и специально топтался на клумбе с аквилегией. Я видела все собственными глазами и упомянула об этом дорогому сэру М., который сказал, что это не имеет значения, раз уж он все равно уходит. И очень даже вовремя. Я без конца про это толковала. Сэр М. отказывался замечать очевидное, но незаменимых нет. Многие молодые люди ищут в работу в здешних краях, сказала я, причем вполне достойные. Предложила дать объявление в «Леди», но сэр М. предпочитает агентство по найму как более деликатный способ. И более дорогой, кстати. Впрочем, это для него, надо полагать, не проблема.

День спустя ее нашли мертвой. А через неделю погиб и «сэр М.». Совпадение? Ну не могли же убить их обоих за вытоптанную цветочную клумбу!

Чабб отметил еще семь записей, которые, по его рассуждению, могли иметь отношение к делу. За исключением одной, все они были сделаны недавно и тем более могли касаться убийства сэра Магнуса. Инспектор снова пробежался по ним, перечитав в порядке, который находил наиболее осмысленным.

Интересный разговор с доктором Редвинг. И сколько же воров может обитать в одной деревне? Дело крайне серьезное. Из ее лечебницы украли препарат. Она записала для меня его название: физостигмин. Она говорит, что в большой дозе он вполне может оказаться смертельным. Я посоветовала ей обратиться в полицию, но она, ясное дело, этого не сделает, так как боится, что обвинят ее. Доктор Р. мне нравится, но некоторые ее поступки вызывают вопросы. Принять на работу эту девку, к примеру. И она вовсе не такая осторожная, какой себя считает. Я много раз бывала в лечебнице и просто проходила и брала лекарства, какие мне нужны. Когда это произошло? Мне кажется, что доктор Р. ошибается. Это случилось не в тот день, когда она говорит, а накануне. Я видела, как она выходит, и догадалась: что-то стряслось. Поняла это по ее лицу. И по тому, как она держала сумку. Когда я вошла, лечебница была пуста — девки уже и след простыл. Девка определенно находилась там одна, а шкафчик с лекарствами был открыт, так что не составляло труда взять что угодно. Зачем оно ей понадобилось? Подсыпать брату в чай из мести? Не может смириться с тем, что оказалась номером вторым! Но мне следует хранить осторожность. Не могу выдвигать обвинений. Требуется подумать.

9 июля

Артур Рив слишком взволнован, чтобы говорить. Его коллекция медалей пропала! Страшное дело. Вор влез в кухонное окно, вырезал дыру в стекле. Любой бы счел это вопиющей уликой, но полицейские, разумеется, и бровью не повели. Сказали, что это наверняка дети. Только я так не думаю. Воры точно знали, зачем шли. Одна только греческая медаль стоит кругленькую сумму. Типично, что никому нет дела. Я заглянула к нему и выпила чашку чая. Пыталась понять, может ли наш приятель быть замешан, но ничего не сказала. Я наблюдаю и погляжу, только осторожно. Сколько волка ни корми! Ужасно, когда подобный человек живет в деревне. И опасно? Определенно, следует сказать сэру Магнусу. Хильде Рив все равно. Не помогает мужу — говорит, что не понимает, из-за чего столько шума. Глупая женщина. Не понимаю, как он мог жениться на ней.

11 июля

Навестила Уайтхеда в магазине, пока его жена выходила, и сказала, что обо всем знаю. Он, конечно, все отрицал. Ну а что ему еще делать? Я показала ему статью, которую нашла в газете, и он заявил, что это в прошлом, и даже обвинил меня в попытке испортить ему жизнь. Ну уж нет, сказала я ему. Это ты тут портишь всем жизнь.

Он утверждает, что никогда не подходил к дому Артура. Однако его магазин набит всякой всячиной, и возникает вопрос: откуда берутся все эти штучки?

Он пригрозил, что расскажет всем. Обещал подать на меня в суд. Но это мы еще посмотрим!

Чабб мог бы не обращать внимания на оба этих куска. Артур Рив и его супруга были пожилой парой, некогда владевшей «Гербом королевы». Сложно представить кого-то менее причастного к смерти сэра Магнуса. И какое отношение к делу может иметь возможная кража медалей? Встреча с Уайтхедом вообще выглядела лишеной смысла. Но, полистав дневник, инспектор наткнулся на газетную вырезку, пожелтевшую и истончившуюся, которая заставила его переменить мнение.

ПЕРЕКУПЩИК КРАДЕНОГО ОСВОБОЖДЕН ИЗ ТЮРЬМЫ

Джонни Уайтхед снискал недолгую известность как участник «Банды домушников» — организованной сети профессиональных взломщиков, грабивших жилые кварталы в Кенсингтоне и Челси. Арестованный за скупку краденого, он вышел из тюрьмы Пентонвиль, отсидев всего четыре года из семи, положенных по приговору. Мистер Уайтхед, имеющий жену, по имеющимся сведениям, уехал из Лондона.

Фотографии не было, но Чабб уже навел справки и выяснил, что в деревне действительно жил некий Джонни Уайтхед с женой, и это был тот самый Джонни Уайтхед, прежде подвергавшийся аресту в Лондоне. Во время и после войны в столице хватало организованных преступных группировок, и «Банда домушников» слыла одной из самых известных. Уайтхед был при бандитах скупщиком, а теперь вот заделался не кем-нибудь, а владельцем антикварного магазина! Инспектор еще раз бросил взгляд на два слова, выведенных рукой Мэри Блэкистон: «И опасно?» Знак вопроса определенно был уместен. Если Уайтхед был в прошлом преступником, а она пыталась разоблачить его, не могла ли ее смерть быть на его совести? Если она переговорила о нем с сэром Магнусом, не мог ли Джонни нанести еще один удар? Чабб осторожно положил газетную вырезку рядом и вернулся к дневнику.

7 июля

Ужасно. Я всегда знала, что с преподобным Осборном и его женой не все чисто. Но такое!!! Уж лучше бы остался старый Монтегю. Честное слово, даже не знаю, что тут сказать и сделать. Ничего, наверное. Кто мне поверит? Кошмар!

Леди Пай вернулась из Лондона. Снова. Все знают, что за поездки она предпринимает. Но все молчат. Видно, такие теперь времена. Мне жаль сэра Магнуса. Такой хороший человек. Всегда был добр ко мне. Знает ли он? Следует ли мне намекнуть ему?

Последняя из отобранных Чаббом записей была датирована почти четырьмя месяцами ранее. Мэри Блэкистон не раз упоминала о Джой Сандерлинг, но эта запись была внесена после первой их встречи. Сделана она была черными чернилами, более толстым пером, чем обычно. Буквы расплзались по странице, и Чабб реально ощущал гнев и негодование, с которым перо летело по бумаге. Мэри стоило назвать беспристрастным наблюдателем. В смысле, что она в одинаковой степени нелюбима и зло отзывалась обо всех своих знакомых. Но к Джой она дышала нервно.

15 марта

Чай с маленькой мисс Сандерлинг. Говорит, что ее имя Джози, но «зовите меня Джой, то есть радость». Я ее так звать не стану. Нет радости в этом браке. Почему она не хочет этого понять? Я не позволю этому случиться. Двенадцать лет назад я потеряла одного сына. И не дам ей забрать у меня Роберта. Я угощала ее чаем и печеньем, а она просто сидела с этой своей дурацкой улыбкой на лице — такая молодая, такая глупая. Она щебетала про своих родителей и семью. У нее брат с синдромом Дауна! С чего ей взбрело мне про это рассказывать? Роберт только сидел и ничего не говорил, а я все время думала о жуткой болезни, поражающей ее семью, и о том, как мне хочется, чтобы эта трещотка ушла поскорее. Нужно было сказать ей об этом сразу и напрямик. Но она явно из девиц такого сорта, которые меня слушать

не станут. Поговорю с Робертом позже. Я не хочу этого. Определенно не хочу. И зачем эта глупая девка заявила в Саксби?

В первый раз Чабб ощутил настоящую неприязнь к Мэри Блэкистон, почти склонился к мысли о том, что она заслуживала смерти. Он никому бы не сказал, но вынужден был признать, что весь этот дневник пропитан ядом, а последняя прочитанная им запись вообще непростительна. Сильнее всего его покорило упоминание о синдроме Дауна. Мэри описала его как «жуткую болезнь», но это не так. Это не болезнь, а состояние. Какой надо быть женщиной, чтобы увидеть здесь угрозу собственной кровной линии? Неужто она в самом деле препятствовала браку сына только ради того, чтобы защитить будущих внуков от некоей заразы? Это не укладывалось в голове.

С одной стороны, Чабб надеялся, что эта книжка окажется единственным томом записок Мэри Блэкистон. Инспектора пугала перспектива снова вчитываться в страницы, полные злобы и неприязни: неужели она ни о ком не могла сказать доброе слово? С другой же — понимал, что это слишком ценный источник, чтобы им пренебречь. Нужно показать это все Аттикусу Пюнду.

Чабба радовало, что сыщик оказался в Сомерсете. Они неплохо сработали вместе во время расследования в Мальборо, где директор школы был убит во время спектакля. То дело было очень похоже на это: сплетение подозреваемых и различных мотивов, и не одна смерть, а две, которые, возможно, были связаны, а возможно, и нет.

В уединении собственного дома Чабб мог признать правду. А состояла она в том, что он не замечал ни единой ниточки, ведущей к разгадке. Пюнд наделен умением видеть события под другим углом. Возможно, таков его дар от природы. Инспектор не смог сдержать улыбки. Всю жизнь он думал о немцах как о врагах. Странно было иметь одного из них на своей стороне.

В равной степени странно было и то, что Пюнд появился тут благодаря Джой Сандерлинг. Чаббу уже приходило в голову, что она и ее жених, Роберт Блэкистон, имели самый веский мотив желать Мэри Блэкистон смерти. Они молоды, влюблены, а она намеревалась помешать их свадьбе по самой низкой и злобной причине. На краткий миг он сам разделил их чувства. Но если они намеревались убить ее, то зачем вовлекать Пюнда? Может ли это быть эдакой хитрой дымовой завесой?

Прокручивая в голове эти мысли, Реймонд Чабб закурил сигарету и снова принялся листать страницы.

6

В своем шедевре «Ландшафт криминалистического расследования» Аттикус Пюнд писал: «Есть мнение, что правда представляет собой eine vertiefung — это своего рода глубокая лощина, незаметная издалека, а потом внезапно открывающаяся перед вами. Добраться до нее можно различными путями. Последовательность вопросов, кажущихся не связанными друг с другом, все-таки обладает способностью приблизить вас к цели. В ходе раскрытия преступления не бывает бесполезных путешествий». Другими словами, не важно было то, что сыщик еще не читал дневника Мэри Блэкистон и не имел представления о его содержании. Пусть они с инспектором Чаббом двигались с разных сторон, их пути рано или поздно должны были сойтись.

Выйдя из Лодж-хауса, Пюнд и Фрейзер совершили короткую прогулку в дом викария. Они не стали срезать путь через Дингл-Делл, а пошли по дороге, наслаждаясь теплым вечером. Фрейзеру понравилась Саксби-на-Эйвоне, и он никак не мог понять, почему детектив столь равнодушен к очарованию этой деревни. Более того, его поражало, что Пюнд словно сам не свой с момента выезда из Лондона: подолгу молчит, погружившись в собственные мысли. В данный момент они вдвоем сидели в гостиной, где Генриетта угощала их чаем и домашним печеньем. То была светлая, радостная комната с сухими цветами на каминной полке и стеклянной дверью, выходившей на ухоженный сад и полосу леса за ним. Обстановку ее составляли фортепьяно, несколько полок с книгами и полог, которым завешивали дверь зимой. Мебель была удобной, но как-то не вязалась с самой комнатой.

Робин и Генриетта сидели рядышком на софе, и вид у них был до крайности смущенный, если не сказать виноватый. Пюнд едва приступил к вопросам, а эти двое уже заняли оборонительную

позицию, явно опасаясь того, что последует дальше. Фрейзер понимал, что они сейчас испытывают. Ему доводилось наблюдать это прежде. Вы можете быть уважаемым, ни в чем не виновным человеком, но в разговоре с детективом вы превращаетесь в подозреваемого, и любое ваше слово ставится под сомнение. Все это было частью игры, и Фрейзеру подумалось, что Осборны не слишком хороши в ней.

— В вечер убийства сэра Магнуса Пая вы, миссис Осборн, выходили из дома. Примерно в восемь пятнадцать. — Пюнд выждал, не станет ли она отрицать, и, когда этого не произошло, добавил: — Зачем?

— Могу я поинтересоваться, кто вам это сообщил? — вскинулась Генриетта.

Пюнд пожал плечами:

— Поверьте, миссис Осборн, это не имеет значения. Моя задача — установить, где находился каждый человек во время смерти сэра Магнуса, чтобы, как вы выражаетесь, собрать пазл воедино. Я задаю вопросы и получаю ответы, вот и все.

— Мне просто не нравится находиться под постоянным наблюдением. В этом сложность жизни в деревне — все всегда тебя видят, — сказала Генриетта. Викарий нежно похлопал жену по ладони, и та кивнула. — Да, примерно в это время я ходила искать мужа. Дело в том... — Женщина немного замялась. — Мы оба были встревожены одной новостью, которую только что узнали, и муж вышел пройтись. Когда начало темнеть, а он все не появлялся, я начала задаваться вопросом, куда он подевался.

— И где же вы были, мистер Осборн?

— Ходил в церковь. Когда мне нужно разобраться в себе, я всегда туда иду. Думаю, вы понимаете.

— Вы пошли пешком или поехали на велосипеде?

— По тому, как вы задаете вопрос, мистер Пюнд, я могу заподозрить, что ответ вам уже известен. Я воспользовался велосипедом.

— Когда вы вернулись домой?

— Где-то в половине десятого.

Пюнд нахмурился. Если верить Бренту, тот слышал, как велосипед викария проехал мимо «Паромщика» спустя примерно полчаса после его прихода. То есть примерно в девять или в четверть десятого. Получалась нестыковка — выпадало по меньшей мере пятнадцать минут.

— Вы уверены насчет времени? — спросил он.

— Я совершенно уверена, — вмешалась Генриетта. — Я ведь уже сказала, что беспокоилась. И разумеется, поглядывала на часы. Когда мой муж приехал, была ровно половина десятого. Я подала ему ужин и сидела рядом, пока он ел.

Пюнд не стал развивать тему. Существовали три возможности. Первая, и самая очевидная, заключалась в том, что Осборны лгут. Женщина определенно нервничает, пытаясь защитить мужа. Вторая возможность: Брент ошибся, хотя выказал себя на удивление надежным свидетелем. И третья...

— Осмелюсь предположить, что вас расстроило объявление о строительстве новых домов, — сказал сыщик.

— Точно. — Осборн указал на окно и открывающийся из него вид.

— Именно здесь они и будут стоять. Прямо за нашим садом. Разумеется, дом не наш. Он принадлежит церкви, и мы с женой не навек здесь поселились. Но это предприятие выглядит таким разрушительным. Без насущной на то необходимости.

— Возможно, стройки не будет, — заметил Фрейзер. — Теперь, когда сэр Магнус мертв, и вся эта затея...

— Ну я не собираюсь радоваться смерти человека. Это совсем неправильно. Но признаюсь, что, услышав об убийстве, я подумал именно об этом. Это моя вина. Я не должен позволять личным чувствам отравлять здравость моих суждений.

— Вам следует заглянуть в Дингл-Делл, — вставила Генриетта. — Пока не погуляете по нему, не поймете, почему он так много для нас значит. Хотите, я покажу вам лес?

— Был бы очень рад, — отозвался Пюнд.

Они допили чай. Фрейзер потихоньку ухватил еще одно печенье, после чего все вышли через стеклянную дверь. Сад протянулся ярдов на двадцать, спускаясь под уклон, цветочные клумбы

располагались по обе стороны от лужайки, которая становилась все более заросшей и запущенной по мере удаления от дома. Это так и было задумано. Ни забор, ни какое иное препятствие не отделяли участок Осборнов от леса, и потому нельзя было сказать, где заканчивается один и начинается другой.

Как-то внезапно они оказались в Дингл-Делле. Деревья, дубы и северные вязы, сомкнулись без предупреждения, отрезав их от внешнего мира. Это было чудесное место. Косые лучи предвечернего солнца, проходя сквозь листву и сучья, приобретали зеленоватый оттенок, между ветвями порхали бабочки...

— Зефир дубовый, — промолвила Генриетта.

Грунт под ногами был мягким: трава и полосы мха с цветочными островками. Имелось что-то необычное в этом лесе. Собственно, это был не лес, а совсем небольшая поросшая деревьями лощина. И тем не менее находящимся в ней казалось, что у нее нет краев, нет пути наружу. Царила глубокая тишина. Хотя среди деревьев порхали птицы, делали они это бесшумно. Только гудение шмеля нарушало покой, но и оно смолкало так быстро, как и начиналось.

— Некоторые из этих деревьев растут тут двести или триста лет, — оглядываясь вокруг, произнес Осборн. — Вам известно, что сэр Магнус нашел здесь клад? Римские монеты и украшения. Видимо, их зарыли, чтобы уберечь. Всякий раз, когда мы сюда приходим, тут иначе. Чуть позже вылезут очаровательные поганки. Множество насекомых различных видов, если вас интересует подобная живность...

Они дошли до зарослей дикого чеснока, белые цветки которого взрывались подобно звездам. За ними, загораживая тропу, виднелось другое растение, с густыми остроконечными листьями.

— *Atropa belladonna*, — проговорил Пюнд. — Смертельно ядовитый паслен. Как понимаю, миссис Осборн, вы неудачно наступили на него и получили отравление?

— Да. Глупая неосторожность с моей стороны. И не повезло тоже... Как-то ухитрилась порезать об него ногу. — Генриетта нервно хохотнула. — Даже не знаю, что заставило меня выйти босой. Наверное, это потому, что мне нравится ощущать подошвами мягкий мох. Так или иначе, я усвоила урок и теперь держусь подальше от этого растения.

— Хотите пройти дальше? — спросил Осборн. — Пай-Холл как раз на противоположной стороне.

— Да. Было бы любопытно снова его увидеть, — ответил Пюнд.

Тропы как таковой не было. Пробираясь сквозь зеленый полог, они вышли на другой край леса также неожиданно, как вошли. Деревья вдруг расступились, и прямо перед путниками раскинулось озеро, спокойное и темное, и спускающаяся к берегу от Пай-Холла лужайка. Фредди Пай был на улице, пинал футбольный мяч, а Brent стоял на коленях перед цветочной клумбой с секатором в руке. Никто из этих двоих не заметил появления небольшой группы. С места, где стояли Пюнд и его спутники, Лодж-хаус, скрытый за своим собственным лесным пологом, был совсем не виден.

— Ну вот и пришли, — заявил Осборн. Он приобнял жену, потом спохватился и убрал руку. — Пай-Холл воистину прекрасен. До какого-то времени здесь располагался женский монастырь. Несколько веков он находится во владении одного рода. По крайней мере, у них нет права снести его!

— Этот дом повидал немало смертей, — заметил Пюнд.

— Да. Полагаю, подобное можно сказать о множестве сельских усадеб...

— Но не в отношении недавнего времени. Вы находились в отъезде во время смерти Мэри Блэкистон?

— Я уже сказал вам об этом во время встречи у церкви.

— Вы обмолвились, что были в Девоншире.

— Так и есть.

— Где именно?

Викарий явно растерялся и отвел взгляд.

— К чему вы задаете нам эти вопросы, мистер Пюнд? — сердито вмешалась его жена. — Неужто вы всерьез допускаете, будто мы с Робинотом, находясь далеко отсюда, совершили это преступление? Думаете, что мы тайком вернулись и столкнули бедную миссис Блэкистон с лестницы? Какой разумный мотив мог нами руководить? И это, наверное, мы отрубили сэру

Магнусу голову, чтобы спасти Дингл-Делл, хотя толку в этом мало. Его мерзкий сынок с таким же успехом может продолжить дело.

Аттикус Пюнд развел руками и вздохнул:

— Вы не понимаете принципов работы полиции и сыщиков. Разумеется, я не допускаю, что это вы совершили то, о чем упомянули. И мне не доставляет удовольствия задавать вам эти вопросы. Но все должно встать на свои места. Каждое показание должно быть проверено, каждое движение исследовано. Очень может быть, что вы не захотите сообщить мне, где были. Но рано или поздно вам придется сказать это инспектору. Мне очень жаль, если вы рассматриваете мои действия как вмешательство в вашу личную жизнь.

Робин Осборн бросил взгляд на жену.

— Разумеется, нам не составляет труда ответить вам, — сказала та.

— Просто не очень приятно, когда с тобой обращаются как с подозреваемым. Если вы поговорите с менеджером отеля «Шепли-Корт», он подтвердит, что мы пробыли там всю неделю. Это близ Дартмута.

— Благодарю вас.

Они развернулись и пошли через Дингл-Делл обратно: Пюнд и Робин Осборн впереди, Генриетта и Джеймс Фрейзер сзади.

— Естественно, это вы руководили похоронами Мэри Блэкистон? — сказал Пюнд.

— Верно. Удачно, что мы вовремя вернулись, хотя я, конечно, мог в любом случае сократить отпуск.

— Хотелось бы спросить, заметили вы на церемонии неизвестного в деревне человека? Он стоял, как я понимаю, в сторонке, поодаль от остальных присутствующих. Мне сказали, что на нем была старомодная шляпа федора.

Робин Осборн задумался.

— Кажется, был там один мужчина в федоре, — сказал он. — И ушел он, насколько припоминаю, как-то внезапно. Но боюсь, что больше мне добавить нечего. Как понимаете, мое внимание было поглощено другими заботами. Но он определенно не заходил в «Герб королевы» выпить стаканчик на помин души.

— Вам доводилось понаблюдать за Робертом Блэкистоном во время службы? Интересно узнать, как вы оцениваете его поведение.

— Роберта Блэкистона? — Они дошли до куста белладонны, и викарий осторожно обогнул его. — И с какой целью вы спрашиваете о нем? Если вам так уж угодно знать, то я скорее сочувствую парню. Мне говорили про ссору, произошедшую у него с матерью. После ее смерти вся деревня только об этом и говорила. Но меня слухи не волнуют. Я думаю, что люди бывают очень жестокими или бесчувственными. Зачастую это одно и то же. Не стану утверждать, что близко знаю Роберта. Жизнь у него выдалась непростая, но теперь он встретил юную леди, и я очень за него рад. Мисс Сандерлинг работает в лечебнице, и я уверен, что она поможет ему остепениться. Молодые люди просили меня повенчать их в церкви Святого Ботольфа. С нетерпением жду этого события. — Осборн помолчал немного, потом продолжил: — Роберт с матерью ссорились, это всем известно. Но я наблюдал за ним во время погребальной службы — они с Джози стояли совсем рядом со мной — и могу сказать, что он искренне скорбел. Когда я дошел до последнего абзаца своего обращения, парень расплакался и закрыл лицо, пряча слезы, а Джози взяла его за руку. Мальчику больно терять мать, какие бы ни были между ними отношения, и я уверен, что Роберт горько сожалел о своих словах. Как гласит пословица: слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

— Каково ваше мнение о Мэри Блэкистон? — задал вопрос сыщик.

Осборн ответил не сразу. Он продолжал шагать до тех пор, пока они снова не оказались в саду его дома.

— Она была важным членом деревенской общины. Ее будет не хватать, — произнес наконец преподобный.

— Мне хотелось бы почитать текст вашей речи на похоронах, — заявил Пюнд. — Не осталось ли у вас, часом, экземпляра?

— В самом деле? — Взор викария просветлел. Он вложил в эту речь много труда. — Да, он у меня сохранился. В доме. Зайдете к нам? Нет, не утруждайтесь, я сам принесу.

Он вбежал в кухню через стеклянную дверь. Пюнд обернулся как раз в тот миг, когда Фрейзер и жена викария вышли из Дингл-Делла, в спину им светили косые солнечные лучи. Да, все верно, подумал сыщик. Этот лес — совершенно особенное место, достойное того, чтобы его защищать.

Вот только какой ценой?

7

Тем вечером произошла еще одна смерть.

Доктор Редвинг снова поехала в Эштон-Хаус, и на этот раз ее сопровождал муж. После полудня позвонила старшая медсестра, и, хотя ничего особенно тревожного она не сказала, ее тон был достаточно красноречивым: «Было бы хорошо, если бы вы заглянули к нам. Думаю, вам следует приехать». Доктору Редвинг и самой приходилось делать подобные звонки. Старый Эдгар Реннард так и не оправился от небольшого падения на прошлой неделе. Напротив, он, похоже, ушиб или сломал что-то, потому с того времени начал стремительно угасать. Во время последнего приезда дочери он постоянно спал. Старик почти ничего не ел, ограничиваясь несколькими глотками воды. Жизнь покидала его буквально на глазах.

Артур и Эмилия сидели на неудобных стульях в излишне светлой комнате, глядя, как под одеялом поднимается и опускается грудь старика. Каждый знал, о чем думает другой, но не хотел облекать это в слова. Сколько еще придется им пробыть здесь? В какой момент прилично будет счесть свой долг исполненным и поехать домой? Станут ли они винить себя за то, что не дождались развязки? Да и есть ли какая-нибудь разница?

— Можешь уйти, если хочешь, — сказала наконец Эмилия.

— Нет, я останусь с тобой.

— Уверен?

— Да, конечно. — Артур немного подумал. — Кофе хочешь?

— Было бы здорово.

Невозможно было вести беседу в комнате с умирающим человеком. Артур Редвинг встал и потихоньку пошел на кухню в конце коридора. Эмилия осталась с отцом одна.

И в этот миг Эдгар Реннард совершенно неожиданно открыл глаза, как если бы просто дремал под телевизор. Он сразу увидел дочь и ничуть не удивился. Возможно, в его сознании она никуда и не уходила, потому что старик сразу вернулся к теме, затронутой во время последней их встречи.

— Ты ему сказала? — спросил он.

— Кому, папа? — Эмилия порывалась попросить Артура вернуться, но боялась, что, повысив голос или сделав резкое движение, потревожит умирающего.

— Это нечестно. Я должен был им сказать. Они должны знать.

— Папа, ты хочешь, чтобы я позвала сиделку?

— Нет!

Эдгар Реннард вдруг рассердился, как будто понимал, что счет идет на минуты и терять время нельзя. В тот же самый миг взгляд его прояснился. Позднее доктор Редвинг скажет, что это был его последний подарок перед смертью. Деменция наконец отступила, вернув ему власть над собственным разумом.

— Я присутствовал, когда появились дети, — произнес он. Голос у него стал сильнее и моложе.

— Я принимал роды в Пай-Холле. Леди Синтия Пай. Красивая женщина, дочь графа... Но она не была достаточно крепкой, чтобы произвести на свет близнецов. Я боялся, что потеряю ее. Но все закончилось хорошо. Двое детей, с разницей в двенадцать минут, мальчик и девочка, оба здоровые. Но потом, прежде чем стало известно о случившемся, ко мне подошел сэр Меррил Пай. Недобрый то был человек. Все его боялись. И он был недоволен. Потому что, видите ли, на свет первой появилась девочка! По порядку наследование именем переходит к первенцу. Необычный пункт, но какой уж есть. Не к старшему из детей мужского пола. Но он хотел, чтобы наследником был мальчик. Сэр Меррил получил поместье от своего отца, а тот от своего — и всегда это были мальчики. Понимаешь? Ему ненавистна была идея передать имение девочке, и он заставил меня... я должен был сказать, что мальчик родился первым.

Эмилия смотрела на отца, голова которого покоилась на подушке, окруженная нимбом седых волос, глаза старика горели от усердия, с которым он пытался все объяснить.

— Что же ты сделал, папа? — спросила она.

— А что я мог сделать? Солгал. Он был отчасти тиран, этот сэр Меррил. Мог поломать мне всю жизнь. А потом я сказал себе: а какая разница? В конечном счете это всего лишь два младенца. Они ничего не понимают. Им предстоит вместе расти в доме. Никому не будет вреда. Вот как я размышлял. — Слеза выступила у него в уголке глаза и скатилась по лицу. — Поэтому я заполнил формуляр так, как он просил: три сорок восемь утра — мальчик, четыре часа — девочка. Так я написал.

— Ах, папа!

— Нехорошо я поступил. Теперь я это понимаю. Магнус получил все, а Кларисса — ничего, я часто думал, что обязан сказать ей, сообщить им обоим правду. Но какой от этого прок? Никто бы мне не поверил. Сэра Меррила давно нет. Как и леди Синтии. Про них все забыли. Но этот поступок угнетал меня. Постоянно угнетал. То, что я написал, была ложь! Мальчик! Я сказал, что это был мальчик!

Ко времени, когда Артур Редвинг принес кофе, доктор Реннард испустил последний вздох. Артур нашел жену глубоко потрясенной и озабоченной и естественным образом приписал это пережитой утрате. Он оставался рядом с ней, пока вызывали старшую медсестру и делали необходимые приготовления. Доктор Реннард оформил страховку на погребение в известной компании «Ланнер и Крейн», и ее предстояло первым делом известить завтра утром — сегодня было уже поздно. Тем временем его тело перенесут в часовенку при Эштон-Хаусе, предназначенную как раз для таких случаев. Хоронить доктора будут на кладбище в Кингз-Эббот, рядом с домом, где он жил. Такое решение он принял, выходя на пенсию.

Только по пути домой Эмилия Редвинг поделилась с мужем рассказом отца. Сидевший за рулем Артур был ошарашен.

— Боже правый! — воскликнул он. — Ты уверена, что он отдавал себе отчет в том, что говорит?

— Удивительное дело. Отец находился полностью в здравом рассудке — как раз те пять минут, пока ты отлучился.

— Какая жалость, дорогая. Тебе следовало позвать меня.

— Не важно. Просто хотелось бы, чтобы ты присутствовал и все слышал.

— Я могу выступить свидетелем.

Такая мысль доктору Редвингу покуда не приходила, но теперь она кивнула:

— Да.

— Как ты намерена поступить?

Эмилия не ответила. Она смотрела на проносящуюся за окном Батскую долину, с коровами, пасущимися тут и там по другую сторону от железнодорожной линии. Солнце еще не зашло, но свет его был мягким, длинные тени лежали на склонах холмов.

— Не знаю, — сказала наконец доктор. — Отчасти мне жаль, что я про это узнала. Эта тайна висела на отце грузом вины, а теперь она стала моей. — Она вздохнула. — Думаю, я обязана кому-то рассказать. Но не уверена, что от этого будет какой-то прок. Даже если бы ты находился рядом со мной, доказательств никаких нет.

— Быть может, тебе стоит переговорить с тем детективом?

— С мистером Пюндом?

Эмилия досадовала на себя. Ей никогда не приходило в голову, что тут может быть какая-то связь, но ей определенно следовало поделиться полученными сведениями. Сэр Магнус Пай, владелец огромного поместья, был жестоко убит, а теперь выясняется, что поместье это никогда не принадлежало ему по праву. Не по этой ли причине его убили?

— Да, — сказала она. — Наверное, лучше будет поговорить с ним. Некоторое время они ехали молча.

— А как насчет Клариссы Пай? — спросил затем Артур. — Ты ей расскажешь?

— Думаешь, стоит?

— Не знаю. Честное слово, не знаю.

Они въехали в деревню. И, проезжая мимо пожарного депо, а потом мимо «Герба королевы» и церкви за ним, оба, не отдавая себе отчета, думали об одном и том же.

Что, если Кларисса уже знает?

8

А в этот самый миг в «Гербе королевы» Джеймс Фрейзер ставил поднос с пятью напитками на тихий столик в углу. Тут были три кружки пива: для него самого, для Роберта Блэкистона и для инспектора Чабба, бокал дьюбонне с лимонной газировкой для Джой Сандерлинг и рюмочка шерри для Аттикуса Пюнда. Джеймс с удовольствием добавил бы пару пакетиков хрустящего картофеля, но внутренний голос подсказал ему, что это будет неуместно. Усевшись, он внимательно посмотрел на человека, собравшего их здесь. Роберт Блэкистон, лишившийся на протяжении двух недель сначала матери, а затем покровителя, пришел прямо с работы. Он сменил спецовку на пиджак, но руки у него оставались черными от копоти и масла. «Возможно ли вообще отмыть их?» — подумалось Фрейзеру. Выглядел Роберт странно: симпатичный вроде парень, он со своими некрасиво подстриженными волосами, выступающими скулами и бледной кожей казался карикатурой на самого себя. Взгляд у него был загнанный. Ему явно хотелось быть где угодно, только не здесь.

— Не стоит беспокоиться, Роб, — проговорила Джой. — Мистер Пюнд просто желает помочь.

— Как помог, когда ты ездила в Лондон? — Роберт не шел ей навстречу. — Эта деревня нас в покое не оставит. Сначала люди говорили, будто я убил свою мать, хотя я ее даже пальцем не тронул. Ты ведь знаешь. Но и этого им показалось мало: теперь пошел шепоток про сэра Магнуса. — Он повернулся к Аттикусу. — Так вы поэтому здесь, мистер Пюнд? Потому что подозреваете меня?

— У вас имелась причина желать зла сэру Магнусу? — спросил Пюнд.

— Нет. Человек он был тяжелый, это я признаю. Но ко мне был всегда добр. Если бы не он, я бы сидел без работы.

— Мне необходимо выяснить многое о вашей жизни, Роберт, — продолжил сыщик. — Это не потому, что вас подозревают больше, чем любого другого жителя деревни. Однако обе смерти приключились в Пай-Холле, а не будет ошибкой сказать, что вы были тесно связаны с этим местом.

— Я бы так не сказал.

— Безусловно. Но вы, быть может, многое поведаете нам про историю усадьбы и о людях, живших там.

Единственная находившаяся на виду ладонь Роберта обхватила кружку с пивом. Он с вызовом посмотрел на Пюнда.

— Вы не полицейский, — пробурчал он. — С какой стати я обязан вам что-либо рассказывать?

— Зато я полицейский, — вмешался Чабб. Он собирался закурить сигарету и остановил спичку в паре дюймов от лица. — А мистер Пюнд работает со мной. Не забывайте о вежливости, молодой человек. Если не хотите сотрудничать, мы посмотрим, не поможет ли ночь за решеткой переменить ваш образ мыслей. Насколько мне известно, с тюрьмой вы уже знакомы. — Он закурил сигарету и потушил спичку.

Джой положила ладонь жениху на руку:

— Пожалуйста, Роберт...

Он стряхнул ее руку:

— Мне скрывать нечего. Спрашивайте о чем хотите.

— Тогда давайте начнем с самого начала, — предложил Пюнд. — Если вам не трудно, вы, может быть, опишите нам свое детство в Пай-Холле?

— Трудно не будет, хотя особенно счастлив я там никогда не был, — ответил Роберт. — Не очень-то приятно, когда твоя мать больше заботится о своем хозяине, чем о твоём отце. А именно так обстояло дело с того самого дня, как мы переехали в Лодж-хаус. Сэр Магнус то, сэр Магнус это! Она только о нем и думала, хотя была всего лишь его прислугой. Моему отцу это тоже не нравилось. Ему нелегко было жить в чужом доме, на чужой земле. Но делать было нечего. После

войны работу папе найти не удавалось. А тут крыша над головой, стабильный доход. Так что он до поры смирился. Когда мы переехали, мне было двенадцать. До того мы жили на ферме Шеппардс, принадлежавшей моему дедушке. Это была настоящая дыра, но нам там нравилось. Мы занимались чем хотели. Том и я родились в Саксби-на-Эйвоне и прожили здесь всю жизнь. Что до меня, так мне казалось, что мира за его границами не существует. Сэру Магнусу нужен был кто-то, чтобы приглядывать за домом, после того как старая экономка ушла, а мама уже выполняла подобную работу в деревне, поэтому ее кандидатура напрашивалась сама собой.

В первый год все было о'кей. Лодж-хаус оказался не таким уж плохим местом и по сравнению с Шеппардс-Фарм казался просторным. Каждому из нас досталось по комнате, и это было очень здорово. Мама и папа жили в конце коридора. Я любил прихвастнуть в школе своим громким адресом, хотя другие ребята только подшучивали на этот счет.

— Вы ладили с братом? — спросил Пюнд.

— Дрались время от времени, как все мальчишки. Но в то же время были очень близки. Нам нравилось гоняться друг за дружкой по всему поместью. Мы были пиратами, искателями сокровищ, солдатами, шпионами. Игры придумывал Том. Он был младше меня, но намного смысленнее. У него была манера перестукиваться со мной через стену кодовыми сообщениями. Коды он изобретал сам, я ни слова не понимал из его посланий, но слышал, как он стучит в то время, когда нам полагалось спать.

При этих воспоминаниях Роберт слабо улыбнулся, и на миг напряжение частично сошло с его лица.

— У вас, кажется, была собака? Ее звали Белла.

Хмурое выражение тотчас вернулось. Фрейзер вспомнил про ошейник, обнаруженный в комнате в Лодж-хаусе, но не мог понять, какое он имеет отношение к делу.

— Белла была собакой Тома, — сказал Роберт. — Отец подарил ее брату незадолго перед отъездом из Шеппардс-Фарм. — Молодой человек глянул на Джой, неуверенный, стоит ли продолжать. — Но потом мы переехали... и все закончилось плохо.

— Что случилось?

— Мы так и не разобрались, но я вот что вам скажу. Сэр Магнус не хотел, чтобы собака жила на его земле, это было ясно. Он сказал, что Белла распугивает овец. Напрямую потребовал, чтобы мы избавились от нее, но Том так любил собаку, что папа отказался. Так или иначе, однажды Белла пропала. Мы искали ее повсюду, но так и не нашли. А потом, недели две спустя, мы обнаружили ее в Дингл-Делле. — Роберт замолчал и потупил взгляд. — Кто-то перерезал ей горло. Том всегда утверждал, что это сделал Брент. Но если это было так, то действовал он по приказу сэра Магнуса.

Все долго молчали. Наконец Пюнд заговорил снова.

— Теперь я должен задать вам вопрос о другой смерти, — тихо произнес он. — Уверен, это для вас нелегко. Но вы понимаете...

— Вы насчет Тома?

— Да.

Роберт кивнул:

— Когда началась война, папа отправился в Боскомб-Даун, обслуживал самолеты, и нередко жил там по неделе, а у нас бывал только наездами. Возможно, если бы он не уехал, если бы присматривал за нами, ничего этого не произошло. Так всегда твердила моя мать. Она обвиняла отца в том, что его не было рядом.

— Можете рассказать мне, как это случилось?

— Этого мне никогда не забыть, мистер Пюнд. Покуда жив, буду помнить. В то время мне казалось, что это моя вина. Так многие говорили, и, возможно, папа тоже так считал. Он со мной никогда это не обсуждал. Да и вообще почти не разговаривал. Я с ним вот уже много лет не виделся. Что же, может, в этом он и был прав. Том был на два года младше меня, и мне полагалось присматривать за ним. Но я оставил его одного, и следующее, что помню, — это как его, захлебнувшегося, вытаскивают из озера. Ему было всего двенадцать.

— Ты не виноват, Роберт, — сказала Джой. Она обняла его, крепко прижав к себе. — Это был несчастный случай. Тебя там даже не было...

— Это я повел его в сад. И оставил там без присмотра. — Роберт смотрел на Пюнда глазами, на которых блеснули вдруг слезы. — Было лето, день выдался как сегодняшний. У нас шла охота за сокровищами. Мы всегда искали всякую мелочевку, серебро и золото, потому как знали, что сэра Магнус нашел в Дингл-Делле целую кучу таких монет. Захороненный клад! Об этом каждый мальчишка мечтает. Мы начитались историй из «Магнет» и «Хотспур» и пытались обратить их в реальность. Сэр Магнус нас подбадривал. Скорее даже подзуживал. Так что, быть может, он отчасти тоже виноват в несчастье. Не знаю. Всегда все вращается вокруг вины, не правда ли? Что-то происходит, и ты лихорадочно пытаешься понять, как могло такое стрястись. Том утонул в озере. До сей поры мы не знаем, как это случилось. Он был полностью одет, значит купаться не собирался. Возможно, он упал. Ударился головой. Brent нашел его и достал из воды. Я услышал крики зрителя и во весь дух побежал через луг. Я помог ему вытащить брата на берег и пытался сделать Тому искусственное дыхание, как нас учили в школе. Но все без толку. Когда мама нашла нас, было уже слишком поздно.

— Невилл Brent уже работал в поместье? — осведомился Чабб. — Он сам тогда еще был подростком.

— Да. Он был очень молод, но уже помогал отцу. По сути дела, он унаследовал работу после его смерти.

— Должно быть, для вас страшным потрясением и горем стало обнаружить брата бездыханным, — заметил Пюнд.

— Я бросился в воду, подхватил его. Я кричал и плакал, и даже теперь мне плохо при виде того проклятого места. Никогда мне не хотелось оставаться в Лодж-хаусе, и, будь моя воля, я вообще уехал бы из Саксби-на-Эйвоне. Теперь, после всех этих событий, я, вероятно, так и поступлю. Кстати, мой отец вернулся той ночью. Он кричал на мать. Кричал на меня. Он не поддержал нас. Все, что он нам дал, — это гнев. А через год он нас бросил. Сказал, что их браку конец. Больше мы его не видели.

— Как повела себя ваша мать?

— Продолжила работать на сэра Магнуса. У нее даже мысли не возникало оставить его, что бы ни случилось, — это к разговору о том, как она к нему относилась. По пути на работу ей каждый день доводилось проходить мимо озера. Она утверждала, что никогда не смотрит на него и отворачивает голову. Но я не знаю, как ей это удавалось.

— Она продолжала заботиться о вас?

— Старалась, мистер Пюнд. Но стоит признать, однако, что я не был благодарен ей за это. Все пошло наперекосяк после смерти Тома. В школе тяжело приходилось. Дети бывают чертовски жестокими. А еще мать боялась за меня. Даже не разрешала выходить из дома! Подчас я чувствовал себя как в тюрьме. Она за мной постоянно наблюдала. Мама боялась, что со мной что-нибудь случится и она останется совсем одна. Ее надзор душил меня, и потому между нами начался разлад. Придется мне сделать еще одно признание: закончилось все тем, что я ее возненавидел.

Роберт поднял кружку и отхлебнул пива.

— Ты не питал к ней ненависти, — возразила Джой. — Между вами существовал разлад, не более того. Вы оба жили в тени того, что случилось, и ты не отдавал себе отчета, насколько это ранило тебя.

— Вы угрожали ей незадолго до смерти, — заметил инспектор Чабб. Свое пиво он уже прикончил.

— Не угрожал я ей, сэра. Никогда такого не было.

— До этого мы дойдем в свой черед, — сказал Пюнд. — В конечном итоге вы покинули Пай-Холл. Расскажите нам сначала о своем пребывании в Бристоле.

— Оно оказалось недолгим. — Голос у Роберта зазвучал глуше. — Сэр Магнус устроил меня туда. После ухода отца сэра Магнус отчасти взял нас под свое крыло и помогал как мог. Он не был плохим человеком... Ну, в смысле, совсем плохим. Он устроил меня учеником на «Форд моторкарс», но ничего хорошего из этого не вышло. Согласен, вина тут полностью моя. Я чувствовал себя не в своей тарелке в этом чужом городе. Выпил лишнего и вмешался в драку в местном пабе «Синий вепрь». Пустяковое было дело... — Молодой человек посмотрел на Чабба. — Но вы правы. Я провел ночь за решеткой и мог бы угодить в серьезные неприятности, если бы

сэр Магнус снова не похлопотал за меня. Он поговорил с полицейскими, и я отделался строгим внушением, но на этом Бристоль для меня закончился. Я вернулся в Саксби, и сэр Магнус пристроил меня туда, где я работаю сейчас. Мне всегда нравилось возиться с машинами. Видно, унаследовал эту любовь от отца, хотя это единственное, чем он меня наградил.

— Что привело к вашей ссоре на той неделе, когда ваша мать умерла? — спросил Пюнд.

— Суцая ерунда. Она просила меня заменить перегоревшую лампочку, только и всего. Неужели вы думаете, из-за этого я ее убил, мистер Пюнд? Уверяю вас, я к ней даже не приближался, да и не мог. Джой уже вам говорила — я провел с ней весь тот вечер! Весь вечер и всю ночь. Мы вместе вышли из квартиры, так что если лгу я, то и она тоже лжет, а зачем ей это?

— Прошу меня извинить, но ей вовсе не обязательно лгать. — Пюнд повернулся к Джой, которая почти осязаемо оцетинилась, готовясь к предстоящему. — Посетив меня в Лондоне, вы сказали, что все время были вместе. Но можете ли вы утверждать, что постоянно находились на виду друг у друга? Вы не ходили в душ или в ванную? Не готовили завтрак?

Джой залилась краской.

— Я делала и то и другое, мистер Пюнд. Допустим, были десять или пятнадцать минут, когда я не видела Роберта...

— А ваш мотороллер стоял у порога квартиры, мисс Сандерлинг. Хотя пешком идти далеко, но на мотороллере Роберт мог добраться до Пай-Холла всего за две-три минуты — по вашей собственной оценке. Нет ничего невозможного в том, что он съездил туда, убил мать, причинявшую ему столько мучений и категорически возражавшую против вашего брака, и вернулся назад прежде, чем вы успели выйти из кухни или из ванной.

Сыщик позволил высказанному предположению повиснуть в воздухе и снова обратился к Роберту.

— А как сэр Магнус? — промолвил он. — Можете вы мне сказать, где находились в половине девятого в вечер его смерти?

Роберт поник, признавая поражение.

— Тут мне сказать нечего. Я был у себя дома, поужинал в одиночестве. А где еще мне быть? Но если вы подозреваете, что я убил сэра Магнуса, то, может, подскажите, зачем мне было это делать? Он не сделал мне ничего плохого.

— Ваша мать умерла в Пай-Холле. А он даже не удосужился приехать на ее похороны!

— Как вы можете быть таким жестоким! — вскричала Джой. — Вы высказываете всякие пустые домыслы, только чтобы обвинить Роберта. У него не было причин убивать никого из них. Что до мотороллера, то я не слышала, чтобы он отъезжал. А я уверена, что уловила бы звук, даже если бы была в ванной.

— Вы закончили? — спросил Роберт. Он встал, оставив недопитое пиво.

— У меня вопросов больше нет, — сказал Пюнд.

— Тогда, если вы не возражаете, я пойду домой.

— Я с тобой, — заявила Джой.

Чабб посмотрел на Пюнда, как если бы хотел убедиться, что тот действительно ни о чем не хочет больше спросить. Пюнд коротко кивнул, и молодые люди вместе ушли.

— Вы в самом деле думаете, что он мог убить свою мать? — спросил Фрейзер, как только пара скрылась за дверью.

— Я нахожу это маловероятным, Джеймс. Вспомните, как говорил он о своей матери: с гневом, раздражением и даже, возможно, со страхом. Но ненависти в его голосе не было. И я не думаю, что он мог поехать в Пай-Холл на мотороллере невесты, хотя сама по себе эта идея весьма любопытна. Почему я так считаю? Из-за цвета. Помните, я упомянул об этом, когда мисс Сандерлинг впервые посетила нас. Человек, собирающийся быстро проехать через деревню и совершить преступление, мог бы позаимствовать мотороллер, но едва ли яркорозовый. Он слишком приметный. Был ли у Роберта Блэкистона мотив убить сэра Магнуса Пая? Возможно, но вынужден признать, что на данный момент он нам неизвестен.

— В таком случае все это напрасно потраченное время, — подытожил Чабб и бросил взгляд на пустую кружку. — Впрочем, пиво в «Гербе королевы» подают приличное. И у меня есть кое-что для вас, герр Пюнд.

Инспектор сунул руку в карман и извлек дневник Мэри Блэкистон. Затем коротко изложил историю его обнаружения.

— Тут много всего интересного практически обо всех жителях деревни, — сказал он. — Столько грязи, что так и хочется вымыть руки. Мерзость эту она собирала в больших количествах!

— Вы не допускаете, что она использовала добытые сведения для шантажа? — предположил Фрейзер. — В конечном счете это могло стать мотивом, чтобы столкнуть ее с лестницы.

— Хорошая мысль, — сказал Чабб. — Некоторые записи весьма расплывчаты. Она писала осторожно. Но если бы люди выяснили, сколько Мэри Блэкистон о них знает, у нее было бы множество врагов. Как у сэра Магнуса из-за Дингл-Делла. Это еще сильнее запутывает дело. Слишком много подозреваемых! Но самый главный вопрос заключается в том, убил ли обоих один и тот же человек?

Инспектор встал.

— Вернете, когда прочитаете, герр Пюнд, — продолжил он. — Пойду-ка я домой. Миссис Чабб стряпает свое *Fricassee de Poulet à l'Ancienne*¹³, да поможет мне Господь. До завтра, джентльмены.

Он ушел. Фрейзер и Пюнд остались одни.

— Инспектор совершенно прав, — произнес Пюнд.

— В том, что подозреваемых слишком много?

— Он задал вопрос, убил ли сэра Магнуса Пая и его экономку один и тот же человек. В это все упирается. Между двумя этими смертями определенно существует связь, но мы ничуть не приблизились к пониманию, в чем именно она заключается. И мы будем бродить в темноте до тех пор, пока это не выясним. Впрочем, ответ, возможно, находится прямо у меня в руках. — Сыщик посмотрел на первую страницу дневника и улыбнулся. — Почерк мне уже знаком...

— Как это?

Но Пюнд не ответил. Он уже начал читать.

---

¹³ Фрикасе из курицы по старинке (фр.).

Часть V Серебро

1

Инспектор уголовного розыска Чабб очень любил отделение полиции на Ориндж-Гроув в Бате. Это было идеальное георгианское здание, надежное и строгое, но одновременно достаточно светлое и элегантное, чтобы быть гостеприимным — по крайней мере, для тех, кто находился с правильной стороны закона. Чабб неизменно входил в него с ощущением, что его работа нужна и что к концу дня мир может стать чуточку лучше. Его кабинет располагался на втором этаже, прямо над главным входом. Сидя за столом, инспектор мог смотреть в высокое, от пола до потолка, окно, и это вселяло в него ощущение уюта. В конце концов, ему выпало быть оком закона. Поэтому справедливо, что он должен иметь такой прекрасный обзор.

Чабб пригласил Джона Уайтхеда к себе в кабинет. Это был рассчитанный ход с целью вытащить парня из фальшивой раковины, которой стал для него Саксби-на-Эйвоне, и напомнить, кто тут главный. Здесь лгать не позволено. На деле перед ним сейчас сидели четверо: Уайтхед, его жена и Аттикус Пюнд со своим молодым помощником Фрейзером. Обычно инспектор держал на столе фотографию миссис Чабб, но прямо перед приходом гостей, не отдавая себе отчета, сунул ее в ящик стола.

— Вас зовут Джон Уайтхед? — начал он.

— Верно. — Торговец антиквариатом выглядел подавленным и мрачным. Он понимал, что игра проиграна, и не пытался это скрыть.

— Как давно вы живете в Саксби-на-Эйвоне?

— Три года.

— Мы не сделали ничего плохого, — вмешалась Джемма Уайтхед. Женщина была такой миниатюрной, что кресло казалось слишком большим для нее. На коленях она нянчила сумочку. Ноги ее едва доставали до пола. — Вам известно, кто он такой и что натворил. Но это все в прошлом. Джонни отсидел свой срок и вышел за хорошее поведение. Мы переехали из Лондона, только чтобы спокойно жить вместе, и вся эта история с сэром Магнусом не имеет к нам никакого отношения.

— Предоставьте мне самому судить об этом, — парировал Чабб.

Дневник Мэри Блэкистон лежал перед ним на столе, и на миг им овладело искушение раскрыть его. Но этого не требовалось, инспектор обладал профессиональной выдержкой.

— Девятого июля в дом некоего Артура Рива проник вор, — начал он. — Мистер Рив, прежний хозяин «Герба королевы», ныне живет с женой, он на пенсии. Окно было выбито, и Рив очень расстроился, обнаружив, что его коллекция медалей, включая редкую греческую награду Георга Шестого, была похищена из гостиной. Общая стоимость коллекции оценивалась в сто фунтов или даже больше, при этом, конечно, не стоит сбрасывать со счетов и большую моральную ценность.

Джонни Уайтхед встrepенулcя, но жена рядом с ним поблeднeлa. Она слышала об этом в первый раз.

— Я-то тут при чем? — заявил Джонни. — Я ни про какие медали не слышал.

— Вор забрался через окно, — сказал Чабб.

— На следующий день вы обратились за помощью к доктору Редвинг, — добавил Пюнд. — Вам наложили швы на серьезный порез на руке.

Сыщик улыбнулся про себя. На ландшафтной карте данного преступления две вспомогательные дороги только что дошли до точки пересечения.

— Руку я порезал на кухне, — ответил Джонни. Он бросил взгляд на жену, которую, судя по ее виду, эти слова не очень убедили. — Я даже не подходил ни к мистеру Риву, ни к его медалям. Это все наглая ложь!

— Что вы можете сказать по поводу того, что одиннадцатого июля, за четыре дня до своей смерти, к вам заходила Мэри Блэкистон?

— Кто вам сказал? Вы следите за мной?

— Вы отрицаете этот факт?

— Да что тут отрицать? Ну да, она заходила. Куча народу заглядывает в магазин. И про медали она ни слова не сказала.

— Тогда, быть может, она завела разговор насчет денег, уплаченных вами Бренту?

Пюнд произнес эти слова негромко, без нажима, но что-то в его тоне намекало на то, что ему известно все и спорить бесполезно. Фрейзер знал, что на деле это не совсем так. Смотритель парка как мог замел следы. Он сказал, что Джонни отдал ему пять фунтов, которые был должен за какую-то работу. Пюнд стрелял наугад. И тем не менее его слова возымели мгновенный эффект.

— Ну ладно, — проворчал Уайтхед. — Она приходила, вынюхивала, задавала вопросы — прямо как вы. И что вы хотите от меня услышать? Что я спихнул Блэкистон с лестницы, чтобы заткнуть ей рот?

— Джонни! — почти отчаянно выкрикнула Джемма.

— Все в порядке, милая. — Он протянул к ней руку, но жена отпрянула. — Я не сделал ничего плохого. Брент зашел в магазин несколько дней спустя после похорон Мэри. У него было кое-что на продажу: серебряная застежка от пояса, римская, очаровательная вещица. Я сказал, что это примерно четвертый век до нашей эры. Брент хотел за нее двадцать монет, я заплатил пять.

— Когда это было?

— Не помню... В понедельник! Через неделю после похорон.

— Брент сказал, откуда у него эта вещь? — спросил Чабб.

— Нет.

— Вы ему этот вопрос задавали?

— А мне-то какой интерес?

— Вы наверняка знали, что чуть ранее произошел налет на Пай-Холл. У сэра Магнуса была похищена коллекция серебряных монет и украшений. Случилось это в тот самый день, когда хоронили миссис Блэкистон.

— Я про это слышал, верно.

— И не удосужились сложить два и два?

— В мой магазин заходит много народу! — вспыхнул Уайтхед. — Я покупаю много вещей. Я купил вустерский кофейный сервиз у миссис Рив и медные переносные часы у Финчей, и это только за прошлую неделю. Неужели вы думаете, что я задавал вопросы, откуда они у них? Если бы я относился к обитателям Саксби как к преступникам, то мигом бы вылетел из бизнеса.

— Но вы-то преступник, мистер Уайтхед! — выпалил в ответ Чабб. — Вы провели три года в тюрьме за скупку краденого.

— Ты же мне обещал... — пробормотала Джемма. — Ты обещал, что оставил все это в прошлом!

— Не лезь в это дело, милая. Они просто берут меня на понт. — Уайтхед со злобой посмотрел на инспектора. — Вы кругом ошибаетесь, мистер Чабб. Да, я купил у Брента серебряную пряжку. Да, я знал про ограбление в Пай-Холле. Сложил ли я два и два? Нет, не сложил. Зовите меня дураком, если угодно, но глупость не преступление. И насколько мне известно, та вещица могла храниться у него в семье двадцать лет. Если вы утверждаете, что она украдена у сэра Магнуса, то разбирайтесь с Брентом, а не со мной.

— Где эта пряжка теперь?

— Я продал ее своему приятелю в Лондоне.

— И готов поспорить, что за сумму куда большую, чем пять долларов.

— Это мой бизнес, мистер Чабб. Я веду его так, как считаю нужным.

Аттикус Пюнд следил за этой перепалкой молча. Потом поправил очки и спокойным тоном заметил:

— Миссис Блэкистон навестила вас перед налетом на Пай-Холл. Ее интересовала кража медалей. Она угрожала вам?

— Назойливая она была как муха — совала нос в дела, не имеющие к ней никакого отношения.

— Вы покупали у Брента какие-нибудь другие вещи?

— Нет. Это все, что у него было. Если вы хотите найти остальной клад сэра Магнуса, общитесь лучше квартиру Брента, а не растрачивайте время на меня.

Пюнд и Чабб обменялись взглядами. Было очевидно, что из этого разговора больше ничего полезного не извлечь. Но даже если и так, полицейский инспектор твердо решил оставить за собой последнее слово.

— Со времени вашего переезда в Саксби-на-Эйвоне произошло много мелких краж, — сказал он. — Воры разбивают окна и похищают антикварные вещицы и драгоценности. Обещаю, что мы расследуем все эти кражи до единой. И мне нужна опись всего, что вы купили и продали за минувшие три года.

— Я не веду записей.

— Налоговое ведомство за такое по головке не погладит. Надеюсь, мистер Уайтхед, вы не собираетесь никуда уезжать в ближайшие несколько недель. Нам предстоит увидеться снова.

Торговец антиквариатом и его жена встали и направились к выходу. Они преодолели лестничную площадку и спустились по ступенькам, но едва оказались на улице, как Джемма не выдержала:

— Ах, Джонни! Как ты мог солгать мне?!

— Я тебе не лгал, — жалобно пролепетал Уайтхед.

— После всего того, о чем мы говорили. После всех наших планов! — Она словно не слышала мужа. — С кем ты встречался, когда ездил в Лондон? Эта твоя серебряная пряжка — кому ты ее продал?

— Я ведь тебе рассказал.

— Ты упоминал про Дерека и Колина. Ты говорил им про Мэри? Говорил, что она прижала тебя?

— Это ты о чем?

— Ты понимаешь о чем. В былые времена, когда ты состоял в банде, стоило кому-то встать у вас на пути, с ним случалось что-нибудь нехорошее. Мы об этом никогда не упоминали, и я знаю, что ты к этому не причастен, но тебе известно, о чем я говорю. Люди исчезали.

— Что? Ты думаешь, будто я заказал Мэри Блэкистон, чтобы убрать ее с дороги?

— А разве нет?

Джонни Уайтхед не ответил. Они молча пошли к машине.

2

Обыск в доме Брента не вскрыл ничего, относящегося к убийству или похищенному кладу.

Брент жил один в одном из домов, построенных в ряд по Дэфни-роуд. Это был простой коттедж с двумя комнатами на первом этаже и двумя — на втором и общим с соседями крыльцом, две двери сходились под углом. Снаружи здание производило чарующее впечатление пряничного домика: соломенная кровля, увитые глицинией стены, ухоженные цветочные клумбы. Интерьер рассказывал совсем иную историю. На всем лежала печать запущенности: начиная с немых тарелок в раковине до незаправленной постели и беспорядочно разбросанных по полу вещей. В воздухе витал устойчивый запах, который Чабб много раз встречал прежде и который неизменно заставлял его хмуриться. Это был запах одиноко живущего мужчины. Во всем доме не было ничего нового или роскошного, на всех вещах угадывалась печать «чем купить, лучше починить» — притом что это выражение давно вышло из обихода. Тарелки со сколами, обвязанные тесемкой стулья. Здесь жили родители Брента, и со времени их смерти сын не произвел в жилище никаких изменений. Он даже спал на той же самой односпальной кровати, под тем же самым одеялом и покрывалом, что и в бытность мальчиком. А еще на полу рядом с кроватью лежали комиксы. И номера журнала «Скаут». Казалось, что Брент так до конца и не повзрослел, а если это он украл весь римский клад сэра Магнуса, то явно не успел его продать. На банковском счете смотрителя лежала всего сотня фунтов. Тайника в доме не нашлось: ни под половицами, ни на чердаке, ни в камине. Полиция перерыла все сверху донизу.

— Я его не брал. Я этого не делал. Это не я. — Brentа доставили домой из Пай-Холла в патрульной машине, и он сидел с потерянным выражением на лице в окружении полицейских, нарушивших убогую неприкосновенность его жилища. В числе вторгшихся находились Аттикус Пюнд и Джеймс Фрейзер.

— Тогда как у вас оказалась серебряная пряжка, которую вы продали Джону Уайтхеду? — спросил Чабб.

— Я ее нашел! — Заявил Brent и, заметив недоверие, блеснувшее в глазах инспектора, принялся сбивчиво объяснять: — Это правда! На следующий после похорон день. В воскресенье. Я в выходной обычно не работаю. Но сэр Магнус и леди Пай, они только вернулись из отпуска, и я подумал, что могу им понадобиться. Вот я и пошел в усадьбу, просто чтобы выслужиться. Иду я по саду и вдруг вижу, как на лужайке лежит, сверкая, эта самая штука. У меня понятия не было, что это такое, но выглядела вещь старинной, там было изображение человека. Он стоял без одежды. — Садовник гоготнул, как если бы рассказал сальную шутку. — Я сунул ее в карман, а в понедельник отнес к мистеру Уайтхеду, и он дал мне пятерку. Это было вдвое больше, чем я рассчитывал.

«Ага. И вдвое меньше реальной стоимости», — подумал Чабб.

— В тот день в Пай-Холл приезжала полиция, — сказал инспектор. — Сэр Магнус заявил об ограблении. Что вы на это скажете?

— Я ушел перед обедом и не видел никакой полиции.

— Но вы должны были узнать о взломе.

— Узнал. Только было уже поздно. Я продал вещь мистеру Уайтхеду, и тот, наверное, тоже успел ее сбыть. Я заглядывал в магазин через окно и не заметил ее там. — Brent пожал плечами. — Я не сделал ничего дурного.

Это утверждение вызывало большое сомнение. Но даже Чаббу приходилось признать, что преступление Brentа совсем мелкое. Если, конечно, он говорит правду.

— Где вы нашли пряжку? — спросил он.

— В траве. Перед домом.

Чабб покосился на Пюнда, как бы спрашивая, что делать дальше.

— Думаю, было бы любопытно увидеть точное место, — сказал Пюнд.

Чабб согласился, и они отправились в путь вчетвером. Brent ныл всю дорогу до Пай-Холла. Когда машина проезжала мимо Лодж-хауса с его двумя каменными грифонами, словно перешептывающимися друг с другом, Фрейзеру вспомнилась вдруг игра, в которую играли по ночам двое мальчиков, Роберт и Том Блэкистоны. Лежа в постели, они перестукивались через стену кодированными сообщениями. Его вдруг осенило, что в игре этой кроется смысл, не замеченный им прежде. Ему хотелось поделиться с Пюндом, но они приехали прежде, чем он успел открыть рот. Brent попросил остановиться примерно на середине подъездной дорожки, напротив озера.

— Она лежала вон там! — Смотритель повел их через лужайку.

Впереди раскинулось озеро, темное и маслянистое, а за ним вставал лес. Возможно, что это рассказанная Робертом история придала ему зловещий оттенок. Чем ярче светило солнце, тем чернее казалась вода. Они остановились футах в пятнадцати-двадцати от края, Brent указал точное, насколько мог припомнить, место.

— Вот здесь.

— Просто лежала?! — недоверчиво воскликнул Чабб.

— Солнце от нее отражалось. Вот почему я ее заметил.

Чабб поразмыслил над объяснением.

— Ну хорошо, — кивнул он. — Если кто-то тащил все ценности скопом, да еще в спешке, то мог обронить одну вещицу и не заметить.

— Такое возможно. — Пюнд уже прикидывал углы. Он посмотрел на подъездную дорожку, на Лодж-хаус, на парадный вход. — И тем не менее это странно, инспектор. С какой стати взломщику идти этим путем? Он проник в дом через черный ход...

— Верно.

— В таком случае, чтобы достичь ворот, быстрее было бы пройти по другому концу подъездной дорожки.

— Если только воры не направлялись в Дингл-Делл... — Инспектор обвел взглядом линию деревьев, за которой, на другой стороне озера, прятался дом викария. — Пойди они через лес, их никто бы не заметил.

— Верно, — согласился Пюнд. — И все же, прошу меня простить, господин инспектор. Представьте, что вы вор. Вы несете добычу из великого множества монет и серебряных украшений. Вы бы выбрали посреди ночи дорогу через густые заросли? — Взгляд сыщика опустился на черную поверхность воды. — Озеро хранит много тайн, — проговорил он. — Уверен, оно может еще многое поведать нам, и если вам под силу организовать осмотр его дна полицейскими водолазами, то у меня есть одна идея... — Пюнд тряхнул головой, как бы прогоняя мысль.

— Водолазами? — Чабб покачал головой. — Это не в один пенни влетит. Что именно вы рассчитываете найти?

— Истинную причину, по которой Пай-Холл подвергся налету вечером того самого дня, когда хоронили Мэри Блэкистон.

— Я все устрою, — кивнул Чабб.

— Вам еще что-то нужно? — спросил Brent.

— Я задержу вас еще всего на пару минут, мистер Brent. Будьте любезны показать нам дверь, через которую взломщики проникли в дом.

— Хорошо, сэр. — Brent обрадовался, что расследование повернуло в другое русло. — Мы можем пройти через розарий.

— У меня есть к вам еще один вопрос, — сказал Пюнд. Пока они шли, Фрейзер подметил, что сыщик тяжело опирается на трость. — Насколько мне известно, сэр Магнус сообщил вам, что желает распрощаться с вашими услугами.

Brent воззрился на него как укушенный:

— Кто вам это сказал?!

— Это правда?

— Да... — Смотритель стал угрюмым. Он весь как-то сгорбился, курчавые волосы падали на лоб.

— Почему вы смолчали об этом во время первого нашего разговора?

— А вы не спрашивали.

— Не спорю, — кивнул Пюнд. — Почему сэр Магнус попросил вас уйти?

— Не знаю. Но у него всегда был на меня зуб. Миссис Блэкистон постоянно ему наушничала. Эти двое, они были прямо... прямо как Боб и Глэдис Гроув.

— Это телевизионная программа — «Семейство Гроув», — пояснил Фрейзер. В таких вещах он знал толк. В отличие от Пюнда.

— Когда сэр Магнус сообщил вам о своем решении?

— В день, когда умер.

Иными словами, незадолго перед тем, как его убили...

— Он должен был назвать вам причину.

— Никакой причины он не назвал. Разумной причины. Я здесь начал работать еще мальчиком. Отец брал меня с собой. А потом сэр Магнус приходит и говорит, что всему конец.

Они достигли сада с розами. Он был обнесен стеной с входом в виде арки, обрамленной темно-зелеными листьями. За аркой начиналась неровно мощенная дорожка, росли розы всех сортов, стояли статуя херувима и скамья.

А на скамье сидели Фрэнсис Пай и Джек Дартфорд, держась за руки и слившись в страстном поцелуе.

3

Сказать по правде, никто сильно не удивился. Для Пюнда, и даже для Фрейзера, было очевидно, что между леди Пай и ее бывшим партнером по теннису существует любовная связь. Чем еще могли они заниматься в Лондоне в день убийства? Чабб тоже догадывался, и даже виновные только отчасти ослабили объятия, будучи пойманы с поличным. Рано или поздно это

должно было произойти, так почему не сейчас? Они остались сидеть на скамье и только чуть-чуть отодвинулись друг от друга, повернувшись к смотрящим на них людям. Ухмыляющегося Брента отослали заниматься своим делом.

— Полагаю, вам следует объясниться, леди Пай, — сказал Чабб.

— Да нечего тут особо объяснять, — невозмутимо ответила она. — Мы с Джеком встречаемся вот уже почти два года. В тот день в Лондоне... Я все время была с ним. Но не в магазинах и не в художественной галерее. Пообедав, мы сняли номер в «Дорчестере». Джек оставался со мной до половины шестого. В семь я уехала. Если не верите мне, можете спросить в отеле.

— Вы солгали мне, леди Пай.

— Я поступила дурно, инспектор, и сожалею об этом. Но в конечном счете разницы никакой нет. Все остальное в моем рассказе правда. Я возвратилась домой поездом. Прибыла в половине девятого. Увидела зеленую машину. Вот ключевые пункты.

— Ваш супруг мертв. Вы изменяли ему. Я бы тоже отнес это к ключевым пунктам, леди Пай.

— Это не так, — вмешался Джек Дартфорд. — Фрэнсис ему не изменяла. По крайней мере, я это так вижу. Вы понятия не имеете, что за человек был Магнус. Настоящая скотина. Как он обращался с ней, эти его детские приступы гнева, это отвратительно! А она оставила ради него карьеру!

— Карьеру где? — осведомился Пюнд.

— В театре! Фрэнсис была блистательной актрисой. Я видел ее на сцене задолго до нашей встречи.

— Хватит, Джек, — отрезала Фрэнсис.

— Именно там ваш муж познакомился с вами — в театре? — спросил Чабб.

— Он прислал цветы мне в гримерку. Видел меня в роли леди Макбет.

Сюжет этой драмы знал даже Чабб: властная женщина подбивает мужчину совершить убийство.

— Вы были когда-нибудь счастливы вместе? — задал вопрос инспектор.

Леди Пай покачала головой:

— Я очень быстро поняла, что совершила ошибку, но была в то время слишком молода и, наверное, слишком горда, чтобы признать это. Проблема с Магнусом заключалась в том, что ему мало оказалось на мне жениться. Ему требовалось мной обладать. Он вскорости ясно дал это понять. Это было все равно как быть частью его имущества: дом, усадьба, озеро, лес и жена. Муж был очень старомоден в своих взглядах на мир.

— Он допускал насилие по отношению к вам?

— Бить он меня не бил, инспектор, но насилие принимает разные формы. Он бывал груб. Сыпал угрозами. Еще у него имелась привычка бешено метаться по сторонам, что зачастую меня пугало.

— Расскажи им про меч, — настойчиво заявил Дартфорд.

— Ах, Джек!

— Так что насчет меча, леди Пай? — ухватился за тему Чабб.

— Это произошло буквально за пару дней до того, как я уехала на встречу с Джеком. Вам стоит уяснить, что по характеру Магнус был большим ребенком. Если хотите знать мое мнение, вся эта суматоха вокруг Дингл-Делла была затеяна скорее с целью позлить людей, чем ради денег. Муж зачастую вел себя, как избалованный ребенок. Не получая, чего хотел, он мог стать просто несносным. — Она вздохнула. — Из-за моих частых поездок в Лондон муж сильно подозревал, что у меня кто-то есть. И спали мы с ним, разумеется, врозь. Он перестал желать меня, как муж желает жену, но его гордость ранил тот факт, что я могу найти кого-то еще. Мы поссорились тем утром — не помню даже из-за чего. Потом он начал орать, заявляя, что я принадлежу ему и что он никогда меня не отпустит. Мне и прежде доводилось это слышать. Только на этот раз Магнус разбушевался сильнее обычного. Вы заметили, что в большом холле не хватает картины. Это был мой портрет, который супруг заказал для меня в подарок на сорокалетие. Если точнее, его написал Артур Редвинг. — Женщина обратилась к Пюнду: — Вы встречались с ним?

— Это муж врача?

— Да.

— Я видел другую его работу, но с ним самим пока не знаком.

— По моему мнению, у него большой талант. Мне понравилось, как он меня изобразил. Ему удалось запечатлеть мгновение настоящего счастья, когда я стояла в саду близ озера. Смею вас уверить, эти мгновения достаточно редки. Прекрасное лето выдалось в том году. Артур писал в четыре или пять приемов, и хотя Магнус почти ничего ему не заплатил — муж всегда отличался скаредностью, — портрет, на мой взгляд, получился чудесным. Знаете, мы даже поговаривали о том, чтобы послать его на летнюю выставку в Королевской академии. Но Магнус на это никогда бы не согласился. Ведь это значило разделить меня с другими! Поэтому картина осталась на стене в холле. А потом случилась та ссора. Признаюсь, я умею быть достаточно колкой, когда захочу, и определенно воткнула в него пару шпилек. Магнус весь побагровел, словно вот-вот взорвется. У него всегда были проблемы с давлением. Он слишком много пил и без труда вгонял себя в приступы гнева. Я заявила ему, что еду в Лондон. Он сказал, что запрещает. Я рассмеялась и ответила, что мне не требуется разрешение: ни его, ни чье-либо еще. Магнус вдруг кинулся к тем дурацким доспехам, дико заорал и схватил меч...

— Тот самый, каким его позже убили?

— Да, мистер Пюнд. Он бросился на меня, волоча меч за собой, и на миг мне показалось, что он собирается меня зарубить. Но вместо этого муж набросился на картину и принялся кромсать ее прямо у меня на глазах. Он знал, что мне неприятно будет лишиться портрета. И одновременно давал понять, что я в его власти и он в любое время может сделать то же самое со мной.

— Что было дальше, леди Пай?

— Я просто рассмеялась. «Это все, на что ты способен?» — помню, я выкрикнула эти слова прямо ему в лицо. Думаю, со мной приключилась небольшая истерика. Потом я пошла в свою комнату и захлопнула дверь.

— А картина?

— Меня это расстроило. Отреставрировать портрет было уже нельзя. И даже если можно, это обошлось бы слишком дорого. Магнус отдал картину Бренту, чтобы тот сжег ее.

Она умолкла.

— Я рад, что он умер, — пробормотал вдруг Джек Дартфорд. — Это был законченный мерзавец. От него никто добра не видел, а жизнь Фрэнсис он превратил в ад. Я бы сам его убил, если бы духу хватило. Но теперь его нет, и мы можем начать с чистого листа. — Джек взял женщину за руку. — Не нужно больше прятаться. Не нужно лгать. Теперь мы можем наконец жить так, как того заслуживаем.

Пюнд кивнул Чаббу, и они втроем вышли из розария и направились через лужайку. Брент скрылся из виду. Джек Дартфорд и леди Пай остались сидеть на скамейке.

— Хотелось бы мне знать, где он находился в ночь убийства? — произнес Фрейзер.

— Вы имеете в виду мистера Дартфорда?

— Он утверждает, что был в Лондоне, но это только с его слов. Из отеля он ушел в половине шестого. У него было достаточно времени, чтобы поспеть на поезд прежде леди Пай. Это всего лишь гипотеза...

— Полагаете, Дартфорд способен на убийство?

— Думаю, он ловец удачи. Это с первого взгляда видно. Наткнулся на привлекательную женщину, с которой плохо обращается муж... Мне сдается, чтобы срубить человеку голову, требуется причина поважнее, чем стремление защитить местный лес. А этот мотив весомей любого другого.

— В ваших словах есть доля истины, — согласился Пюнд.

Машина стояла недалеко от парадной двери дома, и они медленно направлялись к ней. Чабб тоже обратил внимание, что Пюнд тяжелее, чем обычно, опирается на трость. Прежде ему казалось, что для сыщика это просто модный аксессуар. Сегодня трость ему была определенно необходима.

— Я запомнил кое о чем рассказать вам, мистер Пюнд, — негромко сказал Чабб. Они впервые остались наедине со времени разговора с Робертом Блэкистоном накануне вечером.

— Мне интересно будет услышать все, что вы скажете, инспектор.

— Помните клочок бумаги, найденный нами в камине в кабинете сэра Магнуса? Вы предположили, что на нем мог сохраниться отпечаток пальца.

— Прекрасно помню.

— Так вот, отпечаток действительно был. Плохая новость в том, что сохранился он плохо и пользы нам от него никакой. Его определенно нельзя прочитать и сравнить с отпечатками наших подозреваемых.

— Жаль.

— Но есть кое-что еще. Выяснилось, что на бумаге есть пятно крови. Кровь той же группы, что у сэра Магнуса, но мы не можем быть на сто процентов уверены, что она принадлежит ему.

— Это представляет большой интерес.

— Большую головную боль, если хотите знать мое мнение. Ну что нам с этим делать? У нас есть конверт с рукописным адресом и отпечатанное на машинке письмо с угрозами. Клочок бумаги явно оторван не от них, и мы даже не знаем, как давно он лежал в камине. Кровь заставляет предположить, что его бросили в огонь после убийства.

— Но для начала понять бы, откуда он взялся.

— Вот именно. Кстати, что вы намерены далее предпринять?

— Я надеялся, что это вы мне подскажете, инспектор.

— У меня и в самом деле есть предложение. Перед самым моим уходом из кабинета вчера вечером ко мне поступил очень любопытный звонок от доктора Редвинг. Вы знаете, что у нее только что умер отец? Естественные причины, хоть тут что-то приятное, для разнообразия. Так вот, перед смертью он поведал ей некую историю, и теперь, я думаю, нам стоит поговорить с Клариссой Пай.

4

Кларисса Пай вошла в гостиную, в руках у нее был поднос с тремя чашками чая и печеньями, аккуратно разложенными на тарелке, — казалось, симметрия придает им дополнительную аппетитность. При таком множестве собравшихся людей комната казалась ужасно маленькой. Аттикус Пюнд и его помощник устроились на софе из искусственной кожи, почти касаясь друг друга коленями. Круглолицый полицейский инспектор из Бата расположился в кресле напротив.

Кларисса ощущала, что стены давят на них. Но с той самой минуты, как доктор Редвинг сообщила ей новость, дом перестал быть прежним. Это не ее дом, не ее жизнь. Кларисса чувствовала себя так, будто ее подменили на кого-то другого, как в тех викторианских романах, которые всегда так ей нравились.

— Нетрудно было догадаться, что доктор Редвинг передаст вам рассказ своего отца, — начала она. Голос ее звучал слегка надменно. — Хотя было бы уместно предупредить меня, что она собирается позвонить вам.

— Думаю, она была уверена в правильности своих действий, мисс Пай, — сказал Чабб.

— Что же, наверное, правильно, чтобы полиция была в курсе. Ведь что бы вы ни думали о докторе Реннарде, он совершил преступление. — Кларисса поставила поднос. — Он указал ложные сведения в свидетельстве о рождении. Он принимал нас обоих, но я родилась первой. Его стоило привлечь к суду!

— Он сейчас далеко, вне досягаемости закона.

— Если говорить о законе людском, это точно.

— У вас было очень мало времени, чтобы свыкнуться со всем этим, — мягко заметил Пюнд.

— Да. Я только вчера узнала.

— Полагаю, новость оказалась для вас до некоторой степени ударом.

— Ударом? Не уверена, что употребила бы это слово, мистер Пюнд. Это было похоже на землетрясение. Я прекрасно помню Эдгара Реннарда. Его очень любили в деревне, и он частенько заходил к нам в дом, пока мы с Магнусом были детьми. Мне он никогда не казался злым человеком, однако совершил, как выяснилось, ужасный поступок. Его ложь отняла у меня целую жизнь! А Магнус! Интересно, знал ли он об этом? Он вечно помыкал мной, словно это была какая-то дурацкая шутка, и я одна оставалась в неведении. Он, как вам известно, вышвырнул меня из моего собственного дома. Мне пришлось зарабатывать себе на кусок хлеба в Лондоне, а потом в Америке. И все это время я совершенно не нуждалась в этом. — Она вздохнула. — Меня очень жестоко обманули.

— Как вы намерены поступить?

— Востребовать то, что мне принадлежит. А почему нет? У меня есть на это право.

Инспектор Чабб потупил взгляд.

— Это может оказаться не так просто, как вам кажется, мисс Пай, — сказал он. — Насколько мне известно, доктор Редвинг была одна в комнате с отцом, когда он сделал свое признание. Свидетелей их разговора нет. Допускаю, что есть шанс обнаружить что-то в его бумагах. Он мог что-то записать. Но в данный момент это будет только ваше слово.

— Он мог поделиться еще с кем-то.

— Почти наверняка он сообщил об этом сэру Магнусу, — вмешался Пюнд, потом повернулся к инспектору. — Помните блокнот, обнаруженный у Пая на столе на следующий день после убийства? «*Эштон Х Ро Девочка*». Теперь все прояснилось. Звонок поступил из Эштон-Хауса. Эдгар Реннард понимал, что находится при смерти, и, мучимый виной, позвонил сэру Магнусу. Он рассказал, что принимал близнецов и что первой родилась девочка. В блокноте имелось несколько зачеркиваний. Сэр Магнус был потрясен услышанным.

— Ну это кое-что объясняет! — воскликнула Кларисса, и в голосе ее прозвучал неподдельный гнев. — В день своей смерти он приходил в этот дом, сидел на этом самом месте. И предлагал мне работу в Пай-Холле! Хотел, чтобы я перебралась в Лодж-хаус и стала экономкой вместо Мэри Блэкистон. Только представьте! Вероятно, он опасался, что правда выйдет наружу. Видимо, хотел держать меня под контролем. Если бы я переехала, то это мне могли снести голову с плеч.

— Желаю вам удачи, мисс Пай, — сказал Чабб. — С вами явно обошлись в высшей степени несправедливо, и, если вы найдете других свидетелей, это сильно поможет вашему делу. Но если вас это не обидит, я дал бы вам такой совет: возможно, лучше оставить все так, как оно есть. У вас тут замечательный дом. В деревне вас знают и уважают. Меня это не касается, конечно, но зачастую мы растрчиваем время в стремлении к какой-то далекой цели и по пути к ней теряем то, что на самом деле ценно.

Лицо Клариссы Пай приняло озадаченное выражение.

— Спасибо за совет, инспектор Чабб. Тем не менее я полагала, что ваш визит вызван желанием помочь мне. Доктор Реннард совершил преступление, и только по словам его дочери мы можем судить, что ему не заплатили за его труды. В любом случае я считаю, что это дело необходимо расследовать.

— Признаюсь честно, такое даже не приходило мне в голову. — Чабб вдруг смутился и посмотрел на Пюнда в поисках поддержки.

— Нам следует помнить, что в этой деревне произошли две необъясненные смерти, мисс Пай, — сказал Пюнд. — Вполне понимаю ваше желание, чтобы полиция занялась выяснением обстоятельств, связанных с вашим появлением на свет, но мы здесь по другой причине. Мне не хотелось бы докучать вам в это очевидно нелегкое время, но боюсь, я обязан задать вопрос, имеющий отношение к этим двум смертям: сэра Магнуса и Мэри Блэкистон. Он касается склянки с жидкостью, пропавшей недавно из лечебницы доктора Редвинг. В этой склянке содержится ядовитое вещество, физостигмин. Вам что-нибудь известно об этом?

На лице Клариссы Пай сменилась целая гамма эмоций, причем каждая отчетливо замирала на миг, как в серии портретов. Сначала это было удивление. Вопрос оказался неожиданным: откуда они могли узнать? Затем страх: каковы могут быть последствия? Потом возмущение, вероятно напускное. Как смеют ее подозревать в подобном поступке! И наконец, на долю секунды промелькнули признание и покорность судьбе. И без того слишком многое произошло. Нет смысла отпираться.

— Да, это я ее взяла, — сказала женщина.

— Зачем?

— Откуда вы узнали, что это я? Если, конечно, можно задать такой вопрос...

— Миссис Блэкистон видела вас выходящей из лечебницы.

— Да, — кивнула Кларисса. — Я заметила, что она наблюдает за мной. У Мэри имелась удивительная способность оказываться в нужное время в нужном месте. Не знаю, как это ей удавалось. — Она помолчала. — Кто еще знает?

— Миссис Блэкистон вела дневник, который находится у инспектора Чабба. Насколько нам известно, больше она никому не говорила.

Это упрощало положение дел.

— Я совершила это, повинуюсь порыву, — сказала Кларисса. — Я оказалась в лечебнице совсем одна и увидела на полке физостигмин. Что это за препарат, я знала, потому как сама окончила медицинские курсы перед отъездом в Америку.

— Для чего он вам понадобился?

— Мне стыдно признаться, мистер Пюнд. Знаю, я поступила дурно и, наверное, была немножечко не в своем уме. Но в свете того, о чем мы недавно говорили, вы, как никто, способны понять, что очень небольшое в моей жизни сложилось так, как я того хотела. Вопрос не только в Магнусе и в доме. Я так и не вышла замуж. Не знала настоящей любви, даже в молодости. Ну да, у меня есть церковь и деревня, но бывают минуты, когда я смотрю в зеркало и спрашиваю себя: какой смысл? Что я здесь делаю? Неужели я обязана и дальше влачить эту жизнь? Библия однозначно выражается о самоубийстве. Это моральный эквивалент убийства. «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!» — так сказано в Книге Иова¹⁴. У нас нет права налагать на себя руки.

Кларисса замолчала, и взгляд ее вдруг посуровел.

— Но бывали времена, — продолжила она, — когда тьма окутывала меня, когда я вглядывалась в юдоль смерти и желала... желала вступить в нее. Каково, думаете, приходилось мне, наблюдающей за Магнусом, Фрэнсис и Фредди? Я привыкла жить в том доме! Все его удобства и роскошь некогда принадлежали мне! Забудем про то, что на самом деле их у меня украли, мне не стоило возвращаться в Саксби-на-Эйвоне! Безумием было унижаться, подбирая крохи с императорского стола. Так что мой ответ — да, я думала о самоубийстве. И взяла физостигмин, так как знала, что он сделает свое дело быстро и безболезненно.

— Где он сейчас?

— Наверху. В ванной комнате.

— Боюсь, я вынужден попросить передать его мне.

— Хорошо, мистер Пюнд. Теперь мне он точно ни к чему. — Она говорила оживленно, почти с блеском в глазах. — Вы намерены привлечь меня за кражу?

— Не вижу в этом необходимости, мисс Пай, — ответил Чабб. — Мы только хотим быть уверены, что препарат возвратится к доктору Редвинг.

Несколькими минутами позже они ушли, и Кларисса Пай закрыла парадную дверь, радуясь, что осталась одна. Она стояла неподвижно и тяжело дышала, размышляя над состоявшимся разговором. Дело с ядом ее не заботило. Это теперь не важно. Удивительно однако, что сыщики так суетятся ради ничтожной кражи, тогда как у нее украли гораздо больше. Удастся ли доказать, что Пай-Холл принадлежит ей? Что, если полицейский инспектор прав? Все, что у нее есть, — это слова больного и умирающего человека, сказанные без свидетелей. Нет никаких гарантий, что он произнес их в здравом уме. Судебный иск о двенадцати минутах, истекших больше чем пятьдесят лет назад.

С чего начать? Да и стоит ли?

Очень странно, но Кларисса вдруг почувствовала себя так, словно с плеч ее сняли тяжкий груз. Отчасти причиной тому был факт, что Пюнд забрал яд. Физостигмин бременем висел на ее совести, и только взяв его, она в ту же минуту пожалела об этом. Но это было еще не все. Ей вспомнились слова Чабба: «Возможно, лучше оставить все так, как оно есть. У вас тут замечательный дом. В деревне вас знают и уважают».

Ее уважают. Это верно. Она до сих пор любимая учительница в сельской школе. На деревенских праздниках у нее самый доходный прилавок. Все восхищаются цветочными букетами, принесенными ею на воскресную службу. Робин Осборн обмолвился даже, что не представляет, как обходился бы без нее. Быть может, теперь, когда она узнала правду, Пай-Холл лишится власти над ней? Он принадлежал ей. И будет принадлежать всегда. И самое главное, это не Магнус украл его. И не судьба так распорядилась. Виноват ее отец, человек, о котором она всегда вспоминала с нежностью, а он оказался допотопным чудовищем! Неужели ей хочется бороться с ним, возвращать в свою жизнь, когда он так давно упокоился в могиле?

---

¹⁴ Иов. 1:21.

Нет.

Она будет выше этого. Можно навестить Фрэнсис и Фредди в Пай-Холле, но в этот раз это она будет все знать. Это они станут предметом насмешки.

С выражением, очень похожим на улыбку, Кларисса вошла в кухню. В холодильнике хранились консервированные лососевые тефтели и компот. То что нужно для славного обеда.

5

— Думаю, она приняла известие на удивление хорошо, — сказала Эмилия Редвинг. — Поначалу мы не были уверены, стоит ли вообще ей говорить. Но теперь я рада, что мы это сделали.

Пюнд кивнул. Они с Фрейзером пришли одни, инспектор Чабб вернулся в Пай-Холл встречать двух полицейских водолазов, вызванных из Бристоля — ближайшего крупного отделения, где имелись подобные специалисты. Им еще предстояло обследовать озеро, хотя Пюнд уже вполне представлял, что они там найдут. Он сидел в личном кабинете врача. Артур Редвинг тоже присутствовал. Выглядел он смущенным, как если бы мечтал оказаться где угодно, только не здесь.

— Да, мисс Пай персона довольно грозная, — согласился Пюнд.

— Так как подвигается ваше расследование? — осведомился Артур Редвинг.

Пюнд в первый раз встретился с супругом доктора Редвинг, человеком, написавшим портрет Фрэнсис Пай. А также, совершенно очевидно, портрет юноши, висевший на стене у него за спиной. Юноша, надо полагать, был его сын. У него было такое же смуглое, приятное лицо со слегка меланхоличным, очень английским выражением. И тем не менее эти двое отличались. Между отцом и сыном ощущалось некое напряжение. Пюнда всегда интересовала уникальная связь между портретистом и его моделью, исключая всякие секреты. Так было и здесь. То, как был написан мальчик, поза, в которой он вальяжно привалился плечом к стене, согнутое колено, руки в карманах... Все это указывало на близость, даже любовь. Но при этом Артур Редвинг сумел передать во взгляде парня какую-то тоску и подозрительность. Тому не нравилось быть здесь.

— Это ваш сын? — спросил он.

— Да, — ответил Артур. — Себастьян. Он в Лондоне.

Каким-то образом эти три слова выразили самое большое разочарование в жизни.

— К сожалению, мы нечасто видимся, — добавила Эмилия Редвинг.

— Артур написал этот портрет, когда Себастьяну было семнадцать.

— Портрет чертовски хорош! — заявил Фрейзер. Когда доходило до искусства, экспертом был он, а не Пюнд, и Джеймс дорожил возможностью побыть на переднем плане. — Вы выставлялись?

— Я бы не прочь... — пролепетал Артур.

— Вы хотели поговорить с нами о расследовании, — перебила Эмилия.

— Именно так, доктор Редвинг, — улыбнулся Пюнд. — Оно почти закончено. Не думаю, что мне придется задержаться в Саксби-на-Эйвоне больше чем на две ближайшие ночи.

При такой новости Фрейзер наострил уши. Он понятия не имел, что Пюнд так близок к итогу, и пытался понять, кто и когда сообщил сведения, приведшие к существенному прорыву. Ему хотелось поскорее услышать разгадку преступления. А еще недурно будет вернуться к удобствам квартиры в Таннер-Корте.

— Вам известно, кто убил сэра Магнуса?

— У меня есть, если так выразиться, теория. Чтобы головоломка сложилась, необходимы всего два элемента. И, отыскав их, я рассчитываю подтвердить свою догадку.

— И что это за элементы, если позволите спросить? — Артур Редвинг вдруг сильно оживился.

— Охотно позволю, мистер Редвинг. Первый элемент занимает свое место прямо во время нашего разговора. Под надзором инспектора Чабба два полицейских ныряльщика обыскивают озеро близ Пай-Холла.

— Что они должны найти? Еще один труп?

— Надеюсь, что нечто не столь зловещее.

Было очевидно, что сыщик не намерен развивать эту тему.

— А как другой элемент головоломки? — поинтересовалась доктор Редвинг.

— Есть один человек, с которым я хотел бы побеседовать. Он, вероятно, не догадывается об этом моем желании, но я уверен, что в его руках находятся ключи ко всему, что произошло здесь, в Саксби-на-Эйвоне.

— И что же это?

— Я веду речь о Мэтью Блэкистоне. Бывшем муже Мэри Блэкистон и, разумеется, отце двух мальчиков: Роберта и Тома.

— Вы разыскиваете его?

— Я попросил инспектора Чабба навести справки.

— А вы знаете, что он появлялся здесь? — Доктор Редвинг встрепенулась. — Я сама его видела в деревне. Он приходил на похороны жены.

— Роберт Блэкистон не сказал мне об этом.

— Он мог не увидеть отца. Я поначалу и сама его не узнала. На нем была шляпа, низко надвинутая на лоб. Он ни с кем не разговаривал и держался сзади. И ушел прежде, чем все закончилось.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь?

— Ну... нет. — Вопрос явно удивил Эмилию. — Его появление вполне естественно. Они с Мэри Блэкистон были женаты много лет, и разлучила их не ненависть, а горе. Они потеряли дитя. Мне было немного жаль, что Мэтью не поговорил с Робертом. И мог бы познакомиться с Джой, раз уж был здесь. Очень жаль, честно. Смерть Мэри могла бы сблизить их.

— Может, это он убил ее?! — воскликнул Артур Редвинг и обратился к Пюнду: — Поэтому вы хотите найти его? Он подозреваемый?

— Об этом рано говорить, пока я не побеседовал с ним, — дипломатично ответил сыщик. — До сих пор инспектору Чаббу не удалось установить его местонахождение.

— Он в Кардиффе, — сказала доктор Редвинг.

Это был редкий случай, когда Пюнд пришел в замешательство.

— Адреса у меня нет, но я с легкостью помогу вам найти его, — продолжила врач. — Несколько месяцев назад я получила письмо от одного терапевта из Кардиффа. Рутинное дело. Ему потребовались записи о старой травме, полученной его пациентом. Пациентом был Мэтью Блэкистон. Я ответила на запрос и выбросила это из головы.

— Имя терапевта вы назовете?

— Конечно. Оно есть в деле. Я сейчас принесу.

Но прежде чем она успела пошевелиться, в главный вход лечебницы неожиданно кто-то вошел. Дверь кабинета доктора Редвинг была открыта, и посетительницу увидели все: женщина лет сорока с лишним, неброской внешности, круглолицая. Это была Дайана Уивер, которая пришла, чтобы провести в лечебнице ежедневную уборку. Пюнд точно знал, когда она приходит. Именно ради нее он на самом деле явился сюда.

Со своей стороны, она удивилась, застав здесь людей в неурочный час.

— Ой... Прошу прощения, доктор Редвинг! — воскликнула она. — Может, мне прийти завтра?

— Нет-нет. Прошу вас, проходите, миссис Уивер.

Женщина вошла в кабинет. Атиккус Пюнд встал, уступая ей место, и она села, беспокойно оглядываясь.

— Миссис Уивер, — начал он. — Позвольте мне представиться...

— Я знаю, кто вы такой, — перебила Дайана.

— В таком случае вы должны понимать, почему я хочу поговорить с вами. — Сыщик помедлил. Ему не хотелось волновать эту женщину, но выбора не было. — В день своей гибели сэр Магнус Пай получил письмо, где речь шла о новых домах, которые он собирался строить. Эта затея обрекала на уничтожение Дингл-Делл. Вас не затруднит ответить, не вы ли написали его?

Миссис Уивер промолчала, поэтому Пюнд продолжил:

— Я выяснил, что письмо было напечатано на машинке, находящейся в этой самой лечебнице, и что доступ к ней имели всего трое: Джой Сандерлинг, доктор Редвинг и вы. — Он улыбнулся. — Должен добавить, что вам не о чем переживать. Не считается преступным деянием отправить письмо протеста, даже если оно написано слегка резковатым тоном. Также я ни на минуту не

допускаю, что вы могли реализовать угрозы, обозначенные в послании. Мне только необходимо знать, как оно попало к адресату, и потому я повторю вопрос: вы написали его?

Миссис Уивер кивнула. На глазах у нее крупными горошинами выступили слезы.

— Да, сэр.

— Спасибо. Я понимаю, что вы были расстроены, и вполне справедливо, угрозой этому лесу.

— Нам просто ненавистно видеть, как с деревней так обращаются без веской на то причины. Я обсудила это дело с мужем и со свекром. Они целую жизнь прожили в Саксби-на-Эйвоне. Как и все мы. Это особенное место. Нам тут новые дома не нужны. Никто не просил их строить. А тут еще Делл! Начнется здесь, а где закончится? Посмотрите на Тубери и Маркет-Бейсинг: шоссе, светофоры, эти новые супермаркеты — деревни опустели, люди теперь просто проезжают через них и... — Она осеклась, потом обратилась к Эмили Редвинг: — Вы уж простите меня, доктор. Мне следовало спросить у вас разрешения. Я действовала сгоряча.

— Не переживайте, — сказала врач. — Я ничуть не сержусь. По правде говоря, я даже согласна с вами.

— Когда вы передали письмо? — спросил Пюнд.

— В четверг вечером. Я просто подошла к двери и просунула его в щель. — Миссис Уивер понурилась. — На следующий день, услышав, что стряслось... что сэра Магнуса убили... Я не знала, что и подумать. Пожалела, что передала письмо. Не в моем обычае поступать так необдуманно. Честное слово, сэр, я не желала ему ничего плохого.

— Еще раз повторю, что письмо не имеет отношения к случившемуся, — заверил ее Пюнд. — Но есть один вопрос, который я обязан вам задать, и вам следует хорошенько поразмыслить, прежде чем дать ответ. Он касается конверта, в котором находилось письмо, и в особенности адреса...

— Да, сэр?

Но Пюнд не договорил. Произошло нечто странное. Он стоял посреди комнаты, отчасти опираясь на прогулочную трость, но по мере разговора с миссис Уивер эта его опора на трость становилась все более заметной. Потом он очень медленно покачнулся вбок. Фрейзер увидел это первым и вскочил, чтобы поддержать его. И очень вовремя. Едва он успел подхватить Пюнда, ноги у сыщика подкосились и он повалился на пол. Доктор Редвинг сразу вскочила. Миссис Уивер испуганно смотрела на происходящее.

Глаза Атиккуса Пюнда были закрыты. Лицо побледнело. Он, похоже, совсем перестал дышать.

6

Когда он очнулся, доктор Редвинг была рядом.

Пюнд лежал на поднимающейся кушетке, которую врачи используют при осмотре пациентов. Он пробыл без сознания меньше пяти минут. Доктор стояла над ним, на шее у нее висел стетоскоп. Ее явно обрадовало, что сыщик пришел в себя.

— Не шевелитесь, — сказала она. — Вам стало плохо...

— Вы осмотрели меня? — спросил Пюнд.

— Послушала сердце и проверила пульс. Возможно, обморок вызван усталостью.

— Это не усталость. — Висок пронзала боль, но сыщик не обращал на нее внимания. — Не стоит утруждать, доктор Редвинг. Мой врач в Лондоне объяснил мне мое состояние. А также назначил лечение. Буду благодарен, если вы позволите мне отдохнуть здесь еще несколько минут. Но больше вы ничем не сможете мне помочь.

— Разумеется, вы можете остаться здесь, — сказала она, продолжая смотреть Пюнду в глаза. — Она неоперабельна?

— Вы видите то, чего не замечают другие. В мире медицины детектив вы, — немного грустно улыбнулся Пюнд. — Мне сказали, что ничего уже сделать нельзя.

— Вы выслушали второе мнение?

— Оно мне не нужно. Я знаю, что времени у меня осталось совсем мало. Я это чувствую.

— Печально слышать, мистер Пюнд. — Эмилия подумала немного.

— Ваш коллега, похоже, не в курсе вашей проблемы.

— Я ничего не сказал Фрейзеру и предпочитаю, чтобы так оставалось и впредь.

— Не беспокойтесь. Я попросила его удалиться. Миссис Уивер и мой муж тоже ушли. Я сказала ему, что мы с вами придем в «Герб королевы», как только вы почувствуете себя достаточно хорошо.

— Мне уже немного лучше.

С помощью врача Пюнд принял сидячее положение и достал таблетки, которые носил в кармане пиджака. Доктор Редвинг принесла стакан воды. Ей удалось прочитать название препарата на упаковке: «дилаудид».

— Это гидроморфон, — сказала она. — Хороший выбор. Быстродействующее средство. Но вам следует соблюдать осторожность. Он может вызывать усталость, а также быстрые перемены настроения.

— Я действительно устал, — согласился Пюнд. — А вот мое настроение отличается завидным постоянством. По существу, буду с вами искренним, оно почти радостное.

— Возможно, причина в вашем расследовании. Вероятно, вам очень помогает концентрация. И вы сказали, что расследование продвигается успешно.

— Именно так.

— А когда оно закончится, что тогда?

— Когда оно закончится, доктор Редвинг, у меня не останется никаких дел. — Пюнд с трудом встал и взял трость. — А теперь я предпочел бы вернуться в свой номер, если вы не против.

Они вышли вместе.

7

На другом конце деревни из озера появились полицейские водолазы. Реймонд Чабб стоял на поросшем травой берегу и смотрел, как они выкладывают перед ним обнаруженное на дне. Инспектор удивлялся, откуда Пюнд узнал, что именно они найдут.

Тут были три блюда с изображениями морских нимф и тритонов, пузатый сосуд, на котором кентавр гнался за обнаженной женщиной, несколько длинных ложек, пиператорий, или перечница, — ее, видимо, использовали для хранения ценных приправ, а еще россыпь монет, статуэтка тигра или другого похожего существа и два браслета. Чабб отлично понимал, что он рассматривает. Это был клад, похищенный у сэра Магнуса Пая. Когда он позвонил в полицию, ему описали каждый предмет. Но зачем кому-то красть сокровище только для того, чтобы тут же его выбросить? Теперь он понимал, что грабители обронули одну вещь — найденную Brentom пряжку — по пути через лужайку. Они пришли на берег озера и бросили остальной клад в воду. Их застигли врасплох при попытке уйти? Собирались ли воры вернуться и забрать добычу в другое время? Но это не имело смысла.

— Похоже, это оно и есть, — сказал один из водолазов.

Чабб посмотрел на лежащие у него под ногами отдельные предметы, все из серебра... Тут было очень много серебра, поблескивающего в лучах вечернего солнца.

Часть VI Золото

1

Дом располагался близ парка Кэделин в Кардиффе, задний его двор выходил к железнодорожной линии между станциями Уитчерч и Ривбайна. Он располагался в середине короткой улицы, справа и слева от него стояли по три однотипных дома. Все дома выглядели усталыми, и им не помешало бы немного освежиться: семь калиток, семь квадратных садиков с пыльными растениями, борющимися за жизнь, семь входных дверей, семь дымовых труб. Их трудно было отличить друг от друга, но зеленый «Остин А-40» с регистрационным номером «FRJ 247», припаркованный у среднего из них, сразу указал Пюнду, куда идти.

Мужчина ждал их. По его позе можно было подумать, что он ждал тут всю жизнь. Когда они вошли, он вскинул руку: не столько в приветствии, сколько в знак того, что заметил гостей. Ему было лет под шестьдесят, но выглядел он намного старше, изнуренный борьбой, на самом деле проигранной уже давным-давно. Поредевшие волосы, нестриженные усы и тусклые темно-карие глаза. Одежда его была слишком теплой для летнего вечера и нуждалась в стирке. Фрейзеру никогда не доводилось встречать человека, выглядящего более одиноким.

— Мистер Пюнд? — осведомился он, когда они вышли из машины.

— Рад встрече, мистер Блэкистон.

— Прошу, входите.

Блэкистон проводил их в темный узкий коридор с кухней в дальнем конце. Оттуда открывался вид на полузаброшенный сад, круто поднимавшийся к железнодорожной линии. Дом был чистый, но неуютный. В нем не было ничего личного: семейных фотографий, писем на столе в холле, никаких признаков, что тут живет кто-то еще. Дневной свет почти не пробивался через окна. Это роднило его с Лодж-хаусом в Саксби-на-Эйвоне: все в них крылось в тени.

— Я всегда знал, что полиция захочет поговорить со мной, — сказал Мэтью Блэкистон. — Чая желаете?

Он поставил чайник на плиту и с третьего щелчка разжег огонь.

— Строго говоря, мы не из полиции, — сказал Пюнд.

— Так. Но вы расследуете произошедшие смерти.

— Да, вашей жены и сэра Магнуса Пая.

Блэкистон провел ладонью по подбородку. Он побрился тем утром, но лезвием, давно требовавшим замены. Волоски торчали из складки под нижней губой, на коже остался небольшой порез.

— Я подумывал позвонить кому-нибудь, — сказал он. — Признаюсь, я был там в ту ночь, когда он умер. А потом подумал: какой смысл? Я никого не видел. Ничего не знаю. Все это меня не касается.

— Возможно, это совсем не так, мистер Блэкистон. Я давно хотел встретиться с вами.

— Ну, будем уповать, чтобы вы не оказались разочарованы.

Он вытряхнул старые листья из заварочного чайника, сполоснул его кипятком и засыпал новые. Достал бутылку молока из холодильника, на полках которого почти ничего больше и не было. За садом прогрехотал поезд, извергая клубы пара, и на минуту воздух наполнился запахом горящего угля. Блэкистон не обратил на это внимания. Он залил чайник и поставил на стол. Все трое расселись.

— Итак?

— Вам известно, зачем мы здесь, мистер Блэкистон, — произнес Пюнд. — Почему бы вам не рассказать свою историю. Начните с самого начала. Не упускайте ничего.

Блэкистон кивнул. Разлил чай по чашкам и начал говорить.

Ему было пятьдесят восемь. Он жил в Кардиффе с тех самых пор, как двадцать лет назад уехал из Саксби-на-Эйвоне. Здесь у него оставались родственники: дядя, владевший магазином

электрики — неподалеку, на Истерн-роуд. Дядя уже умер, но оставил ему в наследство магазинчик. Доходов от торговли хватало на жизнь, по крайней мере на такую, какую он вел. Он был одинок, тут Фрейзер не ошибся.

— Формально я с Мэри так и не развелся, — сказал Мэтью. — Даже не знаю почему. После того, что случилось с Томом, у нас с ней не было шансов остаться вместе. Но в то же время никто из нас не собирался создавать новую семью, так зачем было разводиться? Ей не нравилось иметь дело с адвокатами и все такое. Полагаю, это дает мне право называться ее вдовцом.

— Вы никогда не виделись с ней после ухода? — спросил Пюнд.

— Мы не теряли связи. Переписывались, я звонил ей время от времени: узнать насчет Роберта и осведомиться, не нужно ли ей чего. Но она от всего отказывалась и ни о чем меня не просила.

Пюнд извлек пачку сигарет «Собрание». Для него нехарактерно было курить во время работы, но в последнее время сыщик был сам не свой, и со времени приступа в лечебнице доктора Редвинг Фрейзер отчаянно за него беспокоился. Пюнд наотрез отказывался обсуждать свое здоровье. А в машине по пути в Кардифф и вовсе почти не разговаривал.

— Давайте вернемся ко времени вашего с Мэри знакомства, — предложил Пюнд. — Расскажите о том, как вы жили в Шеппардс-Фарм.

— Ферма принадлежала отцу, — сказал Блэкистон. — Он унаследовал ее от своего отца, — ферма испокон веков была собственностью нашей семьи. Я потомственный фермер, но никогда не питал истинного расположения к крестьянскому труду. Отец называл меня черной овцой — забавно, ведь именно ими мы и владели: две сотни акров и отара овец. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю отца. Я был единственным его сыном, а дело его продолжать не хотел. В школе я всегда выказывал способности к математике, имел склонность к наукам. У меня была идея поехать в Америку, стать инженером и строить ракеты. Смешно: я двадцать лет проработал механиком и ни разу не выезжал из Уэльса. Но с мальчишками ведь всегда так. Ты лелеешь мечты, но, если тебе не повезет, ничего из них не выходит. Однако я не жалею. Мы с Мэри жили вполне счастливо. Начать с того, что даже Мэри была довольна.

— При каких обстоятельствах вы познакомились с будущей женой? — спросил Пюнд.

— Она жила в Тоубери, милях в пяти от нас. Наши матери вместе ходили в школу. Как-то раз в воскресенье Мэри пожаловала к нам с родителями на обед, вот так мы и встретились. Мэри тогда было двадцать, и она была настоящей красавицей. Я влюбился в нее с первого взгляда, а через год мы поженились.

— Позвольте поинтересоваться: как отнеслись к ней ваши родители?

— Они хорошо ее приняли. Надо сказать, было время, когда все шло просто замечательно. У нас родились два сына: сначала Роберт, потом Том. Они росли на земле, и я как наяву вижу: вот они возвращаются из школы, играют, помогают моему отцу. Думаю, мы были счастливы там как никогда потом. Но долго это не продлилось. Отец был по уши в долгах. А от меня помощи не было. Я нашел работу в аэропорту Уайтчерч, это в полутора часах отсюда, под Бристолем. Это было в конце тридцатых. Я выполнял рутинную работу, обслуживая самолеты Гражданской воздушной гвардии, и видел множество молодых пилотов, прибывающих на обучение. Я знал, что надвигается война, но в таком месте, как Саксби-на-Эйвоне, легко позабыть про это. Мэри выполняла разную работу в деревне и в окрестностях. Наши дороги уже разошлись. Вот почему она обвиняла меня в случившемся. И возможно, была права.

— Расскажите о ваших детях, — попросил Пюнд.

— Я любил этих мальчиков. Поверьте, не проходит и дня, чтобы я не вспоминал о том, что произошло. — Мэтью поперхнулся последними словами, и ему потребовалось какое-то время, чтобы оправиться. — Не знаю, как могло все пойти наперекосяк, мистер Пюнд. Честное слово, не знаю. Я не стану утверждать, что все было идеально, пока мы жили в Шеппардс-Фарм, но нам было весело. Это были еще те маленькие сорванцы: всегда дрались, ссорились. Но с мальчишками ведь всегда так?

Блэкистон посмотрел на Пюнда, как бы ожидая подтверждения. А когда его не последовало, продолжил:

— Но они умели и ладить. Как лучшие друзья. Роберт был посмирнее. Создавалось впечатление, будто он постоянно обдумывает что-то. Даже совсем маленький он любил долгие одинокие прогулки по долине Бата, и мы не раз переживали из-за него. Том был более

энергичным. Он воображал себя изобретателем. Постоянно смешивал какие-нибудь вещества, собирал воедино детали из разных машин. Думаю, он набрался этого от меня, и вынужден признать, я его баловал. Роберт был ближе к матери. Роды были трудные, Мэри едва его не потеряла, а младенцем Роберт чем только не переболел. Деревенский доктор, малый по фамилии Реннард, то и дело бывал у нас в доме. Хотите знать мое мнение, Мэри слишком уж опекала мальчика. Иногда она даже не позволяла мне подходить к нему. С Томом было проще. Мы были близки с ним. Всегда вместе: он и я...

Блэкистон достал десятисигаретную пачку, сорвал целлофан и закурил.

— Наперекосьяк все пошло с тех пор, как мы уехали с фермы, — произнес он и сделался вдруг печальным. — Началось все в тот день, когда в нашу жизнь вошел тот человек. Сэр Магнус, черт его побери, Пай! Теперь все очевидно, и я диву даюсь, как я мог быть таким слепым, таким наивным. Но тогда его предложение показалось нам ответом на наши молитвы. Постоянный заработок для Мэри... Крыша над головой, замечательное место, где могли играть мальчишки. По крайней мере, так это видела Мэри и так преподнесла мне.

— Вы возражали?

— Старался не спорить с ней. Это всегда настраивало ее против меня. Я сказал, что у меня есть определенные сомнения, только и всего. Мне претила мысль, что она станет экономкой. Я считал, что Мэри достойна большего. И помнится, предупреждал ее, что, оказавшись в усадьбе, мы попадем в ловушку. Сэр Магнус будет как бы нашим господином. Но понимаете, дело в том, что выбора у нас толком не было. Сбережений у нас не имелось. Это было лучшее предложение из тех, на какие мы могли рассчитывать. И поначалу все шло замечательно. Пай-Холл был довольно сносным местом. Я поладил со Стэнли Brentом, который был там смотрителем на пару со своим сыном. Плату за жилье с нас не брали, и в определенном смысле хорошо было жить своей семьей, когда папы и мамы нет постоянно рядом. Но было в Лодж-хаусе нечто, плохо на нас влияющее. Там круглый год было темно, и мы так и не почувствовали себя как дома. Мы стали действовать друг другу на нервы, даже мальчишки. У нас с Мэри то и дело происходили стычки. Мне не нравилось, что она так носится с сэром Магнусом только потому, что у него есть титул и много денег. Он был ничем не лучше меня. Ни одной рабочей смены за всю жизнь не отработал. И получил Пай-Холл только по праву наследования. Но Мэри все видела иначе. Считала, что служба здесь делает ее в каком-то смысле особенной. Жена одного не могла понять: когда ты чистишь унитаз, то чистишь унитаз, и нет никакой разницы, сидела на нем аристократическая задница или обычная. Я ей сразу об этом сказал, и она разозлилась. Она-то видела себя не экономкой и не уборщицей, а хозяйкой усадьбы. У Магнуса есть собственный сын, Фредди, но мальчишка тогда был совсем маленький и довольно необщительный. Настоящей любви между ними не было. Поэтому его светлость, вместо того чтобы интересоваться своим ребенком, заинтересовался моими. Он разрешал им играть на своей земле и баловал мелкими подарками: три пенса там, шесть пенсов здесь. И подбивал устраивать обидные розыгрыши над Невиллом Brentом. Родители его к тому времени умерли, погибли в автомобильной аварии, и Невилл стал работать в усадьбе. Если хотите знать мое мнение, было в нем что-то странное. Не думаю, что у него все в порядке с головой. Но это не мешало мальчишкам следить за ним, дразнить, кидаться снежками, ну и тому подобное. Это было жестоко, и я не хотел, чтобы они так поступали.

— Вы не могли остановить их?

— Ничего я не мог, мистер Пюнд. Ну как вам объяснить? Мальчишки меня не слушались. Я перестал быть им отцом. Почти с того самого дня, как мы переехали, я оказался оттесненным в сторону. Магнус, Магнус... Все только о нем и толковали. Когда сыновья приносили из школы табель успеваемости, никому не было дела до того, что думаю я. Мэри вела мальчишек в большой дом и показывала документы сэру Магнусу. Как будто его мнение значило больше моего. Чем дальше, тем хуже, мистер Пюнд. Я начал проклинать этого человека. Он заставлял меня чувствовать себя ничтожным, напоминал, что я живу в его доме, на его земле... Как будто это я просил его об этом. И в том, что случилось, — его вина. Клянусь вам. Он убил моего сына так же верно, как если бы сделал это собственными руками, и одновременно уничтожил меня. Том был светом моей жизни, и, когда он погиб, у меня не осталось ничего.

Мэтью Блэкистон замолчал и утер тыльной стороной ладони слезы.

— Посмотрите на меня! — продолжил он. — Посмотрите на этот дом! Я часто задаю себе вопрос: за что мне такое наказание? Я никому не причинил вреда, а закончил здесь. Иногда мне кажется, что я несу наказание за проступок, который не совершал.

— Уверен, что вы невиновны.

— Вот именно, невиновен. Я не сделал ничего плохого. К тому, что произошло, я не причастен. — Блэкистон помедлил и пристально посмотрел на Пюнда и Фрейзера, как бы проверяя, осмелятся ли они возразить. — Это все Магнус Пай. Чертов Магнус Пай!

Он вздохнул и заговорил снова:

— Началась война, и меня послали в Боскомб-Даун, обслуживать по преимуществу истребители «Харрикейн» фирмы «Хоукер». Я находился далеко от дома и не знал толком, что там происходит. Заезжал только иногда по выходным, поэтому чувствовал себя как чужак. Мэри сильно переменялась. Никогда не радовалась мне, стала скрытной... Словно прятала что-то. Трудно было поверить, что это та девочка, на которой я женился и с которой жил в Шеппардс-Фарм. Роберт тоже ко мне не особо тянулся. Он был маменькин сынок. Не будь Тома, мне бы и появляться там не захотелось. Короче говоря, мое место занял сэр Магнус. Я вам рассказывал про игры. Это он втянул в игру мальчиков — моих мальчиков. Они были одержимы поиском закопанных сокровищ. Ну, ребята такое обожают, и, думаю, вы знаете, что Паи отыскивали в Дингл-Делле настоящий клад из римских монет и всего прочего. Сэр Магнус показывал им свой клад. Так что ему не составило труда обратить их обоих в охотников за сокровищами. Он брал обернутую в фольгу плитку шоколада или монетку в шесть пенсов или полкроны и прятал где-то в имении. Потом давал мальчикам подсказку и отправлял на поиски. Они могли искать целый день, и ничего тут не возразишь, ведь парни были на свежем воздухе. Это ведь так полезно. И весело.

Вот только он не был их отцом. Он не отдавал себе отчета в том, что делает, и однажды зашел слишком далеко. У него был кусок золота. Не настоящего золота. Это был железный колчедан, его называют «золотом дураков». Кусок был большой, и сэр Магнус решил сделать из него клад. Разумеется, Том и Роберт не могли определить разницу. Они считали, что это настоящий самородок, и отчаянно старались его заполучить. И знаете, где спрятал его этот чертов идиот? В зарослях камыша, прямо на краю озера. Он привел их к самому берегу, ребят четырнадцати и двенадцати лет. Привел так верно, как если бы подал знак.

Так это и случилось. Мальчики разделились. Роберт был в Дингл-Делле, искал среди деревьев. Том пошел к озеру. Возможно, он заметил, как солнце блеснуло на породе, или руководствовался подсказкой. Ему не было нужды даже ноги мочить, но юнец так разволновался, что полез в озеро. Что было дальше? Возможно, он споткнулся. Там было полно водорослей, они могли оплести ему ноги. Я знаю только, что вскоре после трех пополудни Brent проходил мимо с газонокосилкой и увидел моего мальчика, лежащего лицом вниз в воде. — Голос Мэтью Блэкистона дрогнул. — Том утонул. Brent сделал что мог. Том находился всего в нескольких футах от берега, и Brent вытащил его на сушу. Потом вышел из леса Роберт и увидел, что стряслось. Он бросился в воду. Он кричал. Просил Brentа помочь. Brent не знал, что делать, но Роберта научили в школе основам первой помощи, и он пытался сделать брату искусственное дыхание. Слишком поздно. Том был мертв. Я узнал обо всем позже, от полицейских. Они поговорили со всеми, кто был причастен: с сэром Магнусом, с Brentом, с Мэри и Робертом. Способны вы представить, что я чувствовал, мистер Пюнд? Я был их отцом. Но меня там не было.

Голова Мэтью Блэкистона поникла. Он закрыл лицо рукой, держащей сигарету, и молча сидел, пока дымок, завиваясь, поднимался к потолку. В этот миг Фрейзер почувствовал вдруг, как мала эта комната, как безнадежна сломанная жизнь. Ему подумалось, что Блэкистон — изгнанник. Он сбежал от самого себя.

— Хотите еще чаю? — спросил вдруг Блэкистон.

— Я бы не отказался, — ответил Фрейзер.

Чаю никто не хотел, но требовалось время, нужна была пауза, прежде чем Блэкистон мог продолжить. Фрейзер отправился к чайнику, радуясь возможности сделать перерыв.

— Я вернулся в Боскомб-Даун, — снова начал Блэкистон, когда свежий чай разлили по чашкам. — А в следующий приезд домой точно понял, в какую сторону дует ветер. Мэри и Роберт отгородились от меня стеной. После того случая Мэри ни на шаг не отпускала от себя мальчика, и впечатление создавалось такое, будто они знают меня не хотят. Я бы выполнил свой долг перед

семьей, мистер Пюнд! Клянусь, выполнил бы. Но они не дали мне шанса. Роберт всегда говорил, что я бросил их, но это не так. Я пришел домой, но никого не застал там.

— Когда вы в последний раз видели сына, мистер Блэкистон?

— В субботу, двадцать третьего. На похоронах его матери.

— Он видел вас?

— Нет. — Блэкистон глубоко вздохнул. Он докурил сигарету и потушил окурок. — Говорят, что потеря ребенка либо сближает, либо отдаляет. Я сильнее всего обижался на Мэри из-за того, что после гибели Тома она не позволяла мне сблизиться с Робертом. Оберегала его от меня! Можете в это поверить? Мало того что я лишился одного сына, закончилось все тем, что мне пришлось потерять обоих. Но часть меня так и не перестала любить ее. Сентиментальная история... Я уже говорил, что писал ей, поздравлял с днем рождения, с Рождеством. Иногда звонил по телефону. Хотя бы это Мэри мне позволяла. Но не желала, чтобы я находился рядом. Она достаточно ясно дала это понять.

— Вы разговаривали с ней недавно?

— В последний раз я говорил с ней пару месяцев назад. Но есть кое-что, чему вы не поверите. На самом деле я звонил ей в тот день, когда она умерла. Прямо мистика какая-то! В то утро меня разбудила птица на дереве. Она настоящую какофонию устроила. Это была сорока. «Единица для печали...» — знаете такую старинную песенку? Так вот, смотрю я из окна спальни на эту черно-белую злую птицу с блестящим глазом, и вдруг у меня похолодело в животе. Это было как дурное предчувствие. Я понял, что произойдет что-то плохое. Я пошел в магазин, но работать не мог, да и покупателей все равно не было. Я думал о Мэри. У меня было ощущение, что с ней что-то случится, и в конце концов я не смог больше терпеть и позвонил ей. Пытался найти ее в Лоджхаусе, потом в большом доме. Но она не ответила, потому что было слишком поздно. Мэри уже была мертва.

Мэтью теребил в руках целлофановую обертку от сигарет, разрывая ее пальцами.

— О смерти ее я узнал несколько дней спустя, — продолжал он. — Прочитал заметку в газете... Можете вы поверить: никто не удосужился мне даже позвонить. Хотя бы Роберт мог бы догадаться меня известить, но нет. Так или иначе, я знал, что обязан прийти на похороны. Не важно, что случилось в прошлом. Было время, когда мы двое были молоды и жили вместе. Я не мог отпустить ее, не попрощавшись. Мне не хотелось показываться другим на глаза. Не хотелось устраивать из своего приезда событие, чтобы все толпились вокруг меня. Поэтому я припоздал и надел шляпу, закрывая лицо. С прежних времен я сильно похудел, да и мне уже под шестьдесят. Я решил, что, если держаться подальше от Роберта, все будет хорошо. Так оно и вышло.

Я видел его там. Он стоял рядом с девушкой, и это меня порадовало. Это именно то, что ему нужно. Еще мальчишкой он был крайне нелюдимым, а она показалась мне очень живой. Я слышал, что они собираются пожениться, и, если у них будут дети, вероятно, они разрешат мне навещать их. Ведь со временем люди меняются? Роберт говорит, что меня не было с ним рядом, но, может быть, при встрече вы скажете ему, что это не так. Странно было снова оказаться в деревне. Сомневаюсь, что мне понравилось там больше, чем прежде. И видеть их всех снова: доктора Редвинг, Клариссу, Брента и прочих... Меня дрожь пробила, скажу я вам. Я заметил, что сэра Магнуса и леди Пай нет, и усмехнулся про себя. Уверен, Мэри огорчилась бы. Я всегда ей твердил, что от этого человека благодарности не жди. Но может, и к лучшему, что их не было. Не знаю, как бы я себя повел, если бы увидел его там. Я виню его за случившееся, мистер Пюнд. Мэри свалилась с лестницы, когда наводила для него чистоту, так что жертв стало две: Мэри и Том. Если бы не Магнус, они оба остались бы живы.

— Вот почему вы пришли к его дому пять дней спустя?

Блэкистон сразу поник.

— Откуда вам известно, что я там был? — пробормотал он.

— Вашу машину видели.

— Что же, не стану отрицать. Глупый был поступок, но в конце недели я вернулся. Дело в том, что в голове у меня так и крутилось: сначала Том, потом Мэри, оба в Пай-Холле. Вот вы сейчас меня слушаете и наверняка думаете, что я приехал убить его. Но это не так. Я просто хотел поговорить с ним, расспросить про Мэри. Никто меня даже не узнал — и это на похоронах моей собственной жены! Поэтому, может, и не такая уж безумная идея была встретиться с ним всего на

пять минут, поговорить о Мэри? — Блэкистон поразмыслил немного, потом решился. — Было еще кое-что. Вы истолкуете этот момент не в мою пользу, но я думал насчет денег. Не для меня. Для сына. Когда кто-то умирает на рабочем месте, это ответственность нанимателя. Мэри двадцать с лишним лет работала на сэра Магнуса, и он обязан был позаботиться о ней. Я допускал, что он мог что-нибудь сделать для нее — назначить пенсию, например. Я знал, что Роберт не примет от меня деньги, даже если бы они у меня были, но он собирается жениться. Да и разве мой сын не заслужил права на нормальный старт в жизни? Сэр Магнус всегда питал к нему слабость. Вот я и собирался попросить его помочь Роберту. — Он остановился и отвел взгляд.

— Прошу вас, продолжайте, — попросил Пюнд.

— До Саксби-на-Эйвоне я добрался за пару часов. Выехал я поздно, потому что был очень занят в магазине. Помню, что, когда я приехал, была ровно половина восьмого — я посмотрел на часы. Вот только, прибыв на место, мистер Пюнд, я засомневался. Потому как не был уверен, что хочу снова увидеть его. Не хотел унижаться. Целый час просидел я в машине, но наконец решил: раз уж я проделал весь этот путь, то стоит хотя бы попробовать. Когда я подъехал к дому, наступила примерно половина девятого. Я припарковался на обычном своем месте позади Лодж-хауса — сила привычки, надо полагать. Такая же идея осенила кого-то еще: к двери был прислонен велосипед. Этот факт я припомнил уже позднее. Возможно, мне тогда следовало быть более внимательным. Так или иначе, я пошел по дорожке. Прошлое нахлынуло на меня снова. Озеро простиралось слева, и я не мог заставить себя поглядеть на него. Ночь выдалась лунная, все в саду было отлично видно, как на фотографии. Поблизости, казалось, не было ни души. Я не таился, просто подошел прямо к двери и позвонил. В окнах первого этажа горел свет, поэтому я предположил, что сэр Магнус дома. И точно, через минуту-другую он открыл дверь. Никогда не забуду мига, когда его увидел, мистер Пюнд. С последней нашей встречи, когда я уезжал из Лодж-хауса, прошло лет десять с лишним. Магнус раздобыл с того времени, разжирел. Казалось, будто он заполняет весь дверной проем. На нем были пиджак и галстук... яркие цвета. В руке сигара. Ему потребовалось некоторое время, чтобы меня узнать, но потом он улыбнулся.

«Ты?!» — только и сказал он. Слово выплюнул это слово. Держался сэр Магнус не то чтобы враждебно. Скорее, был удивлен. Но не только. У него на лице играла все та же странная улыбка, как если бы он забавлялся. «Чего надо?» — «Хочу поговорить с вами, сэр Магнус. Если позволите, — ответил я. — Это насчет Мэри...»

Пай обернулся через плечо, и тут я сообразил, что он не один. «Мне сейчас некогда», — отрезал он. «Я отниму у вас всего несколько минут». — «Не обсуждается. Не сейчас. Тебе следовало позвонить, прежде чем являться сюда. Ты хоть представляешь, который теперь час?!» — «Прошу вас...» — «Нет! Завтра приходи». Он собирался захлопнуть передо мной дверь, я это видел. Но потом, в последний миг, помедлил и задал мне последний вопрос. Никогда его не забуду. «Неужели ты вправду думаешь, будто я убил вашу чертову собаку?!» — спросил он.

— Собаку? — Пюнд принял озадаченный вид.

— Мне следовало вам рассказать. Когда мы только переехали в Пай-Холл, у нас была собака.

— Ее звали Белла.

— Да, именно. Помесь: наполовину лабрадор, наполовину колли. Я подарил ее Тому на десятый день рождения, а сэр Магнус сразу был настроен против нее. Он не хотел, чтобы собака бегала без надзора по его газонам, пугала цыплят, разрывала цветочные клумбы. Но я скажу, чего он на самом деле не хотел. Он не желал, чтобы я покупал подарки собственному сыну. Все, как я вам уже говорил. Ему хотелось установить полный контроль надо мной и моей семьей. И поскольку собака была единственным подарком, купленным мной для Тома и по-настоящему ценным для него, сэр Магнус мечтал избавиться от нее.

— Он ее убил? — спросил Фрейзер. Ему припомнился печальный маленький ошейник, обнаруженный Пюндом в комнате в Лодж-хаусе.

— У меня нет доказательств, что это сделал именно он. Может, это Брент постарался для него — с сопливого выродка стало бы. Так или иначе, собака была цела и невредима, и вдруг она исчезла. И мы только неделю спустя нашли ее в Дингл-Делле с перерезанным горлом. Том страшно горевал. Собака была первой в его жизни вещью, полностью ему принадлежавшей. Кто мог так обойтись с маленьким мальчиком?

— Очень странно, — произнес Пюнд. — Сэр Магнус много лет вас не видел. Вы неожиданно, в поздний час объявляйтесь у его дома. Как вы думаете, почему он выбрал именно этот момент, чтобы спросить про собаку?

— Понятия не имею.

— Что вы ему ответили?

— Я не знал, что сказать. Но это оказалось не важно, потому что сэр Магнус в тот же миг захлопнул дверь. Прямо перед носом у меня, человека, меньше чем за две недели до этого лишившегося жены. Он даже на порог меня не пустил. Вот такой это был человек.

Повисла долгая тишина.

— Разговор, который вы описали... — проговорил Пюнд. — Насколько точно вы его передали? Сэр Магнус использовал эти самые слова?

— Настолько хорошо, насколько я смог запомнить, мистер Пюнд.

— Он, допустим, не поздоровался с вами, назвав по имени?

— Он знал, кто я, если вы это имеете в виду. Но нет. Было только одно слово: «Ты?!» Как будто я выполз из-под какого-то камня.

— Что вы делали дальше?

— А что мне оставалось? Вернулся к машине и уехал.

— Замеченный вами велосипед стоял там же?

— Не могу припомнить, если честно. Я не смотрел.

— Итак, вы уехали...

— Я был зол. Я проделал долгий путь и не ожидал получить от ворот поворот. Потом проехал миль десять или пятнадцать по шоссе, и... знаете что? Я взял и передумал. Мне не давала покоя мысль о Роберте. О том, что так будет правильно. Кто такой этот чертов Магнус Пай, чтобы захлопывать у меня перед носом дверь? Этот человек донимал меня с самого нашего знакомства, и я вдруг решил, что с меня хватит. И поехал обратно в Пай-Холл, но на этот раз не остановился у Лодж-хауса. Я подкатил прямо к парадной двери, вышел и снова позвонил.

— Как долго вы отсутствовали?

— Минут двадцать — двадцать пять. Я не смотрел на часы. Мне было наплевать на время. Я просто намерен был довести дело до конца, вот только на этот раз сэр Магнус не открыл дверь. Я позвонил еще дважды. Ничего. Так что я открыл щель для писем и опустился на колени, собираясь позвать его. Я хотел крикнуть, что он подлый трус и чтобы он отпер дверь. — Блэкистон помолчал. — И тут я его увидел. Крови было столько, что не заметить его я просто не мог. Магнус лежал в холле, прямо у меня перед глазами. Я не сообразил тогда, что ему отрубили голову. Тело, слава богу, было направлено прочь от меня. Но я сразу понял, что он мертв. В этом не могло быть никаких сомнений. Я был потрясен. Даже больше — ошеломлен. Меня словно кулаком в лицо ударили. Я почувствовал, что падаю, и думал, что вот-вот потеряю сознание. Кое-как мне удалось подняться. Я понял, что кто-то убил сэра Магнуса за те двадцать минут, что прошли между моим отъездом и возвращением. Не исключено, что убийцы находились у него, когда я постучался в первый раз. Может, они слышали наш разговор, притаившись в коридоре. И, дождавшись, когда я уйду, убили его.

Блэкистон закурил новую сигарету. Руки у него тряслись.

— Догадываюсь, какой вопрос вы собираетесь задать, мистер Пюнд. Почему я не позвонил в полицию? Но это же очевидно. Я был последним, кто видел его живым, и у меня имелись все основания желать ему смерти. Я потерял сына и винил в этом сэра Магнуса. Потерял жену, которая работала на него. Этот человек стоял у меня поперек горла, и в поисках подозреваемого полиция сразу ухватилась бы за меня. Я его не убивал, но прекрасно понимал, к каким выводам придут полицейские, поэтому хотел оказаться подальше от этого места. Я вскочил, бросился к машине и поддал газу. Когда проезжал через ворота, подъехала другая машина. Я ее не разглядел, видел только фары. Но я испугался, что водитель заметит мой номер и сообщит в полицию. Так и случилось?

— В машине находилась леди Пай, — сказал Пюнд. — Она как раз возвратилась из Лондона.

— Что же, мне жаль, что я предоставил все ей. Наверное, для нее это было ужасно. Но я хотел только умчаться куда подальше. Других мыслей у меня не было.

— Мистер Блэкистон, у вас есть догадки, кто мог находиться в доме у сэра Магнуса, когда вы к нему пришли?

— Откуда же мне знать? Я ничего не слышал. Никого не видел.

— Могла это быть женщина?

— Забавно, но я так и подумал. Если бы у него было тайное свидание, или как там это назвать, он вел бы себя именно таким образом.

— Вам известно, что ваш сын находится в числе подозреваемых в убийстве сэра Магнуса?

— Роберт? Почему? Это безумие! У него не было причин его убивать. Напротив — я вам говорил, в каком свете он всегда рассматривал сэра Магнуса. Эти двое были не разлей вода.

— Мотивы у него были в точности такие, как у вас. Он мог винить сэра Магнуса в смерти брата и матери. — Пюнд вскинул руку, предупреждая возражения Блэкистона. — Я просто не понимаю, почему вы раньше не сообщили о том, что сказали мне сейчас. Вы говорите, что не убивали его, и одновременно храните молчание, помогая истинному убийце оставаться на свободе. История с велосипедом, к примеру, имеет огромное значение.

— Возможно, мне стоило сообщить, — ответил Блэкистон. — Но я понимал, что сказанное, как всегда, обернется против меня. Правда в том, что я оказался в том месте. В книгах пишут, что есть проклятые дома. Я всегда думал, что это полная чушь, но теперь склоняюсь к такой мысли насчет Пай-Холла. Он убил моих жену и ребенка, и если вы передадите наш с вами разговор полиции, то и я сам, скорее всего, закончу жизнь на виселице. — Он безрадостно улыбнулся. — И стало быть, этот дом прикончит и меня.

2

По пути назад Пюнд почти не разговаривал, а Джеймс Фрейзер знал сыщика достаточно, чтобы не отвлекать его от размышлений. Джеймс уверенно вел «воксхолл», переключая передачи и держась середины шоссе. Солнце тем временем садилось, опускалась густая тень. Только находясь за рулем, молодой человек ощущал, что у него все под контролем. На пароме в Осте они переправились через реку Северн. Пока мимо проплывал валлийский берег, оба сидели молча. Фрейзер проголодался, он ничего не ел с самого утра. На пароме они купили сэндвичи, но те выглядели не слишком аппетитными, да и Пюнд не любил есть в машине.

Оказавшись на другом берегу, они поехали по глостерским землям, тем же самым путем, по какому Блэкистон направлялся на встречу с сэром Магнусом Паем. Фрейзер рассчитывал вернуться в Саксби-на-Эйвоне к семи часам, как раз к ужину.

Наконец они добрались до Бата и выехали на дорогу, ведущую в Пай-Холл. Слева тянулась почти совсем уже темная долина.

— Золото! — воскликнул Пюнд.

Он молчал так долго, что при звуке его голоса Фрейзер вздрогнул.

— Что, простите? — спросил он.

— Золото дураков, спрятанное сэром Магнусом Паем. Я убежден, что все вращается вокруг него.

— Но золото дураков ничего не стоит.

— Для вас — да, Джеймс. Или для меня. В том-то все и дело.

— Оно убило Тома Блэкистона. Он пытался вытащить его из озера.

— О да. Озеро, знаете ли, играет важную роль в этой истории, прямо как в легендах о короле Артуре. Дети играли на берегу озера. Один из них погиб в озере. Серебро сэра Магнуса тоже спрятали в озере.

— Знаете, Пюнд, все это как-то лишено смысла.

— Я думаю о короле Артуре, драконах и ведьмах. В этой истории есть ведьма, есть дракон и есть проклятие, которое невозможно снять...

— Как понимаю, вы знаете, кто это сделал.

— Да, Джеймс. Остается только установить связи, и все станет совершенно ясно. Подчас, знаете ли, не материальные улики ведут к раскрытию преступления. Слова, произнесенные викарием на похоронах, клочок бумаги в камине — они намекают на одно, но ведут совершенно к

другому. Запертая комната в Лодж-хаусе. Зачем ее заперли? Мы полагаем, что знаем ответ, но стоит поразмыслить, и мы понимаем, что ошибались. Письмо, адресованное сэру Магнусу. Мы знаем, кто сочинил его. Знаем почему. Но опять же заблуждаемся. Нам следует думать. Это все гипотезы, но скоро мы убедимся, что иначе быть не могло.

— Мэтью Блэкистон помог вам?

— Мэтью Блэкистон сообщил мне то, что я хотел знать. Именно с него все и началось.

— Правда? И что же он сделал?

— Убил свою жену.

Крауч-Энд, Лондон

Досадно, да?

К вечеру воскресенья я добралась до конца рукописи и сразу позвонила Чарльзу Клоуверу. Чарльз — мой босс, генеральный директор издательства «Клоуверлиф букс», выпускающего серию про Аттикуса Пюнда. Мой звонок был переадресован на голосовую почту.

— Чарльз! — сказала я. — Что стряслось с последней главой? Какой смысл давать мне на вычитку остросюжетный детектив, в котором не раскрывается полностью, кто убийца? Можете перезвонить мне?

Я отправилась на кухню. В спальне остались две пустые бутылки из-под белого вина и крошки тортильи на пуховом одеяле. Я отдавала себе отчет, что слишком долго просидела в квартире, но на улице было все так же холодно и сыро, и выходить не хотелось. Приличной выпивки в доме не осталось, поэтому я откупорила бутылку ракии, привезенную Андреасом из последней поездки на Крит, налила в стакан и отхлебнула. Вкус был как у любого иностранного спиртного, покинувшего пределы аэропорта Хитроу. Не то. Я захватила рукопись с собой и пролистала ее снова, пытаюсь определить, многих ли страниц не хватает. Последняя часть должна была, видимо, называться «Секрет на сто лет» — вполне уместно, учитывая обстоятельства. Поскольку Пюнд объявил, что уже знает разгадку, следовало предположить наличие еще двух или трех главок. Скорее всего, он соберет подозреваемых, сообщит им правду, произведет арест, после чего отправится домой умирать. Я знала, что Алан Конвей намерен приостановить серию, и тем не менее оказалось неприятным сюрпризом обнаружить, что он осуществил это таким вот образом. Опухоль мозга показалась мне слегка неоригинальным способом избавиться от главного героя, но одновременно беспроязвительным, почему автор, видимо, и избрал этот недуг. Признаюсь, что если я и обронила слезу, то скорее по перспективам наших продаж.

Так кто убил сэра Магнуса Пая?

Заняться толком было нечем, поэтому я взяла бумагу, ручку и села на кухне рядом со стопкой машинописных листов. Мне пришло даже в голову, что Чарльз мог сделать это специально, чтобы испытать меня. Когда в понедельник я приду на работу, то застаю его там — босс всегда приходил первым, — и прежде чем вручить мне последние страницы, он спросит у меня, кто убийца. У Чарльза своеобразное чувство юмора. Мне не раз доводилось видеть, как он смеется собственной шутке, а никто в комнате даже не понял, что он пошутил.

Итак.

1. Невилл Брент, смотритель парка.

Это самый очевидный из подозреваемых. Прежде всего, он не любил Мэри Блэкистон, а сэр Магнус только что уволил его. У него имелся простой и явный мотив свести счеты с обоими. Он находился рядом с домом, когда умерла Мэри, и был, предположительно, последним человеком, видевшим сэра Магнуса живым. Допустим, что, закончив работу в день смерти хозяина, он отправился напрямик в «Паромщик», но на странице 93 Конвей подчеркивает странную деталь: Брент пришел в паб двадцатью пятью минутами позже. Почему он напирал на время? Возможно, это какая-то лишняя деталь, а может, даже ошибка — не стоит забывать, что мы имеем дело всего лишь с первым черновиком. Однако у меня создалось впечатление, что «Паромщика» отделяет от Пай-Холла всего минут десять ходьбы, и за дополнительные пятнадцать минут Брент мог вернуться, проскользнуть через заднюю дверь, пока сэр Магнус беседовал с Мэтью Блэкистоном, и убить его сразу после ухода гостя.

Имелась еще одна странность, связанная с Брентом. Он почти наверняка был педофилом. Одиноким, холостой, определенно чудаковатый. «В воздухе витал устойчивый запах... Это был запах одиноко живущего мужчины». Полиция обнаружила на полу его спальни номера журнала «Бойскаут», а на странице 161 нам как бы невзначай сообщают, что его однажды застали подглядывающим за скаутами, которые разбили лагерь в Дингл-Делле. Эти подробности бросились мне в глаза, потому что по большому счету секса в романах про Аттикуса Пюнда нет,

хотя стоит припомнить, что убийца из «Аперитива с цианидом» оказалась гомосексуалкой — она отравила свою лесбийскую подругу. Питал ли Brent нездоровый интерес к двум мальчикам, Роберту и Тому Блэкистонам? Явно не случайность, что именно он обнаружил Тома Блэкистона, утонувшего в озере. Мне даже подумалось о гибели его отца и матери, предположительно в автомобильной аварии. И наконец, убитая собака, скорее всего, его рук дело.

При всем том первое правило остросюжетного детектива гласит, что самый вероятный из подозреваемых никогда не оказывается убийцей. Поэтому мне, пожалуй, стоит его вычеркнуть.

2. Роберт Блэкистон, автомеханик.

Роберт также связан со всеми тремя смертями. На свой лад, в странности он не уступает Brentу. У него бледная кожа и нелепая прическа. В школе он не ладил с другими детьми, угодил под арест в Бристол, и, самое важное, его отношения с матерью складывались непросто, вылившись в случившуюся прилюдно ссору, во время которой сын в большей или меньшей степени угрожал убить ее. Тут я лукавлю, но, с точки зрения редактора, было бы весьма здорово, если бы Роберт оказался убийцей, тогда как Джой Сандерлинг ездил к Пюнду с единственной целью защитить жениха. С легкостью представляю последнюю главу, в которой ее надежды разбиваются вдребезги, когда с суженого срывают маску. Лично я выбрала бы такой финал.

Однако в этой теории есть два больших изъяна. Во-первых, если только Джой не лжет, Роберт не мог убить свою мать, так как в момент ее смерти молодые люди находились вместе в постели. Вероятно, справедливо, что розовый мотороллер, стрекочущий по пути к Пай-Холлу в девять утра, привлек бы к себе внимание, — хотя подобный риск не помешал убийце в девять вечера воспользоваться скрипучим велосипедом викария. Более существенный факт, и Пюнд упоминает о нем по меньшей мере однажды — Роберт вроде как не имел мотивов убивать сэра Магнуса, от которого он видел только добро. Мог ли он винить его в гибели брата во время игры рядом с озером? В конечном счете именно сэр Магнус спрятал там «золото дураков», ставшее причиной трагедии. Роберт был вторым, кто оказался на месте, и бросился в воду, помогая вытащить брата. Для него это наверняка стало страшным ударом. Мог ли молодой человек считать Пая причастным также к смерти матери?

Возможно, Роберт все-таки является номером первым в моем списке подозреваемых, а Brent вторым. Не знаю.

3. Робин Осборн, викарий.

У Алана Конвея есть привычка заходить в конце игры с мелкой карты. Так, в «Нет покоя нечестивым» Агнес Кармайкл, оказывающаяся в итоге убийцей, не произносит за всю книгу ни слова, — что не удивительно, потому как она немая. Не думаю, что Осборн убивает сэра Магнуса из-за Дингл-Делла. Не могу представить и как он убивает Мэри Блэкистон по причине чего-то, найденного ею на его столе. Но определенно любопытно, что его велосипедом воспользовались во время второго преступления. Действительно ли викарий находился все это время в церкви? И на странице 115 Генриетта замечает на рукаве мужа кровавое пятно. Больше об этом не упоминается, но у меня нет сомнений, что Конвей должен вернуться к этому факту на последних страницах.

Еще интерес вызывает отпуск, проведенный Осборном с женой в Девоншире. Он явно не хотел отвечать Пюнду на вопрос о нем («викарий явно растерялся») и даже отказывался сообщить название отеля. Быть может, я копаю слишком глубоко, но родители Brentа тоже умерли в Девоншире. Существует ли тут какая-то связь?

4. Мэтью Блэкистон, отец.

На самом деле ему следовало бы занимать первую строчку моего списка, поскольку нам без обиняков сообщают о его непосредственной причастности к смерти супруги. Пюнд говорит об этом в конце шестой части: «Он убил свою жену» — и вариант, что он лукавит, исключается. Во всех восьми книгах, даже когда сыщик допускал ошибку (ложный арест в «Рождестве Атиккуса Пюнда», возмущивший читателей, решивших, что Конвей играет не по правилам), он всегда был на сто процентов искренен. Если Пюнд заявил, что Мэтью Блэкистон убил жену, то это так и есть, хотя

и досадно, что он не разъясняет почему. И если уж на то пошло, не говорит, как именно пришел к этому выводу. Разгадка, разумеется, находится в отсутствующих главах.

Убил ли Мэтью также сэра Магнуса? Не думаю. Мне удалось выяснить по меньшей мере одну деталь: отпечаток ладони в цветочной клумбе был оставлен Блэкистоном, когда он заглядывал через прорезь для писем. «Я почувствовал, что падаю, и думал, что вот-вот потеряю сознание» — это его собственные слова. Видимо, он выставил руку и оперся на нее, оставив след в мягкой почве. Он убил жену и по какой-то причине вернулся на место преступления. Если этот так, то, как ни малоправдоподобно это звучит, в Саксби-на-Эйвоне есть второй убийца, расправившийся с сэром Магнусом по какой-то совсем другой причине.

5. Кларисса Пай, сестра.

Иногда при чтении остросюжетного детектива я начинаю подозревать кого-то без особой на то причины. Вот так и здесь. Кларисса имела все основания ненавидеть брата и, похоже, намеревалась избавиться от леди Пай и ее сына Фредди в расчете унаследовать Пай-Холл. Вся история про кражу физостигмина с целью самоубийства вполне может оказаться ложью. Это объясняет также необходимость разделаться с Мэри Блэкистон. И не стоит забывать, что у Клариссы имелся ключ от парадной двери Пай-Холла. Об этом упоминается однажды, на странице 42, но больше ни разу.

Есть еще история про доктора Реннарда и махинацию с близнецами при рождении. Когда Кларисса узнала правду? В самом ли деле когда ей рассказала доктор Редвинг? Этот вопрос я задаю исключительно потому, что на странице 78 есть любопытное упоминание об Эштон-Хаусе, где живет доктор Реннард. В своей погребальной речи викарий говорит, что Мэри Блэкистон регулярно посещала дом престарелых. Возможно, Реннард рассказал ей о случившемся, и, зная Мэри, легко предположить, что она поделилась с Клариссой. Это давало Клариссе веский мотив убить и Мэри, и сэра Магнуса. Физостигмин предназначался для леди Пай и Фредди. Не исключено, что и падение доктора Реннарда не было случайным... Впрочем, быть может, я захожу слишком далеко?

Я отмела Уайтхедов, доктора Редвинг и ее супруга-художника, Фрэнсис Пай и слегка карикатурного Джека Дартфорда. У каждого из них имелся мотив убить сэра Магнуса, но мне не удалось обнаружить ни единой причины, чтобы желать вреда Мэри Блэкистон. Остается Джой Сандерлинг, наименее очевидная подозреваемая из всех. Но зачем ей было убивать кого-либо, и более того: с какой стати ехать к Аттикусу Пюнду?

Короче говоря, вот так я провела вторую половину воскресного дня: листала рукопись, делала заметки, но не пришла толком ни к чему. Вечером я с парой друзей ходила в Британский институт киноискусства на показ «Мальтийского сокола», но не могла сконцентрироваться на хитросплетениях сюжета. Я размышляла о Магнусе и Мэри, об окровавленных обрывках бумаги, о мертвых собаках и письмах не в тех конвертах. А также пыталась понять, почему рукопись оказалась неполной, и злилась, что Чарльз мне не перезвонил.

И ближе к ночи узнала почему. Я взяла такси, у водителя работало радио. Это была четвертая позиция в вечернем выпуске новостей: умер Алан Конвей.

«Клоуверлиф букс»

Меня зовут Сьюзен Райленд, я возглавляю отдел художественной литературы в «Клоуверлиф букс». Должность не такая большая, как кажется, потому что в здании нас всего пятнадцать человек плюс собака и мы выпускаем не больше двух десятков книг в год. Через меня проходит около половины. Для такого маленького издательства мы не на самом плохом счету. С нами сотрудничают пара весьма уважаемых романистов, обладателей литературных премий, популярный автор фэнтези и детский писатель, уже выдвинутый на звание нового лауреата. Нам не по карману выпускать продукцию по цене кулинарных книг, но в прошлом мы славно поработали, издавая путеводители, книги по саморазвитию и биографии. Но нехитрая правда заключается в том, что Алан Конвей был самым знаменитым из наших имен, и весь наш финансовый план зависит от успеха «Английских сорочьих убийств».

Компанию основал одиннадцать лет назад Чарльз Клоувер, человек, хорошо известный в отрасли, и я была с ним с самого начала. Мы вместе работали в «Орионе», когда он решил отделиться, разместившись в купленном им здании рядом с Британским музеем. Интерьеры полностью устраивали его: три этажа, узкие коридоры, потертые ковры, деревянные панели, не так много дневного света. В эпоху, когда все прочие настороженно входили в двадцать первый век — издатели, как правило, не числятся в первых рядах, если дело касается социальных или технологических модернизаций, — Чарльз был вполне счастлив в роли ретрограда. Что же, ему довелось работать с Грэмом Грином, Энтони Бёрджессом¹⁵ и Мюриэл Спарк¹⁶. Сохранилась даже фотография, за которой он на ужине с очень пожилым Ноэлом Кауардом¹⁷. Впрочем, сам Чарльз неизменно утверждает, что был так пьян, что не помнит даже названия ресторана и ни единой из фраз, сказанных великим человеком.

Мы с Чарльзом проводим вместе много времени, и люди пришли к выводу, что мы наверняка были раньше любовниками, но на самом деле это не так. Он женат, отец двух взрослых детей, а его старшая дочь Лора уже готовится сделать его дедушкой. Живет Чарльз в фешенебельном доме с двумя фронтонами в районе Парсонс-Грин — этим домом он и его жена Элейн владеют свыше тридцати лет. Мне доводилось несколько раз заходить к ним на ужин, и каждый из этих вечеров был отмечен интересным обществом, воистину хорошим вином и разговором, затянувшимся далеко за полночь. При всем том Чарльз не слишком склонен общаться за пределами офиса, по крайней мере с коллегами по издательскому миру. Он много читает. Играет на скрипке.

До меня доходили слухи, что в юные и молодые годы он принимал кучу наркотиков, но, глядя на него сейчас, такого не скажешь.

Мы с ним не виделись уже с неделю. Со вторника по пятницу я ездила с одним автором: у нас проходили мероприятия в Бирмингеме, Манчестере, Эдинбурге и Дублине, включающие интервью для радио и газет. Прошло все на удивление гладко. Когда я пришла в пятницу вечером, Чарльз уже ушел на выходные. Распечатанная рукопись «Английских сорочьих убийств» ждала на моем столе. А когда наутро в понедельник я швырнула на место сумочку и врубила компьютер, мне пришло в голову, что мы могли читать ее одновременно и, оставляя книгу мне, Чарльз не знал, что она не закончена.

Чарльз был уже у себя в кабинете, который располагается на втором этаже в противоположном от моего конце коридора. Из окна Чарльза открывается вид на главную дорогу: Нью-Оксфорд-стрит и Блумсбери-Вэй. В моей части здания тише. Его кабинет представляет собой элегантную квадратную комнату с тремя окнами, книжными полками и, разумеется, удивительным количеством выставленных на обозрение наград. Вообще-то, Чарльз не большой любитель торжественных церемоний. Он рассматривает их как необходимое зло. Однако за годы «Клоуверлиф» сумел выиграть некоторое количество наград: «перья», «золотые кинжалы»,

---

¹⁵ Энтони Бёрджесс (1917–1993) — автор сатирической антиутопии «Заводной апельсин».

¹⁶ Мюриэл Спарк (1918–2006) — английская писательница и литературный критик.

¹⁷ Ноэл Кауард (1899–1973) — английский драматург, композитор, режиссер, актер и певец.

награды Гильдии независимых издателей — и все они осели здесь. В кабинете царит идеальный порядок. Чарльз любит, чтобы все находилось на своих местах, и держит секретаршу, Джемайму, которая за этим следит.

Однако сейчас ее нигде не было видно. Сам Чарльз сидел за столом, перед ним лежал его экземпляр рукописи «Английских сорочьих убийств». Я заметила, что он делает на полях пометки перьевой ручкой, заправленной красными чернилами.

Следует описать Чарльза таким, каким он был в тот день. Шестидесяти трех лет, одетый, как всегда, в костюм и при галстукe, с узким золотым кольцом на безымянном пальце. Элейн подарила его мужу на пятидесятый день рождения. Когда я входила в его мрачноватый кабинет, Чарльз всегда порождал у меня ассоциации с крестным отцом, как в том знаменитом фильме. Ничего угрожающего в нем не было, но имелось что-то итальянское в этих пронизательных глазах, очень тонком носе, почти аристократичных скулах и седых волосах, непослушной гривой спадающих на воротник. Для своего возраста он находился в приличной физической форме, хотя к тренировочным залам даже близко не подходил. Он человек властный. Зачастую Чарльз брал на работу свою собаку, лабрадора-ретривера, и сейчас она была здесь, дремала под столом на сложенном одеяле.

Собаку звали Белла.

Увидев меня на пороге, Чарльз махнул рукой:

— Сьюзен, входи!

При мне была рукопись. Войдя в кабинет и опустившись на стул, я заметила, что Чарльз очень бледен, вид у него был потерянный.

— Слышала? — спросил он.

Я кивнула. Новость опубликовали во всех газетах, и я слышала, как писатель Иэн Рэнкин говорил о Конвее в программе «Сегодня». Первым моим предположением было, что с автором случился сердечный приступ. Разве не это служит самой распространенной причиной смерти для людей его возраста? Но я ошибалась. Появились сообщения, что это был несчастный случай. Произошел он в его доме под Фрамлингемом.

— Ужасная весть, — вздохнул Чарльз. — Просто ужасная.

— Тебе известно, что случилось? — спросила я.

— Вчера вечером мне позвонили из полиции. Со мной говорил детектив-суперинтендант Локк. Звонил он, как полагаю, из Ипсуича. Сказал то же самое, о чем объявили по радио, — несчастный случай. Но ни в какие подробности не вдавался. А потом, сегодня утром, буквально несколько минут назад, я получил это. — Он взял лежавшее на столе письмо. Рядом валялся наскоро вскрытый конверт. — Пришло с утренней почтой. Оно от Алана.

— Можно взглянуть?

— Ну конечно.

Он передал бумагу мне.

Письмо это имеет такое большое значение, что я прикладываю точную его копию.

*ЭББИ-ГРЕЙНДЖ,
ФРАМЛИНГЕМ,
СУФФОЛК*

28 августа 2015 года

Дорогой Чарльз!

Не люблю извиняться, но вынужден признать, что вчера за ужином я был не в лучшей форме. Вам известно, что в последнее время я сам не свой. Не хотел Вам говорить, но, наверное, лучше выложить все напрямик. Мне нездоровится.

На самом деле это слишком мягко сказано. Доктор Шейла Беннет из Лондонской клиники в курсе всех подробностей, но, коротко говоря, меня прикончит величайшее клише на планете. У меня рак. Неоперабельный.

Ну почему у меня? Я не курю. Почти не пью. Оба моих родителя дожили до глубокой старости. И так далее, и так далее. Короче, в моем распоряжении

есть шесть месяцев, может, даже больше, если я пройду курс химиотерапии и все прочее.

Но я уже принял решение этого не делать. Простите, но я не готов провести остаток дней прикованным к капельнице, с головой в унитазе и среди своих волос, рассеянных по полу спальни. Какой смысл? И я не собираюсь раскатывать по всем лондонским литературным обществам, худой как жердь и заходящийся от кашля, чтобы все говорили, как им жаль, а на деле сами ждут не дождутся, когда же я отдам концы.

2

В любом случае я отдаю себе отчет, что весьма нехорошо обошелся с Вами. Но с учетом того, что все наши отношения представляли собой полную задницу, почему бы им и не кончиться так, как они начались? Помню, когда мы познакомились, Вы дали мне обещание и, к Вашей чести, исполнили его. Деньги в любом случае. Так что спасибо Вам за это.

Что до денег, то после моего ухода скандалов не избежать. Начать с того, что Джеймс не обрадуется. Не знаю, зачем пишу об этом Вам, потому как это Вас совсем не касается. Но Вы наверняка в курсе, что наши с ним пути до некоторой степени разошлись, и я боюсь, мне предстоит вычеркнуть его из завещания.

Господи! Я выражаюсь словно персонаж из собственных книг. Ладно, Джеймсу придется смириться. Надеюсь, он не доставит Вам слишком много проблем.

Касательно литературной стороны, дела пошли не совсем так, как я рассчитывал, но мы достаточно часто обсуждали этот вопрос, и я не буду поднимать его здесь. Вам совершенно наплевать, что я думаю о своей карьере. И так было всегда. Это одно из тех качеств, которые мне в Вас нравятся. Продажи. Списки бестселлеров. Долбаные чарты Нильсена¹⁸. Вся эта хрень, которую я терпеть не мог в издательском деле, для Вас была и остается хлебом с маслом. Как-то Вы справитесь без меня? Жуть как жаль, что мне не доведется увидеть это.

3

Когда Вы это прочтете, все уже будет кончено. Простите, что не предупредил Вас раньше, не удостоил своим доверием, но я убежден, что со временем Вы всё поймете.

Есть кое-какие мои записки, Вы найдете их в столе. Они касаются состояния моего здоровья и принятого мною решения. Хочу подчеркнуть, что поставленный врачом диагноз ясен, и для меня надежды на избавление нет. Смерти я не боюсь. Меня тешит мысль, что мое имя запомнят.

Я достиг в жизни большого успеха, наслаждался им достаточно долго. Вам предстоит узнать, что в завещание я включил маленький пункт, касающийся Вас. Я сделал это отчасти в благодарность за многолетнее сотрудничество, но также в надежде на то, что Вы доведете до конца работу над моей книгой и подготовите ее к публикации. Вы теперь единственный ее опекун, но я уверен, что в Ваших руках с ней все будет хорошо.

В остальном же немного найдется людей, желающих меня оплакать. Сирот я после себя не оставляю. Готовясь покинуть этот мир, я чувствую, что хорошо распорядился отпущенным мне временем, и надеюсь, что меня будут помнить за успехи, которых мы с Вами добились совместно.

4

Это было самое настоящее приключение, не так ли? (Почему бы не перечитать «Скольжение», просто ради старых добрых времен?) Не держите на меня зла. Вспомните обо всех деньгах, которые Вы заработали. И вот оно, мое любимое слово:

Конец.

Как всегда,

Алан

---

¹⁸ Артур Нильсен (1897–1980) — американский маркетолог, создавший корпорацию «Nielsen», которая проводит медиаизмерения и маркетинговые исследования в разных сегментах рынка.

— Пришло этим утром? — спросила я.

— Да. Как тебе известно, мы с ним вдвоем ужинали в четверг вечером. Я пригласил его в клуб при ресторане «Плющ». Письмо датировано двадцать восьмым августа, то есть следующим днем. Должно быть, он написал его, как только вернулся домой.

У Алана имелась в Лондоне квартира в Фицровии. Видимо, он переночевал там, а на следующее утро сел на поезд на Ливерпуль-стрит.

— Что такое «Скольжение»? — осведомилась я.

— Книга, которую Алан написал не так давно.

— Ты ее никогда мне не показывал.

— Честно говоря, не думал, что она тебя заинтересует. Это не детектив. Нечто более серьезное, своего рода сатира на Британию двадцать первого века, действие происходит в старинной усадьбе.

— Мне все равно хотелось бы взглянуть.

— Поверь мне, Сьюзен, только время потеряешь. У меня даже в мыслях нет издавать ее.

— Ты сообщил об этом Алану?

— Не в такой пространной форме. Сказал только, что она не подходит нам по тематике — старый издательский эвфемизм. Нельзя же сказать самому успешному твоему автору, что его новая книга совсем не супер.

Некоторое время мы молчали. Под столом заворочалась и зевнула собака.

— Это письмо самоубийцы, — сказала я.

— Да.

— Нам следует передать его полицейским.

— Согласен. Собираюсь позвонить им.

— Ты не знал о его болезни?

— Даже не догадывался. Он никогда не говорил со мной об этом и в четверг не намекнул ни единым словом. Мы ужинали. Он передал мне рукопись. Был очень возбужден. Заявил, что это лучшее из его произведений.

Меня там не было, и я пишу это после того, как все случилось, но вот что рассказал мне Чарльз. Алан Конвей обещал сдать «Английские сорочки убийства» к концу года и, в отличие от большинства авторов, с которыми мне доводилось работать, писал очень быстро. Об ужине договорились за несколько недель, и, кстати, он не случайно был организован в мое отсутствие. Я с Аланом не ладила по причинам, о которых речь пойдет позже. Он встретился с Чарльзом в «Плюще» — не в ресторане, а в закрытом частном клубе, расположенном вблизи Кембридж-Сёркус. На втором этаже там бар с живой музыкой, а над ним ресторанчик с зеркальными окнами, не позволяющими заглянуть внутрь. Или, если уж на то пошло, посмотреть наружу. Сюда заходило немало знаменитостей, такое местечко было из тех, что по вкусу Алану. Чарльз забронировал свой привычный столик слева от входа, рядом с книжным шкафом у стены. Декорации не хуже, чем в театре. Стоит отметить, что театры «Сент-Мартин» и «Амбассадор», бесчисленное количество раз ставившие «Мышеловку», оба располагаются чуть дальше по улице.

Начали они с больших коктейлей с мартини, которым знаменит клуб. Поболтали о разном: о семье и друзьях, о Лондоне, Суффолке, о книготорговле, обменялись слухами, что продается, а что нет. Они выбрали еду, и так как Алан любил дорогие вина, Чарльз польстил ему, заказав бутылку «Жевре-Шамбертен Гран-Крю», большую часть которой выпил Конвей. Мне не составляло труда вообразить, как по мере угощения писатель становится все более шумным и словоохотливым. У него всегда имелась склонность выпить лишнего. Подали первую смену блюд. Покончив с ней, Алан извлек рукопись из кожаной сумки, которую всегда таскал при себе.

— Я был очень удивлен, — сказал мне Чарльз. — Я ожидал получить книгу месяца через два.

— Ты в курсе, что мой экземпляр неполный? — спросила я. — Не хватает последних глав.

— Мой тоже. Я как раз дочитывал, когда ты вошла.

— Он что-то сказал? — Мне было интересно, сделал ли это Алан преднамеренно. Возможно, хотел заставить Чарльза поломать голову над концовкой, прежде чем открыть ее.

Чарльз задумался.

— Нет. Только расхвалил книгу и передал мне.

Интересно. Алан Конвей, должно быть, считал, что все главы на месте. Иначе наверняка объяснил бы свой поступок.

Получив новый текст, Чарльз обрадовался, излив чувства в ожидаемых репликах. Он пообещал Алану прочитать книгу за выходные. К несчастью, после этого вечера события приняли дурной оборот.

— Не знаю, что произошло, — продолжил свой рассказ Чарльз. — Мы заговорили о названии. Я сказал, что оно мне не очень нравится. А ты знаешь, каким вспыльчивым бывал Алан. Возможно, глупо с моей стороны было поднимать эту тему прямо тогда. Пока мы разговаривали, произошел весьма странный инцидент. Официант уронил стопку тарелок. Полагаю, это может случиться где угодно, но клуб — такое тихое место, что грохот был, как от взрыва бомбы. Алан вскочил и выговорил официанту. Весь вечер он был на грани срыва. Я понять не мог почему. Но поскольку он был болен и подумывал свести счеты с жизнью, едва ли стоит удивляться его поведению.

— Чем закончился ужин? — спросила я.

— Алан немного успокоился, и мы принялись за кофе, но ему все никак не удавалось прийти в норму. Ты знаешь, каким он становится после нескольких бокалов вина. Помнишь тот неприятный эпизод в «Спексейверс»?¹⁹ В итоге, садясь в такси, он сказал, что хочет дать одно интервью по радио.

— Саймону Майо, — сказала я. — На «Радио-2».

— Да. В следующую пятницу. Я пытался его отговорить. Сказал, что не стоит ссориться с ребятами из массмедиа, поскольку никто не поручится, что они позовут тебя снова. Но он и слышать не хотел.

Чарльз повертел в руках письмо. Мне подумалось, стоило ему вообще к нему прикасаться? Вдруг это улика?

— Наверное, нужно позвонить в полицию, — сказал он. — Надо сообщить об этом.

Я оставила его наедине с телефоном.

---

¹⁹ «Спексейверс» — международная сеть магазинов оптики.

Алан Конвей

Алана Конвея открыла я.

Меня с ним познакомила моя сестра Кэти. Она живет в Суффолке, и дети ее ходили в тамошнюю частную школу. Алан преподавал там английский и как раз закончил роман, детектив под названием «Аттикус Пюнд расследует». Не знаю, откуда он узнал, что Кэти моя родственница — видимо, сестра ему сказала, — но Алан попросил ее показать мне книгу. Мы с сестрой очень разные, но поддерживаем близкие отношения, и я согласилась ради нее. Я ничего не ожидала, потому как книги, которые приходят таким вот способом, через черный ход, редко оказываются хорошими.

И была приятно удивлена.

Алан ухватил что-то важное из «золотого века» английских детективов, с местом действия в сельском доме, осложненным убийством, набором любопытных эксцентричных персонажей и сыщиком, прибывающим извне. Действие происходило в 1946 году, сразу после войны, и хотя с деталями периода автор обращался вольно, ему все же удалось передать дух времени. Пюнд оказался симпатичным героем, и то обстоятельство, что он побывал в концлагерях — к этому мы еще вернемся, — придавало его образу дополнительную глубину. Мне импонировали его немецкая манерность, особенно одержимость своей книгой «Ландшафт криминалистического расследования», ставшая неотъемлемой чертой серии. То, что действие происходит в сороковые, позволило сбавить темп: никаких мобильных телефонов, компьютеров, судмедэкспертов, мгновенно поступающей информации. Я высказала несколько претензий. Местами текст получился слишком интеллектуальным. Нередко создавалось впечатление, что писатель стремится произвести эффект, а не просто рассказывает историю. Книга получилась слишком длинной. Но, дойдя до конца рукописи, я была твердо уверена, что опубликую ее — мое первое издание для «Клоуверлиф букс».

А потом я познакомилась с автором.

Алан мне не понравился. Неудобно об этом говорить, но он произвел на меня впечатление снулой рыбы. Вы видели его фотографии на обложках: узкое лицо, коротко подстриженные седые волосы, круглые очки в проволочной оправе. На телевидении или на радио Конвей проявлял своеобразное красноречие, располагая к себе. Но не в личном общении. Полный и одутловатый, он ходил в костюме с перепачканными мелом рукавами. В его поведении проявлялись одновременно агрессия и угодливость. Он без конца твердил, как сильно хочет попасть в разряд издаваемых авторов, но, когда время настало, все его рвение как рукой сняло. Сработаться с ним мне не удалось. Стоило обозначить кое-какие изменения, которые мне хотелось бы внести в текст, он буквально вставал на дыбы. Мне Алан показался одним из самых лишенных чувства юмора людей, каких мне довелось встречать. Позже Кэти сказала мне, что ученики его всегда не любили, и не трудно понять почему.

По совести говоря, я тоже не произвела на него хорошего впечатления. Иногда такое случается. Мы договорились пообедать в одном недурном ресторанчике: Алан, Чарльз и я. Весь день шел дождь, буквально лил как из ведра. У меня была встреча на другом конце города, вызванное такси не приехало, пришлось бежать полмили на высоких каблуках. Я явилась с опозданием, волосы прилипли к лицу, из-под промокшей блузки просвечивал бюстгальтер. Плюхнувшись на стул, я залпом выпила бокал вина. Мне отчаянно хотелось курить, и от этого внутри кипело раздражение. Помнится, я высказала дурацкую придирку к одной из глав в книге, где писатель собрал всех подозреваемых в библиотеке. Я утверждала, что это распространенное клише, но, вообще-то, момент был не лучший, чтобы говорить об этом. Позже Чарльз устроил мне настоящую взбучку, и поделом. Мы запросто могли потерять автора, а нашлось бы немало других издателей, которые ухватились бы за эту книгу, да еще с прицелом на серию.

Вышло так, что Чарльз взял инициативу на себя, повел переговоры и в итоге сам стал работать с Аланом. Стоит отметить, что именно Чарльз посещал все книжные ярмарки: Эдинбург, Хей-он-Уай, Оксфорд, Челтенхем. Внешние контакты были за ним. На мою долю оставалась работа: редактировать книги при помощи хитрой программы. Это означало, что нам с Аланом не было

нужды встречаться лицом к лицу. Забавная мысль: мы сотрудничали одиннадцать лет, а я ни разу не бывала у него дома — немного несправедливо, учитывая, что в некотором смысле куплен он был благодаря мне.

Разумеется, я видела его время от времени, когда он приходил в издательство, и вынуждена признать, что чем дальше продвигался Конвей по пути успеха, тем привлекательнее становился внешне. Он обзавелся дорогой одеждой. Стал посещать спортзал. Ездил на *BMW i8*. В те дни всем авторам приходилось играть роль медийных лиц, и вскоре Алан Конвей стал завсегдатаем в студиях таких программ, как «Книжное шоу», «Писательское дело» и «Время вопросов». Он посещал вечеринки и церемонии награждений. Выступал в школах и университетах. Когда Алан обрел славу, ему стукнуло сорок, и словно лишь тогда он и начал жить по-настоящему. Произошли с ним и другие перемены. На момент нашего с ним знакомства он был женат и имел восьмилетнего сына. Но этот брак долго не протянул.

Читая это все, вы могли подумать, будто я разочарована и досаую на его успех, который в значительной степени был достигнут благодаря моим усилиям. Но это вовсе не так. В действительности мне не было дела до мнения Алана обо мне. Я с удовольствием предоставляла ему и Чарльзу красоваться на литературных фестивалях, а сама тем временем делала настоящую работу: редактировала тексты и готовила книги к выпуску. В результате именно это приносило мне удовлетворение. И правда в том, что я искренне любила эти книги. Я выросла на Агате Кристи, а в самолете или на пляже для меня нет ничего лучше, чем почитать хороший детектив. Я посмотрела по телевизору все до единой серии «Пуаро» и «Чисто английских убийств». Я никогда не строю догадок и жду не дождусь, когда сыщик соберет всех подозреваемых в одной комнате и, словно фокусник, извлекающий из воздуха шелковые платочки, разложит все по полочкам. Так что в строке «итого» значилось следующее: я была поклонницей Аттикуса Пюнда, но не ощущала необходимости быть одновременно поклонницей Алана Конвея.

После ухода из кабинета Чарльза мне предстояло сделать несколько звонков. Так или иначе, еще прежде, чем полиция узнала про письмо, как-то просочились сведения о самоубийстве Алана, и журналисты сразу взяли след. Друзья по книжному бизнесу обращались за помощью. Букинистический магазин на улице Сесил-Корт хотел знать, не осталось ли у нас подписанных экземпляров, чтобы выставить их на витрине. Я много думала об Алане тем утром, но еще больше думала о детективном романе с отсутствующей развязкой и, если уж на то пошло, про летний издательский план, в самой середине которого зияла огромная дыра.

После обеда я вернулась, чтобы повидать Чарльза.

— Я говорил с полицейскими, — сказал Чарльз. Письмо все так же лежало перед ним, рядом с конвертом. — Они пришлют за ним человека. Сказали, что мне не следовало к нему прикасаться.

— Не представляю, как ты мог понять, что там, не открыв его.

— То-то и оно.

— Они сообщили тебе, как он это сделал? — спросила я. Под «это» я имела в виду «убил себя».

Чарльз кивнул:

— К дому у него пристроено нечто вроде башни. В последний мой приезд, это где-то в марте или в апреле, у нас с Аланом зашел про нее разговор. Я ему сказал, что это опасно. Верхняя площадка там обнесена только низкой стеной, ограждения никакого нет. Забавно, но, едва услышав про несчастный случай, я сразу подумал, что он, верно, свалился с той проклятой штуковины. Но теперь выглядит так, что он спрыгнул.

Повисла долгая пауза. Обычно мы с Чарльзом знаем, о чем думает другой, но в этот раз мы намеренно отводили глаза. То, что произошло, в самом деле было ужасно. Никому из нас не хотелось к этому прикасаться.

— Что скажешь о книге? — спросила я. Это был единственный вопрос, ответ на который я хотела знать, но который никогда не задала бы в обычных обстоятельствах.

— Ну, я прочел ее за выходные и получил большое удовольствие. У меня сложилось мнение, что роман ни на йоту не уступает остальным. Дойдя до последней страницы, я испытал такую же досаду, как, видимо, и ты. Поначалу мне пришло в голову, что одна из девушек здесь, в издательстве, допустила ошибку. Я сделал две копии: одну для меня, вторую для тебя.

Эта реплика навела меня на мысль.

— А где Джеммайма? — спросила я.

— Уволилась. Подала заявление, пока ты была в отъезде. — Внезапно вид у него сделался усталым. — Более неподходящее время сложно было выбрать. Эта история с Аланом, да и Лоре нужно внимание.

Он имел в виду свою беременную дочь.

— Как она? — спросила я.

— Прекрасно. Но врачи говорят, что это может начаться в любую минуту. Оказывается, с первым ребенком роды часто бывают преждевременными. — Затем он вернулся к теме нашего разговора. — Нет никаких пропавших страниц, Сьюзен. Нигде нет. Мы всю копировальную комнату перерыли. Распечатано было именно то, что передал нам Алан. Когда это выяснилось, я собирался позвонить и спросить, что случилось. И тут, разумеется, услышал новости.

— Он не выслал тебе электронный текст?

— Нет. Он никогда этого не делал.

Все верно. Алан принадлежал к людям пера и бумаги. Первый черновик он всегда писал от руки. Потом набирал текст на компьютере.

Нам он сначала отправлял распечатанную копию и лишь затем присылал по электронной почте, как если бы почему-то не хотел, чтобы мы читали книгу с экрана.

— Что же, нужно разыскать недостающие главы, — сказала я. — И чем скорее, тем лучше. — Чарльз с сомнением посмотрел на меня, поэтому я продолжила: — Они должны быть где-то у него в доме. У тебя есть идеи, кто из персонажей совершил убийство?

Чарльз покачал головой:

— Вероятно, это могла быть его сестра.

— Кларисса Пай? Да. Она и у меня в списке подозреваемых.

— Нельзя исключить шанс, что Алан так и не закончил роман.

— Уверена, он сказал бы тебе об этом, когда передавал рукопись. И зачем ему было так поступать?

Я подумала о своем ежедневнике, о назначенных на следующую неделю встречах. Но это было важнее всего.

— Почему бы мне не съездить во Фрамлингем? — предложила я.

— Думаешь, это хорошая идея? Полиция наверняка до сих пор в доме. Если это самоубийство, будет расследование.

— Да, знаю. Но мне хотелось бы залезть в его компьютер.

— Полицейские его наверняка изымут.

— Стоило хотя бы оглядеться. Оригинал рукописи может до сих пор лежать у него на столе.

Чарльз задумался на минуту.

— Ну, возможно, что и так.

Меня удивило, что он не выказал большого воодушевления. Хотя это оставалось невысказанным, мы оба понимали, как сильно зависим от «Английских сорочьих убийств». Год выдался скверный. В мае мы опубликовали биографию одного комика, который вдруг отпустил в живом эфире телевидения шутку на удивление дурного вкуса. Буквально на следующий день он перестал казаться смешным, и книга о нем почти перестала продаваться. В данный момент я совершала туры с автором, дебютная книга которого называлась «Однорукий жонглер» — это была комедия, действие которой происходит в цирке. Тур вроде бы проходил неплохо, но отзывы оказались нелицеприятными, и нам с трудом удавалось пристроить книги в магазины. У нас возникли трудности со зданием, судебные тяжбы, проблемы с персоналом. Ко дну мы не шли, но отчаянно нуждались в громком успехе.

— Еду завтра, — сказала я.

— Думаю, от попытки вреда не будет, — отозвался Чарльз. — Хочешь, поеду с тобой?

— Нет. Лучше я сама. — Алан никогда не приглашал меня в Эбби-Грейндж. Интересно будет посмотреть, что там. — Передай мои лучшие пожелания Лоре, — продолжила я. — И если будут какие новости, дай мне знать.

Я встала и вышла из кабинета. И вот странное дело: только вернувшись к себе, я осознала значение того, что видела прямо у себя перед носом. Очень необычно. Никакого смысла.

Предсмертная записка Алана и конверт, в котором она пришла, лежали на столе Чарльза. Письмо было написано от руки. Надпись на конверте была напечатана.

Эбби-Грейндж, Фрамлингем

На следующий день, ранним ясным утром, я гнала через верхнюю часть Александра-парка, мимо почти заброшенных развалин знаменитого дворца, направляясь к трассе A12. Поездка стала прекрасным поводом прокатить «Эм-Джи-Би Родстер», купленный шесть лет назад в подарок на свой сороковой день рождения. Нелепая машина, но я поняла, что куплю ее, едва увидев выставленной на продажу в гараже в Хайгейте. Модель 1969 года, механика с повышенной передачей и кузовом, покрашенным вызывающе яркой красной краской с черными полосами. Кэти не знала, что сказать, когда я впервые появилась на ней, но ее дети пришли в восторг. Всякий раз при встрече я сажала их в машину, и мы носились по сельским дорогам: верх опущен, а двое ребятшек радостно вопят на заднем сиденье.

Встречная полоса была загружена въезжающими в Лондон машинами, я же ехала с ветерком, пока не добралась до поселка Эрл-Сохем, где из-за дорожных работ потеряла минут десять. День выдался теплый. Погода все лето стояла хорошая, и создавалось ощущение, что и сентябрь будет таким же. Я подумывала опустить верх, но на полной скорости звук мотора будет слишком громким. Быть может, когда подъеду поближе.

Мне довелось побывать в большинстве приморских местечек Суффолка: Саутволде, Уолберсвике, Данвиче и Орфорде. Но во Фрамлингеме я никогда прежде не бывала. Возможно, меня сдерживало именно то, что там проживал Алан. Когда я въехала, первым моим впечатлением было, что это приятный, слегка затрапезный городок с центром на главной площади, которая вовсе площадью не являлась. Часть зданий обладала определенным шармом, но прочие — индийский ресторан, например, — казались кричаще чужеродными, а если бы вам захотелось пройти по магазинам, ничего особенно интересного вы бы там не нашли. В самом средоточии городка располагалось кирпичное строение, оказавшееся на поверку современным супермаркетом.

Я забронировала номер в гостинице «Корона», бывшей почтовой станции, окна которой вот уже лет четыреста смотрели на площадь и которая соседствовала теперь с банком и туристическим агентством. Местечко оказалось и вправду очаровательное, с двором, вымощенным старинной плиткой, множеством каминов и бревенчатыми балками. Меня порадовали книги на полках и настольные игры на общей стойке. Они придавали гостинице домашний уют. Я разыскала администратора, спрятавшегося за крохотным окошком, и зарегистрировалась. Я подумывала остановиться у сестры, но Вудбридж находился в добрых тридцати минутах езды, да и здесь мне вполне понравилось.

Я поднялась в номер и бросила вещи на кровать — могучую конструкцию с балдахином. Мне хотелось, чтобы здесь был Андреас и разделил ее со мной. В нем жила особая любовь к старой доброй Англии, особенно с нажимом на «доброй». Занятия вроде крокета, чая со сливками и крикета кажутся ему одновременно непостижимыми и неодолимыми, поэтому во Фрамлингеме он оказался бы в любимой стихии. Я отправила ему текстовое сообщение, потом вымыла голову и расчесалась. Время шло к обеду, но есть не хотелось. Я вернулась к машине и поехала к Эбби-Грейндж.

Дом Алана Конвея находился в паре миль от Фрамлингема, и без помощи навигатора его было почти невозможно найти. Всю жизнь я прожила в городе, где дороги непременно куда-то ведут. Собственно говоря, им больше некуда деваться. Такого не скажешь о том деревенском тракте, который бог весть сколько петлял по местности, прежде чем еще более узкая дорожка не вывела меня к частному проезду, а тот наконец уперся в дом. Когда до меня дошло, что я вижу перед собой здание, послужившее прообразом для Пай-Холла? Ну, наверное, грифоны на въездных воротах были первым ключом. Сама усадьба в точности соответствовала описанию. Подъездная дорога изгибом бежала к парадной двери через обширные лужайки. Розария я не заметила, а вот озеро было, как и полоса леса, подходящая на роль Дингл-Делла. Мне не составило труда представить, как Brent стоит рядом с трупом Тома Блэкистона, брат которого отчаянно пытается сделать ему искусственное дыхание. Большую часть работы проделали за меня.

А сам дом? «Сохранилось от него только продолговатое крыло с восьмиугольной башней — ее значительно позже возвели в дальнем конце». По мере приближения именно это я и увидела: длинное, узкое здание, с двумя двухэтажными крыльями по дюжине окон каждое, примыкающими к башне. С нее открывался, должно быть, прекрасный вид, но сама она выглядела нелепо. По моему предположению, ее возвел в девятнадцатом веке некий викторианский промышленник, перенесший воспоминания о лондонских заводах и мавзолеях в сельскую глубинку Суффолка. Усадьба даже близко не была такой живописной, как родовый дом сэра Магнуса Пая, по крайней мере в том виде, как описал его Алан Конвей. Эбби-Грейндж построили из грязнокрасного кирпича, всегда навевавшего на меня ассоциации с Чарльзом Диккенсом и Уильямом Блейком. Оно было не к месту здесь, и выручало только его расположение. Сад раскинулся под бездонным небом, надо полагать, на четыре или пять акров, и ни одного другого дома вокруг не было. Мне бы не захотелось жить тут, и, говоря по совести, я отказывалась понять, что привлекло сюда Алана Конвея. Не был ли он метросексуалом для такой бестолковой усадьбы?

Вот тут он и умер. Я думала об этом, выходя из машины. Всего четыре дня назад он спрыгнул с башни, нависавшей теперь надо мной. Я вгляделась в зубцы на верхней площадке. Надежными они не выглядели. Стоило человеку нагнуться сильнее, с суицидальными намерениями или нет, и свалиться не составит труда. Вокруг башни раскинулась лужайка, трава была кустистая и неровная. В романе Иэна Макьюэна «Невыносимая любовь» есть исключительно точное описание того, что происходит с человеческим телом при падении с большой высоты, и мне не составило труда представить Конвея с переломанными костями и противоестественно вывернутыми конечностями. Убило ли падение его сразу, или он лежал в агонии, пока кто-то не нашел его? Алан жил один, так что тревогу могли поднять уборщица или садовник. Ну какой в этом смысл? Он покончил с собой, чтобы избежать страданий, но вместо этого претерпел ужасные муки. Я бы такой способ не выбрала. Лучше уж наполнить ванну теплой водой и вскрыть вены. Прыгнуть под поезд. Да, так было бы надежнее.

Я достала айфон и отошла подальше, чтобы в объектив попало все крыло. Не знаю, зачем я это сделала. Но разве кто задумывается о смысле, делая фотки? Мы ведь их никогда потом не смотрим. Я миновала густые заросли кустарника — их в книге не было, — а возвращаясь назад, заметила следы шин. Совсем недавно, когда трава была мокрая, за кустами стояла машина. Я сфотографировала и отпечаток протектора: не потому, что это могло быть важным, просто решила, что так положено. Сунув айфон обратно в карман, я снова зашагала к парадной двери, когда та вдруг открылась и на порог вышел мужчина. Я никогда с ним не встречалась, но сразу поняла, кто это. Я уже упоминала, что Алан был женат. Вскоре после того, как вышла третья книга из серии про Атиккуса Пюнда, вышел срок и этому браку. Алан оставил семью ради молодого человека по имени Джеймс Тейлор. Под молодым я подразумеваю возраст едва за двадцать, тогда как Алану было уже лет сорок пять, а его сыну исполнилось двенадцать. Личная жизнь Конвея меня не касалась, но признаюсь, меня снедало некоторое беспокойство, как скажется на продажах такой поступок автора.

История появилась во многих газетах, но, к счастью, шел 2009 год, и журналисты уже были не такими ядовитыми. Жена Алана Мелисса и их сын переехали в юго-западные графства. Очень быстро стороны пришли к соглашению. Именно тогда Алан купил Эбби-Грейндж.

Я никогда не встречалась с Джеймсом Тейлором, но знала, что смотрю сейчас именно на него. На мужчине были кожаная куртка, джинсы и футболка с большим вырезом, из-под которого выглядывала висящая на шее тонкая золотая цепочка. Хотя теперь ему было двадцать восемь или двадцать девять, он все еще выглядел юным, с детским лицом, которому даже густая щетина не добавляла взрослости. Волосы у него были длинные и светлые, нечесанные и немного сальные, они повторяли изгиб шеи. Видимо, он только что встал. Взгляд у Джеймса был тревожный, подозрительный. Мне подумалось, что это след какой-то перенесенной в жизни травмы. А может, он просто не был рад меня видеть.

— Так! — воскликнул молодой человек. — Вы кто такая?

— Сьюзен Райленд, — назвалась я. — Я работаю в «Клоуверлиф букс». Мы издатели Алана.

Выудив из сумочки визитку, я протянула ее Джеймсу. Он глянул на меня, потом его взгляд скользнул мимо.

— Мне нравится ваша машина.

— Спасибо.

— Это ведь «Эм-Джи»?

— «Эм-Джи-Би», если точнее.

Он улыбнулся. Похоже, его позабавило, что женщина моего возраста ездит на такой машине.

— Боюсь, если вы собирались повидать Алана, то слегка опоздали.

— Знаю. Мне известно, что случилось. Можно мне войти?

— Зачем?

— Это трудно объяснить. Я кое-что ищу.

— Ладно. — Он пожал плечами и распахнул дверь, как если бы дом принадлежал ему. Но я читала письмо и знала, что это не так.

Если бы мы находились в мире «Английских сорочьих убийств», парадная дверь вела бы в большой холл с деревянными панелями на стенах, каменным очагом и лестницей, поднимающейся к галерее. Но видимо, все это было плодом воображения Конвея. На деле интерьер разочаровал: гостиная с голыми дощатыми полами, деревянной мебелью и дорогими картинами современных художников на стенах — все со вкусом, но как-то обыденно. Никаких рыцарских доспехов. Никаких охотничьих трофеев. Никаких трупов. Мы свернули направо, прошли по коридору, который тянулся через весь дом и в итоге привел нас во впечатляющую кухню с профессиональной духовкой, американским холодильником, блестящими поверхностями и столом, где могли разместиться двенадцать человек.

Джеймс предложил кофе, я согласилась. Он занялся с одной из тех машин, что работают на капсулах и вспенивают молоко.

— Так вы, стало быть, его издатель, — начал Джеймс.

— Нет, редактор.

— Насколько хорошо вы знали Алана?

Я не представляла, что ответить.

— Нас связывали чисто деловые отношения, — сказала я. — Он никогда не приглашал меня сюда.

— Это мой дом. По крайней мере, был моим, пока две недели назад Алан не попросил меня съехать. Я остался, потому что мне некуда было перебраться, а теперь, как понимаю, необходимость отпала. — Он подал кофе и сел.

Я заметила стоящую на столе пепельницу и уловила в воздухе запах табачного дыма.

— Не возражаете, если я закурю? — спросила я.

— Ничуть, — ответил Джеймс. — На самом деле, если у вас найдется сигарета, я бы тоже не отказался.

Я протянула ему пачку, и мы как-то сразу стали друзьями. Это одна из немногих положительных сторон в жизни курильщика в наше время. Ты — часть преследуемого меньшинства и легко устанавливаешь контакт с себе подобными. Но, честно говоря, я еще прежде решила, что мне нравится Джеймс Тейлор, этот одинокий мальчик в большом доме.

— Вы находились здесь? — осведомилась я. — Когда Алан покончил с собой.

— Нет, слава богу. В тот период мы были не вместе. Я поехал в Лондон, тусил там с приятелями.

Я наблюдала, как он стряхивает пепел. Пальцы у него были очень длинные, тонкие. Под ногтями грязь.

— Мне позвонил мистер Хан, это поверенный Алана, и я в понедельник поздно вечером вернулся, — продолжил Тейлор. — К тому времени весь дом был полон полиции. Мистер Хан, кстати сказать, его и нашел. Он приехал оформить кое-какие бумаги, видимо, вычеркнуть меня из завещания или что-то вроде, а Алан лежал на лужайке перед башней. Должен признать, хорошо, что это не я его обнаружил. Я бы, наверное, не выдержал. — Он глубоко затянулся, держа сигарету между большим и указательным пальцем, как солдат в старинном фильме. — Так что вы ищете?

Я сказала ему правду. Объяснила, что всего за пару дней до смерти Алан передал нам свой последний роман и что в нем отсутствует концовка. Я поинтересовалась, читал ли он что-то из «Английских сорочьих убийств», и Джеймс хохотнул.

— Я прочитал все до единой книги про Аттикуса Пюнда, — сказал он. — Вы знаете, что я выведен в них?

— Понятия не имела, — призналась я.

— О да! Джеймс Фрейзер, недалекий блондинистый помощник, — это я. — Он потрянул шевелюрой. — Когда мы с Аланом познакомились, он как раз начинал писать «Гость приходит ночью» — это четвертая книга в серии. До той поры Аттикус Пюнд обходился без ассистента. Работал сам по себе. Но после того как мы с Аланом стали жить вместе, он сказал, что исправит это, и вставил меня.

— Изменив фамилию, — заметила я.

— Он много чего изменил. Начать с того, что я никогда не учился в Оксфорде, хотя верно, что на момент нашего знакомства служил актером. Это была одна из его шуточек. В каждой из книг он говорит, что Фрейзер вылетал с любой работы, терпел неудачи и, разумеется, был непроходимо глуп. Впрочем, Алан утверждал, что это непереносимая черта для спутника главного героя. Он, мол, для того и нужен, чтобы сыщик на его фоне выглядел умнее и чтобы отвлекать внимание читателя от истины. Когда мой персонаж строит какие-то догадки, они все оказываются ложными. Это делается специально, чтобы сбить вас с верного пути. По сути, можете не обращать внимания на то, что говорит Фрейзер. Так это устроено.

— Так вы читали последний роман? — повторила я вопрос.

— Нет, — покачал головой Джеймс. — Я знал, что Алан работает над ним. Он часами просиживал у себя в кабинете. Но он никогда не показывал мне книгу, пока не закончит ее. Признаться честно, я даже не знал, что он уже дописал роман. Обычно он давал мне текст прежде, чем кому-то еще. Конечно, в свете случившегося между нами он мог передумать. Но даже если и так, я удивлен, что не знал. Я обычно точно определял, когда книга закончена.

— Как?

— Алан снова становился человеком.

Мне хотелось знать, что произошло между ними, но вместо этого я спросила, можно ли заглянуть в кабинет Конвея и поискать пропавшие страницы. Джеймс охотно согласился, и мы вместе вышли из комнаты.

Кабинет Алана находился рядом с кухней, и это было разумно. Если потребуется сделать перерыв: перекусить или выпить, то не нужно далеко ходить. Это была просторная комната в самом конце дома, с окнами в трех стенах и с дверью, ведущей в башню. Центральное место занимала спиральная лестница — она, надо полагать, вела на верхнюю площадку. Две стены были заставлены книгами, причем первая отводилась самому Алану: девять романов про Аттикуса Пюнда в переводе на тридцать четыре языка. Рекламная аннотация, сочиненная мною, гласила, что на тридцать пять, но это считая английский, да и Алан предпочитал круглые числа. Из этих же соображений мы раздули продажи до восемнадцати миллионов экземпляров — цифра, взятая, в общем-то, с потолка. В кабинете стояли сделанный на заказ письменный стол и дорогое по виду кресло: черная кожа, эргономичный дизайн с поддержкой для рук, шеи и поясницы. Писательское кресло. Имелся у Алана и компьютер: «эппл» с монитором в двадцать семь дюймов.

Комната интриговала меня. Мне казалось, что с ее помощью мне удастся забраться, насколько возможно, в голову к Алану Конвею. О чем же она говорила? Ну, Алан не стеснялся своих достижений. Все награды были выставлены напоказ. Филлис Дороти Джеймс прислала ему письмо, поздравляя с книгой «Мистер Пюнд за границей», — Алан вставил письмо в рамку и повесил на стену. Здесь имелись также его фотографии с принцем Чарльзом, Джоан Роулинг и, странное дело, с Ангелой Меркель. Он был очень педантичен. Ручки и карандаши, блокноты, папки, газетные вырезки и прочий инструментарий писателя были разложены аккуратно, ни малейшего намека на беспорядок. Отдельную полку занимала справочная литература: «Краткий оксфордский словарь английского языка» в двух томах, «Тезаурус» Роже, «Оксфордский словарь цитат», «Словарь фраз и басен» Брюера, энциклопедии по химии, биологии, криминалистике и праву. Книги выстроились в шеренгу, как солдаты. В библиотеке нашлось место полному собранию сочинений Агаты Кристи, почти семь десятков изданий в мягких обложках, расставленные, насколько я могла понять, в хронологическом порядке, начиная с «Загадочного происшествия в Стайлзе». Существенным был тот факт, что эти книги находились в разделе

справочной литературы: Алан не читал их ради удовольствия, а использовал в работе. Стены были белые, ковер бежевый. Это был скорее офис, чем творческая мастерская.

Рядом с компьютером лежал кожаный ежедневник, и я открыла его. Стоило спросить себя, почему я это делаю. Причиной был тот самый рефлекс, повинуюсь которому я сфотографировала следы колес в саду. Искала ли я улики? Вырванная из журнала страница лежала под обложкой. Это была черно-белая фотография, кадр из фильма Стивена Спилберга «Список Шиндлера», снятого в 1993 году. На ней был изображен актер Бен Кингсли, сидящий за столом и печатающий на машинке. Я повернулась к Джеймсу Тейлору.

— А он что здесь делает? — спросила я.

— Так это ведь Аттикус Пюнд, — произнес он, как само собой разумеющееся. И недаром. — «Глаза из-под круглых проволочных очков смотрели на доктора с бесконечной благожелательностью. Часто подмечалось, что Аттикус Пюнд похож обликом на бухгалтера: такой же скромный и педантичный, и держался соответственно». Алан Конвей позаимствовал, а быть может, украл образ своего сыщика из фильма, вышедшего на экраны лет за десять до того, как он сочинил свою первую книгу. Наверное, нечестно так утверждать. В конечном счете любой персонаж художественной литературы имеет свои корни. Чарльз Диккенс использовал в качестве прототипов своих соседей, друзей, даже родителей. Прообразом Эдварда Рочестера, моего любимого героя из «Джейн Эйр», послужил француз по имени Константин Эже, в которого Бронте была влюблена. Но вырвать актера из журнала — это нечто другое. От этого пахнет обманом.

Я листала ежедневник, пока не добралась до текущей недели. Если бы Алан дождался до нее, его ждало немало трудов. На понедельник намечен был обед в «Веселом моряке» с некой Клэр. На вторую половину дня был запланирован визит к парикмахеру — это становилось очевидным из единственного слова «стрижка», обведенного в кружок. В среду ему предстояло играть в теннис с кем-то, обозначенным только инициалами С. Х. В четверг — поездка в Лондон. Еще один обед — записано только: «о-д», а в пять он отправлялся «смотреть Генри в ОВ». Мне немало труда стоило сообразить, что речь идет о постановке «Генриха V» в театре «Олд Вик». На следующее утро в ежедневнике продолжал значиться Саймон Майо. Это было то самое интервью, от которого Алан решил отказаться, но не удосужился вычеркнуть. Я перелистнула страницу назад и обнаружила ужин с Чарльзом в клубе «Плющ». Поутру он встречался с Ш. Б. — своим доктором.

— Кто такая Клэр? — спросила я.

— Его сестра. — Джеймс стоял рядом и заглядывал в ежедневник. — «Веселый моряк» находится в Орфорде. Она там живет.

— А пароля к компьютеру вы, случайно, не знаете?

— Как не знать: «Atticus».

Имя сыщика, за исключением цифры вместо буквы i. Джеймс включил компьютер и набрал пароль.

Мне не требовался доступ ко всем папкам Алана. Не интересовали его электронная почта, история браузера или факт, играл ли он на мониторе в скребл. Все, что мне было нужно, — это рукопись. Писатель использовал «Ворд» для «Макинтош», и мы быстро нашли два последних опубликованных романа: «Маки для Аттикуса» и «Мистер Пюнд за границей». Сохранилось несколько черновиков каждого, включая варианты с окончательной правкой, отосланные Алану мной. Но ни в одном из файлов не было ни единого слова об «Английских сорочьих убийствах». Ощущение складывалось такое, будто компьютер намеренно вычистили.

— Это единственный его компьютер? — спросила я.

— Нет. У него был еще один в Лондоне, а также ноутбук. Но для работы над книгой он использовал этот. Тут я уверен.

— Мог ли он сохранить файл на флешке?

— Если честно, никогда не видел у него флешек. Но вполне возможно.

Мы обыскали комнату. Перерыли все шкафы и выдвижные ящики. Джеймс оказался очень толковым помощником. Мы разыскали изданные в твердом переплете тома всей серии про Аттикуса Пюнда, за исключением самых последних. Обнаружились блокноты, содержащие сделанные чернилами наброски, но, удивительное дело, любые упоминания об «Английских сорочьих убийствах» отсутствовали или были изъяты.

Среди найденного меня особенно заинтересовал непереплетенный экземпляр «Скольжения» — романа, про который упоминал Чарльз и который он отказался издавать. Я спросила у Джеймса, можно ли мне взять книгу на время, и отложила ее в сторону, чтобы захватить с собой. Тут обнаружили настоящие залежи газет и старых журналов. Алан хранил все, написанное о нем: интервью, биографические справки, рецензии — только положительные. Все было сложено очень аккуратно. Один шкафчик был отведен специально под органайзер с конвертами разных размеров, пачки белой бумаги, блокноты, пластиковые папки, блоки самоклеящихся листов разной расцветки. А вот на флешки не было ни намека. Возможно, если они где-то и хранились, то были слишком маленькими, чтобы их найти.

В итоге мне пришлось сдаться. Я провела здесь час, но могла не управиться и за день.

— Попробуйте спросить у мистера Хана, — предложил Джеймс. — Это поверенный Алана, — напомнил он. — У него офис во Фрамлингеме, на Саксмундхем-роуд. Не знаю, зачем ему рукопись, но Алан передавал ему множество вещей. — Пауза на долю секунды затянулась. — Свое завещание, например.

Джеймс уже пошутил на эту тему, когда я только приехала.

— Вы собираетесь и дальше жить здесь? — осведомилась я. Это был вопрос с подвохом. Джеймс не мог не знать о планах Алана лишить его наследства.

— О боже, нет! Не сидеть же мне тут, в этой глуши. Я с ума сойду. Алан обмолвился как-то, что оставит дом мне, но, если этого не случится, я вернусь обратно в Лондон. Там я жил, когда мы встретились. — Молодой человек поджал губу. — Недавно мы здорово поругались. Можно сказать, разошлись. Так что он вполне мог передумать... Я не знаю...

— Уверена, что мистер Хан известит вас, — кивнула я.

— Пока еще он ничего не сказал.

— Я собираюсь повидаться с ним.

— На вашем месте я поговорил бы с сестрой Алана, — предложил Джеймс. — Она выполняла для него кучу работы. Решала все административные вопросы и вела переписку с поклонниками. Думаю, Клэр даже печатала на машинке ранние его книги, и у Алана была привычка показывать ей рукописи. Есть шанс, что он дал ей и последнюю.

— Вы сказали, она живет в Орфорде.

— Могу дать вам ее адрес и номер телефона.

Пока Джеймс вооружался бумагой и ручкой, я подошла к одному из шкафов, который располагался посередине стены, позади спиральной лестницы, его я еще не открывала. Мне подумалось, что там может находиться сейф, — в конце концов, у сэра Магнуса был такой в кабинете. Открывался шкаф хитро: одна половина сдвигалась вверх, другая вниз. В стену были вделаны две кнопки. Я сообразила, что это кухонный лифт.

— Его устроил Алан, — не оборачиваясь, пояснил Джеймс. — Когда было тепло, он всегда ел на улице: завтракал и обедал. Он ставил тарелки на поднос и отправлял наверх.

— Можно мне осмотреть башню? — спросила я.

— Запросто. Надеюсь, вы не страдаете боязнью высоты?

Лестница была современная, металлическая, и я поймала себя на мысли, что по мере подъема считаю ступеньки. Лестница показалась мне чересчур длинной. Не может же башня быть такой высокой? Наконец через запертую изнутри дверь мы вышли на широкую круглую площадку, обнесенную очень низкой зубчатой стеной, — описание Чарльза оказалось верным. Отсюда открывался вид на леса и поля, уходящие до самого Фрамлингема. Вдали, на вершине холма, угнездился Фрамлингемский колледж, строение девятнадцатого века в готическом стиле. Заметила я и кое-что еще. Скрытая лесом и невидимая с дороги, ведущей к Эбби-Грейндж, прямо по соседству с усадьбой Конвея располагалась еще одна усадьба. Проехав немного далее, я могла бы попасть туда, но среди деревьев виднелось и что-то вроде пешей тропы. Усадьба была большой и суперсовременной, с безупречно ухоженным садом, оранжереей, бассейном.

— Кто там живет? — поинтересовалась я.

— Наш сосед. Его зовут Джон Уайт. Менеджер из хедж-фонда²⁰.

---

²⁰ Хедж-фонд — инвестиционный фонд спекулятивного характера, занимающийся высокорискованными операциями.

Площадку Алан обставил столом с четырьмя стульями, мангалом с газовой горелкой и двумя шезлонгами. Изрядно нервничая, я подошла к краю и глянула вниз. С такого угла земля казалась очень далекой, и мне нетрудно было представить, как Конвей летит вниз. У меня засосало под ложечкой. Я шагнула назад и почувствовала, как ладони Джеймса уперлись мне в спину. На один ужасный миг я подумала, что он собирается столкнуть меня. Ограждающая стена была несоразмерно низкой, она едва доходила до пояса.

— Извините... — Он смущенно попятился. — Я просто испугался, что у вас может закружиться голова. Такое случается со многими, кто поднимается сюда впервые.

На площадке ветер трепал мои волосы.

— Я увидела достаточно, — сказала я. — Пойдемте вниз.

Очень легко было бы перебросить Алана через край. Он не был крупным мужчиной. Любой мог пробраться сюда и сделать это. Не знаю, почему эта мысль пришла мне в голову, ведь было совершенно очевидно, что никакого преступления не произошло. Конвей оставил рукописную предсмертную записку. Тем не менее, уже сидя в машине, я позвонила в театр «Олд Вик» в Лондоне, и там подтвердили, что Алан забронировал два билета на «Генриха V» в четверг. Я сказала, что билеты ему не понадобятся. Самое интересное, бронь он сделал в субботу, за день до того, как покончить с собой. Из ежедневника следовало также, что он планировал встречи, обеды, визит к парикмахеру и теннисный матч. И вопреки всему, мне не давал покоя один вопрос: способен ли так вести себя человек, решивший свести счеты с жизнью?

«Уэсли и Хан», Фрамлингем

Я вернулась во Фрамлингем и, припарковав машину на главной площади, проделала остаток пути пешком. Городок и вправду представлял собой мешанину эпох. В дальнем конце, в окружении травянистых валов и рва располагался хорошо сохранившийся замок — идеальная картинка Англии времен Шекспира, в комплекте с пабом и утиным прудом поблизости. Но стоило пройти еще пятьдесят ярдов, и сказка резко обрывалась и начиналась широкая и современная, уходящая вдаль Саксмундхем-роуд. С одной ее стороны находились автомастерские «Галф», по другую — собрание однотипных домов и бунгало. «Уэсли и Хан», юридическая фирма, обслуживающая Алана Конвея, располагалась на краю города в горчичного цвета здании, которое представляло собой дом, а не офис, только с табличкой на парадной двери.

Я не знала, согласится ли мистер Хан принять меня без предварительной договоренности, но все равно вошла. Мои опасения оказались напрасными. Внутри царил полный покой. За стойкой администратора какая-то девица читала журнал, а молодой человек напротив нее тупо пялился в экран монитора. Здание было старое, с неровными стенами и скрипящими половицами. К интерьеру добавили серые ковры и потолочное освещение, но контора упорно сохраняла вид жилого дома.

Девица позвонила шефу. Мистер Хан готов был меня принять. Меня проводили на второй этаж в комнату, бывшую некогда, наверное, хозяйской спальней, а теперь переоборудованную в рабочий кабинет с видом на мастерские. Саджид Хан — полное его имя было указано на двери — поднялся мне навстречу из-за стола, стилизованного под антиквариат, со столешницей, обшитой зеленой кожей, и с бронзовыми ручками. Это был именно такой стол, который требовался, чтобы произвести впечатление. Сам поверенный был крупным, энергичным мужчиной лет сорока с лишним, порывистым в движениях и манере выражаться.

— Входите же! Входите! Садитесь, прошу! Чаю вам уже предложили?

У него были очень черные волосы и густые брови, почти сходящиеся на переносице. Одет он был в спортивный пиджак с заплатками на локтях и, надо полагать, клубный галстук. Едва ли этот человек коренной уроженец Фрамлингема, и мне было любопытно, что привело его в такую глубинку и как, если уж на то пошло, ладит он с мистером Уэсли. Рядом с ним висела фоторамка, одна из этих новых цифровых штучек, где изображения меняются каждые тридцать секунд, либо соскальзывая, либо сворачиваясь ракушкой. Не успела я войти, а уже познакомилась с его женой, двумя дочерьми, собакой и пожилой женщиной в хиджабе — матерью, надо полагать. Даже не знаю, как они там живут такой толпой? Я бы с ума сошла.

Отклонив предложенный чай, я села перед столом. Поверенный занял свое место, и я вкратце объяснила, что мне нужно. При упоминании имени Алана он моментально посерьезнел.

— Знаете, это я нашел его, — сказал Хан. — Заглянул в усадьбу в воскресенье утром. Мы с Аланом договорились встретиться. Вы видели дом? Хотите верьте, хотите нет, но как только я подъехал, у меня возникло ощущение, что случилась беда. Еще до того, как я его заметил. Я даже не сразу сообразил, на что смотрю. Мне показалось, будто кто-то бросил на газоне старую одежду, честное слово! Потом до меня дошло, что это он. Я сразу понял, что он мертв. Подходить я не стал, сразу вызвал полицию.

— Вы с ним были довольно близки, как понимаю, — сказала я. Саджид Хан был «С. Х.» из ежедневника. Эти двое играли вместе в теннис, поверенный мог запросто заглянуть к Алану в дом в воскресенье.

— Да, — ответил он. — Еще до нашего знакомства я прочитал многие из романов про Аттикуса Пюнда и смело могу причислить себя к большим почитателям творчества Алана. Обернулось так, что мы вели с ним немало дел, и я счастлив заявить, что неплохо его знаю. По правде говоря, я готов даже зайти настолько далеко, чтобы назвать нас... да, настоящими друзьями!

— Когда вы в последний раз виделись с ним?

— С неделю назад.

— У вас имелись предположения, что он собирается покончить с собой?

— Ни малейших. Алан находился в моем кабинете, сидел в точности там, где вы сейчас. Мы обсуждали будущее, и он, похоже, находился в прекрасном расположении духа.

— Он болел.

— Это я понял. Но он ни словом об этом не обмолвился, мисс Райленд. Алан пригласил меня зайти к нему в субботу вечером. Должно быть, я один из последних, кто разговаривал с ним живым.

Довольно затруднительно было бы говорить с ним мертвым, сразу отметила я. Редактор — больше чем работа.

— Можно поинтересоваться, о чем шел разговор, мистер Хан? И почему вы заехали к нему в воскресенье? Понимаю, что это не мое дело... — Я располагающе улыбнулась, вызывая его на откровенность.

— Ну, думаю, теперь уже не будет вреда, если я вам расскажу. В его домашнем укладе произошли кое-какие перемены, и Алан решил подправить свое завещание. Короче говоря, я подготовил новый проект и привез показать ему. Он намеревался подписать его в понедельник.

— Он собирался вычеркнуть Джеймса Тейлора.

Юрист нахмурился:

— Извините, но я не стану вдаваться в детали. Не думаю, что это уместно...

— Все в порядке, мистер Хан. Алан прислал нам в «Клоуверлиф букс» письмо. Где было прямо сказано, что он намерен наложить на себя руки. И упомянул, что Джеймса нет больше в завещании.

— Опять же, не считаю себя вправе комментировать какую-либо переписку, которую он мог вести с вами. — Хан помолчал, потом вздохнул. — Признаюсь честно, что мне трудно понять эту сторону жизни Алана.

— Вы имеете в виду его сексуальную ориентацию?

— О нет-нет, я совсем не об этом! Но сожительство с партнером, который настолько моложе... — Хану трудно давалась попытка найти золотую середину, оставаясь в плену своих предрассудков. Фотография его самого под руку с женой промелькнула в рамке. — Я, знаете ли, неплохо знаком с миссис Конвей.

Мне доводилось пару раз встречаться с Мелиссой Конвей во время издательских мероприятий. У меня сложился образ спокойной, очень разумной женщины. Глядя на нее, можно было решить, будто она предчувствует что-то ужасное, но не хочет об этом говорить.

— Откуда вы ее знаете? — спросила я.

— Собственно говоря, это она познакомила нас с Аланом. Когда они приобрели свой первый дом в Суффолке — он располагался в Орфорде, — миссис Конвей обратилась к нам за помощью в составлении договора купли-продажи. Определенно, очень жаль, что спустя несколько лет они расстались. Разводом мы не занимались, но работали на Алана, когда он покупал Эбби-Грейндж. Или Риджуэй-Холл, как называлась тогда усадьба. Это он переименовал ее.

— Где теперь его бывшая жена?

— Снова вышла замуж. Живет, насколько мне известно, где-то близ Бата.

Я обмозговала сказанное. Саджид Хан подготовил проект нового завещания и повез его показать в воскресенье утром. Но когда прибыл на место...

— Он ведь так и не подписал его! — воскликнула я. — Алан умер прежде, чем успел подписать новое завещание.

— Да, именно так.

Неподписанное завещание — одно из самых нелюбимых мною детективных клише, но только потому, что его пускают в ход слишком часто. В обычной жизни множество людей вовсе не удосуживаются составить завещание — нам всем так легко убедить себя, что мы будем жить вечно. И тем более не принято расхаживать тут и там, угрожая изменить тот или иной пункт, давая тем самым кому-то идеальный повод убить тебя.

Выглядело так, что Алан Конвей именно этим и занимался.

— Буду признателен, если вы не станете распространяться о нашем разговоре, мисс Райленд, — продолжил Хан. — Я уже сказал, что не намерен обсуждать завещание.

— Это не важно, мистер Хан. Я здесь не поэтому.

— Тогда чем я могу вам помочь?

— Я ищу рукопись «Английских сорочьих убийств», — пояснила я.

— Алан закончил книгу перед смертью, но в ней отсутствовали последние главы. Вот я и подумала, что...

— Алан никогда не показывал мне рукописи до публикации, — ответил Хан, обрадовавшись тому, что снова ощутил твердую почву под ногами. — Он был достаточно любезен, чтобы подписать экземпляр «Аттикуса Пюнда за границей», прежде чем книга вышла. Но, увы, работу он со мной никогда не обсуждал. Попытайте счастья у его сестры.

— Да. Я встречусь с ней завтра.

— Если вас не затруднит, не поднимайте в разговоре с ней тему завещания. У нас с ней назначена встреча на этой неделе. А на выходных похороны.

— Меня интересуют только пропавшие страницы.

— Надеюсь, вы их разыщете. Нам всем будет не хватать Алана. Замечательно было бы обрести последнюю память о нем.

Хан улыбнулся и встал. Фотография в рамке на столе снова сменилась, и я заметила, что они пошли по новому кругу — появилась та самая картинка, какая была во время моего прихода в кабинет.

Воистину пора было прощаться.

Отрывок из романа Алана Конвея «Скольжение»

Когда я спустилась к ужину, обеденный зал «Короны» был почти пуст, и мне было немножко не по себе трапезничать в одиночестве. Впрочем, компания у меня имелась. Я захватила с собой «Скольжение», роман, написанный Аланом Конвеем, с просьбой об издании которого он обращался к Чарльзу, даже готовясь покончить с жизнью. Прав ли был Чарльз в его оценке? Начинаясь роман так:

Лорд Квентин Трамп спускается, согнувшись, по лестнице, в привычной для него манере повелевая кухарками и посудомойками, помощниками дворецкого и лакеями, что существуют только в его затейливом воображении, как-то соскользнувшем само собой в тень семейной истории. Слуги были, когда он был ребенком. В определенном смысле он до сих пор ребенок, — точнее сказать, мальчик, упрямо шаркающий в жирных складках плоти, которыми оброс за пятьдесят лет нездорового образа жизни его скудный, как зимнее дерево, скелет. «Два вареных яйца, поварешечка. Ты ведь знаешь, какие я люблю. Чтоб мягкие, но не растекались. С тостиками-солдатиками, как мамочка готовила... Все, как положено, и по рецепту. Куры не несутся? Лопни твои глаза, Агнес! Какой прок от кур, которые не несутся?» Разве это не его наследие? Не его право? Он живет в том роскошном жертвеннике, где с писком и ором появился на свет влажным, неприятным комочком ядовито-розового цвета, прорвав завесу материнской вагины с той же бесчувственностью, с какой шел по жизни и дальше. Вот он теперь: щеки испещрены паутиной сосудов, таких же красных, как дорогое вино, вытянувшее их на поверхность. Щеки эти трясутся на лице, тесноватом для них. Усы растекаются по верхней губе, как если бы выползли из ноздрей и, бросив прощальный взгляд на родину, потеряли всякую надежду и сдохли. Глаза безумные. Безумные не типа «пересечем улицу и пойдем по встречке», но холодные, как у ящерицы, и внушающие страх. У него фамильные брови Трампов, тоже слегка чокнутые, они выпрыгивают из плоти подобно густой поросли крестовника, *senecio aquaticus*, который так и не удалось вывести с лужайки для крокета. Сегодня суббота, погода холодноватая для этого времени года, и лорд облачился в твид. Твидовый пиджак, твидовый жилет, твидовые брюки, твидовые носки. Ему нравится твид. Нравится даже звучание этого слова, когда он заказывает костюм в магазинчике на Сэвил-роу, где он частый гость, хотя ныне не такой уж и частый, не по две тысячи фунтов за визит. И все-таки оно того стоит — этот миг сладостного самоутверждения, когда черный автомобиль вырывается из-за поворота и высаживает его у парадной двери. «Какое удовольствие вас видеть, милорд! Как поживает леди Трамп? Всегда рады вашему приходу. Надолго в столице? Превосходный шевиотовый твид, быть может? Коричневый. Где портняжный метр?

Пошевеливайтесь, Миггс! Хотел бы уточнить, нуждается ли ваша линия талии в корректировке со времени прошлого визита, милорд». У его талии давно нет линии. Там только плоть. Он раздобыл до буффонадных пропорций и понимает, что вступает ныне в мутные воды ухудшающегося здоровья. Пока он спускается по лестнице, предки наблюдают за ним из витиеватых золоченых рам. Ни один не улыбается, видимо, они огорчены, что этот жирный идиот стал хозяином родового имения и четыреста лет бережной селекции отправились коту под хвост. Но какое ему дело? Ему нужен завтрак, его ням-ням. Инфантилен он во всем. Когда он ест, пища стекает у него по подбородку, и краем сознания лорд удивляется, почему нянька не спешит утереть ему ротик. Он входит в столовую и усаживается, массивные ягодицы едва протискиваются между подлокотников хэпплайтовского кресла работы восемнадцатого века, которое скрипит под его тушей. Он берет белую льняную салфетку, разворачивает и закладывает за воротник под подбородок, а вернее, подбородки, ведь у него их двойной набор — стандартный комплект для хорошо откормленного английского джентльмена. Его ждет «Таймс», но он не спешит открывать газету прямо

сейчас. Ну зачем ему приобщаться к дурным новостям со всего света, ежедневному перечислению свидетельств всеобщей депрессии, дезориентации и упадка, когда у него своих забот хватает? Он глух к пронзительным, пророческим голосам, возвещающим о росте исламского фундаментализма и падении фунта. Дом его детства, его поместье, в опасности — оно может не дотянуть до конца месяца. Таковы мысли, что назойливо вторгаются в его ум и занимают его.

И далее в том же духе еще четыреста двадцать страниц. Каюсь, после первой главы я стала читать по диагонали, выхватывая из текста случайные предложения. Роман претендовал на сатиру, гротескную фэнтези о британской аристократии. Сюжет, если таковой имелся, вращался вокруг банкротства лорда Трампа и его попыток спасти разваливающийся родовой дом, превратив его в объект туризма. Для этого он сочинил ему фальшивую историю, изобрел привидение и населил земли поместья престарелыми и по большей части смиренными животными из местного зоопарка. Скольжение в названии намекало на опасные виражи в развитии придуманного лордом авантюрного предприятия, хотя одновременно намекало, довольно прозрачно, на состояние нации. Это становилось заметно с приездом первых посетителей: «дамочки в пухлых нейлоновых куртках, жирные, уродливые, визгливые бабы с желтыми от никотина ногтями, тупоголовыми сынками с проводами в ушах и в брендовых трусах, выглядывающих из-под сползающих, несуразно сидящих джинсов». К этим персонажам автор относился с не меньшим презрением, чем к самому Трампу.

«Скольжение» обеспокоило меня по совокупности причин. Как мог человек, сочинивший девять высоко востребованных и живых романов, серию про Аттикуса Пюнда, взяться за вещь, полную в конечном итоге такой ненависти? Это все равно как если бы Энид Блайтон промышляла в свободное от сочинения детских книжек время порнографическими рассказами. Стиль был мучительно неоригинальным, напомнив мне другого писателя, но в тот момент я не бралась определить, кого именно. Для меня было очевидно, что Конвею с натугой давалось каждое предложение, каждая нелепая метафора. Самое скверное, что это не был ранний труд, писанина юности, только обретающего свой голос. На время указывало упоминание на исламский фундаментализм. Алан сочинил текст недавно и в прощальном своем письме просил Чарльза дать книге второй шанс. Она имела для него значение. Отражал ли роман его взгляд на мир? Неужели он действительно считал его хоть чего-то стоящим?

Мне плохо спалось той ночью. Я привычна к скверной писанине. Через меня прошла куча романов, не имеющих ни единого шанса быть опубликованными. Но Алана Конвея я знала одиннадцать лет — или думала, что знала, — и никак не могла поверить, что он смог породить четыреста двадцать страниц этой фигни. Пока я лежала в темноте, у меня возникало ощущение, будто Алан нашептывает мне что-то, чего я категорически не желаю слушать.

Орфорд, Суффолк

Действие «Английских сорочьих убийств» происходит в вымышленной деревне в Сомерсете. Большая часть историй развивается в деревнях, придуманных Аланом, и даже в двух «лондонских» романах («Нет покоя нечестивым» и «Аперитив с цианидом») он использует фальшивые названия для всего узнаваемого: отелей и ресторанов, музеев, больниц и театров. Ощущение такое, будто автор опасается поместить своих литературных героев в реальный мир, даже в защитной среде 1950-х годов. Пюнд уютно себя чувствует только тогда, когда прогуливается по деревенской лужайке или пропускает стаканчик в местном пабе. Убийства случаются во время крикетных или крокетных матчей. Неизменно светит солнце. Принимая в расчет, что Конвей назвал свой дом в честь рассказа про Шерлока Холмса, логично предположить, что Алана вдохновляло знаменитое изречение Холмса: «В самых отвратительных трущобах Лондона не свершается столько страшных грехов, сколько в этой восхитительной и веселой сельской местности»²¹.

Почему английская деревня так склонна становиться ареной преступлений? Этот вопрос долго не давал мне покоя, а ответ я нашла, совершив ошибку и сняв коттедж в деревне близ Чичестера. Чарльз отговаривал меня, но тогда мне казалось, что будет так здорово устроить себе время от времени сельские выходные. Он оказался прав. Я дожидаться не могла, когда вернусь обратно. Всякий раз, заводя одного друга, я приобретала трех врагов, а споры о таких предметах, как парковка машин, церковные колокола, собачьи какашки или висячие корзины с цветами, определяли каждодневную жизнь до такой степени, что все готовы были вцепиться друг другу в глотку. В том-то все и кроется. Эмоции, быстро растворяющиеся в шумном и хаотичном городе, нагнаиваются в тишине деревни, толкая людей к психозу и насилию. Это настоящий подарок для детективщиков. Выгода еще и в общинности. Города анонимны, а небольшие сельские поселения, где все друг друга знают, гораздо проще рожают подозреваемых и, если на то пошло, тех, кто подозревает их.

Для меня было очевидно, что, создавая Саксби-на-Эйвоне, Алан держал в уме Орфорд. Городок стоял не на Эйвоне, и в нем не было «солидных георгианских построек из батского камня, с красивыми портиками и террасными садами», но стоило мне миновать пожарное депо с его ярко-желтой башней и попасть на деревенскую площадь, я точно поняла, где оказалась. Здешняя церковь была посвящена святому Варфоломею, а не святому Ботольфу, но описание совпадало точь-в-точь, даже полуразрушенные каменные арки присутствовали. Здесь имелся паб, выходящий на кладбище. «Герб королевы», где остановился Пюнд, назывался на самом деле «Голова короля». Деревенская доска объявлений, на которой Джой вывесила признание в своем нецеломудренном поведении, располагалась на боковой стороне площади. На противоположной ее стороне были магазин и пекарня, называвшаяся «Памп-Хаус». Замок, тень которого падала на дом доктора Редвинг и построенный примерно в одно время с тем, который я видела во Фрамлингеме, находился несколько поодаль. Тут даже Дэфни-роуд имелась. В книге это был адрес Невилла Брента, но в настоящем мире на ней проживала сестра Алана. Описание дома оказалось очень похожим. Мне стало любопытно, что бы это значило.

У Клэр Дженкинс не нашлось возможности повидаться со мною накануне, но она согласилась встретиться за обедом. Я приехала пораньше и прогулялась по деревне: пройдясь по главной улице, спустилась к реке Олд. В книге Алана реки не было, ее заменило шоссе, ведущее в Бат. Пай-Холл должен быть где-то слева, что в реальности помещает его на землях Орфордского яхт-клуба. У меня еще оставалось время, так что я попила кофе во втором пабе, «Веселый моряк». В книге он получил название «Паромщик», но оба названия имели отношение к лодкам. Я миновала также небольшой природный парк, послуживший, видимо, прообразом Дингл-Делла, но дома викария я не заметила, да и полоска леса была совсем маленькой.

---

²¹ Артур Конан Дойл. «Медные буки». Перевод Н.Емельяниковой.

До меня начало доходить, как работал ум Алана. Он взял свой собственный дом, Эбби-Грейндж, и поместил его, вместе с озером и деревьями, в деревню, где жил до развода. Потом вырезал всю эту конструкцию и перенес в Сомерсет — графство, в котором, кстати сказать, жили теперь его бывшая жена и сын. Очевидно, он использовал всех и вся вокруг него. Золотистый ретривер Чарльза Клоуера по имени Белла дал свое имя собаке из повествования. Джеймс Тейлор получил вспомогательную роль. И у меня почти не оставалось сомнений, что сестра Алана Клэр окажется прототипом Клариссы.

В силу этого получается, что Алан Конвей — это Магнус Пай во плоти. Любопытно, что автор ассоциировал себя с центральным персонажем своей книги, неприятным и надменным землевладельцем. Он знал что-то, чего не знаю я?

Клэр Дженкинс не носила шляпку с тремя перьями. Дом ее не был неуютно современным. Иными словами, совсем не напоминал здание на Уинсли-Террас, описанное Аланом. Да, он был довольно маленьким и скромным в сравнении с некоторыми другими домовладениями в Орфорде, но уютным, со вкусом обставленным и лишенным всякой церковной иконографии. Сама хозяйка оказалась низенькой, довольно пухлой женщиной в свитере с высоким воротником и в джинсах, не льстивших ее фигуре. В отличие от Клариссы Пай, Клэр не красила волосы, цвет которых заблудился на нейтральной территории между каштановым и серым. На брата она была совсем не похожа, и первое, на что я обратила внимание, пройдя в гостиную, — это что у нее нигде не выставлены напоказ его книги. Возможно, она убрала их с виду в знак траура. Время Клэр мне назначила обеденное, но обедом не угостила. Складывалось устойчивое ощущение, что ей не терпится избавиться от меня как можно скорее.

— Весть про Алана меня потрясла, — сказала она. — Он был на три года младше меня, и мы были близки всю нашу жизнь. Это из-за него я перебралась в Орфорд. Я и понятия не имела, что он болел. Он никогда мне об этом не говорил. Всего неделю назад я встретила Джеймса, в магазине в Ипсуиче, но и он ни слова мне не сказал. Я всегда хорошо с ним ладила, хотя и очень удивилась, узнав, что это партнер Алана. Мы все удивились. Даже не знаю, что сказали бы наши родители, будь они живы — отец у меня, стоит заметить, директором школы работал, — но они давно умерли. Джеймс даже не обмолвился насчет болезни Алана. Интересно, сам-то он знал?

Когда Аттикус Пюнд допрашивал людей, они, как правило, говорили дело. Возможно, причиной было его мастерство сыщика, но ему удавалось заставить их начать с начала и давать связанные ответы на вопросы. С Клэр так не получалось. Она говорила так, как дышит человек с проколотым легким. Слова вылетали из нее порциями, и мне с трудом удавалось уловить смысл сказанного. Женщина сильно волновалась. По ее выражению, смерть брата сразила ее наповал.

— Чего я не могу понять, так это почему он не обратился ко мне. Между нами случались ссоры, но я всегда готова была выслушать и помочь, если у него возникали трудности...

— Он покончил с собой, потому что был болен, — заметила я.

— Это мне и суперинтендант Локк сказал. Но зачем было совершать столь отчаянный поступок? В наши дни есть много способов помочь. Знаете, у моего мужа был рак легких. Сиделки ухаживали за ним просто чудесно. Думаю, в последние свои несколько месяцев он был более счастлив, нежели за всю жизнь со мной. Он находился в центре внимания. Ему это нравилось. В Орфорд я перебралась после его смерти. Это Алан заманил меня сюда. Сказал, будет здорово, если мы поселимся рядом. Этот дом... Если бы не брат, я бы никогда не смогла купить такой. После всего, через что мне довелось пройти, он наверняка мог бы довериться мне, вы так не думаете? Если он действительно решил покончить с собой, неужели он не дал бы мне знать?

— Быть может, боялся, что вы его отговорите?

— Мне никогда не удавалось отговорить Алана от чего-либо. Или на что-то уговорить. У нас это не работало.

— Вы обмолвились, что были близки с ним.

— Ну да. Никто не знал его лучше меня. Я много чего могу о нем рассказать. Не понимаю, почему вы не опубликовали его автобиографию.

— Так он ее не написал.

— Вы могли бы нанять кого-нибудь еще.

Я не стала спорить.

— Мне интересно все, что вы можете сказать, — заверила я Клэр.

— Правда? — Она ухватилась за мои слова. — Я могу написать про него. Расскажу о времени в Чорли-Холле, когда мы были детьми. Мне идея нравится, честно. Я читала некрологи, там Алан совсем не такой, как был на самом деле.

Я попыталась вернуть ее к теме.

— Джеймс упомянул, что вы помогали брату в работе. По его словам, вы отпечатали на машинке несколько его рукописей.

— Верно. Первый черновик Алан всегда писал от руки. Ему нравилось пользоваться чернильной ручкой. Компьютерам он не доверял. Не хотел, чтобы всякая там технология стояла между ним и его работой. Всегда говорил, что предпочитает интимное чувство пера и чернил. Так, мол, он чувствует себя ближе к странице. Я вела вместо него переписку с поклонниками. Люди присылали ему такие милые письма, но у него не было времени отвечать на них. Алан научил меня, как писать так, будто с его голоса. Я готовила письма, а он их подписывал. Еще я помогала ему в изысканиях: узнавала про яды и прочее. А еще это я познакомила его с Ричардом Локком.

Речь шла про детектива-суперинтенданта Локка, который позвонил Чарльзу и сообщил новость о смерти Алана.

— Я работаю в Суффолкском отделении полиции, — пояснила Клэр. — В Ипсуиче, на Мьюзиум-стрит.

— Вы сотрудник полиции?

— Я работаю в отделе кадров.

— Вы набирали для него «Английские сорочки убийства»? — осведомилась я.

Она покачала головой:

— Я остановилась на «Аперитиве с цианидом». Вы понимаете, дело в том, что брат мне ничего не платил. Алан во многом был щедр ко мне. Помог купить этот дом. Брал меня с собой и так далее. Но после того как я отпечатала для него три книги, я намекнула, что не мешало бы установить мне... ну, не знаю... что-то вроде оклада. Это казалось вполне разумным. Я бы ведь дорого не взяла. Просто подумала, что заслужила плату. К несчастью, я ошиблась, потому как сразу заметила, что это задело его. Он не был плохим человеком, я этого не говорю. Ему просто казалось, что он вправе пользоваться моим трудом, ведь я его сестра. По-настоящему мы не поссорились, но после этого Алан набирал рукописи сам. А быть может, Джеймс помогал ему. Я не знаю.

Я рассказала Клэр про пропавшие главы, но она не смогла помочь мне.

— Я ничего этого не читала. Он мне не показывал. Обычно я читала все его книги до публикации, но после нашей размолвки он перестал их мне показывать. Алан, знаете, был такой — из тех, кто легко обижается.

— Если вы станете писать о нем, то нужно будет рассказать и об этом, — заметила я. — Вы двое выросли вместе. Вы всегда знали, что он станет писателем? Почему Алан стал сочинять детективы?

— Да, я напишу. Именно так и сделаю. — А потом, в мгновение ока, Клэр заговорила совсем о другом: — Я не думаю, что он покончил с собой.

— Простите?

— Я так не думаю! — Она выпалила эти слова, словно сдерживала их с самого моего прихода и не могла ждать больше. — Я говорила суперинтенданту Локку, но он не захотел слушать. Алан не совершал самоубийства — я в это ни секунды не верю!

— Полагаете, это был несчастный случай?

— Я думаю, что кто-то убил его.

Я уставилась на нее:

— Кто мог желать ему смерти?

— Куча народу! Были такие, кто завидовал ему, и такие, кто его не любил. Мелисса, например. Она так и не простила то, как он с ней обошелся, и едва ли кто ее осудит. Бросить жену ради мужчины! Это унижение. И поговорите с его соседом, Джоном Уайтом. Они с Аланом поругались из-за денег. Алан мне рассказывал про него. Говорил, что такой тип на все способен. Конечно, это мог сделать человек, не знакомый Алану. Когда ты знаменитый писатель, всегда найдется тот, кто будет тебя преследовать. Было время, совсем недавно, когда брат получал угрозы расправиться с ним. Я знаю, потому что он мне их показывал.

— От кого они приходили?

— Угрозы были анонимные. Мне едва удалось их прочитать, таким корявым языком они были написаны. Ругательства и похабщина. Они были от одного писателя, с которым Алан познакомился в Девоншире и которому пытался помочь.

— У вас какие-нибудь из них сохранились?

— Они должны быть в полицейском участке. В конце концов нам пришлось обратиться в полицию. Я показала письма суперинтенданту Локку, и тот посоветовал нам серьезно отнестись к ним. Но Алан понятия не имел от кого они, и выяснить никак не получилось. Алан любил жизнь. Даже если он болел, то держался бы до конца.

— Он написал письмо. — Я чувствовала, что должна сообщить ей.

— За день до самоубийства он написал нам и рассказал, что намерен сделать.

Клэр посмотрела на меня со смесью недоверия и негодования во взгляде:

— Написал вам?

— Да?

— Лично?

— Нет. Письмо было адресовано Чарльзу Клоуверу, его издателю.

Клэр поразмыслила.

— С чего это он написал вам? А не мне? Вот этого я совсем не понимаю. Мы вместе выросли. Пока его не отправили в частную школу, мы двое были неразлучны. И даже потом, когда я увидела его...

Голос изменил ей, и я поняла, что поступила глупо, так расстроив ее.

— Может, мне уйти? — спросила я.

Клэр кивнула. Она достала платок, но не воспользовалась им. Просто сжала в кулаке.

— Мне очень жаль, — пробормотала я.

Провожать меня она не стала. Я сама нашла дверь и, выйдя на улицу, заглянула в окно и увидела, что Клэр сидит в той же позе. Она не плакала, просто тупо смотрел на стену, обиженная и злая.

Вудбридж

Моя сестра Кэти на два года младше меня, но из нас двоих выглядит старшей. Это расхожая шутка между нами. Она сетует, что мне-то легко жить в своей маленькой захлавленной квартирке, тогда как ей приходится ухаживать за двумя гиперактивными детьми, кучей домашних животных и несовременным мужем — будучи человеком добрым и романтичным, он тем не менее любит, чтобы на стол накрывали точно в срок. У них большой дом и сад в пол-акра, которые Кэти содержит в таком порядке, что хоть на обложку журнала помещай. Дом самый современный, со сдвигающимися окнами, газовыми каминами с эффектом живого огня и гигантским телевизором в гостиной. Книг почти нет. Я никого не осуждаю. Просто это такая деталь, мимо которой я не могу пройти мимо.

Мы с сестрой живем в разных мирах. Кэти более худощавая и больше заботится о внешности. Носит она дорогие вещи, которые покупает по каталогам, и раз в две недели делает прическу где-то в Вудбридже — там у нее знакомый парикмахер. Я даже не скажу, как зовут моего парикмахера: то ли Доз, то ли Даз, то ли Дез, — причем от какого имени это сокращение, понятия не имею. У Кэти нет нужды работать, и тем не менее она десять лет управляет садовым центром, расположенным в полумиле от дома. Ума не приложу, как ей удается совмещать полный рабочий день с обязанностями жены и матери. Разумеется, пока дети были маленькие, через их дом прошла целая вереница домработниц и нянек. Среди них были анорексичка, утвердившаяся в вере христианка, одинокая австралийка и одна, исчезнувшая без следа. Мы с Кэти созваниваемся дважды или трижды в неделю по «Фейстайм», и остается только догадываться, как нам, имеющим между собой так мало общего, удается быть такими хорошими подругами.

Определенно, я не могла уехать из Суффолка, не заглянув к сестре. Вудбридж всего в двенадцати милях от Орфорда, и по счастливому стечению обстоятельств у нее выдалась свободная половина дня. Гордон уехал в Лондон. Он мотался так каждый день: из Вудбриджа в Ипсуич, из Ипсуича на Ливерпуль-стрит и обратно. Он утверждает, что его это не тяготит, но мне страшно подумать о том, сколько часов приходится проводить ему в поездах. Гордону вполне по средствам снять жилье в Лондоне, но он говорит, что ненавидит расставаться с семьей, пусть даже на одну или две ночи. Эти двое придают очень большое значение совместному времяпрепровождению: летний отпуск, катание на лыжах в Рождество, различные вылазки по выходным.

Единственные минуты, когда я ощущаю себя одинокой, — это когда думаю об этой паре.

Расставшись с Клэр Дженкинс, я поехала прямо к сестре. Кэти была на кухне. Хотя дом у нее большой, она, похоже, все время находится только на кухне. Мы обнялись, она налила мне чаю и положила большой кусок пирога, домашней выпечки, конечно.

— Так что привело тебя в Суффолк? — спросила Кэти.

Я сказала ей, что умер Алан Конвей, и она кивнула.

— Ах да, разумеется. Слышала в новостях. Это плохо?

— Ничего хорошего, — ответила я.

— Ты ведь вроде его не любила?

Неужели я поделилась этим с сестрой?

— Мои симпатии тут ни при чем, — заявила я. — Он был крупнейшим из наших авторов.

— Разве он не успел закончить очередную свою книгу?

Я рассказала про рукопись с недостающими двумя или тремя главами, про то, что от них и следа нет на компьютере, да и рукописные наброски тоже исчезли. Пока я все это излагала, меня поразило, насколько странно все это звучит, прямо как в каком-нибудь триллере. Мне вспомнилось утверждение Клэр, что ее брат не мог совершить самоубийство.

— Жутко неприятная история, — покачала головой Кэти. — Что вы будете делать, если тебе не удастся найти пропажу?

Именно эту тему я обдумывала и собиралась обсудить с Чарльзом. Нам нужны «Английские сорочки убийства». Но в сравнении с книгами любых других литературных жанров остросюжетный

детектив — это роман, который непременно должен быть законченным. В качестве исключения, сумевшего просуществовать в неполном виде, мне приходила на ум только «Тайна Эдвина Друда», но Алан Конвей — это не Чарльз Диккенс. Так как же нам поступить? Мы можем найти другого автора, чтобы закончить роман. Софи Ханна славно поработала с Пуаро, но в данном случае сначала предстояло разгадать тайну убийства, что мне оказалось не по зубам. Издав книгу так, мы сделаем нечто вроде нелепого рождественского подарка: такую вещь дарят человеку, который не нравится. Можно даже устроить конкурс: «Скажите нам, кто убил сэра Магнуса Пая, и выиграйте поездку на выходные в Восточном экспрессе». Или можно выждать в надежде, не найдутся ли все-таки пропавшие главы.

Мы поговорили немного об этом. Потом я сменила тему, поинтересовавшись, как поживают Гордон и дети. Гордон был в порядке. Наслаждается работой. На Рождество они собираются покататься на лыжах, уже сняли шале в Куршевеле. Дейзи и Джек приближаются к окончанию учебы в Вудбриджской школе. Они провели в ней почти всю свою жизнь: сначала Кингс-Хаус, подготовительная школа, затем Вестминстер, теперь средняя школа. Милое местечко. Я бывала там пару раз. Даже не верится, какие просторы и как много замечательных зданий могут поместиться в городишке вроде Вудбриджа. Мне подумалось, что школа очень подходит под характер моей сестры. Ничто не меняется. Совершенство во всем. Так легко отрешиться от внешнего мира.

— Детям никогда особо не нравился Алан Конвей, — произнесла вдруг Кэти.

— Да, ты говорила.

— Тебе он тоже не нравился.

— Это верно.

— Ты жалеешь, что я познакомила тебя с ним?

— Ничуть, Кэти. Мы сделали на нем состояние.

— Но он немало досаждал тебе. — Сестра пожала плечами. — Насколько мне известно, никто сильно не пожалел, когда он ушел из Вудбриджской школы.

Алан Конвей закончил преподавать вскоре после того, как вышла первая его книга. К появлению второй он заработал уже больше, чем за всю жизнь получил бы учителем.

— Что было с ним не так? — задала я вопрос.

Кэти задумалась.

— Толком не скажу. Просто Алан заработал плохую репутацию, как это бывает с иными учителями. Думаю, он был слишком строгим. И чувством юмора не отличался.

Это верно. В романах про Аттикуса Пюнда смешных моментов почти нет.

— Он был довольно скрытным, — продолжила сестра. — Я имела возможность понаблюдать за ним во время спортивных дней и других мероприятий с приглашением родителей и поймала себя на мысли, что не могу понять, что у него на уме. У меня всегда возникало чувство, будто он что-то скрывает.

— Свою сексуальную ориентацию? — высказала предположение я.

— Возможно. Когда он бросил жену ради того юнца, это было совершенно неожиданно. И все же дело не в этом. Просто при общении с ним складывалось ощущение, будто он на что-то сердится, но не хочет тебе сказать на что.

Наш разговор длился уже какое-то время, а мне не хотелось попасть в плотный лондонский автомобильный трафик. Я допила чай и отказалась от новой порции пирога. Я и так одолела уже большой кусок, а чего мне на самом деле хотелось, так это сигарету. Кэти же терпеть не могла, когда я курю. Я стала прощаться.

— Скоро вернешься? — спросила сестра. — Дети будут рады повидаться с тобой. Мы бы поужинали вместе.

— Вероятно, мне придется побывать тут еще несколько раз, — сказала я.

— Это хорошо. Мы скучаем по тебе.

Я догадывалась, к чему идет, и Кэти меня не разочаровала.

— Все нормально, Сью? — спросила она тоном, явно подразумевавшим отрицательный ответ.

— Замечательно, — сказала я.

— Ты ведь знаешь, я переживаю, как ты там, одна в своей квартире.

— Я не одна. Со мной Андреас.

— Как там Андреас?

— Прекрасно.

— Он уже должен был бы вернуться в свою школу.

— Нет. До конца недели они не учатся. Он уехал на Крит на лето. — Едва эти слова сорвались у меня с языка, я пожалела об этом. Сказанное означало, что я все-таки одна.

— А почему ты с ним не поехала?

— Андреас меня приглашал, но у меня много работы.

Это была правда только наполовину. Я никогда не ездила на Крит. Что-то во мне сопротивлялось идее вступить в его мир, подвергнуться строгой проверке.

— Существует шанс... ну, что вы двое...

Этим всегда все заканчивалось. Брак. Для Кэти, имеющей за плечами двадцать семь лет стажа семейной жизни, брак был началом и концом всего, единственной важной причиной жить. Брак вбирал в себя Вудбриджскую школу, ее земельный участок, окружающие ее стены — все, что имело для нее ценность. Я же оставалась снаружи и подглядывала через калитку.

— Ну, мы никогда не обсуждали эту тему, — легкомысленно отмахнулась я. — Нам хорошо и так. Тем более что я не стану выходить за него замуж.

— Потому что он грек?

— Потому что он чересчур грек. От него с ума сойдешь.

Ну почему Кэти всегда судит меня по своим стандартам? Почему отказывается понимать, что мне не нужно то, чем живет она, и я могу быть вполне счастлива безо всего, что имеет она? Если во мне прорывается раздражение, то только из-за того, что меня беспокоит мысль: а вдруг она права? Какая-то часть меня задается этим самым вопросом. У меня никогда не будет детей. У меня есть мужчина, который уезжает на все лето, а во время учебного семестра появляется у меня только по выходным — если на эти дни у него не намечен футбол, репетиция школьного театра или воскресный поход в галерею Тейт. Я посвятила всю свою жизнь книгам: книжным магазинам, продавцам книг, книжным людям вроде Чарльза или Алана. И, продолжая так, я закончу, как книга, — на полке.

Я с радостью вернулась к «Эм-Джи-Би». Между Вудбриджем и трассой A12 нет камер, поэтому я придавила на газ. А выехав на M25, включила радио и стала слушать Мариэллу Фроструп. Она говорила про книги. Тут я почувствовала себя в своей тарелке.

Письмо

Неудивительно, что двадцать лет редактируя истории про загадочные убийства, я без труда поняла, что угодила в одну из них. Алан Конвей не покончил с собой. Он отправился на башню, чтобы позавтракать, и кто-то его столкнул. Разве это не очевидно?

Два человека, хорошо знавшие погибшего, его поверенный и сестра, утверждали, что он был не из разряда самоубийц, а ежедневник, в котором Алан бодро покупал театральные билеты, договаривался о матчах в теннис и обедах на неделю вперед, только подтверждал этот вывод. Способ расстаться с жизнью, мучительный и не гарантированный, тоже выглядел неуместным. Вдобавок и подозреваемые уже выстроились в очередь в готовности сыграть главную роль в последней главе. Клэр указала на бывшую жену Мелиссу и на соседа, менеджера хедж-фонда по имени Джон Уайт, с которым у погибшего вышла некоторая размолвка. Она сама поссорилась с ним. Самый очевидный мотив имелся у Джеймса Тейлора. Алан умер буквально накануне того дня, когда собирался подписать новое завещание. Также Джеймс имел доступ в дом и знал, что в солнечную погоду Алан завтракает на крыше. А август выдался теплым.

Обо всем этом я размышляла по пути домой, и тем не менее мне потребовалось время, чтобы принять этот факт. В детективе, стоит сыщику услышать, что сэру Некто Смиту нанесли в поезде тридцать две колотые раны или отрубили голову, он воспринимает это как совершенно естественное событие. Он пакует свой саквояж и отправляется задавать вопросы, собирать улики и в конечном итоге производит арест. Но я-то не сыщик. Я редактор, и до предыдущей недели никто из моих знакомых не погибал подозрительной насильственной смертью. Если не считать родителей и Алана, то и вовсе никто не умирал. Как это странно, если поразмыслить. В книгах и фильмах происходят сотни и сотни убийств. Редкое произведение художественной литературы обходится без них. Зато в реальной жизни их почти не случается, если только вас не угораздило жить в неблагополучном районе. Почему же мы так нуждаемся в загадочных убийствах и что нас привлекает в них: преступление или разгадка? Не говорит ли в нас первобытная жажда крови, ведь наша собственная жизнь так безопасна, так уютна? Я сделала в уме зарубку проверить, насколько популярны книги Алана в Сан-Педро-Сула в Гондурасе — столице мира по количеству убийств. Возможно, их там не читают вовсе.

Все вело обратно к письму. Никому не сказав, я сняла с него копию, прежде чем Чарльз отослал его в полицию, и, едва вернувшись домой, снова внимательно изучила. Мне вспомнилась странная деталь, которую я подметила еще в кабинете Чарльза: рукописное письмо в конверте с напечатанным адресом. Это с точностью до наоборот отражало находку, сделанную Аттикусом Пюндом в Пай-Холле. Сэр Магнус получил отпечатанное на машинке послание с угрозами в подписанном рукой конверте. Что в каждом конкретном случае могло это означать? И если скомбинировать эти две загадки, не откроется ли некое глубинное их значение, шаблон, оставшийся для меня сокрытым?

Письмо отослали на следующий день после того, как Алан передал рукопись в клубе «Плющ». Теперь я жалела, что не разглядела конверт повнимательнее, чтобы определить, отправлено письмо из Лондона или из Суффолка. Впрочем, вскрывая конверт, Чарльз повредил почтовый штампель. Так или иначе, Алан определенно написал его сам. Это был его почерк. И только если его не заставили писать под дулом приставленного к голове пистолета, оно вполне ясно излагало его намерения. Или нет? Сидя в своей квартире в Крауч-Энде, с бокалом вина и собираясь прикурить третью сигарету, я не была так уверена.

Первая страница была отведена извинениям. Алан повел себя дурно. Но это часть общей линии поведения. Он болен. Говорит, что отказывается от лечения и болезнь в любом случае скоро его убьет. На этой странице нет ничего про суицид, даже напротив. Это рак покончит с ним, поскольку пациент не собирается проходить химиотерапию. И при более внимательном взгляде на нижнюю часть первого листа бросаются в глаза разглагольствования про лондонские литературные общества. Алан не утверждал, что его писательская жизнь окончена. Он рассказывал о том, как именно она будет продолжаться.

Вторая страница отводилась смерти, особенно абзац про Джеймса Тейлора и завещание. Но опять ничего конкретного: «после моего ухода скандалов не избежать». Речь могла идти о любом промежутке времени: шесть недель с этого дня, шесть месяцев, год. И только на третьей странице Алан переходит к делу. «Когда Вы это прочтете, всё будет уже кончено». Когда вскоре после известия о случившемся я впервые прочитала письмо, то невольно подумала, что под словом «всё» Конвей имел в виду свою жизнь. Его жизнь будет кончена. Он покончит с собой. Но, перечитывая документ заново, я поймала себя на мысли, что это можно с такой же легкостью отнести к его писательской карьере, речь о которой шла абзацем выше. Он сдал последнюю книгу. Других не будет.

Далее мы переходим к выражению «принятого мною решения» несколькими строчками ниже. Действительно ли оно означает намерение Алана прыгнуть с башни? Или речь просто о решении, которое он объяснил уже выше: о нежелании проходить курс химиотерапии, убить себя только в этом смысле? В конце письма Конвей говорит о людях, которые будут оплакивать его, но опять же, он уже заявил, что готовится к смерти. Но нигде не пишет прямо, что собирается распорядиться своей жизнью сам. «Готовясь покинуть этот мир...» Не слишком ли мягкое выражение, если он уже задумывал прыгнуть с башни?

Вот о чем я размышляла. И хотя с письмом оказалось связано еще нечто, совершенно от меня ускользнувшее и благодаря чему почти все написанное выше окажется ошибкой, к концу того дня все переменялось. Я поняла, что письмо — не то, чем оно казалось: это не более чем общее прощальное слово. Кто-то прочел его и сообразил, что его не составит труда неверно истолковать. Клэр Дженкинс и Саджид Хан были правы. Самый успешный в нашем поколении сочинитель книг про убийства сам стал жертвой убийства.

Раздался звонок в дверь.

Примерно за час до этого позвонил Андреас, и теперь он стоял на пороге с букетом цветов и пухлым магазинным пакетом с критскими оливками, чудесным медом из чабреца, маслом, вином, сыром и горным чаем из железницы. Такое обилие подарков объяснялось не только свойственной ему щедростью. Андреас искренне любил свою страну и все, что она производит. Это так по-гречески. Пусть затянувшийся финансовый кризис этого лета и предыдущего года и набил оскомину в британской прессе, — ну сколько можно предрекать крах страны? — Андреас поведал мне о том, как тяжело кризис до сих пор сказывается на его родине. Бизнес пришел в упадок. Поток туристов иссяк. Стараясь привезти мне как можно больше гостинцев, он словно хотел показать, что в конечном счете все будет хорошо. Кстати говоря, с его стороны было очень мило и вежливо позвонить в дверь. Ведь у него имелся собственный ключ.

Я убралась в квартире, приняла душ, переоделась и придала себе вид, надеюсь, в разумной степени желанный. Я всегда изрядно волновалась перед первой встречей после долгой разлуки. Мне хотелось быть уверенной, что ничего не изменилось. Андреас выглядел прекрасно. После шести недель под солнцем он стал смуглее, чем прежде, и похудел: результат плавания и низкоуглеводной критской пищи. Толстым его никогда нельзя было назвать. Сложен он как солдат: квадратные плечи, правильные черты лица и густые черные кудри, как у греческого пастушка. Или греческого бога. Его отличали озорной взгляд и слегка лукавая улыбка. Не стану утверждать, что он писанный красавец в общепринятом смысле слова, но с ним весело, он умен, добр и приятен в общении.

А еще связан с Вудбриджской школой, и именно там мы с ним и повстречались. Андреас преподавал там латынь и древнегреческий, и забавно было думать, что он раньше, чем я, познакомился с Аланом Конвеем. Мелисса, жена Алана, тоже работала там, так что все они были знакомы задолго до того, как на сцене появилась я. Меня Андреасу представили в конце летнего триместра. Был спортивный день, и я приехала поболеть за Джека и Дейзи. Мы разговорились, Андреас сразу мне понравился, но снова мы встретились только год спустя. К тому времени он перевелся в Вестминстерскую школу в Лондоне и позвонил Кэти, чтобы узнать мой номер. Было здорово, что спустя столько времени он вспомнил про меня, но роман наш начался не сразу. Прежде чем стать любовниками, мы долго были друзьями. Собственно говоря, в наших теперешних отношениях мы состоим всего пару лет. Про Алана мы, кстати, почти не разговаривали. Между ними кошка пробежала, хотя я никогда не спрашивала, в чем причина. Я

бы не назвала Андреаса завистливым, но подозреваю, что в глубине души его раздражает успех Алана.

О прошлом Андреаса я знала все: он не хотел, чтобы между нами оставались секреты. В первый раз он женился совсем молодым, всего в девятнадцать, и брак распался во время его службы в греческой армии. Вторая его жена, Афродита, жила в Афинах. Подобно мужу, она была учительницей и вместе с ним уехала в Англию. Но тут не срослось. Афродита страшно скучала по семье и по родине.

— Мне следовало заметить, как она несчастна, и вернуться вместе с ней, — признался мне Андреас. — Но было слишком поздно: она уехала одна.

Они остались друзьями и виделись время от времени.

На обед мы отправились в Крауч-Энд. Там был греческий ресторан, его содержали киприоты, и хотя можно подумать, что после лета на родине Андреасу меньше всего хотелось национальной еды, но такая сложилась у нас традиция. Выдался очередной теплый вечер, поэтому ели мы снаружи, усевшись рядышком на узком балконе, а над головой у нас без нужды гоняли воздух конвекторы. Мы заказали тарамасалату, долмадес, луканико, сувлаки... — все это готовилось в крошечной кухоньке рядом с входной дверью — и дополнили пир бутылкой молодого красного вина.

Тему смерти Алана поднял Андреас. Он прочитал новость в газетах и беспокоился, как она скажется на мне.

— Это повредит компании? — спросил он.

Андреас, кстати, прекрасно говорит по-английски. Мать его была англичанка, поэтому он вырос билингом. Я рассказала ему про отсутствующие главы, а после этого как-то само собой выплыло и остальное. Я не видела причины таиться от него, и было даже здорово, что рядом есть кто-то, с кем можно поделиться. Я рассказала про свой визит во Фрамлингем и про всех, с кем повстречалась там.

— Я заезжала к Кэти, — добавила я. — Она про тебя спрашивала.

— А, Кэти! — Андреас всегда хорошо относился к моей сестре, даже когда знал ее только как родительницу своих учеников. — Как там дети, Джек и Дейзи?

— Их не было дома. Да они уже едва ли дети: Джек в следующем году идет в университет...

Я рассказала Андреасу про письмо и как пришла к заключению, что Алан, возможно, не покончил с собой.

— В этом твоя беда, Сьюзен, — улыбнулся Андреас. — Ты всегда ищешь сюжет. Читаешь между строк. Все у тебя с подтекстом.

— Думаешь, я ошибаюсь?

— Ну вот, я обидел тебя. — Он взял меня за руку. — Я не хотел. Это одно из качеств, которое мне в тебе нравится. Но ты не думаешь, что полиция заметила бы, если бы кто-то толкнул его с башни? Убийца должен был проникнуть в дом. Остались бы следы борьбы. Нашли бы отпечатки пальцев.

— Не уверена, что полицейские вели следствие.

— Не вели, потому что и так все ясно. Алан был болен. И спрыгнул.

Меня удивила такая уверенность.

— Тебе ведь Алан никогда особо не нравился, — сказала я.

Андреас на какое-то время задумался.

— Мне Конвей совсем не нравился, если честно. Он мешался. — Я ждала, чтобы мой друг пояснил, что имеет в виду, но он только пожал плечами. — Этот человек был не из тех, кто располагает к себе.

— Почему?

Андреас рассмеялся и вернулся к еде.

— Ты сама постоянно на него жаловалась.

— Мне приходилось с ним работать.

— И мне тоже. Ну его, Сьюзен! Не хочу о нем говорить. Это только испортит вечер. Думаю, тебе следует быть осторожней, вот и все.

— Почему ты так говоришь? — спросила я.

— Потому что это не твое дело. Возможно, он покончил с собой. Возможно, кто-то его убил. В любом случае тебя это не касается. Я только о тебе забочусь. Это может быть опасно.

— Правда?

— Почему нет? Следует хорошенько подумать, прежде чем влезать в чужую жизнь. Возможно, я говорю это, потому что вырос на острове, в небольшой общине. Мы всегда считали, что все должно оставаться в семье. Ну какая тебе разница, как умер Алан? Я бы держался подальше...

— Но мне нужно разыскать пропавшие главы! — перебила его я.

— Да может, и нет никаких пропавших глав. Вопреки твоим словам, ты не можешь твердо знать, написал ли он их. Их нет на его компьютере. Нет в его столе.

Я не пыталась спорить. Было немного досадно, что Андреас с лету отмел все мои теории. Еще мне показалось, что с того самого момента, как он поднялся в квартиру, между нами возникла какая-то неловкость, отдаление. Мы всегда общались легко. Чувствовали себя уютно, когда молчали. Но сегодня вечером было не так. Присутствовало нечто, о чем Андреас умалчивал. Мне даже подумалось, не нашел ли он другую.

И тут, в конце ужина, когда мы потягивали густой, сладкий кофе, который, как я уже усвоила, категорически нельзя называть турецким, он вдруг заявил:

— Я подумываю уйти из Вестминстерской школы.

— Прости, что?

— В конце триместра. Хочу оставить преподавание.

— Это очень неожиданно, Андреас. Почему так?

Он рассказал. На продажу выставили гостиницу на окраине Айос-Николаоса: уютный, семейный отель с двенадцатью номерами, прямо на берегу моря. Собственникам уже за шестьдесят, а их дети уехали с острова. Подобно многим молодым греками, они перебрались в Лондон. Кузен Андреаса Яннис работал у хозяев отеля, которые относились к нему почти как к сыну. Они предложили ему купить гостиницу, а тот обратился к брату за финансовой помощью. Андреас устал от учительства. Всякий раз, возвращаясь на Крит, он все сильнее ощущал себя дома и стал задаваться вопросом, зачем вообще оттуда уехал. Ему пятьдесят. Это шанс изменить жизнь.

— Но, Андреас! — возразила я. — Ты ведь понятия не имеешь, как управлять отелем.

— Яннис знает, и отель небольшой. Что там сложного?

— Но ты сам говорил, что туристы не едут больше на Крит.

— В этом году — да. Следующий год может оказаться более удачным.

— Но разве ты не будешь скучать по Лондону?

Все мои реплики начинались с «но». Искреннее ли убеждение, что это плохая идея, руководило мной, или это была перемена, которой я опасалась, — страх потерять его? Именно об этом и предупреждала меня сестра: что я в итоге останусь одна.

— Я думал, ты обрадуешься, — сказал он.

— Почему я должна радоваться? — несчастным голосом спросила я.

— Потому что я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— Ты серьезно?

Андреас во второй раз рассмеялся:

— Ну конечно! Иначе зачем бы мне тебе это говорить, как думаешь?

Официант принес ракию и разлил по стаканам, наполнив их до краев.

— Сьюзен, тебе это понравится, обещаю! — воскликнул Андреас. — Крит — чудесный остров, да и тебе давно уже пора познакомиться с моей семьей и друзьями. Они постоянно про тебя спрашивают.

— Ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж?

Он поднял стакан, в глазах его блеснул озорной огонек.

— И что ты ответишь, если так?

— Наверное, ничего. Я слишком удивлена. — Мне не хотелось его обижать, поэтому я добавила: — Скажу, что обдумую предложение.

— Это все, о чем я прошу.

— У меня работа, Андреас. У меня собственная жизнь.

— Крит в трех с половиной часах полета отсюда, а не на другой стороне земли. К тому же после того, что ты мне тут рассказала, у тебя может не остаться выбора.

Это было верно. Без «Английских сорочьих убийств», без Алана — как долго сможем мы протянуть, кто скажет?

— Не знаю. Идея замечательная. Но ты обрушил ее на меня так внезапно. Мне нужно время все обдумать.

— Ну разумеется.

Я взяла стаканчик с ракией и осушила залпом. Мне хотелось спросить, что будет, если я предпочту остаться. Уступит? Уедет без меня? Заводить этот разговор было рано, но, по правде говоря, я сомневалась, что смогу променять свою жизнь: «Клоуверлиф», Крауч-Энд — на Крит. Мне нравилась моя работа, да и мои отношения с Чарльзом следовало принять в расчет, особенно в такой сложный момент. Мне трудно было представить себя Ширли Валентайн двадцать первого века, сидящей на камнях в тысяче миль от ближайшего книжного магазина «Уотерстоунз».

— Я подумаю над предложением, — сказала я. — Возможно, ты прав. К концу года я могу остаться без работы. А застилать кровать мне, думается, вполне по силам.

Андреас остался на ночь, и было очень хорошо, что он снова рядом. Но, лежа в темноте, в его объятиях, я все никак не могла уснуть, в моем мозгу проносилось множество различных картин. Я видела себя выходящей из машины в Эбби-Грейндж, с нависающей надо мной башней. Вот я рассматриваю следы шин, обыскиваю кабинет Алана. Снова передо мной оказалась фоторамка из офиса Саджид Хана, но на этот раз в ней мелькают изображения Алана, Чарльза, Джеймса Тейлора, Клэр Дженкинс и мое собственное. Одновременно до ушей долетают обрывки фраз. «Я просто испугался, что у вас может закружиться голова» — это Джеймс, подхватывая меня на верхней площадке башни. «Я думаю, что кто-то убил его» — это сестра Алана в Орфорде. И одновременно слова, сказанные Андреасом за ужином: «...это не твое дело... тебя это не касается».

Много позже той ночью мне показалось, что открылась дверь и в спальню вошел мужчина. Он опирался на трость. Он не говорил ни слова, только печально смотрел на нас с Андреасом. Когда луч лунного света проник в окно, я узнала Атиккуса Пюнда. Мне все это снилось, конечно, но помню, что я пыталась понять, как ему удалось попасть в мой мир. Мне не приходило в голову, что, быть может, это я оказалась в его мире.

Клуб «Плющ»

— Как успехи? — осведомился Чарльз.

Я рассказала ему про поездку во Фрамлингем, о встречах с Джеймсом Тейлором, Саджид Ханом и Клэр Дженкинс. Пропавшие главы не обнаружались. На компьютере их нет. Рукописные страницы тоже не найдены. Не знаю точно почему, но я не стала говорить про то, как именно умер Алан, и про свое убеждение, что письмо могло быть намеренно использовано, чтобы сбить нас со следа. Не сказала я и про то, что читала, а точнее, пробовала читать «Скольжение».

Я взяла на себя роль сыщика, а всем детективам, о которых мне доводилось читать, присуща неотъемлемая черта: одиночество. Подозреваемые знакомы друг с другом. У них есть семья или друзья. Но сыщик всегда чужой. Он задает необходимые вопросы, но ни с кем не устанавливает настоящих человеческих отношений. Он не доверяет подозреваемым, а те, в свою очередь, опасаются его. Любые отношения основываются исключительно на обмане и в конечном итоге не ведут ни к чему. Когда убийца изобличен, сыщик уходит и больше не возвращается. По правде говоря, все рады расстаться с ним. Я заметила это на примере Чарльза: между нами возникла дистанция, какой не наблюдалось прежде. Меня поразила мысль, что, если Алана в самом деле убили, Чарльз может войти в число подозреваемых, хотя я не находила у него ни малейшего повода устранять самого успешного из своих авторов и тем самым обанкротить себя самого.

Чарльз тоже изменился. Он выглядел похудевшим и усталым, прическа была не такой аккуратной, а костюм казался помятым, чего я раньше никогда не замечала. Удивляться было нечему. Он оказался вовлечен в полицейское расследование, лишился гарантированного бестселлера и столкнулся с перспективой расстаться с прибылью за целый год. Все это не сулило достичь хороших показателей к Рождеству. К тому же Чарльзу впервые предстояло стать дедом. Эти заботы сказывались.

Тем не менее я продолжала гнуть свое.

— Мне нужно знать больше об ужине в «Плюще», — сказала я. — О последней твоей встрече с Аланом.

— Что ты хочешь знать?

— Я пытаюсь понять, что происходило у него в голове. — Это была только часть правды. — Выяснить, почему он намеренно скрыл часть страниц.

— Думаешь, это сделал он?

— Создается впечатление, что так.

Чарльз понурил голову. Никогда я не видела его таким раздавленным.

— Все это дело — настоящая катастрофа для нас, — проговорил он.

— Я разговаривал с Анджелой.

Анджела Макман возглавляла наш отдел маркетинга и продаж. Если я не ошибалась в ней, она наверняка уже подыскивает новую работу.

— Анджела говорит, — продолжил Чарльз, — что нас ожидает скачок продаж, особенно когда полиция объявит о самоубийстве Алана. Общественный резонанс. Она пытается пристроить материал в «Санди таймс».

— Ну это ведь хорошо?

— Возможно. Только это быстро закончится. Нет уверенности даже, что Би-би-си продолжит работу над экранизацией.

— Не понимаю, что меняется с его смертью? — покачала я головой. — С какой стати им сворачивать проект?

— Алан не подписал договор. Телевизионщики по-прежнему спорят насчет кастинга, а теперь им придется ждать, когда выяснится, кому принадлежат права, а это может означать, что переговоры придется начинать сначала.

Под столом заворчалась и заурчала Белла, и мои мысли, всего на миг, обратились к ошейнику, найденному Аттикусом Пюндом во второй спальне в Лодж-хаусе. Белла, собака Тома

Блэкистона, которой перерезали горло. Ошейник — определенно ключ. Вот только к какому замку?

— Алан заводил разговор про телесериал в «Плюще»? — спросила я.

— Нет. Даже не упомянул о нем.

— Вы двое поссорились.

— Я бы так не сказал, Сьюзен. Мы разошлись во мнениях по поводу названия его книги.

— Оно тебе не понравилось.

— Мне показалось, что звучит слишком похоже на «Чисто английские убийства», только и всего. Не стоило мне начинать об этом, но книгу-то я тогда еще не читал, а говорить о чем-то нужно было.

— И именно тогда официант уронил тарелки.

— Да. Алан не закончил предложение. Я не помню, что он говорил. И тут раздался этот вселенский грохот.

— Ты сказал, что Алан разозлился.

— Верно. Он подошел к нему и все высказал.

— К официанту?

— Да.

— Он вышел из-за стола? — Даже не знаю, зачем я сделала упор на этом моменте. Просто этот поступок выглядел довольно необычным.

— Да, — подтвердил Чарльз.

— Ты не находишь это странным?

Чарльз задумался.

— Да не особо. Они разговаривали минуту другую. Алан, как я понимаю, жаловался. Потом пошел в туалет. А когда вернулся за стол, мы закончили ужин.

— Ты ведь не сможешь описать мне официанта? Имени его не знаешь?

На этом этапе мне нечего было особо предпринять, но у меня создалось ощущение, что что-то произошло тем вечером, когда Алан встречался с Чарльзом. Все нити сходились и сплетались воедино за тем столом. В тот самый момент, когда автор передал рукопись, что-то задело его, сделав раздражительным. Он повел себя странно, выйдя из-за стола, чтобы выговорить официанту за проступок, не имеющий к нему лично никакого отношения. В сданной рукописи отсутствует часть страниц, а два дня спустя писатель погибает. Я ничего не сказала Чарльзу, потому как он наверняка ответит, что я попусту трачу время. Но ближе к вечеру я направилась в этот частный клуб с намерением в него проникнуть.

Это оказалось нетрудно. Администратор сообщил, что не далее как вчера в клубе работали полицейские, задавали вопросы про поведение Алана, его настроение. Я была его редактором и другом Чарльза Кловера. Ну конечно, мне можно войти. Меня проводили в ресторан на третьем этаже. Там было пусто, столы накрывали для ужина. Администратор назвал имя официанта, виновного в инциденте с тарелками в ту пятницу, и, когда я вошла, он ждал меня у двери.

— Да, все правильно, — подтвердил он. — Мне в тот вечер полагалось работать в баре, но рук не хватало, поэтому я стал помогать в ресторане. Те два джента как раз приступали к основному блюду, когда я вышел из кухни. Сидели они вон в том углу...

Многие из официантов в клубе были молодыми и выходцами из Восточной Европы. Но Дональд Ли не принадлежал ни к одной из этих категорий. Он приехал из Шотландии, что стало ясно, стоило ему заговорить, и было ему лет тридцать с небольшим. Он из Глазго, сообщил Дональд, женат, имеет сына двух лет. В Лондоне он вот уже шесть лет и доволен работой в «Плюще». Официант был невысоким, коренастым мужчиной, на плечах которого отпечатались груз жизненных невзгод.

— Вы бы поглядели, какие люди к нам заходят, особенно когда театры закрываются, — продолжал он. — Не только писатели. Актеры, политики — весь набор.

Я сказала ему, кто я такая и зачем здесь. Полицейские его уже допросили, и он вкратце изложил мне то, что сообщил им. Чарльз Клоувер и его гость забронировали столик в ресторане на половину восьмого, а ушли вскоре после десяти. Он их не обслуживал. Он понятия не имеет, что они ели, но помнит, что им принесли бутылку дорогого вина. Мистер Конвей был не в духе.

— Откуда вы знаете?

— Уж поверьте на слово. Вид у него был унылый.
— Тем вечером он сдал свой новый роман.
— Неужели? Что же, рад за него. Я сам не видел, впрочем, мне приходилось ходить туда-сюда. Хлопот был полон рот, а людей, как я уже сказал, не хватало.

С самого начала у меня сложилось впечатление, что он о чем-то недоговаривает.

— Вы уронили тарелки, — напомнила я.

Дональд хмуро посмотрел на меня:

— Только об этом без конца и слышу. Ну что за трагедия?

Я вздохнула:

— Послушайте, Дональд, — можно вас так называть?

— Я не на смене. Называйте как угодно.

— Мне просто хочется знать, что произошло. Я работала с Аланом. Я хорошо его знала и, если начистоту, не питала к нему особой симпатии. Но я не думаю, что Конвей покончил с собой, и, если вы что-то видели или слышали, это на самом деле может помочь. Все, что вы мне сообщите, останется между нами.

— Если вы не думаете, что он покончил с собой, то что тогда?

— Я вам скажу, если вы сообщите мне подробности, которые я хочу знать.

Ли задумался на минуту.

— Не возражаете, если я закурю? — спросил он.

— Я присоединюсь, — сказала я.

Снова старые добрые сигареты растопили ледок, сблизив нас. Мы вышли из ресторана. На улице имелось место для курения: квадратный дворик, обнесенный от косо смотрящего мира стенами. Мы оба закурили. Я сказала, что меня зовут Сьюзен, и еще раз пообещала, что все останется исключительно между нами. Дональд вдруг разговорился.

— Вы издатель? — спросил он.

— Я редактор.

— Но работаете на издателя.

— Да.

— Тогда, вероятно, мы сможем друг другу помочь. — Ли помедлил.

— Я знал Алана Конвея. Я узнал его, едва только глянув, вот почему и уронил те проклятые тарелки. Я совсем позабыл про них, и они соскользнули с салфетки.

— Откуда вы его знаете?

Официант как-то странно на меня посмотрел.

— Вы работали над романом про Аттикуса Пюнда, который называется «Гость приходит ночью»?

Это была четвертая книга в серии, действие которой происходит в подготовительной частной школе.

— Я над всеми работала.

— Что вы о нем думаете?

Книга «Гость приходит ночью» была посвящена убийству директора во время школьного спектакля. Директор сидит в затемненной аудитории, когда некий силуэт пробирается через ряды зрителей и в следующий миг учителю с хирургической точностью наносят удар ножом в боковую часть шеи. Хитрее всего было то, что основные подозреваемые находились в этот момент на сцене и не могли совершить убийство, хотя в итоге все-таки выяснилось, что это один из них. Действие происходит вскоре после войны, предыстория касается трусости и дезертирства.

— Мне он показался блестящим, — сказала я.

— Это мой сюжет. Моя идея. — Глаза у Дональда Ли были серьезные, карие, и на миг в них блеснул огонь. — Хотите, чтобы я продолжал?

— Да, прошу вас, рассказывайте.

— Ну хорошо.

Он сунул в рот сигарету, вспыхнувшую на конце ярко-красным, и глубоко затянулся.

— Я с детства любил книги, — начал Дональд. — Всегда хотел стать писателем, даже в школе. Школа наша, в Бриджтоне, к востоку от Глазго, была не тем местом, где стоит мечтать о такой карьере. Жуткое, отвратительное заведение, где на тебя смотрели как на придурка, если ты

ходишь в библиотеку. Мне было все равно. Я читал постоянно, проглатывал все книги, какие попадали под руку. Шпионские истории: Том Кланси, Роберт Ладлэм. Приключенческие романы. Ужасики. Я обожал Стивена Кинга. Но больше всего любил детективы. Они мне никогда не надоедали. Я не пошел в университет и тому подобное. Все, чего я хотел, — это сочинять, и однажды, попомните мои слова, Сьюзен, я добьюсь своего. Сейчас я тружусь над книгой. Работа здесь мне нужна лишь для того, чтобы было на что жить, пока я не закончу. Проблема в том, что у меня никак не выходит так, как я хочу. Когда я начинаю писать, вся книга у меня в голове. Я знаю, что хочу изложить. У меня готовы идеи и персонажи. Но когда я начинаю переключать их на лист бумаги, ничего не получается. Я пытаюсь и пытаюсь, потом просто сижу, глядя на страницу, и переписываю все заново. Я могу делать это по пятьдесят раз кряду, и все равно никакого проку. Так вот, пару лет назад я прочитал то объявление. Есть люди, которые проводят по выходным курсы в помощь начинающим писателям. Вот такие курсы и должны были начаться черт знает где, в клятом Девоншире! Зато главной их темой был детектив. И стоили они недешево. За участие просили семьсот фунтов. Но я поднакопил денег и решил, что попробовать стоит. Так что я записался.

Я наклонилась и стряхнула пепел в изящную серебряную пепельницу, о которой позаботился клуб «Плющ». Я уже догадывалась, чем закончится эта история.

— Все мы приехали на ту ферму в глуши, — продолжал Ли. Он стоял, сжав кулаки, как если бы участвовал в репетиции, играл роль. — В группе нас было одиннадцать. Некоторые из участников были совсем никакие, и были две женщины, считавшие, что они лучше всех нас. Вам наверняка доводилось встречать таких. Но остальные оказались нормальными людьми, и мне в самом деле понравилось среди них. Знаете, я осознал, что не один такой, что у всех такие же проблемы и мы все здесь ради одной цели. Курсы вели трое преподавателей. Одним из них был Алан Конвей. Мне он показался классным. Приехал на шикарной машине, на «БМВ», и поселили его в отдельном домике. Мы же жили все вместе. Но при этом Алан не чурался возиться с нами. Он хорошо знал, о чем говорит, и, разумеется, заработал кучу денег на своих книжках про Аттикуса Пюнда. Перед тем как ехать на курсы, я прочитал пару из них. Они мне понравились и не сильно отличались от тех, которые пытался сочинять я. Днем шли семинары и лекции. Обедали мы вместе, — собственно говоря, всем членам группы приходилось помогать с готовкой. А по вечерам подавали вволю выпивки, и мы просто болтали и расслаблялись. Это было любимое мое время. Мы все чувствовали себя равными. И вот как-то вечером мы с Аланом уединились в уютном уголке, и я рассказал ему про книгу, которую пишу.

По мере приближения к неизбежной развязке Дональд все крепче стискивал кулаки.

— Если я дам вам свою рукопись, вы ее прочитаете? — спросил он. Я обычно страшусь этого вопроса, но вынуждена была склониться перед неизбежным.

— Вы хотите сказать, что Алан украл ваши идеи? — осведомилась я.

— Именно это я и говорю, Сьюзен. Именно это он и сделал.

— Как называется ваша книга?

— «Смерть выходит на подмости».

Кошмарное название. Но этого я, разумеется, не сказала.

— Я взгляну на нее, если хотите, — сказала я. — Но не обещаю, что смогу помочь.

— Я хочу только, чтобы вы на нее взглянули. Это все, о чем я прошу. — Он посмотрел мне в глаза, как бы проверяя, осмелюсь ли я отказаться. Потом продолжил: — Я пересказал Алану Конвею свой сюжет. Поведал все о задуманном убийстве. Было поздно, в комнате оставались только мы двое, никаких свидетелей. Он спросил, нельзя ли ему посмотреть рукопись, и я расцвел. Все хотят, чтобы их книгу прочли. В том-то все и дело. — Дональд докурил и затушил окурок, потом сразу взял вторую сигарету. — Прочел он быстро. Оставалось всего два дня до конца курсов, и в последний день он отвел меня в сторону и дал несколько советов. Сказал, что я злоупотребляю прилагательными. Что мои диалоги нереалистичны. А с какой стати им быть реалистичными, черт возьми! Это ведь не жизнь! Это художественная литература! Алан подал мне пару сносных идей насчет главного героя, моего сыщика. Помню, среди прочего он сказал, что детектив обязан иметь какую-нибудь дурную привычку: курить, пить или что-то подобное. Пообещал, что свяжется со мной снова, и я дал ему свою электронную почту. Ничего я от него не получил. Ни слова. А потом, спустя почти ровно год, в магазинах появилась книга «Гость приходит

ночью». Сюжет строился вокруг постановки пьесы. В моем романе действие происходило не в школе, а в театре. Но идея была та же. И этим он не ограничился. Он украл мое убийство. Оно было в точности такое же. Тот же метод, те же улики, почти те же персонажи.

— Голос его стал громче. — Вот что сделал Конвей, Сьюзен. Он взял мой сюжет и использовал его в своем романе «Гость приходит ночью».

— Вы кому-нибудь говорили об этом? — спросила я. — Что вы сделали, когда вышла книга?

— А что мог я сделать? Может, вы мне скажете? Кто бы мне поверил?

— Вы могли написать нам, в «Клоуверлиф букс».

— Я написал. Обратился к директору, мистеру Клоуверу. Он не ответил. Я написал Алану Конвею. Много раз писал, если точнее. И, скажем так, не стеснялся в выражениях. Но и от него ничего не получил. Прежде всего я написал тем, кто организовал те курсы. От них письмо пришло. Они послали меня куда подальше. Сказали, что не несут ни за что ответственности и это их не касается. Я подумывал обратиться в полицию. Я рассуждал так: Конвей кое-что у меня украл. Так ведь это называется? Но потом я поговорил с женой, с Карен, и та посоветовала мне все забыть. Это ведь знаменитый писатель. Его защищают. А я никто. Она сказала, что моей писательской карьере только повредит, если я попытаюсь бороться, и лучше все бросить. Так я и поступил. И продолжаю писать. По крайней мере, я знаю, что способен выдавать хорошие идеи. Ведь если бы это было не так, Конвей бы их не украл.

— У вас есть другие романы? — спросила я.

— Сейчас работаю над одним. Только это не детектив, я от них теперь отошел. Книга для детей. Теперь, когда у меня ребенок, я думаю, у меня есть право их писать.

— Но «Смерть выходит на подмостки» у вас сохранилась?

— Ну разумеется. Я храню все написанное. Я знаю, что у меня талант. Карен мои книги нравятся. И в один прекрасный день...

— Пришлите ее мне. — Я порылась в сумочке и выудила карточку.

— Так что произошло, когда вы увидели Алана в ресторане?

Дональд ждал, когда я передам ему визитку. Для него она была как спасательный круг. Я находилась в башне из слоновой кости, а он стоял у дверей. Я видела это выражение у множества молодых писателей. Им кажется, что издатели совсем другие люди: умнее, успешнее, чем они, тогда как на самом деле мы просто влачим свои дни в надежде, что не окажемся без работы уже в конце месяца.

— Я вышел из кухни, — сказал он. — Нес два основных блюда и добавочное для столика номер девять. Тут я его заметил — он что-то оживленно доказывал. Я настолько удивился, что застыл на месте. Тарелки были горячие. Они стали жечь через салфетку, и я их уронил.

— А дальше? Мне сказали, что Алан вышел из-за стола и накинулся на вас.

— Все было не так, — покачал головой Дональд. — Я вытер пол и передал новый заказ на кухню. Мне не очень хотелось возвращаться в комнату, но выбора не было. Да и обслуживал я не его столик. Так вот, дальше, насколько я понимаю, мистер Конвей встал, чтобы пойти в туалет, и путь его проходил прямо мимо меня. Я не хотел вступать с ним в разговор, но, увидев его так близко, не сдержался.

— Что вы сказали?

— Поздоровался. Спросил, помнит ли он меня.

— Ну и?

— Он меня не узнал. Или сделал вид. Я напомнил, что мы встречались в Девоншире и он-де был так любезен, что прочитал мой роман. Конвей точно сообразил, кто я такой и к чему клоню. И стал со мной резок. «Я сюда пришел не с официантами разговаривать». Вот так он и сказал, дословно. И потребовал, чтобы я не мешал ему пройти. Говорил он тихо, но я в точности знал, чем все закончится, если я не поберегусь. Все то же самое: он успешный, на шикарной машине, живет в большом доме во Фрамлингеме. А я никто. Он член клуба. Я обслуживаю столики. Мне нужна эта работа. У меня ребенок двух лет. Так что я промямлил, что извиняюсь, и отошел в сторону. У меня от этого все внутри перевернулось, но что я мог поделать?

— Вас, наверное, порадовала весть о его смерти?

— Хотите правду, Сьюзен? Я был в восторге. Я не был бы более счастлив, даже если...

Он и так сказал слишком много, но я продолжала давить.

— Если что?

— Это не важно.

Но мы оба знали, что Дональд имел в виду. Я передала ему визитку, он сунул ее в верхний карман. Потом докурил вторую сигарету и затушил окурочок.

— Позвольте задать последний вопрос, — произнесла я, когда мы двинулись обратно. — Вы обмолвились, что Алан спорил о чем-то. Вы не слышали ничего из его слов?

— Я находился слишком далеко, — покачал головой Ли.

— Как насчет людей за соседним столиком?

Мне хорошо запомнилась планировка комнаты. Посетители в буквальном смысле касались плечами друг друга.

— Вполне возможно. Если хотите, я могу узнать, кто там сидел. Фамилии заведены в базу.

Он ушел с террасы и вернулся в ресторан, чтобы исполнить мою просьбу. Я смотрела ему вслед и вспоминала оброненную им только что фразу: «...в большом доме во Фрамлингеме». Ему не было нужды выяснять название городка. Он и так знал, где жил Алан.

Внук

Человека, сидевшего тем вечером за ближайшим от Алана Конвея столиком и который мог слышать — а мог и не слышать — разговор, звали Мэтью Причард. И это было очень любопытно. Вам его имя может ни о чем не говорить, но мне-то оно хорошо знакомо. Мэтью Причард — внук Агаты Кристи. Когда мальчику исполнилось девять, ему с помпой передали права на «Мышеловку». Странно писать о нем, и звучит неправдоподобно, что он оказался там. Однако он член клуба. Офис компании «Агата Кристи лимитед» располагается буквально в нескольких шагах оттуда, на Друри-лейн. И как я уже упоминала, «Мышеловка» до сих пор идет в театре «Сент-Мартин», стоящем чуть дальше по улице.

У меня имелся номер его мобильного. Мы встречались пару-тройку раз на литературных мероприятиях, а несколько лет назад я вела переговоры насчет покупки его книги под названием «Большое турне». Это весьма занимательный рассказ о кругосветном путешествии, совершенном его бабушкой в 1922 году (издательство «Харпер-Коллинз» перебило мое предложение). Я позвонила Причарду, и он сразу меня узнал.

— Ну конечно, Сьюзен. Рад вас слышать. Как поживаете?

Я не знала толком, как объяснить, что мне нужно. Получалось, что я втягиваю его в настоящую загадку, расследование которой веду. Этот факт выглядел причудливо, и мне не хотелось обсуждать это по телефону. Поэтому я просто упомянула про смерть Алана Конвея — Мэтью был в курсе — и сказала, что хочу спросить его кое о чем. Этого оказалось достаточно. Как выяснилось, Причард находился совсем рядом. Он сообщил мне название коктейль-бара рядом с Севен-Дайелс, и мы договорились встретиться там вечером и пропустить по стаканчику.

Если потребуется описать Мэтью одним словом, я предпочту эпитет «приветливый». Ему лет семьдесят, и, глядя на его взъерошенные седые волосы и красноватое лицо, можно предположить, что он прожил жизнь на полную катушку. Смех его слышен по всей комнате: так задорно и весело смеется моряк, отпустивший только что соленую шутку. Войдя в коктейль-бар, он выглядел безупречно в спортивном пиджаке и рубашке с открытым воротом и, вопреки моему предложению, настоял, что сам заплатит за напиток.

Мы поболтали немного про Алана Конвея. Он выразил свои соболезнования, сказал, что ему всегда нравились его книги. «Очень, очень умные. Всегда неожиданные. Полные отличных идей». Слова я помню в точности, потому что корыстная моя половина размышляла о том, нельзя ли поместить их на заднюю обложку: похвала творчеству Алана Конвея из уст внука Агаты Кристи отнюдь не помешает будущим продажам. Мэтью спросил, как умер Алан, и я ответила, что полиция подозревает самоубийство. Это его огорчило. Как человек полный жизни, он с трудом мог понять, почему кто-то предпочитает добровольно покончить со своей. Я добавила, что Алан был серьезно болен, и он кивнул — это придавало поступку хоть какой-то смысл.

— Знаете, я видел его неделю назад или около того, — сказал Мэтью. — В «Плюще».

— Об этом-то я и хотела вас расспросить, — заметила я. — Он ужинал со своим издателем.

— Да, верно. Я сидел за соседним столиком.

— Мне очень интересно узнать, что вы видели. Или слышали.

— Почему бы вам не спросить у издателя?

— Я спрашивала. Чарльз рассказал мне, что помнил, и я пытаюсь заполнить пробелы.

— Ладно. В общем-то, я к разговору не прислушивался. Разумеется, столики стояли совсем близко, но едва ли я смогу передать вам весь их разговор.

Меня весьма порадовало, что Мэтью не стал спрашивать, зачем мне понадобилось узнать о случившемся. Большую часть жизни он прожил в мире, созданном его бабушкой, а там сыщикам положено задавать вопросы, а свидетелям — отвечать на них. Вот так все просто. Я напомнила ему про момент, когда Ли уронил тарелки, и Мэтью улыбнулся.

— Да-да, помню. Честно говоря, я запомнил часть беседы как раз перед тем, как это произошло. Разговор на повышенных тонах и так далее. Они обсуждали название его новой книги.

— Алан сдал ее тем вечером.

— «Английские сорочки убийства». Думаю, вы понимаете, Сьюзен, что я не могу не навострить уши, услышав слово «убийство». — Он хохотнул. — Они спорили из-за названия. Как понимаю, ваш издатель высказал какое-то замечание, а мистеру Конвею оно не понравилось.

Да, он сказал, что это название созрело у него много лет назад — я хорошо слышал, — и стукнул кулаком по столу. Аж столовые приборы подпрыгнули. Именно тогда я обернулся и увидел, кто это. Прежде я даже не подозревал. Тут, кстати, в беседе выдалась пауза. На пару секунд, возможно. Потом Конвей воздел палец и сказал: «Не будет никакого про...»

— Чего? — спросила я.

Причард улыбнулся:

— Боюсь, что не смогу вам помочь, потому как именно тогда официант уронил тарелки. Грохот был жуткий. Весь обеденный зал замер. Вы знаете, как это бывает: бедолага покраснел как рак — я про официанта — и принялся убирать грязь. Боюсь, после этого я ничего толком не слышал. Извините.

— Вы видели, как Алан встал? — осведомилась я.

— Да. Мне показалось, он собрался в уборную.

— Он разговаривал с официантом?

— Возможно. Но я больше ничего не помню. Собственно говоря, я к этому времени покончил с едой и вскоре ушел.

«Не будет никакого про...» В это все упиралось. Четыре слова, способные означать все, что угодно. Я сделала в уме зарубку спросить о них у Чарльза при следующей встрече.

Приканчивая коктейли, мы поболтали с Причардом о его бабушке. Меня всегда удивляло, как сильно возненавидела она Эркюля Пуаро к тому времени, когда закончила писать про него. Каков ее знаменитый отзыв о нем: «отвратительный, надутый, назойливый, самовлюбленный тип»? Не обмолвилась ли Агата Кристи однажды, что хочет избавиться от него раз и навсегда?

Мэтью рассмеялся:

— Мне кажется, что, подобно всем гениям, она хотела работать в разных жанрах и приходила в отчаяние, когда издатели требовали от нее писать только про Пуаро. Бабушка становилась очень резкой, когда ей указывали, что делать.

Мы поднялись. Я пила джин с тоником, и коктейль оказался, видно, двойным, потому что голова у меня кружилась.

— Спасибо вам за помощь, — сказала я.

— Не думаю, что сильно помог, — ответил Причард. — Но буду ждать с нетерпением выхода новой книги. Как я уже сказал, мне всегда нравились детективы про Аттикуса Пюнда. И мистер Конвей определенно был большим почитателем творчества моей бабушки.

— У него в кабинете стоит полное собрание ее сочинений, — заметила я.

— Не удивлен. Он, знаете ли, много что у нее позаимствовал. Имена. Места. Это всегда была своего рода игра. Убежден, что он поступал так намеренно, но, читая его книги, я находил множество спрятанных в тексте отсылок. Он явно делал это специально, и меня подмывало написать ему и спросить, что у него на уме.

Причард в последний раз улыбнулся. Он был слишком добродушным, чтобы обвинить Алана в плагиате, но его реплика прозвучала странным эхом к моему разговору с Дональдом Ли.

Мы обменялись рукопожатием. Я вернулась в издательство, заперлась у себя и достала рукопись, чтобы еще раз ее изучить.

Мэтью был прав. «Английские сорочки убийства» возносили тихий оммаж Агате Кристи по меньшей мере полдюжины раз. Например, сэр Магнус Пай и его супруга останавливались в отеле «Женевьева» в Кап-Ферра. Такое же название было у виллы в «Убийстве на поле для гольфа». «Синий вепрь» — так назывался паб в Бристоле, где ввязался в драку Роберт Блэкистон. Но он же появляется в Сент-Мэри-Мид, родной деревушке мисс Марпл. Леди Пай и Джек Дартфорд обедают в «Карлотте», — похоже, этот ресторан получил свое имя в честь американской актрисы из «Смерти лорда Эджвера». На странице 140 имелась своего рода шутка. Фрейзер умудряется не заметить труп в поезде, отправляющемся в три пятьдесят с Паддингтонского вокзала. Это определенно отсылка к роману «В 4:50 из Паддингтона». Мэри Блэкистон живет в Шеппардс-Фарм. Доктор Джеймс Шеппард выступает рассказчиком в «Убийстве Роджера Экройда»,

действие которого происходит в Кингз-Эббот. Эта деревня упоминается также на странице 78, там хоронят пожилого доктора Реннарда.

Раз уж на то пошло, то весь механизм «Английских сорочьих убийств» — использование старинной считалочки, в точности воспроизводит прием, множество раз использованный Кристи. Ей нравились детские стишки. «Раз, два, пряжка держится едва», «Пять поросят», «Десять негрятят» (позже роман назовут «И не осталось никого»), «Хикори Дикори Док» — все они появляются на ее страницах. Кажется очевидным, что любой писатель, чей текст имеет сходство с произведением автора более известного, чем он сам, постарается любой ценой затушевать этот факт. Алан Конвей, на свой особенный лад, поступал с точностью до наоборот. Чем именно он руководствовался, расставляя эти столь приметные указатели? Или, другими словами, на что именно они указывают?

Не в первый уже раз у меня возникло чувство, что Алан пытается мне что-то сказать, что детективы про Аттикуса Пюнда написаны не только чтобы развлечь читателя. Он создал их ради цели, постепенно начинающей проясняться.

Дорога во Фрамлингем

В следующую пятницу я снова поехала в Суффолк, на похороны Алана Конвея. Ни меня, ни Чарльза не пригласили, и было неясно, кто именно распорядится организацией: Джеймс Тейлор, Клэр Дженкинс или Саджид Хан. Меня известила сестра, которая прочитала объявление в местной газете и скинула мне по электронной почте место и время. Она сообщила, что погребальную службу будет вести преподобный Том Робсон, викарий церкви Святого Михаила. Мы с Чарльзом решили поехать вместе. Взяли мою машину. Я планировала там немного задержаться.

Андреас провел со мной всю неделю и обиделся, что меня не будет на выходных. Но мне требовалось побыть одной. Вопрос с Критом нависал над нами, и, хотя мы его больше не обсуждали, я понимала, что Андреас ждет ответа, который я не готова пока дать. Опять же, я не могла перестать думать о смерти Алана. Я считала, что еще несколько дней во Фрамлингеме помогут мне как найти потерянные главы, так и, в более широком смысле, понять, что случилось в Эбби-Грейндж. Я не сомневалась, что эти два события взаимосвязаны. Алана убили из-за чего-то, что есть в его книге. Не исключено, что если я докопаюсь, кто убил сэра Магнуса Пая, то пойму, кто убил писателя. Или наоборот.

Похороны начинались в три. Мы с Чарльзом выехали из Лондона прямо после полудня, и я сразу поняла, что ошиблась. Нам следовало ехать поездом. Движение было жуткое, а Чарльз чувствовал себя не очень уютно в низком кресле моего «Эм-Джи-Би». Мне было как-то не по себе, и я не могла понять почему. Наконец, как раз к моменту выезда на трассу M25, до меня дошло, что прежде мы всегда общались лицом к лицу. Иными словами, когда я входила в его кабинет, он располагался по одну сторону стола, а я по другую. Обедая вместе, мы сидели в ресторане друг напротив друга. То же самое происходило во время совещаний. А сейчас, вопреки обычаю, мы сидели бок о бок, а его профиль был мне мало знаком. Находиться так близко тоже было как-то непривычно. Разумеется, нам доводилось ездить вместе на такси и иногда на поезде, но каким-то образом мой тесный классический автомобиль сблизил нас больше, чем мне хотелось бы. Я никогда прежде не замечала, какая нездоровая у него кожа, как годы бритья выскребли жизнь из его щек и шеи. На Чарльзе были темный костюм и строгая рубашка, и взгляд мой невольно возвращался к его адамову яблоку — как будто сопротивляясь давлению, оно выпирало из-под черного галстука. В Лондон Чарльзу придется возвращаться в одиночку, и я даже немного жалела, что настояла на своем предложении и не дала ему и в эту сторону добираться самому.

Тем не менее как только самое плотное движение осталось позади, мы повели довольно приятную беседу. А когда свернули на A12, я немного расслабилась и добавила газу. Я рассказала Чарльзу, что встречалась с Мэтью Причардом. Его это заинтересовало, и он не возражал еще раз ответить на мои вопросы про обед в клубе «Плющ», и особенно про спор вокруг названия «Английские сорочки убийства». Мне не хотелось, чтобы Чарльз ощутил, будто я допрашиваю его, но я сама до конца не понимала, почему этот последний разговор так важен для меня.

Чарльза этот мой интерес тоже озадачил.

— Я уже говорил тебе, что мне не понравилось такое название, — без обиняков заявил он. — Я решил, что оно слишком схоже с телесериалом «Чисто английские убийства».

— Ты попросил его изменить.

— Да.

— Алан отказался.

— Все правильно. Его это прямо-таки разозлило.

Я напомнила ему про четыре слова, произнесенные Аланом прямо перед тем, как официант уронил тарелки. «Не будет никакого про...» Знает ли он, что хотел сказать Конвей?

— Нет, Сьюзен. Я не помню. Никаких идей.

— Ты знал, что он уже много лет думал об этом названии?

— Не знал. А откуда тебе это известно?

На самом деле это Мэтью Причард подслушал, как Алан сказал Чарльзу про название.

— Кажется, Конвей мне как-то обмолвился об этом, — соврала я.

После этого мы про Алана почти не говорили. Никого из нас не вдохновляла перспектива похорон. Впрочем, это ведь всегда так. Однако в случае с Аланом мы ехали исключительно из соображений долга, хотя мне еще интересно было посмотреть, кто придет. Я даже позвонила тем утром Джеймсу Тейлору. Мы собирались пообедать потом в гостинице «Корона». Любопытно, появится ли Мелисса Конвей? Минуло несколько лет с последней нашей встречи, и после рассказа Андреаса мне интересно было повидать ее вновь. Они трое были вместе в Вудбридже — в школе, где задумывался Аттикус Пюнд.

Минут двадцать мы ехали молча, потом, сразу после того как дорожный указатель любезно известил, что мы въехали в графство Суффолк, Чарльз ни с того ни с сего объявил:

— Я подумываю уйти.

— Прости, что? — Я бы удивленно вытаращилась на него, если бы не обгоняла в этот миг здоровенный четырехосный грузовик с полуприцепом, едущий, судя по всему, в Филикстоу.

— Я давно хотел поговорить с тобой об этом, Сьюзен. До истории с Аланом. Думаю, она стала последним гвоздем в крышку гроба — извини за это не очень уместное сравнение, учитывая обстоятельства. Но мне скоро шестьдесят пять, и Элейн говорит, что пора сбавить темп.

Элейн, как я уже упоминала, — это его жена. Я встречалась с ней всего пару раз и знала, что она далека от издательского мира.

— Да и к тому же малыш скоро родится, — продолжил он. — Стать дедушкой — это обязывает. Так что самое время задуматься.

— Как скоро? — Я не знала, что сказать. Представить себе «Клоуверлиф букс» без Чарльза Клоувера было невысказано. Он давно уже стал неотъемлемой частью издательства, как деревянные панели на стенах.

— Следующей весной, допустим. — Чарльз помолчал немного. — Я вот думаю, как ты отнесешься к тому, чтобы занять мое место?

— Что? Мне стать главным редактором?

— Почему нет? Я останусь членом правления, так что буду до определенной степени участвовать в делах, но текущее руководство ляжет на тебя. Дела издательства ты знаешь, как никто другой. И, говоря по совести, если я посажу руководителем кого-то другого, то не уверен, что ты сработаешься с ним.

Тут он был прав. Я перевалила через сорокалетний рубеж и смутно осознавала, что вместе с возрастом становлюсь все более закостенелой. Подозреваю, эта черта присуща всем из издательского мира, где люди зачастую подолгу засиживаются на одном и том же месте. Я плохо налаживаю контакт с новичками. Получится ли у меня? В книгах я разбираюсь, но испытываю мало интереса ко всему остальному: персонал, бухгалтерия, накладные расходы, долговременная стратегия, каждодневная работа по управлению средней руки предприятием. В то же время я поймала себя на мысли, что получила второе предложение работы за неделю: я могу стать руководителем «Клоуверлиф» или содержать маленький отель в Айос-Николаосе. Выбор, однако.

— Я получу полную самостоятельность? — спросила я.

— Да. Мы заключим своего рода финансовое соглашение, но, по сути, это будет твоя компания. — Чарльз улыбнулся. — Когда готовишься стать дедом, твои приоритеты меняются. Пообещай, что подумаешь.

— Конечно подумаю, Чарльз. Мне очень лестно такое доверие с твоей стороны.

Следующие десять или двадцать миль пути мы проделали в молчании. Я ошиблась в расчете времени на дорогу из Лондона, и похоже было, что мы опоздаем на похороны. Мы бы в самом деле опоздали, если бы Чарльз не посоветовал свернуть направо, срезав путь через Брэндестон, благодаря чему мы объехали участок с дорожными работами, задержавшими меня в прошлый раз в районе Эрл-Сохем. Это сэкономило нам четверть часа, и во Фрамлинге мы приехали с запасом: без десяти три. Я забронировала тот же номер в «Короне», так что получила возможность оставить «Эм-Джи-Би» на гостиничной парковке. В главном зале уже ставили напитки для поминок. Наскоро перехватив по чашке кофе, мы выскочили через главный вход и пересекли дорогу.

«Предстояли похороны».

Первое предложение из «Английских сорочьих убийств».

Я уловила иронию судьбы, когда присоединилась к другим участникам церемонии, окружившим разверстую могилу.

Церковь Святого Михаила Архангела, если называть ее полным именем, право слово, слишком велика для городка, в котором построена. Впрочем, весь Суффолк пестрит монументальными зданиями, вступающими в борьбу с окружающим их ландшафтом. Каждый приходской храм словно силой прокладывает себе путь к сердцам верующих. Это порождает досадное чувство: архитектура не то чтобы давит, но выглядит неуместной. Стоит обернуться и посмотреть через литые чугунные ворота, и удивленный взгляд упрется в китайский ресторан мистера Чана на противоположной стороне оживленной улицы. В кладбище тоже угадывается нечто странное. Оно плавно идет на подъем, и получается так, что тела погребенных покоятся выше уровня улицы.

В день похорон трава казалась чересчур зеленой, а могилы жались друг к другу неровными рядами, тогда как вокруг оставалось несообразно много свободного места. Кладбище было переполненным и пустым одновременно, и тем не менее Алан распорядился похоронить себя именно здесь. Я предположила, что место для могилы он выбирал особенно тщательно. Оно находилось прямо посередине, между двумя ирландскими вязами. Никто не оставит его без внимания на пути к церкви. Ближайшие соседи скончались лет сто назад, и свежая разрытая земля была точно уродливый шрам, как будто ей здесь не место.

В течение дня погода переменилась. Когда мы выезжали из Лондона, светило солнце, но теперь небо сделалось серым, посыпал мелкий морозящий дождь. Я поняла, почему Алан начал «Английские сорочки убийства» с похорон: хитрая задумка, позволяющая вывести всех главных персонажей, неторопливо и как бы невзначай. Теперь мне представилась такая же возможность. Меня удивило, сколь многих из них я уже знаю.

Прежде всего, Джеймс Тейлор. Завернутый в черный дождевик от модного кутюрье, с прилипшими к шее мокрыми волосами, он имел такой вид, словно только что сошел со страниц шпионского романа. Он изо всех сил старался выглядеть скорбящим и серьезным, но ему никак не удавалось погасить улыбку: не на губах, а в глазах и в самой своей позе. Саджид Хан стоял рядом, в руках он держал зонтик. Эти двое прибыли вместе. Джеймс все-таки стал наследником. Он знал, что Алан не успел подписать новое завещание, и Эбби-Грейндж и все прочее перешло к нему. Заметив меня, Джеймс кивнул, я улыбнулась в ответ. Не знаю почему, но я искренне порадовалась за него, при этом меня не смущала даже мысль, что Конвей мог погибнуть от его руки.

Здесь была Клэр Дженкинс. Одетая в черное, она плакала, по-настоящему рыдала, и слезы бежали по щекам, сливаясь с дождевыми каплями. Клэр сжимала платок, совершенно теперь бесполезный. Стоящий рядом мужчина неуклюже поддерживал ее затянутой в перчатку рукой. Я с ним никогда прежде не виделась, но обязательно узнала бы при следующей встрече. Прежде всего, он был черный — единственный темнокожий на похоронах. Еще он обладал очень фактурной внешностью: прекрасно сложенный, с мощными руками и плечами, толстой шеей и цепким взглядом. Мне подумалось, что это мог быть бывший борец — судя по фигуре, но потом сообразила, что это, скорее всего, полицейский. Клэр сказала мне, что работает в Суффолкском отделении полиции. Не это ли неуловимый детектив-суперинтендант Локк, ведущий расследование параллельно со мной?

Мой взгляд переместился на другого человека, стоявшего отдельно, с вздымающейся за его спиной громадной церковной башней — слишком большой для этого храма, как сам храм был слишком большим для городка. Первое, что бросилось мне в глаза, — это его охотничьи веллингтоновские сапоги. Они были новенькие и ярко-оранжевые — странный цвет для похорон. Лица его разглядеть не удавалось. На мужчине была матерчатая кепка и непромокаемая куртка с поднятым воротником. Пока я смотрела, у него зазвонил мобильный, и, вместо того чтобы сбросить, он принял звонок и отошел в сторонку, чтобы поговорить.

— Джон Уайт... — донеслось до меня только его имя, но ничего больше. Но мне хватило этого. Это был сосед Алана, менеджер хедж-фонда, с которым он поссорился незадолго перед смертью.

Ожидая начала службы, я пробежала по толпе глазами и нашла Мелиссу Конвей и ее сына, расположившихся у кладбищенского военного памятника. На ней был дождевик, перетянутый на талии так туго, что женщина казалась распиленной пополам. Руки ее были засунуты глубоко в

карманы, волосы спрятаны под шарфом. Я бы могла не узнать ее, если бы не сын, юноша, лет восемнадцати. Он был точной копией отца — в позднейшей инкарнации Алана — и чувствовал себя неуютно в черном костюме, слишком просторном для него. Ему не нравилось находиться здесь: было очевидно, что он злится. На могилу он смотрел с выражением, близким к ненависти.

Мелиссу я не видела, должно быть, лет шесть. Она приходила на званый обед в честь выхода романа «Аттикус Пюнд берется за дело», устроенный в немецком посольстве в Лондоне, вечер с шампанским и миниатюрными сардельками. Я тогда изредка встречалась с Андреасом, и, поскольку мы обе его знали, у нас нашлась общая тема для разговора. Помнится, Мелисса держалась вежливо, но отстраненно. Быть замужем за писателем не очень-то весело, и женщина давала понять, что присутствует здесь только потому, что этого от нее ожидают. Она не знала никого из присутствующих в зале, а им не было до нее дела. Жалко, что нам с ней не довелось толком встретиться в Вудбридже, — я не знала о ней ничего, кроме ее отношений с Аланом. Теперь на ее лице было то же самое безразличное выражение, пусть даже поводом собратья послужил гроб, а не стол с канапе. Я удивилась, зачем она вообще пришла.

Подъехал катафалк. Вынесли гроб. Из церкви вышел викарий. Это был преподобный Том Робсон, чье имя упомянули в газете. Ему было лет пятьдесят, и, хотя мы никогда прежде не встречались, я его сразу узнала: «...с его каменным, точно могильная плита, лицом и слегка взъерошенной шевелюрой». Вот так Алан описал Робина Осборна в «Английских сорочьих убийствах», и, только подумав об этом, я поняла еще кое-что. Я видела это, едва войдя на кладбище: имя, написанное на указателе. Хорошо, когда есть наглядная подсказка.

Фамилия Робсон была анаграммой от Осборн.

Еще одна интимная шутка Алана. Джеймс Тейлор превратился в Джеймса Фрейзера, Клэр стала Клариссой, и, стоило мне поразмыслить, Джон Уайт, менеджер хедж-фонда, превратился в Джонни Уайтхеда, торговца подержанной мебелью и мелкого уголовника. Это был результат спора из-за денег. Насколько я знала, Алан не был религиозен. Хотя похороны его проходили в очень традиционном ключе, мне пришлось задать себе вопрос: какие отношения сложились у Алана с викарием и почему он решил отразить их в своем романе? Осборн занимал третью строчку в моем списке подозреваемых. Мэри Блэкистон обнаружила своего рода секрет, оставленный им на столе. Мог ли у Робсона иметься мотив убить Алана? Из-за сурового, бледного лица и уныло обвисшей мокрой рясы он вполне смахивал на зловещего убийцу.

Священник описал Алана как популярного писателя, книги которого приносят радость миллионам читателей по всему миру. Создавалось ощущение, что Алана представляют в передаче по «Радио-4», а не провожают в последний путь.

— Алан Конвей оставил нас слишком скоро и при трагических обстоятельствах, но он, я уверен, останется в сердцах и умах литературного сообщества, — говорил викарий.

Даже если не вникать в вопрос, имеется ли у литературного сообщества сердце, мне такая перспектива казалась маловероятной. Мой опыт говорит, что умерших авторов забывают с поразительной быстротой. Даже живым трудно удержаться на полках: слишком много новых книг и слишком мало полок.

— Алан был одним из наших самых прославленных писателей-детективщиков, — продолжал он. — Большую часть своей жизни он провел в Суффолке и всегда выражал желание быть похороненным здесь.

В «Английских сорочьих убийствах» в погребальном адресе было сокрыто нечто, касающееся убийства. На самой последней странице рукописи, когда Пюнд говорит о ключах к разгадке преступления, он особо подчеркивает «слова, произнесенные викарием». К несчастью, речь Робсона была нарочито выхолощенной и неинформативной. Он не упомянул про Джеймса или Мелиссу. Ни слова про дружбу, щедрость, юмор, особые черточки характера, мелкие благодеяния, важные моменты... Ничего такого, о чем мы обычно вспоминаем, когда кто-то умирает. Будь Алан украденной из парка мраморной статуей, преподобный Том Робсон и то мог проявить больше эмоций.

И только одна фраза меня зацепила. Мне сразу подумалось, что позже стоит поговорить о ней с викарием.

— Очень немногих хоронят теперь на этом кладбище, — сказал священник. — Однако Алан настоял. Он пожертвовал церкви большую сумму, позволившую нам произвести столь давно

необходимую реставрацию окон над хором и арки главного алтаря. Взамен он потребовал это место захоронения, а кто я такой, чтобы стоять у него на пути? — Он улыбнулся, словно давал понять, что пошутил. — всю свою жизнь Алан умел добиваться своего, это я узнал в довольно раннем возрасте. Определенно, я не стал отказывать в исполнении этой последней его воли. Его щедрый дар обеспечил будущее храма Святого Михаила, и только справедливо, что Алан упокоится здесь, на церковной земле.

Вся эта часть адреса была эмоциональной. С одной стороны, Алан проявил великодушие. Он заслужил право быть похороненным здесь. Но не все так просто, не так ли? Алан «потребовал» этого. Он «умел добиваться своего». И «я узнал в довольно раннем возрасте». Алана и викария связывала некая история. Неужели только я одна заметила внутреннюю несогласованность в этих словах священника?

Я собиралась расспросить Чарльза, как только служба закончится, но достоять до конца мне не удалось. Дождь стал слабеть, и Робсон подошел к заключительному разделу. Как ни странно, он совсем позабыл про Алана. Он говорил про историю Фрамлингема, и в особенности про Томаса Говарда, третьего герцога Норфолкского, гробница которого помещалась внутри храма. На миг я отвлеклась и тут заметила одного из участников церемонии, прибывшего, видимо, позже других. Он стоял, облокотившись на калитку, и наблюдал за службой издалека, стараясь держаться особняком. Прямо у меня на глазах, пока викарий еще говорил, неизвестный развернулся на каблуках и вышел на Черч-стрит.

Лица я не разглядела. Оно скрывалось под черной фетровой шляпой.

— Не уезжай, — шепнула я Чарльзу. — Я найду тебя в гостинице.

Аттикусу Пюнду потребовалось сто тридцать страниц, чтобы установить личность человека, побывавшего на похоронах Мэри Блэкистон. Я так долго ждать не могла. Кивнув викарию, я отделилась от толпы и бросилась в погоню.

«Приключения Аттикуса»

Человека в фетровой шляпе я нагнала на углу Черч-стрит, там, где она вливается в рыночную площадь. Покинув кладбище, он явно перестал спешить. Помогло и то, что моросящий дождь наконец прекратился, и местами в лужах даже заиграло солнышко. Незвестный сбавил шаг, и я успела отдышаться, прежде чем его окликнуть.

Инстинкт заставил его обернуться, и он меня увидел.

— Да?

— Я была на похоронах, — сказала я.

— Я тоже.

— Мне хотелось бы...

Только тут до меня дошло, что я не знаю, что сказать. Как-то очень сложно было все объяснить. Я расследовала убийство, которое, насколько мне известно, больше никто таким не считал. Я погналась за человеком только из-за его головного убора, имевшего к делу лишь косвенное отношение, и то с натяжкой. Я вздохнула.

— Меня зовут Сьюзен Райленд, — представилась я. — Я была редактором Алана в «Клоуверлиф букс».

— «Клоуверлиф»? — Название было ему знакомо. — Да. Мы общались пару раз.

— Правда?

— Не с вами. Там есть женщина, Люси Батлер. — (Люси работала у нас менеджером по авторским правам. Ее кабинет располагался рядом с моим.) — Я разговаривал с ней про Аттикуса Пюнда.

Меня осенила вдруг догадка, кто передо мной, но проверять ее не пришлось.

— Я Марк Редмонд, — назвал свой собеседник.

Во время еженедельных совещаний мы с Чарльзом часто обсуждали Редмонда и его компанию, «Ред херринг продакшнз». Редмонд был теле- и кинопродюсером, и именно он вел переговоры о покупке прав на экранизацию романов об Аттикусе Пюнде, которую собирался делать с Би-би-си. Люси посетила его офис в Сохо и дала положительный отзыв: молодая, энергичная команда, полка, уставленная наградами BAFTA, телефонные звонки, снующие туда-сюда курьеры — ощущение такое, что в компании кипит жизнь. Как намекало название, «Ред херринг» специализировалась на детективах²². Начинать Редмонд свою карьеру помощником продюсера в сериале «Бержерак», объехав, наверное, весь Джерси, где шли съемки. После этого он поработал еще в полудюжине сериалов, прежде чем стал делать свой. Аттикусу предстояло стать его первым независимым производством. Насколько я поняла, Би-би-си проявила острый интерес.

На самом деле я была очень рада встретить Редмонда: наше с ним будущее переплеталось. Телесериал способен дать книгам новую жизнь. Появятся новые обложки, общественный резонанс, произойдет полная перезагрузка. Мы нуждались в этом как никогда, учитывая проблемы с «Английскими сорочьими убийствами». Мне еще предстояло обдумать предложение Чарльза. Если я в самом деле возьмусь руководить «Клоуверлиф букс», мне нужен будет звездный автор — и посмертной его славы будет вполне достаточно. «Ред херринг продакшнз» давала на это реальный шанс.

Редмонд собирался вернуться в Лондон: на площади его ждала машина с водителем, но я убедила его переговорить со мной, и мы заглянули в маленькое кафе напротив гостиницы. Там нас не должны были беспокоить. Мой собеседник снял шляпу, открыв зализанные назад черные волосы и глаза с прищуром. Это был приятный мужчина, худощавый, хорошо одетый. Всю свою жизнь он проработал на телевидении, и в нем самом было что-то от медийной персоны. Я легко могла представить его ведущим программы. О стиле жизни, например, или о финансах.

Я заказала два кофе, и мы завели разговор.

---

²² Английское выражение «Red herring» означает «ложный след», «отвлекающий маневр».

— Вы рано ушли с похорон, — сказала я.

— Если по правде, не знаю, зачем я вообще приехал. Мне подумалось, что я обязан это сделать, раз мы с ним работали. Но, едва приехав, понял, что это была ошибка. Я никого тут не знаю, здесь холодно и мокро. Мне захотелось уйти.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

— Почему вы спрашиваете?

Я пожала плечами, показывая, что это пустяк.

— Просто интересно. Самоубийство Алана сильно потрясло нас, и нам хотелось бы понять, почему он это сделал.

— Мы виделись две недели назад.

— В Лондоне?

— Нет. Вообще-то, я приезжал к нему домой. Дело было в субботу. За день до смерти Алана.

— Он вас пригласил? — спросила я.

Редмонд хохотнул:

— Стал бы я переться в такую даль, если бы он этого не сделал! Алан хотел поговорить насчет сериала и позвал меня на обед. Зная его, я почел за благо не отказываться. С ним и без того трудно было работать, и мне не хотелось новых трений.

— Что за трения?

Редмонд язвительно посмотрел на меня.

— Уверен, вам нет нужды объяснять, что Алан был тот еще фрукт, — заявил он. — Вы ведь назвали его редактором. Только не говорите, что Алан не доводил вас до белого каления! Я не раз жалел, что узнал про Аттикуса Пюнда. Он мне столько насолил, что я бы сам его убил!

— Простите, — произнесла я. — Я понятия не имела... А в чем именно была проблема?

— То одно, то другое.

Подали кофе, и Редмонд стал помешивать свой: ложка описывала бесконечные круги, такие же, как во время его работы с Аланом Конвеем.

— Для начала, чтобы уговорить его продать права, пришлось попотеть. Он столько денег просил, будто вообразил себя чертовой Джоан Роулинг. И не забывайте, что для меня это было рискованное вложение. На тот момент я еще не заключил сделку с Би-би-си, и вся затея могла накрыться. Но то была первая ласточка. Алан не собирался отходить в сторону. Он хотел стать исполнительным продюсером. Ладно, это не такое уж необычное дело. Но он также настаивал, что сам адаптирует книгу, хотя не имел опыта работы сценаристом на ТВ, и, смею вас уверить, Би-би-си эта идея совсем не понравилась. Он требовал, чтобы кастинг согласовывали с ним. А это была самая большая головная боль. Ни один автор никогда не получал права утверждать кастинг! Высказать мнение, это допустим, но ему этого было мало. У него имелись дурацкие идеи. Знаете, кого он прочил на роль Аттикуса Пюнда?

— Бена Кингсли? — предположила я.

Редмонд уставился на меня:

— Он вам говорил?

— Нет. Но я знаю, что он был поклонником актера.

— Да, вы угадали. К несчастью, это былдохлый номер. Кингсли никогда бы не согласился, к тому же ему семьдесят три — он слишком стар. Мы поругались из-за этого. Мы ругались из-за всего. Я хотел начать с романа «Гость приходит ночью». На мой взгляд, это лучшая из его книг. Но он и тут не соглашался. И даже не объяснял почему. Просто заявил, что не хочет, и точка. Срок действия выкупленных прав заканчивается быстро, поэтому мне приходилось терпеть.

— Вы намерены продолжать? — поинтересовалась я. — Теперь, когда его не стало?

Редмонд буквально просиял. Он положил ложку и глотнул кофе.

— Я продолжу, и именно потому, что его больше нет. Могу я быть откровенным с вами, Сьюзен? О мертвых плохо не говорят, но честное слово, его уход — это лучшее, что могло случиться. Я уже переговорил с Джеймсом Тейлором. Он теперь владелец прав и производит впечатление довольно приятного партнера. Он уже согласился дать еще один год, а за это время вся наша затея должна сдвинуться с места. Мы рассчитываем экранизировать все девять книг.

— Последнюю он не закончил.

— С этим мы разберемся. Это пустяк. Для «Чисто английских убийств» отсняли сто четыре эпизода, а автор оригинала написала всего семь книг. А посмотрите на «Шерлока»! Его создатели делают вещи, которые Дойлу и не снились. При удаче мы сделаем с дюжину сезонов «Приключений Аттикуса» — так мы собираемся назвать сериал. Мне фамилия Пюнд никогда не нравилась — звучит слишком по-иностранному. И ваше право со мной не согласиться, но я думаю, что этот умлаут над «и»²³ совсем не к месту. А вот Аттикус — это хорошо. Напоминает мне «Убить пересмешника». Теперь мы можем сдвинуться с места, найдем нормального писателя, и все пойдет как по маслу.

— А зритель не пресытился уже убийствами? — спросила я.

— Вы шутите?! «Инспектор Морс», «Таггерт», «Льюис», «Война Фойла», «Индевор», «Детектив Джек Фрост», «Лютер», «Инспектор Линли расследует», «Метод Крекера», «Убийство на пляже», вдобавок чертовы «Мегре» и «Валландер»... Да без убийств британское телевидение превратится в точку на экране. Даже в мыльных операх людей грохают. И так по всему миру. К слову, в Америке посчитали, что к моменту окончания начальной школы средний ребенок успевает увидеть восемь тысяч убийств. Тут поневоле задумаешься.

Редмонд допил кофе и как-то вдруг заторопился.

— Так чего хотел Алан Конвей? — спросила я у него. — Когда вы приезжали к нему две недели назад?

— Жаловался, что проект не движется, — пожал он плечами. — Он понятия не имел, как устроено Би-би-си. Там неделями на звонки не отвечают. Секрет крылся в том, что им не нравился его сценарий. Ему я этого, естественно, не сказал. Мы старались найти кого-то, кто смог сделать эту работу.

— Вопрос о правах вы обсуждали?

— Да. — Редмонд замялся немного, и впервые за все время я заметила трещину в броне его самоуверенности. — Конвей сказал, что есть еще одна компания, с которой он ведет переговоры. Его не волновало, что я уже вложил тысячи в «Приключения Аттикуса». Он на полном серьезе готов был все обнулить.

— И что произошло? — полюбопытствовала я.

— Мы договорились пообедать у него в доме. Началось все не лучшим образом. Я опоздал. Застрял из-за этого бесконечного ремонта в Эрл-Сохем — Алан сказал, что это уже не одну неделю продолжается. И застал его в дурном настроении. Так или иначе, мы поговорили. Я сделал свою подачу. Он обещал вернуть шар. Примерно в три пополудни я ушел от него и поехал домой. — Редмонд глянул на пустую чашку. Ему не терпелось уйти. — Спасибо за кофе. Рад был с вами познакомиться. Как только для нашего проекта включат зеленый свет, я дам вам знать.

Марк Редмонд ушел, предоставив мне расплачиваться за кофе.

«Я бы сам его убил». Мне не требовалось быть фанатом «Чисто английских убийств», чтобы распознать мотив, когда я его слышу, и мне подумалось, что если говорить о подозреваемых, составляя лигу самых очевидных, то Редмонд только что сделал серьезную заявку на первую строчку. Даже так, было еще одно событие, оказавшееся для меня полной неожиданностью.

Тем вечером, регистрируясь в «Короне», я взяла и пролистнула назад несколько страниц в книге регистрации. Я сделала это просто так, из прихоти. И тем не менее нашла там его: Марка Редмонда. Он заказал в гостинице номер и провел здесь две ночи. Расспросив администратора, я выяснила, что постоялец уехал в понедельник утром. Да, он и его жена. Редмонд не обмолвился, что супруга была с ним.

Но это не имело значения. Значение имело то, что он находился во Фрамлингеме в то время, когда умер Алан. Другими словами, Редмонд солгал. И мне приходила в голову только одна веская тому причина.

---

²³ Püнд

После похорон

Когда я пришла в «Корону», в зале для приемов было полно народу. На похоронах присутствовало человек сорок, совсем немного, но в стесненном пространстве главного холла, с двумя горящими каминами, бутылками красного и белого вина, подносами с сэндвичами и колбасными роллами, обстановка напоминала вечеринку, тем более что немногочисленные постояльцы гостиницы примкнули к поминкам, клюнув на бесплатное угощение и выпивку, хотя понятия не имели, кого провожают. Саджид Хан был с женой, я узнала ее по фотографиям в рамке, он поздоровался со мной. Поверенный был на удивление весел, как если бы его клиента просто сдали в архив, а не похоронили, и в бизнесе открываются совершенно новые горизонты. Джеймс Тейлор стоял рядом с ним, и, проходя мимо, я разобрала три сказанных им слова: «Увидимся сегодня вечером». Ему явно не терпелось убраться отсюда поскорее.

Когда я разыскала Чарльза, тот вел оживленную беседу с преподобным Томом Робсоном. Викарий был гораздо более крупным мужчиной, чем это показалось на кладбище. Он определенно возвышался над Чарльзом и другими гостями. Разглядев его поближе и без завесы дождя, я поразились, насколько он некрасив. У него были тусклые глаза и кривой нос, как у боксера-ветерана. Церковное облачение он сменил на поношенный спортивный пиджак с заплатками на рукавах. Приближаясь, я видела, как он что-то доказывает, размахивая надкусанным сэндвичем.

— Но есть деревни, которые попросту не выживут! Семьи распадаются. Непоправимый урон для морали.

Когда я присоединилась к ним, Чарльз посмотрел на меня несколько раздраженно.

— Куда ты делась? — спросил он.

— Встретила одного знакомого.

— Ты ушла так внезапно.

— Знаю. Не хотела дать ему сбежать.

Чарльз снова повернулся к викарию.

— Это Том Робсон. Сьюзен Райленд, — представил он нас. — У нас шла речь о заповоливших все вторых домах. Саутволд, Данвич, Уолберсвик, Орфорд, Шингл-Стрит — все побережье.

Похоже, Робсон сумел его убедить.

— Меня заинтересовала ваша речь на похоронах, — вмешалась я.

— Правда? — Преподобный уставился на меня.

— Вы знали Алана еще в молодости?

— Да, мы давние знакомые.

Мимо проходил официант с подносом, и я взяла бокал белого. Вино было теплое и кислое, пино гриджо, решила я.

— Вы дали понять, что он обижал вас.

Едва произнеся эти слова, я усомнилась в такой возможности. Алан имел весьма хилое телосложение, и в бытность детьми Робсон был, наверное, раза в два крупнее его. Однако священник не стал возражать, а как-то смутился.

— Я ничего такого не говорил, миссис Райленд.

— Вы сказали, что он потребовал место на кладбище.

— Уверен, что такого слова я не мог употребить. Алан Конвей проявил исключительную щедрость к церкви. И ничего не требовал. Когда однажды он обмолвился, что хотел бы упокоиться здесь, я счел бы вопиющей неблагодарностью ответить отказом. Хотя, должен признать, мне пришлось хлопотать, чтобы получить специальное разрешение.

Священник глянул поверх моего плеча в поисках пути к отступлению. Сожми он чуть сильнее пальцы, его стакан с напитком из цветков бузины разлетелся бы вдребезги.

— Рад был познакомиться с вами, — промолвил он. — И с вами, мистер Клоувер. С вашего разрешения... — Он протиснулся между нами и смешался с толпой.

— Что это было? — спросил Чарльз. — И кто был тот человек, за которым ты с такой прытью помчалась?

На второй вопрос ответить было проще.

— Марк Редмонд, — сказала я.

— Продюсер?

— Да. Ты знаешь, что он приезжал сюда в выходные, когда умер Алан?

— Зачем?

— Алан хотел потолковать с ним насчет телесериала «Приключения Аттикуса». По словам Редмонда, Конвей устроил ему веселую жизнь.

— Никак не могу понять, Сьюзен. Тебе-то зачем понадобилось с ним разговаривать? И почему ты так набросилась сейчас на викария? Почти допрос ему устроила. Что тут происходит?

Я обязана была рассказать ему. Удивительно, почему я раньше этого не сделала. Так что я поведала ему обо всем: о визите к Клэр Дженкинс, предсмертной записке, клубе «Плющ». Выложила все. Чарльз слушал меня молча, и я не могла избавиться от ощущения, что чем больше я говорю, тем более нелепой выглядит моя история. Он не верил мне, да и я начала сомневаться, что себе верю. Определенно, у меня не имелось практически никаких доказательств. Ну провел Марк Редмонд пару ночей в гостинице. Это делает его подозреваемым? У официанта украли сюжет. Он что, поедет в Суффолк мстить? Не стоит сбрасывать со счетов факт, что Алан Конвей был неизлечимо болен. Если на то пошло, то кто будет убивать человека, который сам вот-вот умрет?

Я закончила. Чарльз покачал головой.

— Убийство автора книг про убийства, — проговорил он. — Ты серьезно в это веришь, Сьюзен?

— Да, Чарльз, — заявила я. — Я так думаю.

— Ты кому-нибудь еще говорила? Обращалась в полицию?

— Почему ты спрашиваешь?

— По двум причинам. Не хочу, чтобы ты выставила себя идиоткой. И, честно говоря, мне кажется, что твои действия могут еще более осложнить положение компании.

— Чарльз... — заикнулась было я, но тут кто-то застучал вилкой по краю бокала, и в комнате воцарилась тишина.

Я осмотрелась. На лестнице, ведущей к номерам, стояли Джеймс Тейлор и Саджид Хан. Джеймс был лет на десять моложе любого из присутствующих и не мог выглядеть более неуместно в качестве хозяина.

— Леди и джентльмены! — произнес он. — Саджид попросил меня сказать несколько слов. Прежде всего я хотел бы поблагодарить его за все сегодняшние приготовления. Как всем вам известно, я до самого недавнего времени был партнером Алана и хочу сказать, что очень любил его и мне будет ужасно его не хватать. Многие задают мне вопрос о планах на будущее, поэтому я скажу, что теперь, после его смерти, я не останусь во Фрамлингеме, хотя и был очень счастлив здесь. Говоря по существу, если это кому интересно, Эбби-Грейндж выставляется на продажу. Кстати, спасибо вам всем. Боюсь, мне всегда не очень нравились похороны, но, как я уже сказал, я благодарен им за шанс увидеть вас и попрощаться. И особенно сказать «прощай» Алану. Я знаю, как много для него значило упокоиться на кладбище церкви Святого Михаила, и уверен, что очень многие люди будут приходить сюда и навещать его — люди, любящие его книги. Прошу вас, продолжайте угощаться. И еще раз спасибо.

Речь была не ахти и произнесена не только сбивчиво, но и как-то беспечно. Джеймс уже прежде сказал мне, что не намерен оставаться в Суффолке, а теперь довел это до сведения всех прочих. За разговором я оглядывала комнату, стараясь следить за поведением собравшихся.

Викарий стоял в стороне, с каменным лицом. К нему подошла женщина, ростом намного ниже него, полная, с небрежно убранными рыжеватыми волосами. Я предположила, что это его жена. Джон Уайт на поминки не пришел, зато суперинтендант Локк был здесь — если мне правильно удалось вычислить личность темнокожего на кладбище. Мелисса Конвей с сыном ушли, как только Джеймс начал говорить. Я видела, как они выскользнули через заднюю дверь. Я легко могла представить, каково им слушать бойфренда Алана. И тем не менее огорчилась, потому что хотела поговорить с ними. Но второй раз бросаться в погоню не годится.

Джеймс обменялся с поверженным рукопожатием и вышел из комнаты, перекинувшись по пути несколькими словами с парой доброжелателей. Я повернулась к Чарльзу, собираясь продолжить

прерванный разговор, но в этот миг у него пискнул мобильный. Он вытащил телефон и бросил взгляд на дисплей.

— Моя машина пришла. — Он заказал такси до станции в Ипсуиче.

— Давай подвезу тебя? — предложила я.

— Нет, все в порядке. — Чарльз взял плащ и накинул его на руку. — Нам нужно серьезно поговорить об Алане, Сьюзен. Если ты твердо намерена продолжать это свое расследование, то не мне тебя останавливать. Но ты хорошенько обдумай, что делаешь... все последствия.

— Я понимаю.

— Тебе удалось продвинуться в поиске пропавших глав? По-моему, это важнее.

— Я ищу.

— Ну ладно. Удачи. Увидимся в понедельник.

Целоваться на прощание мы не стали. Я ни разу не целовала Чарльза за все долгие годы нашего знакомства. Он слишком официальный для этого, слишком зашнурованный. Мне даже трудно представить его целующим жену.

Он ушел. Я допила вино и отправилась за ключом. В мои планы входило принять ванну и отдохнуть перед ужином с Джеймсом Тейлором, но на пути к лестнице — гости начали уже расходиться, оставляя на подносах нетронутые сэндвичи, — я столкнулась с Клэр Дженкинс. В руках она держала коричневый конверт формата А4, в котором, судя по виду, лежал с десяток листов бумаги. На миг сердце у меня подпрыгнуло. Она нашла пропавшие страницы! Неужели все получилось так просто?

Не получилось.

— Я сказала, что напишу про Алана, — напомнила мне Клэр, робко взмахнув перед собой конвертом. — Вы интересовались, каким он был ребенком, как мы росли вместе.

Глаза у нее до сих пор были красные и заплаканные. Если существует веб-сайт, предлагающий эксклюзивную одежду для похорон, эта женщина явно его нашла. На ней был черный бархат и слегка викторианские черные кружева.

— Очень любезно с вашей стороны, миссис Дженкинс, — ответила я.

— Наш разговор заставил меня задуматься про Алана, и я с удовольствием написала вот это. Не уверена, что от этого может быть прок. По части письма мне до него далеко. Но возможно, здесь вы найдете то, что вас интересует.

Клэр в последний раз взвесила в руке конверт, словно ей жаль было с ним расставаться, и наконец протянула его мне.

— Я сделала копию, так что обратно отсылать не нужно.

— Спасибо.

Она продолжала стоять на месте, словно ожидая чего-то еще.

— Примите самые искренние мои соболезнования с вашей утратой, — сказала я. Да, то, что нужно. Клэр кивнула.

— Поверить не могу, что его нет, — произнесла она и сразу ушла.

Мой брат Алан Конвей

Мне не верится, что Алан умер.

Я хочу написать про него, но не знаю, с чего начать. Я прочитала в газетах несколько посвященных Алану некрологов, и ни один даже близко не воссоздает его облик. О да, всем известно, когда он родился, какие книги написал, какие премии получил. Про него пишут много лестных слов. Но всем этим журналистам не удалось показать настоящего Алана. Честное слово, я удивлена, почему им не пришло в голову позвонить мне, ведь я могла бы просветить их по части того, каким он на самом деле был, начиная с того факта (я вам о нем говорила), что он не мог покончить с собой. Если выделять в Алане главную его черту, так это умение выживать. Она присуща и мне. Мы всегда были очень близки, даже если между нами случались размолвки, и если болезнь действительно подтолкнула его к отчаянию, то он непременно позвонил бы мне, прежде чем решиться на такой шаг.

Он не спрыгнул с той башни. Его столкнули. Почему я так уверена? Чтобы понять, вы должны знать, откуда мы пришли, какой далекий путь проделали вместе. Он ни за что не бросил бы меня одну, хотя бы не предупредив заранее.

Давайте вернемся к самому началу.

Мы с Аланом росли в месте, называемом Чорли-Холл, это совсем рядом с хартфордширским городом Сент-Олбанс. Чорли-Холл представлял собой подготовительную частную школу для мальчиков, и наш отец, Элиас Конвей, был ее директором. Наша мать тоже работала в школе. Она трудилась полный день, исполняя обязанности жены директора: вела дела с родителями и помогала медсестре, если кто-то из мальчиков болел, но часто жаловалась, что толком ей никогда не платили.

Это было жуткое место. И мой отец был жуткий человек. Они очень подходили друг другу. Он поступил в школу учителем математики, и насколько мне известно, всегда работал в частных заведениях — потому, наверное, что в те времена наниматели не предъявляли таких строгих требований к педагогам. Наверное, ужасно говорить так о собственном отце, но это правда. Я рада, что не училась там. Я ходила в дневную школу для девочек в Сент-Олбансе. А вот Алану не повезло.

Выглядела школа как дом с привидениями из викторианского романа, — какой-нибудь из книг Уилки Коллинза, например. Хотя она находилась всего в получасе от Сент-Олбанса, располагалась школа в самом конце длинной частной дороги, шедшей через лес. И когда ты оказывался там, создавалось ощущение, что ты посреди несуществующего мира. Здание было длинное, казенного типа, с узкими коридорами, каменными полами и стенами, наполовину отделанными темной плиткой. В каждой комнате имелись большие батареи отопления, но их никогда не включали, потому что концепция школы заключалась в том, что холод, жесткая постель и отвратительная пища закаляют характер. Имелись и некоторые современные добавления. В конце пятидесятых годов возвели научный блок, а на собранные школой деньги построили новый гимнастический зал, служивший также театром и местом для собраний. Все было коричневое или серое. Ярких красок там почти не было. Даже летом деревья затеняли все, и вода в школьном бассейне, тухло-зеленая, никогда не прогревалась выше пятидесяти градусов²⁴.

Школа представляла собой пансионат, способный принять сто шестьдесят мальчиков в возрасте от восьми до тринадцати лет. Их размещали в спальнях по шесть или двенадцать коек в каждой. Я иногда заходила в них и навсегда запомнила тот странный кисловатый запах от такого множества маленьких мальчиков. Детям разрешали принести из дома плед и плюшевого мишку, но в остальном у них было очень мало личных вещей. Школьная форма была унылой: серые шорты и темнокрасный свитер с У-образным вырезом. У каждой кровати стоял шкафчик, и если мальчики не убрали должным образом одежду, их хватили и секли.

Алан не размещался в комнатах для учеников. Мы с ним жили вместе с родителями в квартире, находившейся в школе, на третьем и четвертом этаже. Наши спальни были рядом, и мы перестукивались шифрованными сообщениями через смежную стену. Мне всегда нравилось слышать первые удары в быстрой и медленной последовательности, сразу после того, как мама выключала свет, хотя я и не понимала толком их значения. Жизнь у Алана была очень трудной, — наверное, этого хотел наш отец. Днем он был частью школы, и с ним обращались в точности так, как с другими мальчиками. Но в полном смысле воспитанником он не являлся, потому что ночь проводил дома с нами. В итоге он не принадлежал ни к одному из миров, да и как директорский сынок с самого приезда стал мишенью для издевок сверстников. Друзей у него было очень мало, и в результате Алан стал замкнутым и держался особняком. Ему нравилось читать. Как сейчас вижу его, девятилетнего, в коротких штанишках, с каким-нибудь толстым томом на коленях. Ребенком он был малорослым, поэтому книги, особенно старые издания, казались несоразмерно большими. Он читал при каждой удобной возможности, иногда по ночам, при свете фонарика под одеялом.

Отца мы оба боялись. Он был не из тех, кого называют физически сильными людьми. Папа выглядел старше своих лет, с волнистыми седыми волосами, поредевшими настолько, что через

---

²⁴ По шкале Фаренгейта. То есть около 10 градусов по шкале Цельсия.

них просвечивал череп. В очках. Но что-то в его поведении превращало его в своего рода монстра, особенно в глазах детей. У него были злые, фанатичные глаза человека, всецело уверенного в своей правоте. Еще у него имелась привычка, доказывая что-то, тыкать пальцем тебе в лицо, словно говоря: только посмей не согласиться. На такое мы никогда и не отваживались. Он умел быть язвительно-ироничным, с ехидной усмешкой указывая тебе место и осыпая тирадами из оскорблений, неизменно находя самые уязвимые места и достигая, таким образом, своей цели. Не берусь сказать, сколько раз он унижал меня и заставлял почувствовать себя дрянью. Но Алану приходилось во много крат хуже.

Что бы Алан ни сделал, все было неправильно. Алан глуп. Алан несообразителен. Алан ни на что не годен. Даже его чтение — детская забава. Почему он не играет в регби, футбол или не ходит с кадетами в походы? Это верно, в бытность ребенком Алан избегал физической активности. Он был довольно полным и со своими голубыми глазами и длинными белокурыми волосами напоминал девчонку. В течение дня некоторые ученики обижали его. По вечерам его обижал собственный отец. Было еще кое-что, что вас поразит. Элиас избивал школьников до крови. Что же, в этом не было ничего необычного, по крайней мере в английской частной школе семидесятых. Но он бил и Алана, много раз.

Если Алан опаздывал на урок, не выполнил домашнее задание или сказал грубость другому учителю, его отправляли в директорский кабинет — экзекуция никогда не проводилась у нас в квартире, — и в конце обязан был сказать «спасибо, сэр». Не «спасибо, папа», обратите внимание. Как мог человек так обращаться с собственным сыном?!

Мать никогда не жаловалась. Вероятно, она сама боялась мужа или считала, что он прав. Мы были очень английской семьей, крепко связанные между собой и всегда скрывающие свои эмоции. Мне хотелось бы вам показать, какие мотивы руководили Аланом, почему он был таким неприятным. Однажды я спросила у него, почему он никогда не писал про свои школьные годы, хотя у меня есть ощущение, что школа в романе «Гость приходит ночью» много позаимствовала от Чорли-Холла, в том числе даже название. Убитый директор тоже в известном смысле похож на нашего отца. Алан сказал мне, что не собирается писать автобиографию, а жаль — мне бы интересно было узнать, какой он видел собственную жизнь.

Что могу я сказать об Алане того времени? Это был тихий мальчик. Друзей почти не имел. Много читал. Спорт не любил. Думается, он уже тогда по большей части жил в воображаемом мире, хотя сочинительством занялся много позже. Ему нравилось придумывать игры. Во время школьных каникул, которые мы проводили вместе, мы были шпионами, солдатами, первооткрывателями, сыщиками... Сегодня мы рыскали по школе в поисках привидений, а завтра откапывали клады. Алан всегда был полон энергии. Никакие обстоятельства не смогли бы заставить его отступить.

Я сказала, что он еще не писал, но уже в возрасте двенадцати-тринадцати лет обожал играть в слова. Он изобретал шифры. Придумывал довольно сложные анаграммы. Составлял кроссворды. На одиннадцатый мой день рождения брат подарил мне кроссворд, где ключевыми словами были мое имя, имена моих друзей и все, что я делала. Это было чудесно! Иногда он оставлял для меня книгу, где под некоторыми буквами стояли маленькие точки. Если сложить такие буквы, получалось тайное послание. Или мог послать мне акrostих. Алан мог сочинить записку, выглядевшую совершенно обычной в глазах родителей, но, если взять первую букву в каждом предложении, снова получалось сообщение, понятное только нам двоим. Еще он любил акронимы. К матери он ласково обращался «МАМ», что на самом деле означало: «Моя адская мамочка». А отца уважительно называл «ШЕФ», что расшифровывалось как: «Школы единственный фюрер». Вам это все может показаться немного детским, но мы ведь и были детьми, и это меня веселило. Из-за условий, в которых нам приходилось расти, мы привыкли к скрытности. Мы боялись сказать что-нибудь, любое выраженное мнение могло навлечь беду. Алан изобретал множество способов выразить отношение к чему-либо, понятному только ему и мне. Он использовал язык как место, где мы могли спрятаться.

Для каждого из нас пребывание в Чорли-Холле закончилось по-разному.

Алан уехал, когда ему было тринадцать, а потом, пару лет спустя, с отцом случился обширный инсульт, оставивший его полупаралитиком. Тут его власти над нами пришел конец. Алан перешел в школу Сент-Олбанса, где ему нравилось гораздо больше. У него был учитель английского по

имени Стивен Паунд, которого он любил. Я спросила однажды, не он ли послужил прообразом Аттикуса Пюнда, но Алан рассмеялся и сказал, что между этими двумя нет никакой связи. Так или иначе, вскоре стало ясно, что карьера брата лежит в сфере книг. Он начал писать рассказы и стихи. В шестом классе сочинил школьную пьесу.

Начиная с того времени, мы с ним виделись все реже, и насколько понимаю, во многих смыслах отдалились. Когда мы жили вместе, то были близки, но теперь у каждого была своя, личная судьба. Окончив школу, Алан поступил в Университет Лидса, я же нигде больше не училась. Родители были против этого. Я пошла работать в регистратуру полицейского отделения в Сент-Олбансе, вышла в итоге замуж за офицера полиции и переехала в Ипсуич. Отец умер, когда мне было двадцать восемь лет. Ближе к концу он оказался прикован к постели и нуждался в постоянном уходе, и я думаю, что мать была рада, когда пришел его последний час. У него было оформлено страхование жизни, поэтому мать оказалась обеспечена. Она еще жива, хотя мы сто лет не виделись. Она переехала обратно в Дартмут, где родилась.

Но вернемся к Алану. В Университете Лидса он изучал английскую литературу, а потом переехал в Лондон и пошел работать в рекламное агентство, как делали тогда многие молодые люди, особенно выпускники гуманитарных факультетов. Работал он в агентстве «Аллен Брейди и Марш». Насколько я понимаю, это было для него чудесное время: работа не слишком тяжелая, деньги хорошие, множество вечеринок. Шли восьмидесятые, и рекламный бизнес процветал. Алан работал копирайтером, и именно ему принадлежит знаменитый слоган: «Удивительные эксклюзивные любимые лакомками сосиски». Это был еще один его акростих. Первые буквы слов складывались в название бренда. Мой брат снимал квартиру в Ноттинг-Хилле и, хотите верьте, хотите нет, не знал отбоя от подружек.

Рекламной деятельностью Алан занимался до 1995 года, но за год до своего тридцатилетия удивил меня, объявив, что ушел из агентства и записался в Университете Восточной Англии на двухгодичные курсы по литературному творчеству. Он пригласил меня в Лондон специально для того, чтобы сообщить об этом. Брат отвел меня в ресторан «Кеттнер», заказал шампанского и выплеснул на меня все новости. Кадзуо Исигуро и Иэн Макьюэн оба прошли через Восточную Англию. Оба издаются. Макьюэна даже номинировали на Букеровскую премию! Алан подал документы и хотя не ожидал, что его примут, но это случилось. Для поступления туда требовалось подать письменное заявление, представить портфолио творческих работ и пройти строгое собеседование с двумя преподавателями факультета. Никогда я не видела его более счастливым и оживленным. Он как будто обрел себя, и только тут я осознала, насколько важно для него стать писателем. Брат сказал, что у него будет два года, чтобы под руководством наставников написать роман в восемьдесят тысяч слов, и что университет имеет плотный контакт с издательствами и это может серьезно помочь. Идея для романа у него уже есть. Он хочет написать про космическую гонку с английской точки зрения. «Мир становится все меньше и меньше, — сказал Алан. — И одновременно с ним уменьшаемся мы». Именно это ему хотелось исследовать. Главным героем должен был стать британский астронавт, так никогда и не покидавший Земли. Книга называлась «Посмотри на звезды».

Мы провели замечательные выходные, и мне очень грустно было расстаться с братом и сестрой на обратный поезд в Ипсуич. Про следующие два года сказать мне почти нечего, потому что мы с ним совсем не виделись, только иногда разговаривали по телефону. Учеба ему нравилась. Насчет других студентов у него имелись сомнения. Буду честной и скажу, что в Алане появилась заносчивость, какой я прежде не наблюдала, и она, похоже, разрасталась. Возможно, причина крылась в том, что он так напряженно работал. Он поругался с одним или двумя учителями, раскритиковавшими его работу. Забавно: брат направился в Университет Восточной Англии за наставничеством, а теперь стал считать, что вовсе в нем не нуждается. «Я покажу им, Клэр, — без конца повторял он мне. — Я им покажу!»

Так вот, «Посмотри на звезды» так никогда и не издали, и мне толком неизвестно, что стало с романом. В конце он разросся до ста с лишним тысяч слов. Алан дал мне первые две главы, и я очень рада, что он не попросил меня читать остальные, потому что они не слишком мне понравились. Написано было очень умно. У него сохранилась удивительная способность пользоваться языком, разворачивать слова и фразы так, как ему хотелось. Но боюсь, я так и не поняла, о чем книга. Каждая страница словно кричала, обращаясь ко мне. И тем не менее я

понимала, что не принадлежу к разряду ее читателей. Много ли с меня возьмешь? Мне нравятся Джеймс Хэрриот и Даниэла Стил. Разумеется, я отреагировала как полагается. Сказала, что это было очень интересно и издатели наверняка будут в восторге, но потом посыпались отказные письма, и Алан пришел в страшное отчаяние. Он был так уверен, что роман выдающийся. Представьте себя писателем, сидящим в одиночестве в своей комнате, — вы могли бы думать иначе? Ужасно, видимо, было пребывать в полной уверенности в успехе и обнаружить, что ты все это время ошибался.

Короче, вот так обстояли у него дела осенью 1997 года. Он разослал «Посмотри на звезды» в десяток литературных агентств и в кучу издательств, и никто не проявил ни малейшего интереса. Всего обиднее ему было то, что двое из учившихся с ним студентов уже опубликовались. Но главное в том, что он не сдался. Не такой был у него характер. Алан заявил, что в рекламу не вернется. Он боялся, что не сможет заниматься настоящей работой — таковой он мыслил теперь писательство, — потому что не сможет целиком сосредоточиться на ней. И насколько мне стало известно, он получил должность учителя и стал преподавать английскую литературу в Вудбриджской школе.

Алану там не очень нравилось, и дети, видимо, чувствовали это, потому как у меня сложилось впечатление, что и он был не очень популярен среди них. С другой стороны, в его распоряжении оказались долгие каникулы, выходные: много времени, чтобы писать, а остальное было для него не важно. Он сочинил еще четыре романа. По крайней мере, те, о которых Алан мне сказал. Ни один из них не издали, и я не уверена, смог бы брат продолжать работу в Вудбридже, если бы с самого начала знал, что изведает вкус успеха только через одиннадцать лет. Он признался однажды, что чувствовал себя как в русской тюрьме, где человека сажают на решетку и не объявляют, на какой срок.

В Вудбридже Алан женился. Мелисса Брук, так ее тогда звали, преподавала иностранные языки, французский и немецкий, и начала работать с того же триместра, что и он. Мне нет нужды описывать ее вам, вы с ней достаточно часто встречались. По первому моему впечатлению, она была молода, красива и очень любила Алана. Не знаю почему, но мы с ней, боюсь, не очень-то ладили. На похоронах она почти не удостоила меня вниманием, и признаюсь, в этом частично есть моя вина. Я смотрела на нее так, словно между нами происходит борьба, что она отбирает у меня Алана. Когда я пишу эти строки сейчас, я понимаю, как это глупо, но я обещала честно, как на духу, рассказать про Алана и про себя, что и делаю. Мелисса читала все его книги. Она верила в него на все сто процентов. Их бракосочетание состоялось в бюро записи актов гражданского состояния в Вудбридже в июне 1998 года, а медовый месяц они провели на юге Франции в Кап-Ферра. Сын Фредди родился у них два года спустя.

Это Мелисса посоветовала Алану написать первую книгу про Аттикуса Пюнда. К тому времени они были женаты семь лет. Понимаю, что это большой скачок вперед, но мне нечего, собственно говоря, сообщить об этом периоде времени. Я работала в Суффолкском отделении полиции. Алан преподавал. Географически мы находились неподалеку друг от друга, но жили каждый сам по себе.

Озарение снизошло на Мелиссу в Вудбриджском магазине сети У. Г. Смита. Какие самые продаваемые авторы на полках? Дэн Браун, Джон Гришем, Майкл Крайтон, Джеймс Паттерсон, Клайв Касслер. Она знала, что Алан способен писать лучше любого из них. Проблема в том, что он слишком высоко метит. Зачем сочинять книгу, от которой придут в восторг все критики, но которая не нужна читателям? Почему не направить свой талант на что-то более простое, создав остросюжетный детектив? Если он будет продаваться, это позволит Алану начать писательскую карьеру, а потом переключиться на другие жанры. Главное — это старт. Так она и сказала.

Алан показал мне «Аттикус Пюнд расследует» вскоре после того, как написал, и я положительно влюбилась в книгу. Дело было не только в хитроумной загадке. Образ главного героя-сыщика показался мне восхитительным. То, что он прошел через концлагерь, повидал множество смертей, а потом оказался в Англии и стал расследовать убийства — это все выглядело таким справедливым. На роман у брата ушло всего три месяца. Большая часть была написана за время летних каникул. Но не могу сказать, что Алан был доволен результатом. Первое, что он у меня спросил, — это догадалась ли я, какой будет развязка. И был очень рад, когда я призналась, что совершенно не угадала убийцу.

Больше рассказывать не о чем, потому как остальное вы знаете не хуже меня. Рукопись добралась до «Клоуверлиф букс» и вы ее купили! Алан побывал у вас в лондонском офисе, и вечером мы ужинали вместе: Алан, Мелисса и я. Мелисса готовила, Фредди спал наверху. Подразумевалось, что мы празднуем, но Алан пребывал в странном настроении. Он был как-то расстроен и подавлен. Что-то происходило между ним и Мелиссой — нарастало напряжение, причины которого я не могла понять. Я думала, что Алан переживает. Когда у тебя есть цель всей жизни, то немного страшновато достичь ее, ведь возникает вопрос: а что дальше? И было еще кое-что. Алан вдруг увидел, что мир полон дебютных романов, что каждую неделю на полки ложатся десятки новинок и далеко не все производят фурор. На одного прославившегося автора приходится пятьдесят таких, кто попросту исчезает, и вполне может оказаться, что его Аттикус Пюнд не оправдает надежд. Первой книгой все может и закончиться.

Этого, конечно, не случилось. «Аттикус Пюнд расследует» вышел в сентябре 2007 года. Мне было так радостно, когда прибыли первые экземпляры с фамилией Алана на обложке и его фотографией на заднике. Каким-то образом это порождало чувство, что все хорошо, будто всю нашу жизнь мы шли к этому мигу. Книга удостоилась чудесной рецензии в «Дейли мейл»: «Смотри в оба, Эркюль Пуаро! В городе объявился умник-коротышка из-за границы, и он уже наступает тебе на пятки».

К Рождеству «Аттикус Пюнд» появился во всех списках бестселлеров.

Появились другие положительные рецензии. Про Аттикуса даже рассказали в программе «Сегодня». Когда весной вышло издание в мягкой обложке, ощущение создалось такое, будто каждый человек в стране хочет купить свой экземпляр. «Клоуверлиф букс» попросило Алана написать еще три книги, и хотя брат никогда не говорил, сколько ему платят, я догадываюсь, что это была фантастическая сумма.

Он стал вдруг знаменитым писателем. Его книгу перевели на кучу иностранных языков, его стали приглашать на все литературные фестивали: Эдинбург, Оксфорд, Челтенхем, Хей-он-Уай, Харрогейт. Когда вышла вторая книга, Алан подписывал ее в магазине «Вудбридж», и очередь выстроилась такая, что уходила за угол здания. Он ушел из Вудбриджской школы, хотя Мелисса продолжила там работать, и купил дом в Орфорде с видом на реку. Тем временем умер мой муж Грег, и Алан посоветовал мне перебраться поближе к нему. Он помог мне купить дом на Дэфнироуд, в котором вы были.

Романы продолжали продаваться. Деньги текли рекой. Алан попросил меня подсобрать ему с третьей книгой, «Аттикус Пюнд берется за дело». Печатать он никогда не умел. Он всегда писал первый вариант пером и чернилами и отдавал мне, чтобы набрать текст на компьютере. Потом он рукой делал поправки в распечатке, а я вносила их в файл, прежде чем рукопись шла к издателю. Еще он попросил меня помочь с исследованиями. Я познакомила его с одним детективом в Ипсуиче и искала сведения про яды и тому подобное. Мне довелось поработать над четырьмя книгами. Мне эта работа нравилась, и я расстроилась, когда ей пришел конец. Это только моя вина.

Успех изменил Алана. Он словно ошеломил его. Если брат не писал книги, то путешествовал по всему миру, продвигая их. Я читала о нем в газетах. Иногда слушала его выступления по «Радио-4». Но виделась мы с ним все реже и реже. И наконец, в 2009 году, всего пару недель спустя после публикации «Гость приходит ночью», Алан поразил меня новостью, что уходит от Мелиссы. Когда я прочитала, что он бросил ее ради молодого человека, то не поверила собственным глазам.

Трудно описать, что я чувствовала, потому что эмоции вихрем кружились у меня в голове, и я не знала, как быть. Проживая в Орфорде, я постоянно встречалась с Мелиссой, но даже подумать не могла, что их брак дал трещину. Они всегда казались такой любящей парой. Все произошло очень быстро. Вскоре Алан сообщил мне, что Мелисса и Фредди съехали и их дом выставлен на продажу. Никакие юристы к бракоразводному процессу подключаться не будут. Супруги полюбовно договорились все поделить пополам.

Откровенно говоря, мне было довольно трудно смириться с этой новой стороной его жизни. У меня никогда не было проблем с гомосексуалистами. Один мой сотрудник был открытый гей, и мы с ним прекрасно ладили. Но тут речь шла о моем брате, человеке, очень близком мне, и теперь вдруг мне приходится рассматривать его в совершенно ином свете. Да, вы вправе сказать, что он во многом переменялся. Ему исполнилось пятьдесят, он богатый и успешный автор. Алан

сделался более замкнут, резок, стал отцом ребенка, публичной фигурой. И геем. С чего придавать этому последнему факту какое-то особое значение? Но ответ на этот вопрос отчасти заключался в том, что его партнер был очень молод. Ничего не имею против Джеймса Тейлора. На самом деле он мне нравится. Я никогда не считала его охотником за деньгами или вроде того, хотя и пришла в ужас, когда Алан упомянул, что раньше Джеймс работал мальчиком по вызову. Мне просто трудно было видеть, как они ходят вдвоем, иногда за руки держатся или еще что. Я ничего не говорила. Ведь в наши дни осуждать не полагается. Просто мне было не по себе, вот и все.

Но отделились мы с братом не по этой причине. Я выполняла для Алана жутко много работы. Иногда она не ограничивалась только книгами. Я помогала ему с письмами от поклонников. Иногда за неделю приходило больше десятка писем, и, хотя ответ был стандартный, кто-то должен был управляться с почтой. Я занималась с возвратом налогов, особенно с формами двойного обложения, чтобы брату не пришлось платить дважды. Частенько он отправлял меня купить канцтовары или заправить картриджи. Я присматривала за Фредди. Короче говоря, я работала секретарем, офис-менеджером, бухгалтером и нянькой, и все это будучи занята на полную ставку в Ипсуиче. Я ничуть не возражала, но как-то раз предположила, отчасти в шутку, что неплохо было бы мне заплатить. Алан пришел в ярость. Это был единственный раз, когда он всерьез разозлился на меня. Он напомнил, что помог купить мне дом, — хотя, как выяснилось, это был скорее заем, чем подарок. По его словам, он думал, что я сама рада помочь, и будь это не так, то и просить бы меня не стал. Я сразу взяла свои слова обратно, но было поздно. Алан больше не обращался ко мне за помощью, а в скором времени приобрел Эбби-Грейндж и уехал из Орфорда.

Он ни слова не сказал мне о своей болезни. Вы даже не представляете, как это меня потрясло. Но закончу тем, с чего начала. Алан был бойцом всю свою жизнь. Подчас благодаря этому качеству он казался трудным в общении и агрессивным, но не думаю, что он был таким на самом деле. Брат просто знал, чего хочет, и не позволял сбить себя с пути. Превыше всего он был писателем. Творчество означало для него все. Неужели вы всерьез допускаете, что он мог дописать роман и покончить с собой, даже не увидев его напечатанным? Это немыслимо! Это попросту был бы не тот Алан Конвей, какого я знала.

Церковь Святого Михаила

У меня создалось впечатление, что Клэр сделала свои выводы, исходя из ошибочных соображений. Она резонно верила, что Алан не совершал самоубийства. Но добралась до этого умозаключения запутанным путем.

«Он непременно позвонил бы мне, прежде чем решиться на такой шаг». Вот с чего все начиналось. Это был основной ее довод. К заключению она попробовала лечь на другой курс: «Неужели вы всерьез допускаете, что он мог дописать роман и покончить с собой, даже не увидев его напечатанным?» Это два совершенно разных аргумента, и рассматривать их следует по отдельности.

Алан был не из тех, кто прощает обиды. Когда Клэр попросила платить ей за работу, брат с сестрой сильно поссорились, и что бы она ни думала, я сильно сомневаюсь, что между ними на самом деле сохранилась былая близость. К примеру, хотя он и сообщил Клэр о расставании с Мелиссой, очевидно, что она не была в курсе его отношений с Джеймсом Тейлором: о них ей предстояло узнать из газет. Не исключено, что, став геем, Алан оставил позади старую жизнь, словно выбросил ненужный костюм, и, как ни печально, это включало Клэр. Раз он предпочел не делиться с сестрой проблемами своей сексуальной принадлежности, то мог и не обсуждать вопрос суицида.

Клэр также ошибалась, полагая, что прыжок с башни обязательно должен быть обдуманным шагом. «Он ни за что не бросил бы меня одну, хотя бы не предупредив заранее». Не обязательно так. Алан мог проснуться поутру и решить сделать это. Мог напрочь позабыть о том, что скоро выходит книга. В любом случае был шанс, что он умрет прежде, чем ее издадут. Какое это имело для него значение?

Рассказ Клэр был интересен в другом. До сих пор я даже не подозревала, сколь многое из своей личной жизни впледел Алан в «Английские сорочки убийства». Знал ли он, еще до диагноза, что это последний его роман? «Мы были пиратами, искателями сокровищ, солдатами, шпионами». Говоря это Аттикусу Пюнду, Роберт Блэкстон рассказывает также о детстве Алана. Алан любил шифры — Роберт перестукивался кодом через стену спальни. Здесь же анаграммы и акrostихи. Робсон стал Осборном. Кларисса Пай решает анаграмму в кроссворде из «Дейли телеграф». Мог ли Алан спрятать внутри книги тайное послание, какие-то сведения, известные ему о ком-то? Что за сообщение это могло быть? Раз уж на то пошло, если он знал что-то такое ужасное, за что его убили, то зачем ходить вокруг да около? Почему не выложить все напрямую?

Не могло ли это послание быть скрыто в последних главах? Некто украл их по этой причине и одновременно убил Алана? В этом есть некоторый смысл, хотя приводит к вопросу о том, кто мог прочитать их. Если такой человек вообще был.

До ужина оставалось часа два, и я решила прогуляться до Касл-Инн. Нужно было проветрить мозги. Уже темнело, и Фрамлингем приобрел заброшенный вид: магазины закрылись, улицы опустели. Проходя мимо церкви, я разглядела среди надгробий движущуюся тень. Это был викарий. Я видела, как он скрылся в храме, с шумом закрыв за собой дверь, и, повинуясь порыву, пошла следом. Мой путь пролегал мимо могилы Алана. Как-то жутковато было представить его лежащим под слоем свежей земли. Я находила этого человека холодным и молчаливым в общении. Теперь он стал таковым навеки.

Прибавив шагу, я вошла в церковь. Внутри она была большой, гулкой, полной сквозняков, с фресками разных веков на стенах. Этот век для храма оказался, видно, не самым лучшим. От двенадцатого столетия остались арки, от шестнадцатого — чудесные резные потолки, от восемнадцатого — алтарь. А что принес ему век двадцать первый? Атеизм и безразличие. Робсон находился за кафедрой совсем недалеко от двери. Он стоял на коленях, и на миг мне показалось, что он молится. Но потом я увидела, что он возится у старой батареи отопления. Священник повернул ключ, зашипел скопившийся внутри воздух, потом забулькала наполняющая трубы вода. При моем приближении он обернулся и, смутно вспомнив меня, с трудом встал.

— Добрый вечер, миссис...

— Сьюзен Райленд, — напомнила я. — Мисс. Это я расспрашивала вас про Алана.

— Сегодня меня расспрашивала про Алана куча народа.

— Я задала вопрос, не притеснял ли он вас.

Викарий вспомнил и отвел взгляд.

— Мне кажется, я уже сообщил все, что вы хотели знать.

— Вам известно, что он вставил вас в свою последнюю книгу?

Это его удивило. Он провел ладонью по щетине на подбородке.

— Что вы имеете в виду?

— Что викарий из книги очень похож на вас. У него даже имя схожее.

— А про церковь Алан упомянул?

— Про храм Святого Михаила? Нет.

— Ну тогда ладно. — Он помолчал немного, потом продолжил: — Для Алана весьма типично говорить про меня гадости. Такое у него было чувство юмора, если это можно так назвать.

— Вы его не слишком любили.

— Зачем вы задаете подобные вопросы, мисс Райленд? В чем именно ваша цель?

— Разве я вам не сказала? Я была его редактором в «Клоуверлиф букс».

— Понятно. Боюсь, я ни одного его романа не прочел. Меня никогда не интересовали детективы и триллеры. Я предпочитаю научную литературу.

— Когда вы познакомились с Аланом Конвеем?

Викарию не хотелось отвечать, но он видел, что я не собираюсь останавливаться.

— По правде говоря, мы вместе учились в школе.

— Вы были в Чорли-Холле?

— Да. Я приехал во Фрамлингем несколько лет назад и немало удивился, увидев Алана в числе своих прихожан, хотя службы он посещал крайне редко. Мы с ним одного года рождения.

— Ну и... — (Робсон молчал.) — Вы сказали, что у него был властный характер. Он третировал вас?

— Не уверен, что вполне уместно обсуждать подобные дела, и уж тем более сегодня, — вздохнул он. — Но если вам так важно это знать, особенность ситуации заключалась в том, что его отец был директором школы. Это давало Алану определенную власть. Он мог сказать или сделать что-нибудь эдакое и знал, что никто из нас не осмелится перечить ему.

— О чем именно идет речь?

— Ну, давайте скажем, что это были розыгрыши. Уверен, Алан именно так их видел. Но они бывали весьма обидными и болезненными. Мне лично он доставил немало неприятностей, но все это теперь травой поросло. Что было, то прошло.

— Что он сделал? — Викарий все еще запирался, поэтому я надавила на него: — Это очень важно, мистер Робсон. Я уверена, что со смертью Алана не все так просто, как кажется, и все, что вы скажете, — строго между нами, — может очень помочь.

— Это была просто шалость, мисс Райленд. Ничего более. — Викарий помедлил в надежде, что я уйду, а когда этого не случилось, добавил: — Он взял фотографии...

— Фотографии?

— Это были ужасные фотографии!

Эти слова произнес не викарий. Голос донесся как бы ниоткуда. Странные фокусы выкидывает эта церковная акустика — это сделано специально, чтобы впечатлять паству. Я обернулась и увидела, как к нам шагает рыжеволосая женщина, замеченная в гостинице, предположительно жена викария. Ее туфли отбивали по каменным плитам решительный ритм. Она остановилась рядом с ним и с неприкрытой враждебностью посмотрела на меня.

— Мой муж не желает говорить об этом! — заявила она. — Я не понимаю, по какому праву вы досаждаете ему? Мы похоронили сегодня Алана Конвея, и на том, насколько я могу судить, все и закончилось. Мы не собираемся ввязываться ни в какой скандал. Ты починил радиаторы? — Последнюю фразу она произнесла тем же тоном, не переводя дыхания.

— Да, дорогая.

— Тогда идем домой.

Женщина взяла его под руку, и хотя ее макушка едва доходила Робсону до плеча, именно она вытолкала его из храма. Дверь захлопнулась за ними, и мне оставалось только гадать, что это

были за фотографии. Одновременно мне подумалось, не фотографии ли обнаружила Мэри Блэкистон на кухонном столе в доме викария в Саксби-на-Эйвоне, и не они ли стали причиной ее смерти.

Ужин в «Короне»

Я не собиралась напиваться в компании Джеймса Тейлора и до сих пор не могу понять, как это произошло. Помню только, что он пришел изрядно расстроенный и сразу заказал бутылку самого дорогого в меню шампанского, а следом хорошего вина и несколько порций виски, но пить их я собиралась предоставить ему. Не берусь утверждать, как много я узнала за последующие два часа, но в поисках того, кто и почему убил Алана Конвея, определенно не продвинулась. При этом, проснувшись на следующее утро, я сама немногим отличалась от покойницы.

— Черт, ненавижу это долбаное место! — Такими были первые его слова, когда он плюхнулся на стул.

Тейлор переоделся в ту самую черную кожаную куртку, в какой я его видела при первой встрече, и в белую футболку. Вылитый Джеймс Дин.

— Прошу прощения, Сьюзен, но дождаться не мог, когда закончатся похороны. Викарий доброго слова про Алана не сказал. И этот его голос! Ну, скорбный повод — это понятно, но он как будто сам могилу копал. Я вообще не хотел приходить, но мистер Хан настоял и помог мне, поэтому я очень ему благодарен. Разумеется, все теперь в курсе.

Я недоуменно посмотрела на него.

— Про деньги! — пояснил Джеймс. — Я получил дом, землю, наличные, права на книги, почти всё! Ну, Алан оставил кое-что Фредди, своему сыну, и распорядился также насчет сестры. Есть пожертвование церкви. Робсон заставил его раскошелиться за место для могилы. Ну и еще пара мелочей. Но я получил денег больше, чем видел за всю свою жизнь! Ужин за мой счет, кстати, — точнее, за счет Алана. Нашли вы пропавшие страницы рукописи?

Я ответила, что нет.

— Жалко. Я все перерыл в их поисках, но увы. Забавно, что вам придется теперь иметь дело со мной — насчет книг то есть. Мне уже позвонил некий Марк Редмонд по вопросу о «Приключениях Аттикуса». Я целиком за, только бы меня не заставляли смотреть этот чертов сериал!

Он бегло просмотрел меню, быстро сделал выбор и отложил папку в сторону.

— Они все меня ненавидят, скажу я вам, — продолжил молодой человек. — Но притворяются, конечно. Все стараются смириться с ситуацией, но вы бы видели, как большая их часть на меня смотрит. Я был подстилкой Алана, а теперь заграбастал все — так они думают.

Принесли шампанское, Джеймс подождал, пока официант разольет его по бокалам. Я не могла удержаться от улыбки. Он только что стал миллионером и сетовал на судьбу, но делал это с легким сердцем, даже с улыбкой. Получалась этакая намеренная самопародия.

Джеймс залпом осушил бокал.

— Завтра я выставляю Эбби-Грейндж на продажу, — сказал он. — Это мне тоже, скорее всего, поставят в вину, но я не могу ждать. Мистер Хан говорит, что усадьба стоит миллиона два фунтов, и у меня уже есть предложение от Джона Уайта. Я вам рассказывал про него? Это парень из хедж-фонда, живет по соседству. Супербогач. Они с Аланом здорово поругались недавно. Что-то, связанное с инвестициями. И после этого даже не общались. Чудно, правда? Ты покупаешь дом и пятьдесят акров в сельской глуши, и единственный человек, с которым у тебя нелады, — твой сосед. Впрочем, он может купить землю у меня, чтобы округлить владения.

— А вы куда переедете? — спросила я.

— Куплю квартиру в Лондоне. Я всегда этого хотел. Попробую снова запустить свою карьеру. Хочу вернуться к актерской профессии. Если «Приключения Аттикуса» начнут снимать, могут даже предложить мне роль. Замкнется круг с книгами. Если меня возьмут на роль Джеймса Фрейзера, то я буду играть персонажа, изначально списанного с меня. Кстати, знаете, почему его фамилия Фрейзер?

— Нет, понятия не имею.

— Алан назвал своего героя в честь Хью Фрейзера, актера, игравшего помощника Пуаро в телесериале. А квартира, где жил Аттикус Пюнд, — Таннер-Корт в Фаррингдоне? Еще одна из

шуточек Алана. Есть настоящий дом, который называется Флорин-Корт, его использовали в съемках «Пуаро». Не уловили? Таннер, флорин — это все старинные монеты.

— Откуда вы знаете?

— Он мне сказал. Там еще много чего зарыто. Ему нравилось прятать многое.

— Что именно?

— Ну, имена. В одной из книг действие происходит в Лондоне, и все имена на самом деле происходят от станций метро или чего-то вроде этого. И был еще роман, где фамилии персонажей Брук, Уотерс, Форстер, Уайлд...

— Это все писатели.

— Не просто писатели, все они геи. Это игра, которую он придумал, чтобы не заскучать.

Выпив еще шампанского, мы заказали фиш-энд-чипс. Ресторан располагался в дальнем конце гостиницы, за углом от того места, где проходили поминки. В зале ужинала пара семей, мы же разместились за угловым столиком. Свет был приглушенный. Я спросила у Джеймса, как работал Алан Конвей. В своих книгах он прятал почти столько же, сколько открывал, и имела место странная несообразность между автором бестселлеров и романами, выходящими из-под его пера. К чему все эти игры, шифры и тайные отсылки? Неужели недостаточно просто рассказать историю?

— Он никогда не обсуждал это со мной, — сказал Джеймс. — Работал он невероятно много, иногда по семь или восемь часов в день. У него был блокнот, заполненный ключами, отвлекающими маневрами и тому подобным. Кто был где, когда и что делал. Алан говорил, что расставлять все это — настоящая головная боль, и если я заходил и отвлекал его, то мог получить серьезную взбучку. Иногда он говорил об Аттикусе Пюнде как о реальном человеке, и у меня сложилось мнение, что они не были лучшими друзьями, пусть даже это звучит немного странно. «Аттикус разрушает меня! Я сыт им по горло. Ну почему я обязан писать еще одну книгу про него?» — так он жаловался мне то и дело.

— Поэтому он решил убить его?

— Не знаю. Пюнд умирает в последней книге? Я ее не читал.

— Он серьезно заболевает. И в конце вполне может умереть.

— Алан всегда говорил, что книг будет девять. Он решил так с самого начала. Это число каким-то образом имело большое значение для него.

— Что случилось с записной книжкой? — поинтересовалась я. — Как понимаю, вы ее не нашли.

— Не нашел, — покачал головой Джеймс. — Мне жаль, но я совершенно уверен, что ее нет в доме.

Выходит, тот, кто взял последние главы «Английских сорочьих убийств», стер все до единого слова с винчестера Алана, позаботился также и об исчезновении блокнота. Это навело меня на мысль: этот человек знал, как работал Конвей.

Мы еще поговорили про жизнь Джеймса с Аланом, прикончив шампанское и перейдя к бутылке вина. Другие семьи завершили ужин и ушли, и к девяти часам мы остались в ресторане одни. У меня сложилось впечатление, что Джеймс страдает от одиночества. С какой стати парню, которому нет и тридцати, хоронить себя в глуши вроде Фрамлингема? Правда крылась в том, что у него не было особого выбора. Его обрекли на это отношения с Аланом, и данное обстоятельство, как никакое другое, послужило причиной порвать их. Разговаривая со мной, Джеймс держался очень свободно. Мы с ним подружились: быть может, благодаря той первой сигарете или причудливым обстоятельствам, которые нас свели. Он рассказал о своем детстве и юности.

— Вырос я в Вентноре, на острове Уайт. Я его ненавидел. Поначалу мне казалось, это потому, что я находился в окружении моря. Но истинная причина крылась в том, кем я был. Мои мама и папа были «свидетелями Иеговы» — понимаю, звучит дико, но это факт. Мама ходила по острову, от двери к двери, распространяя экземпляры «Сторожевой башни». — Он помолчал немного. — Знаете, какую самую страшную трагедию она пережила? У нее кончились двери.

Проблемой для Джеймса была не столько религиозность или даже патриархальность семьи — у него было два старших брата, — сколько то, что его гомосексуальность воспринималась как грех.

— Я понял, кто я, в десять лет и до пятнадцати жил в ужасе, — сказал он. — Хуже всего, что поделиться было не с кем. С братьями я близок никогда не был — думаю, они подозревали, что я

другой. Живя на Уайте, я чувствовал себя так, будто рос в пятидесятые. Теперь там не так все плохо, — по крайней мере, как я слышан. В Ньюпорте есть бар для голубых, повсюду на острове местечки для прогулок геев. Но в бытность мою ребенком среди собирающихся в доме взрослых и всего такого я чувствовал себя совсем одиноким. А потом я познакомился в школе с другим мальчиком, и мы стали встречаться. Тут я понял, что пора убираться, потому как, если я останусь, закончится тем, что меня застукают со спущенными, в буквальном смысле, штанами, и тогда я стану изгоем — именно так обходятся «свидетели Иеговы» с теми, кто провинился. Когда пришло время получать аттестат зрелости, я решил попробовать стать актером. Школу я окончил в шестнадцать и устроился в театр Шанклин рабочим сцены, но два года спустя уехал с острова и перебрался в Лондон. Думаю, моя семья рада была меня спровадить. Я туда никогда больше не возвращался.

Джеймс не мог позволить себе театральную школу и учился опытным путем. Он познакомился в баре с одним человеком и вышел на продюсера, и тот снял юношу в немалом количестве фильмов, которые никогда не покажут в эфире центральных британских каналов. Краснеть скорее приходилось мне. Джеймс же откровенно и смачно рассказывал про свою карьеру в жестком порно. Ко времени, когда в ход пошла вторая бутылка, мы оба хохотали в голос. Еще ему довелось поработать мальчиком по вызову, в Лондоне и Амстердаме.

— Мне это не претило, — сказал он. — Среди моих клиентов попадались извращенцы и уроды, но по большей части это были приятные мужчины среднего возраста, панически боявшиеся, что их застукают. Многие из них заказывали меня постоянно. Мне нравились секс и деньги, и я не забывал заботиться о себе.

Джеймс снял квартирку в Западном Кенсингтоне и работал на дому. Одним из его клиентов оказался директор по кастингу, сумевший даже устроить его на несколько приличных ролей.

И тут Джеймс повстречал Алана Конвея.

— Алан был типичным клиентом. Женатый, с маленьким сыном. Он разыскал мои контакты и фото в интернете и долгое время даже имени своего мне не называл. Не хотел, чтобы я узнал, что он знаменитый писатель, так как боялся, что я стану шантажировать его или солью материал в желтую прессу. Но это была сущая глупость. Никто такими делами больше не занимается.

Джеймс выяснил, кто это, только когда увидел Алана в утренней программе телевидения, представляющего одну из своих книг. Тут у меня в голове щелкнуло. Когда романы про Аттикуса Пюнда начали продаваться, Конвей, в отличие от всех прочих авторов, из кожи вон лез, только бы не появляться на ТВ. Тогда я решила, что причиной была его застенчивость. Но если он вел двойную жизнь, такое поведение становилось совершенно понятным.

Прикончив главное блюдо и две бутылки, мы, пошатываясь, выползли на двор покурить. Ночь была ясная, и, сидя под звездами, в свете бледной луны, скользящей по темному небу, Джеймс сделался задумчивым.

— Знаете, мне Алан правда нравился, — произнес Тейлор. — Он мог быть мерзким выродком, особенно когда писал очередную книгу. Все те деньги, которые он заработал на своих детективных историях, не приносили ему радости. А со мной он был счастлив. Это ведь не так уж плохо? Что бы там ни говорили и ни думали люди, я был нужен ему. Поначалу он просто платил мне за ночь. Потом была пара поездок. Он взял меня с собой в Париж и в Вену. Мелиссе Алан сказал, что делает изыскания для книги. Он даже захватил меня с собой в книжный тур по Америке. Представлял он меня своим личным секретарем, и в каждой гостинице мы селились в отдельных номерах, но, разумеется, со смежными дверями. К тому времени я жил у него на содержании и мне не разрешалось встречаться с другими.

Джеймс выдохнул дым, потом посмотрел на красный краешек сигареты.

— Алану нравилось смотреть, как я курю. После секса я закуривал сигарету, голый, а он смотрел на меня. Мне жаль, что я его подвел.

— Как это так? — спросила я.

— Мне не сиделось на месте. У Алана были книги и творчество, а я скучал, оставаясь во Фрамлингеме. Я же был на двадцать лет моложе него. Для меня тут нет ничего интересного. Поэтому я стал ездить в Лондон. Я говорил, что встречаюсь с друзьями, но Алан знал, что я там делаю. Это было очевидно. Мы ссорились, но я не мог остановиться, и в итоге он выставил меня, предоставив месяц на сборы. Когда мы с вами познакомились, оставалось два дня до того

момента, как я должен был лишиться крыши над головой. Какая-то часть меня надеялась на примирение, но на самом деле я радовался, что все кончено. Меня не интересовало богатство. Люди смотрели на нас и думали, что мне нужны только деньги. Но это не так. Я переживал за него.

Мы вернулись в зал и, после пары стопок виски, Джеймс поведал мне о планах на будущее, позабыв, что уже говорил об этом раньше. Он собирался поехать в отпуск — куда-нибудь, где жарко. Потом снова попробовать себя в амплуа актера.

— Может, даже поступлю в театральную школу. Теперь я могу себе это позволить.

Вопреки своим словам про Алана, он уже завязал новые отношения, с парнем своего возраста. Не знаю почему, но, глядя, как он сидит за столом, с длинными волосами и затуманенным алкоголем взором, я вдруг почувствовала, что все это не кончится для него добром. Забавная мысль, но возможно, он нуждался в Алане Конвее примерно так, как Джеймс Фрейзер нуждался в Аттикусе Пюнде. Для него не было другого места в сюжете.

Джеймс приехал на машине, но я не разрешила ему садиться за руль, пусть даже проехать нужно было всего милю. Словно старая тетя, я отобрала у него ключи и попросила администратора гостиницы вызвать ему такси.

— Я останусь здесь, — заявил Джеймс. — Я могу позволить себе снять комнату. Могу купить всю эту гостиницу.

То были последние слова, обращенные ко мне, прежде чем он, сильно покачиваясь, вышел в ночь.

«Ему нравилось прятать вещи...»

Джеймс был прав. В книге «Аперитив с цианидом», действие которой происходило в Лондоне, персонажей звали Лейтон Джонс, Виктория Уилсон, Майкл Латимер, Брент Эндрюс и Уорик Стивенс. Все эти имена, частично или полностью, были позаимствованы из названий станций метро. Двое убийц, Линда Кол и Матильда Орт, были анаграммами: от станции «Колиндейл» Северной ветки и «Латимер-роуд». Писатели-геи составили каст в «Маках для Аттикуса». В романе «Аттикус Пюнд берется за дело»... ну это вы сами догадаетесь:

Джон Уотерман,
«Паркер Боулз эдвертайзинг»,
Кэролайн Фишер,
Карла Висконти,
Профессор Отто Шнейдер,
Элизабет Фабер.

На следующее утро я проснулась в семь с небольшим, с головной болью и противным привкусом во рту. Удивительно, но ключи от машины Джеймса до сих пор были зажаты у меня в ладони, и на жуткий миг я испугалась, что, открыв глаза, обнаружу его лежащим рядом. Я пошла в ванную и долго стояла под горячим душем. Потом оделась и спустилась выпить черный кофе и грейпфрутовый сок. Рукопись «Английских сорочьих убийств» я захватила с собой и, вопреки своему состоянию, очень скоро обнаружила то, что искала.

Все герои получили имена от птиц.

Еще читая книгу в первый раз, я сделала себе пометку: спросить у Алана насчет сэра Магнуса Пая и Пай-Холла. «Пирожные» имя и название поразили меня как звучащие немного по-детски и, самое меньшее, старомодно. Как будто их взяли из «Приключений Тинтина». Просматривая текст заново, я поняла, что почти со всеми, даже самыми ничтожными персонажами, обошлись подобным образом. Самые очевидные примеры: викарий Робин²⁵ и его жена Хен²⁶. Уайтхед²⁷ (торговец антиквариатом), Редвинг²⁸ (доктор), Уивер²⁹ (могильщик) — птицы весьма распространенных видов, так же как Крейн³⁰ и Ланнер³¹ (учредители похоронной конторы из Бата) и Кайт³² (владелец «Паромщика»). Некоторые имена проследить оказалось сложнее. Джой Сандерлинг получила фамилию от птички-песчанки, а Джек Дартфорд — от славки. Брент, смотритель парков, — это порода гусей, а среднее его имя Джей — сойка. В честь естествоиспытателя девятнадцатого века Томаса Блэкистона называли сову, от которой произошла фамилия семьи, находящейся в центре сюжета. И так далее.

Важно ли это? Видимо, да. Но меня этот факт встревожил.

Имена персонажей имеют значение. Мне известны писатели, заимствующие их у знакомых, тогда как иные обращаются к справочникам: про «Оксфордский словарь цитат» и «Кембриджскую биографическую энциклопедию» я уже упоминала. В чем секрет хорошего имени в художественной литературе? Разгадка зачастую кроется в простоте. Джеймс Бонд не стал бы тем, кто он есть, будь в его фамилии слишком много слогов. Говорят, что имя — это, как правило, первое, что мы узнаем о персонаже, и думаю, очень помогает, если оно ложится на слух,

---

²⁵ Robin — малиновка (англ.).

²⁶ Hen — курица (англ.).

²⁷ Whitehead — белоголовая мохуа (англ.).

²⁸ Redwing — дрозд-белобровик (англ.).

²⁹ Weaver — ткачик (англ.).

³⁰ Crane — журавль (англ.).

³¹ Lanner — средиземноморский сокол (англ.).

³² Kite — коршун (англ.).

подходит как надо. Ребус и Морс (почти как Морзе) — вот удачные примеры. В обоих именах намеки на код, загадку, а поскольку задача сыщика состоит в разгадывании оных, мы уже на полпути к успеху. Авторы девятнадцатого века, например Чарльз Диккенс, заходили еще дальше. Ну кто захочет сидеть в классе Уокфорда Сквирса, находиться на попечении у мистера Бамбла или выйти замуж за Джерри Кранчера?³³ Но это комичный гротеск. Писатель был более осмотрителен, выбирая фамилии для героев и героинь, в отношении которых рассчитывал на симпатию читателя. Подчас авторы натываются на культовые имена почти случайно. Самый известный пример — Шерингфорд Холмс и Ормонд Сэкер. Попробуйте угадать, достигли бы они такой же всемирной популярности, если бы Конан Дойл не передумал, сделав выбор в пользу вариантов Шерлок Холмс и доктор Ватсон. Я живую видела рукопись, в которую вносилось это изменение, — росчерк пера, и история литературы пошла другим путем. Рассуждая в том же ключе: смогла бы Панси О'Хара зажечь мир с таким же успехом, как это сделала Скарлетт, если бы Маргарет Митчелл не внесла правку в текст, уже закончив «Унесенных ветром»? Имена имеют свойство отпечатываться в нашем сознании. Питер Пэн, Люк Скайуокер, Джек Ричер, Фейгин, Шейлок, Мориарти... Способны ли мы представить их себе другими?

Смысл всего этого в том, что имена и персонажи переплетаются. Они говорят друг с другом. Но только не в случае с «Английскими сорочьими убийствами» или другими книгами, которые Алан Конвей написал, а я редактировала. Обращая всех второстепенных персонажей в птиц, станции метро (или изготовителей шариковых ручек, как в «Аттикус Пюнд берет за дело»), автор обезличил и тем самым обесценил их. Ну тут я, возможно, слишком строга. В конечном счете его детективные истории не несли в себе иной нагрузки, кроме развлекательной. Это просто указывало на беспечность, почти презрение к собственной работе, и это меня тяготило. Еще мне было досадно, что я не заметила этого раньше.

После завтрака я собрала вещи, расплатилась за номер, потом заехала в Эбби-Грейндж, передать Джеймсу Тейлору ключи. Со смешанным чувством смотрела я на дом, будучи свято уверена, что вижу его в последний раз. Быть может, виновато было серое суффолкское небо, но дом казался каким-то печальным, словно он осознавал не только смерть прежнего своего владельца, но и факт ненужности новому. Я старательно отводила глаза от башни, казавшейся мрачной и угрожающей. Мне подумалось, что если есть здания, обреченные обзавестись привидениями, то это одно из них. Пройдет не так много времени, и однажды новый хозяин проснется посреди ночи, разбуженный сначала принесенным ветром криком, а потом глухим ударом тела о землю. Джеймс совершенно прав, что решил уехать.

Я собралась было позвонить в дверной звонок, но передумала. Скорее всего, Джеймс еще в постели, а вчера спяну мог быть со мной более откровенным, чем намеревался. Лучше избежать утренних сожалений с похмелья.

Меня ждало дело в Ипсуиче. Клэр Дженкинс сдержала слово и устроила для меня встречу с суперинтендантом Локком — не в полицейском участке, а в кафешке «Старбакс» у кинотеатра. Я получила сообщение с инструкцией: в одиннадцать часов, он может уделить мне пятнадцать минут. У меня оставалось достаточно времени, чтобы добраться до места, но сначала я хотела заглянуть к соседу Алана. Джона Уайта в его оранжевых сапогах-веллингтонах я видела на похоронах, но шанса поговорить нам не представилось. Джеймс обмолвился, что Алан повздорил с соседом и вывел его в качестве одного из персонажей «Английских сорочьих убийств». Мне хотелось знать больше. Было воскресенье, так что имелись все шансы застать Уайта дома, поэтому я бросила ключи Джеймса в почтовый ящик и развернула машину.

Вопреки названию, в усадьбе Эппл-Фарм не было ни намека на яблочные деревья, да и на ферму она не смахивала. Дом был симпатичный, гораздо удобнее Эбби-Грейндж. Построили его, как я могла предположить, в сороковые. Выглядела усадьба весьма презентабельно: аккуратная гравийная дорожка, ровные живые изгороди, обширные лужайки с подстриженной полосами травой. Напротив парадной двери располагался навес, под которым стоял классный автомобиль

---

³³ Говорящие фамилии из романов Чарльза Диккенса: Сквирс («Жизнь и приключения Николаса Никльби») — «странный, извращенный»; Бамбл («Приключения Оливера Твиста») — «путаник»; Кранчер («Повесть о двух городах») — «крошачий, ломающий».

— двухместный «Феррари-458 Италия». Я бы не отказалась погонять на нем по суффолкским дорогам. Но стоила такая игрушка хорошо под двести тысяч фунтов, и мой «Эм-Джи-Би» по сравнению с ней выглядел бледновато.

Я позвонила в дверь. По моим прикидкам в доме было по меньшей мере восемь спален, и, учитывая его размеры, могло пройти довольно значительное время, прежде чем кто-то откликнется на звонок, но дверь открылась почти сразу. Передо мной возникла негостеприимного вида женщина с черными волосами с пробором посередине, одетая в мужскую одежду: спортивный пиджак, плотно облегающие брюки, сапоги до колен. Его жена? На похоронах ее не было. Почему-то я усомнилась, что имею дело с супругой.

— Могу я поговорить с мистером Уайтом? — начала я. — Вы миссис Уайт?

— Нет. Я экономка мистера Уайта. А вы кто?

— Знакомая Алана Конвея. Точнее говоря, его редактор. Мне хотелось бы поговорить с мистером Уайтом о случившемся. Это очень важно.

Мне показалось, что она вот-вот посоветует мне убраться, но тут в коридоре у нее за спиной появился мужчина.

— Кто там, Элизабет? — раздался его голос.

— Тут спрашивают насчет Алана Конвея.

— Меня зовут Сьюзен Райленд, — бросила я поверх ее плеча. — У вас это займет всего пять минут, а для меня это очень значимо.

Моя фраза прозвучала так убедительно, что Уайт не решился отказать.

— Вам лучше войти, — сказал он.

Экономка отошла в сторону, и я прошла мимо нее в холл. Передо мной стоял Джон Уайт. Я сразу узнала в нем человека, которого видела на похоронах. Невысокий, очень худой, невзрачный на лицо, с коротко подстриженными черными волосами, переключившись со щетины на подбородке. Одет он был в строгую рубашку и свитер с треугольным вырезом. Мне с трудом удавалось представить этого субъекта за рулем «феррари». В нем не было ничего агрессивного.

— Могу я предложить вам кофе? — спросил он.

— Спасибо. Это было бы здорово.

Уайт кивнул экономке. Та ожидала этого и немедленно удалилась.

— Пройдемте в гостиную, — предложил мужчина.

Мы вошли в просторную комнату, окна которой выходили на задний сад. Обставлена гостиная была по-современному, с дорогими картинами на стенах, включая одну из неоновых работ Трэйси Эмин. В глаза мне бросилась фотография с изображением двух миленьких девочек-близняшек. Его дочери? Я с первого взгляда поняла, что, за исключением его самого и экономки, в доме никто не живет. Так что либо семья в отъезде, либо он разведен. Я склонялась ко второму.

— Что хотите вы узнать про Алана? — спросил Уайт.

Держался он очень по-обывательски, но я погуглила тем утром и выяснила, что этот человек возглавлял не один, а два самых успешных хедж-фонда для одной крупной столичной фирмы. Он сделал себе имя и состояние для своих вкладчиков, предсказав обрушение кредитной системы, и отошел от дел в сорок пять, имея больше денег, чем я могла мечтать — если бы меня посещали мечты такого рода. Но работать не перестал. Уайт инвестировал миллионы и зарабатывал новые: на часах, автостоянках, недвижимости и многом другом. Это был человек, к которому я легко могла проникнуться неприязнью — «феррари» этому только способствовал, — но я не прониклась. Не знаю почему. Быть может, из-за тех оранжевых сапог.

— Я видела вас на похоронах.

— Да. Мне подумалось, что стоит принять участие. Но на поминки я не пошел.

— Вы с Аланом были близки?

— Мы были соседи, если вы это имеете в виду. Виделись довольно часто. Я прочитал пару его книг, но они мне не очень понравились. Читать мне вообще особо некогда, а детективный жанр не из моих любимых.

— Мистер Уайт... — Я замялась. Это оказалось не так-то просто.

— Зовите меня Джон.

— Как понимаю, между вами и Аланом произошла незадолго до его смерти размолвка?

— Верно. — Вопрос ничуть не смутил его. — Почему вы спрашиваете?

— Пытаюсь выяснить, как он умер.

Глаза у Джона Уайта были мягкие, светло-карие, но стоило мне произнести эти слова, и я заметила в них искру, как если бы некий внутренний механизм пришел в действие.

— Он покончил с собой, — сказал Уайт.

— Да, разумеется. Но я пытаюсь разобраться, каково было состояние его ума, когда он сделал это.

— Надеюсь, вы не намекаете на...

Я много на что намекала, но насколько могла осторожно сдала назад.

— Ничуть. Как я уже сказала вашей экономке, я была его редактором, работала на его издателя. Случилось так, что он передал нам последнюю свою книгу.

— Я в ней есть?

Он там был. Алан вывел его под именем Джонни Уайтхеда, вороватого торговца антиквариатом, отсидевшего срок в лондонской тюрьме. То был его последний выпад в адрес бывшего приятеля.

— Нет, — соврала я.

— Рад это слышать.

Появилась экономка с кофе на подносе, и Уайт расслабился. Я заметила, что, налив две чашки и предложив нам сливки и домашнее печенье, она не выказала намерения удалиться и Джон был рад ее присутствию.

— Вот что произошло, если хотите знать, — начал он. — Мы с Аланом познакомились в тот самый день, как он сюда переехал, и, как я уже говорил, мы неплохо ладили. Но месяца три назад все пошло вкось. У нас был совместный бизнес. Сразу хочу дать вам понять, Сьюзен, что я не выкручивал ему руки или что-то вроде. Ему понравилась идея, и он не прочь был вскочить в седло.

— Что это было за дело? — поинтересовалась я.

— Не думаю, что вы разбираетесь в моей работе. Я много работал с НАУА. Это расшифровывается как «Национальное агентство управления активами», оно основано правительством Ирландии после краха девяносто восьмого года и занято в основном продажей обанкротившихся предприятий. Мой глаз зацепился за офисный центр в Дублине. На его покупку требовалось двенадцать миллионов, и еще нужно было потратить четыре или пять миллионов. Но я полагал, что это мне по силам. А когда я обмолвился об этом Алану, тот спросил, нельзя ли ему заскочить в АСН.

— АСН?

— «Автомобиль специального назначения». — Если моя неосведомленность раздражала Уайта, он никак этого не показал. — Так у нас называется способ объединить шесть-семь человек для участия в подобного рода инвестициях. Короче говоря, затея эта оказалась тухлой. Мы купили офисный центр у парня по имени Джек Дартфорд, а тот оказался законченным негодяем: лжец и мошенник, иначе не скажешь. Поверьте на слово, Сьюзен, вы никогда не видели более обаятельного типа. Он сидел прямо там, где вы сейчас, и разрисовал все так, что лучше не бывает. А потом выяснилось, что Дартфорд даже не собственник, но к тому времени он уже растворился, прикарманив четыре наших миллиона. Я до сих пор его ищу, но слабо надеюсь на успех.

— Алан обвинил вас?

— Можно сказать и так, — улыбнулся Уайт. — А точнее, он пришел в страшную ярость. Но судите сами. Мы все потеряли поровну, а когда все затевалось, я его предупредил, что в таких делах никогда не бывает стопроцентной уверенности. Но он вбил себе в голову, будто я его надул, и хотел подать на меня в суд. Угрожал мне! Мне не удалось его убедить.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

Джон собирался взять печенье. Я заметила, что рука его зависла в воздухе, а взгляд обратился в сторону экономки. За время пребывания в школе бизнеса Уайт мог овладеть умением хранить невозмутимое выражение, но Элизабет в этой школе не училась, и на ее лице я заметила ничем не прикрытую тревогу. Это предупредило меня о том, что грядет ложь.

— Мы уже несколько недель не встречались, — сказал он.

— Вы были здесь в то воскресенье, когда он погиб?

— Думаю, да. Но он со мной не связывался. Если хотите правду, мы общались только через адвокатов. И мне не хотелось бы, чтобы вы решили, будто его дела со мной имеют какое-то отношение к случившемуся — к его смерти то есть. Да, он потерял определенную сумму. Мы все потеряли. Но он вполне мог это себе позволить. У него не было нужды что-то распродавать и так далее. Если бы у него не было таких денег, я бы ни за что не позволил ему участвовать.

Вскоре после этого я ушла. Я обратила внимание, что Элизабет не предложила мне вторую чашку кофе. Оба они ждали на пороге, пока я садилась в «Эм-Джи-Би», и продолжали стоять, провожая глазами мою отъезжающую машину.

«Старбакс», Ипсуич

Существует хорошо обозначенная дорога с односторонним движением в обход Ипсуича, что мне подходит, потому что это единственный город, куда мне не хотелось бы заезжать. Там слишком много магазинов и слишком мало чего-то еще. Живущим там людям это, возможно, нравится, но у меня остались плохие воспоминания. Мне доводилось возить Джека и Дейзи, моих племянников, в тамошний бассейн «Краун-пулс», и Богом клянусь, запах хлорки у меня до сих пор в горле стоит. На треклятых парковках вечно нет мест. Приходилось часами стоять в очередях, чтобы просто заехать и выехать. Не так давно там напротив станции открылся один из этих построенных на американский манер торговых центров, с десятком ресторанов быстрого питания и многозальным кинотеатром. Мне кажется, что подобные средоточия развлечений убивают город, но именно в таком мне предстояло встретиться с Ричардом Локком, любезно согласившимся уделить мне пятнадцать минут.

Я прибыла первой. К двадцати минутам двенадцатого я решила уже, что суперинтендант не явится, но тут дверь открылась, и он вошел. Вид у него был сердитый. Я помахала рукой, сразу его признав. Это действительно оказался мужчина, бывший с Клэр на похоронах. У него, впрочем, не было причин обращать тогда на меня внимание. На нем был костюм, но без галстука. У суперинтенданта был выходной. Он подошел и тяжело сел, пластиковый стул прогнулся под массой тренированных мышц, и первое, о чем я подумала, что не хотела бы подвергнуться аресту с участием такого субъекта. Даже предлагая ему кофе, я чувствовала себя не очень уютно. Он попросил чаю, и я сделала заказ, купив ему заодно пирожок.

— Как понимаю, вас интересуется Алан Конвей, — начал он.

— Я была его редактором.

— А Клэр Дженкинс — его сестрой. — Локк помолчал немного. — Она втемяшила себе в голову мысль, что брата убили. Вы тоже так думаете?

Этот угрюмый, резкий тон давал понять, что в нем бурлит гнев. А еще его глаза. Они впивались в меня так, будто он вызвал меня на допрос. Я не знала, как ответить. Не знала даже, как к нему обращаться. Ричард — слишком неформально. Мистер Локк — как-то неправильно. Детектив-суперинтендант — слишком по-киношному. Но я решила выбрать последний вариант.

— Вы осматривали тело? — спросила я.

— Нет. Я видел рапорт. — С видом почти недовольным полицейский отломил кусок пирожка, но в рот не положил. — На место происшествия прибыли два офицера из Лейстона. Меня привлекли исключительно потому, что я знал мистера Конвея. К тому же он был знаменитость и не мог не привлечь внимание прессы.

— Клэр представила вас ему?

— Пожалуй, на самом деле все было как раз наоборот, мисс Райленд. Ему требовалось помочь с книгами, поэтому она представила его мне. Но вы не ответили на мой вопрос: по-вашему, его убили?

— Думаю, это возможно. — Детектив хотел перебить меня, поэтому я поспешно выложила ему все. Рассказала о пропавших главах, приведших меня в Суффолк. Упомянула про ежедневник Алана, про встречи, намеченные на неделю после его смерти. Я не стала перечислять тех, с кем уже говорила, — мне показалось нечестно втягивать их. Зато впервые поделилась сомнениями насчет посмертной записки — почему она кажется мне не вполне настоящей.

— О том, что умирает, Конвей говорит только на третьей странице, — пояснила я. — Но он все равно умирал. У него был рак. В письме нет ни слова о том, что он намерен покончить с собой.

— Вам не кажется немного странным, что он отослал такое письмо своему издателю за день до того, как спрыгнул с башни?

— А если это не он его отослал? Вдруг кто-то прочитал письмо и сообразил, что его можно неправильно истолковать? Злоумышленники столкнули Алана с башни, а потом сами отправили письмо. Они понимали, что именно благодаря совпадению по времени мы неизбежно придем к ложным выводам.

— Сам я не допускаю, что пришел к ложным выводам, мисс Райленд.

Во взгляде Локка не читалось расположения, и, даже будучи немного раздражена, я, странное дело, признавала его право сомневаться во мне. Было в письме что-то, что я, как никто другой, обязана была заметить, но не заметила. Называя себя редактором, я не разглядела истину, находившуюся прямо у меня перед глазами.

— Есть много людей, не любивших Алана... — заикнулась я.

— Есть много людей, которые не любят многих других людей, но при этом не убивают их. — Он пришел на встречу с намерением сказать мне именно это и теперь, начав, не мог остановиться. — Чего люди вроде вас не понимают, так это что у человека больше шансов выиграть в лотерею, чем стать жертвой убийства. Вам известно количество убийств, совершенных за прошлый год? Пятьсот девяносто восемь — при населении почти в шестьдесят миллионов! Я вам скажу кое-что забавное: в некоторых частях страны полиция раскрывает по факту больше преступлений, чем их было совершено. Знаете почему? Процент убийств упал так значительно, что криминалисты получили возможность поднять дела, закрытые много лет тому назад. Я вот чего не понимаю: все эти убийства по телевидению — неужели люди не могут потратить время на что-то более полезное? Каждый вечер! На каждом чертовом канале! Зрители пялятся на это как одержимые. И что меня по-настоящему злит, так это факт, что все это не имеет никакого отношения к реальности. Я видел жертв убийств. Расследовал убийства. Я был здесь, когда Стив Райт убивал проститутку. Ипсуичский Потрошитель — так его прозвали. Преступники не планируют такие дела. Они не пробираются в дом жертвы, чтобы сбросить ее с крыши, а потом отослать письмо в надежде, что его ошибочно истолкуют, как вы считаете. Они не напяливают парики и не переодеваются, как у Агаты Кристи. Все убийства, в раскрытии которых мне довелось принимать участие, были совершены под влиянием безумия, гнева или спиртного. Иногда всех трех факторов. И видеть это ужасно. Отвратительно. Совсем не похоже на кино, где актер лежит на спине с пятном красной краски на шее. Когда видишь труп с торчащим из него ножом, становится тошно. В буквальном смысле. Знаете, почему один человек убивает другого? Потому что теряет голову. Есть всего три мотива: секс, гнев и деньги. Ты убиваешь кого-то на улице — втыкаешь в жертву нож и забираешь деньги. Ты повздорил с приятелем, разбил бутылку и распорол ему горло. Или ты убиваешь из ревности. Все убийцы, которых я встречал, глупые скоты. Не интеллигенты. Не богачи и не аристократы. Глупые скоты. И знаете, как мы их ловим? Мы не задаем им хитрых вопросов, доказывая, что у них нет алиби и они находились совсем не там, где утверждают. Мы ловим их благодаря камерам видеонаблюдения. В половине случаев преступники оставляют на месте свою ДНК. Или приходят с повинной. Возможно, когда-нибудь вы опубликуете книгу про настоящие убийства, хотя, даю вам слово, никто не станет ее читать. Я скажу вам, что на самом деле не дает мне покоя насчет Алана Конвея. Я помогал ему, хотя он никогда ничем не отблагодарил меня. Но это другая история. Самое главное в том, что Конвей не интересовала правда. Почему все детективы в его книгах такие чертовски тупые? Знаете, одного он даже списал с меня? Реймонд Чабб — это я. Да, он не черный, — так далеко Конвей не отважился зайти. Но знаете, кто такие Чаббы? Производители замков. Уловили? А вся эта чушь, которую он сочинил про его жену в «Нет покоя нечестивым»? Это про мою жену он написал. Мне хватило ума ему рассказать, а он взял да и вставил это в книгу, даже не спросив у меня.

Теперь мне стала понятна причина его гнева. По тону Локка я поняла, что он не заинтересован во мне и не собирается помогать. Я даже с успехом могла включить его в список подозреваемых.

— Общественность понятия не имеет, как на самом деле работает полиция в этой стране, и все благодаря людям вроде Алана Конвея и вас, — закончил он. — Надеюсь, вы меня извините, мисс Райленд, но я нахожу довольно жалкими ваши попытки изобразить настоящим преступлением то, что на самом деле является образцовопоказательным суицидом. У писателя имелся мотив — он был болен. Он сочинил письмо. Совсем недавно он разошелся с бойфрендом, остался один. Все это подтолкнуло его к решению, и он прыгнул. Хотите моего совета? Возвращайтесь в Лондон и забудьте про это дело. Спасибо за чай.

Он осушил чашку и вышел, оставив лежать на тарелке разломанный на кусочки пирожок.

Крауч-Энд

Когда я вернулась, Андреас меня ждал. Едва открыв дверь, я поняла это по доносящемуся из кухни аромату. Андреас — фантастический повар. Готовит он очень по-мужски: гремит кастрюлями, сыплет в них ингредиенты на глаз, делает все очень быстро, на ревущем пламени, с бокалом красного вина в руке. Никогда не видела его читающим кулинарный справочник. Стол был накрыт на двоих со свечами и букетом цветов, выглядевших так, будто их сорвали в саду, а не купили в магазине. Увидев меня, Андреас широко улыбнулся и крепко обнял.

— Я думал, ты уже не придешь, — сказал он.

— Что у нас на ужин?

— Жареный ягненок.

— Дашь мне пять минут?

— Хоть пятнадцать.

Я приняла душ и переоделась в просторный джемпер и легинсы — такого рода одежда вселяла в меня уверенность, что этим вечером никуда идти уже не нужно. С влажными еще волосами я села за стол и подняла налитый Андреасом гигантский бокал вина.

— Будем здоровы!

— Ямас!

Тост по-английски и по-гречески. Еще одна из наших традиций.

Мы снова принялись за еду. Я рассказала Андреасу про все, что случилось во Фрамлингеме, на похоронах и после. Сразу стало понятно, что ему не очень интересно. Он вежливо слушал, но я не на это надеялась. Я хотела, чтобы он засыпал меня вопросами, ставил под сомнение мои выводы. Мне казалось, что мы будем работать как своего рода Томми и Таппенс из северного Лондона — несколько менее известный детективный дуэт Агаты Кристи. Но Андреасу, в общем-то, было все равно, кто убил Алана. Мне вспомнилось, что он с самого начала отговаривал меня от расследования, и я подумала, не вызвала ли я досаду у него — у греческой его половины, — настояв на своем.

На самом деле ум Андреаса занимало другое.

— Я подал заявление, — произнес он вдруг, накладывая мясо.

— На увольнение из школы? Уже? — удивилась я.

— Да. Ухожу в конце триместра. — Он глянул на меня. — Я сообщал тебе, как намерен поступить.

— Ты сказал, что обдумываешь идею.

— Яннис подтолкнул меня к решению. Владельцы отеля не хотят больше ждать, да и деньги уже есть. Нам одобрили кредит в банке, и через Евросоюз можно получить разные гранты. Все уже в процессе, Сьюзен. «Полидорус» откроется на следующее лето.

— «Полидорус»? Так называется отель?

— Да.

— Красивое название.

Вынуждена признать, я была немного ошарашена. Андреас более или менее прямо предложил мне выйти за него замуж, но я считала, что он даст мне какое-то время подумать. Теперь же речь шла об уже совершённой сделке. Покупай авиабилеты, снимай фартук и отправляйся в путь. Он взял свой айпад, продвинул его через стол и, пока мы ели, показывал мне картинки. «Полидорус» выглядел милым местечком. Там имелась длинная веранда с полом, мощенным диким камнем, и соломенной перголой, яркой окраски деревянными столиками и ослепительным морем за ней. Само здание было с побеленными стенами и синими ставнями, а внутри я разглядела барную стойку и старомодную кофемашину. Спальни были обставлены скромно, но выглядели чистыми и уютными. Мне не составляло труда представить категорию людей, желающих остановиться там: скорее гости, чем туристы.

— Что думаешь? — спросил Андреас.

— Выглядит мило.

— Я делаю это ради нас обоих, Сьюзен.

— Но что станет с «нами обоими», если я не поеду? — Я закрыла айпад чехлом. Смотреть дальше мне расхотелось. — Неужели ты не мог подождать еще немного, прежде чем предпринимать этот шаг?

— Мне пришлось принимать решение насчет гостиницы. И я решил. Я не хочу всю свою жизнь быть учителем. К тому же ты и я... разве это не лучшее, что мы можем сделать?

Он отложил нож и вилку. Я обратила внимание, как аккуратно расположил он их справа и слева от тарелки.

— Мы не живем вместе постоянно, — продолжил Андреас. — Бывают недели, когда мы вообще не видимся. Ты ясно дала понять, что не хочешь, чтобы я переезжал к тебе...

— Это не так! — вскинулась я. — Тебе всегда здесь рады, но ты большую часть времени проводишь в школе. Мне казалось, что ты предпочитаешь такой расклад.

— Все, о чем я хочу сказать, — это что мы сможем постоянно быть рядом. Мы справимся с этой работой. Я знаю, что прошу о многом, но ты не поймешь, пока не попробуешь. Ты ни разу не бывала на Крите! Приезжай на пару недель весной. Вот увидишь, тебе понравится. — Я промолчала, и он добавил: — Мне пятьдесят. Если я не совершу этот шаг теперь, то потом уже никогда.

— Яннис не сможет управиться без тебя?

— Я люблю тебя, Сьюзен, и хочу, чтобы ты была со мной. Обещаю, если ты не будешь там счастлива, мы вместе вернемся. Один раз я уже совершил такую ошибку, больше я ее не повторю. Если мой план не сработает, я снова подыщу себе место учителя.

Аппетит пропал. Я потянулась за сигаретой и закурила.

— Я кое о чем не успела тебе рассказать. Чарльз предложил мне стать главным редактором издательства.

При этой вести глаза у него округлились.

— Ты хочешь этого?

— Мне нужно поразмыслить, Андреас. Это фантастическая возможность. Я смогу повести «Клоуверлиф» тем курсом, каким захочу.

— Ты вроде говорила, что «Клоуверлифу» конец.

— Никогда я такого не говорила. — Он сник, и я добавила: — Так ты на это рассчитывал?

— Честно, Сьюзен? Я думал, что раз Алан умер, то и для вас все кончено. Вот так. Я полагал, что издательство закроется и отель станет выходом для нас обоих.

— Не все так плохо. Ближайшие года два могут оказаться трудными, но «Клоуверлиф» не исчезнет в один миг. Я заключаю договоры с другими авторами...

— Хочешь открыть нового Аттикуса Пюнда?

В его тоне было столько презрения, что я на мгновение удивленно замолчала.

— Мне казалось, тебе нравятся книги про него... — пробормотала я.

Андреас взял у меня сигарету, затянулся, потом вернул ее назад. Это мы проделывали машинально, даже когда ссорились.

— Никогда они мне не нравились! — отрезал он. — Я читал их, потому что ты работала над ними, а мне важно, что ты делаешь. Сами же романы я считаю хламом.

Я была ошеломлена, не знала даже, что сказать.

— Но они принесли кучу денег...

— На сигаретах тоже хорошо зарабатывают. Или на туалетной бумаге. Но это не значит, что эти товары имеют культурную ценность.

— Как ты можешь так говорить?!

— А почему нет? Алан Конвей потешался над тобой, Сьюзен. Над всеми потешался. Я кое-что понимаю в литературе. Я Гомера преподавал, черт побери! Преподавал Эхила. Он знал, чем были его книги, и отдавал себе отчет, что делает, когда сочинял их. Это дурно написанное чтиво!

— Не согласна! Книги написаны очень хорошо. Миллионы людей наслаждаются ими.

— Грош цена этим романам! Восемьдесят тысяч слов, чтобы доказать, что убийца — дворецкий?

— Ты рассуждаешь как сноб!

— А ты защищаешь то, что, как тебе было ясно с самого начала, не имеет никакой ценности.

Я толком и не заметила, когда наш спор принял такой резкий оборот. Прекрасный стол со свечами и цветами. Вкусная еда. А мы двое вцепились друг другу в глотки.

— Не знай я тебя лучше, сказала бы, что ты завидуешь, — пожаловалась я. — Ты познакомился с Аланом раньше меня. Вы оба работали учителями. Но ему удалось выбиться...

— Ты в одном права, Сьюзен: я давно его знал и не любил.

— А почему?

— Не хочу об этом говорить. Все в прошлом, и мне не хотелось бы расстраивать тебя.

— Я и так расстроена.

— Прости. Я просто выложил тебе правду. Что до денег, которые он сделал, то тут ты тоже права. Он не заслужил их, ни единого пенни, и все время нашего с тобой знакомства мне невыносимо было видеть, как ты пресмыкалась перед ним. Вот что я скажу, Сьюзен: он тебя не стоит.

— Я была его редактором, вот и все. Я от него тоже была не в восторге! — Всё, надо остановиться. Мне не нравилось, какой оборот принимает наш разговор. — Почему ты раньше об этом молчал?

— Потому что это не имело значения. А теперь это важно. Я прошу тебя стать моей женой!

— Что же, ты нашел интересный способ сделать предложение.

Андреас остался на ночь, но от тепла, которое существовало между нами после его возвращения с Крита, не осталось и следа. Он напрямик отправился спать, а ушел рано утром, не позавтракав. Свечи выгорели дотла. Ягненка я завернула в фольгу и сунула в холодильник. А потом пошла на работу.

«Клоуверлиф букс»

Я всегда любила понедельники. Четверги и пятницы доводят меня до белого каления, зато как-то приятно входить и видеть на столе стопки бумаг: нераспечатанные письма, корректура, ожидающая вычитки, служебки из маркетинга, отдела по общественным связям и зарубежным правам. Свой кабинет я выбрала, потому что он расположен в задней части здания. Здесь, под карнизом, тихо и уютно. Это комната из разряда тех, куда так и просится топящийся углем камин, — возможно, он тут и был, пока какой-то вандал не разобрал его на рубеже столетий. Совместно с Чарльзом я пользовалась услугами Джемаймы, пока та не уволилась, а на ресепшене постоянно находилась Тесс, готовая сделать для меня что угодно. Когда я пришла в то утро понедельника, она сделала мне чай и передала телефонные сообщения: ничего срочного. Комитет «Женской премии за художественную литературу» просил меня войти в жюри. Моего детского автора требовалось подбодрить. Возникли проблемы с суперобложкой — я предупредила, что она не сработает.

Чарльза не было. Роды у его дочери Лоры начались раньше срока, и они с женой ждали дома. Он прислал мне тем утром письмо по электронке: «Надеюсь, у тебя было время поразмыслить над нашим разговором в машине. Это будет хорошо для тебя и, уверен, хорошо для компании». Забавно, но Андреас позвонил мне практически в ту самую минуту, когда я читала это письмо. Судя по часам, он, должно быть, ускользнул из класса в коридор, предоставив ученикам делать упражнения по греческому.

— Прости за вчерашний вечер, — проговорил он, понизив голос. — Глупо с моей стороны было выливать это все на тебя. Школа просит меня передумать, и я не приму окончательного решения, пока ты не скажешь мне, как быть.

— Спасибо.

— И я беру назад свои слова насчет Алана Конвея. Разумеется, книги у него стоящие. Просто я был с ним знаком и... — Андреас затих, и я представила, как он оглядывает коридор, словно нашкодивший ученик, боящийся, что его застигнут.

— Поговорим об этом позже, — ответила я.

— Сегодня у меня родительское собрание. Почему бы нам не поужинать завтра вечером?

— Это было бы замечательно.

— Я позвоню. — Андреас положил трубку.

Совершенно неожиданно, сама того не желая, я оказалась на пересечении жизненных дорог, а точнее, на Т-образном перекрестке. Я могу стать главным редактором «Клоуверлиф букс». Были писатели, с которыми мне хотелось бы работать, перспективные идеи, на которые Чарльз неизменно накладывал вето. Как я уже сказала накануне Андреасу, передо мной открывались возможности вести дело так, как я хочу.

С другой стороны был Крит.

Альтернативы были настолько различными, диаметрально противоположными, что, мысленно сопоставив их, я чуть не расхохоталась. Я была похожа на ребенка, пытающегося понять, кем он хочет стать: нейрохирургом или машинистом поезда. Выбор ставил в тупик. Но почему такие события всегда случаются одновременно?

Я просмотрела почту. В ней оказалось письмо, адресованное Сьюзен Риланд, которое мне захотелось сразу отправить в корзину. Ненавижу, когда люди коверкают мою фамилию, особенно если проверить написание совсем не сложно. Еще пара приглашений, счетов... Обычные дела. И на дне кучи обнаружился коричневый конверт формата А4, явно с рукописью внутри. Вот это уже интереснее. Никогда не читаю присланных без договоренности рукописей. Сейчас так больше никто не делает. Но на конверте значилось мое имя (написанное без ошибок), поэтому я вскрыла его и взглянула на первую страницу.

Дональд Ли

СМЕРТЬ ВЫХОДИТ НА ПОДМОСТКИ

Мне потребовалось время, чтобы вспомнить, что это книга, написанная официантом из клуба «Плющ», тем самым, который уронил тарелки при виде Алана Конвея. Он утверждал, что Алан украл у него сюжет для четвертой своей книги про Аттикуса Пюнда, «Гость приходит ночью». Мне по-прежнему не нравилось название романа Ли, да и первое предложение («В театре „Павильон“, что в Брайтоне, происходили сотни убийств, но это было первым настоящим») тоже не внушало оптимизма. Недурная идея, подумалось мне, но слишком уж прямолинейно и косноязычно изложенная. Однако я обещала Дональду почитать рукопись, и, поскольку Чарльза нет, а от мыслей про Алана не мешает отдохнуть, я решила попробовать. Чай есть. Что еще нужно?

Большую часть я просмотрела по диагонали. Этот навык у меня давно развит. Как правило, я способна определить, понравится ли мне книга, уже к концу второй или третьей главы, но, если книгу предстоит обсуждать, я чувствую себя обязанной терпеть до последней страницы. Процесс занял у меня три часа. Затем я достала экземпляр «Гость приходит ночью».

И сравнила одну книгу с другой.

Отрывок из романа Алана Конвея «Гость приходит ночью»

ГЛАВА 26. ВЫЗОВ НА ПОКЛОН

Закончилось все там, где и началось: в театре Фоули-Парка. Оглядываясь вокруг, Джеймс испытывал чувство неизбежности. Он бросил карьеру актера, чтобы стать помощником Аттикуса Пюнда, и вот куда его привело участие в первом же расследовании. Здание выглядело еще более убогим, чем когда он увидел его впервые. Сцена была разобрана, большая часть кресел свалена в кучу у стен. Красные бархатные кулисы отдернуты. Лишенные в отсутствие спектаклей необходимости что-то прятать, кулисы выглядели усталыми и изношенными, свисая на проволоке. Сама сцена словно раскрыла рот в зевке — ироничная пародия на многих юных зрителей, которых директор заставлял сидеть и смотреть постановку «Агамемнона и Антигоны». Что ж, больше Эллиот Твид ничего уже не поставит. Он умер в этой самой комнате, с ножом, торчащим из шеи. Фрейзер не свыкся пока с убийствами, но особенно тягостной была ему одна мысль. Каким должен быть человек, способный зарезать жертву в помещении, полном детей? В вечер школьного спектакля тут триста человек сидели в темноте: маленькие мальчики и их родители. Этот вечер они запомнят до конца жизни.

Театр устраивал Пюнда. Он сделал так, чтобы присутствующие расселись в два ряда лицом к нему. Он сидел перед сценой, держа в руке трость из палисандрового дерева, но с таким же успехом мог находиться на самой сцене. Это был его спектакль, кульминация драмы, начавшейся три недели назад с визита перепуганного человека в Таннер-Корт. Огни рамп не ослепляли зрителей, и тем не менее они склоняли головы перед Пюндом. Собравшиеся здесь люди были подозреваемыми, но также и его публикой. Инспектор Риджуэй стоял рядом, но все понимали, что ему отводится лишь вспомогательная роль. Фрейзер внимательно осматривал персонал школы. Леонард Грейвни прибыл раньше всех и занял место в первом ряду, кое-как прислонив костыль к задней спинке кресла. Культия ноги выдавалась вперед, словно специально с целью помешать остальным проходить. Учитель истории Деннис Кокер вошел и сел рядом с Грейвни, хотя Фрейзер заметил, что они не обменялись ни словом. Оба участвовали в последнем, судьбоносном представлении «Гость приходит ночью», во время которого произошло убийство: Грейвни в качестве автора пьесы, Кокер как режиссер постановки. Главную роль играл Себастьян Флит. Двадцати одного года от роду, он был самым молодым учителем в школе Фоули-Парк. Юноша вошел вальсяжной походкой и подмигнул сестре-хозяйке, а та нарочито отвернулась, делая вид, что не заметила его. Лидия Гвендрат сидела в заднем ряду: спина прямая как палка, руки сложены на коленях, накрахмаленный чепчик на голове точно приклеенный. Фрейзер оставался в убеждении, что она причастна к смерти Эллиота Твида. У нее определенно имелся мотив: директор бессовестно обошелся с ней, а благодаря познаниям в медицине она наверняка знала, куда вонзить нож. Не эта ли женщина пробралась через скопление зрителей тем вечером, чтобы отомстить за унижение? Когда она уселась, ожидая, когда Пюнд начнет, по ее глазам ничего не удавалось прочесть. Прибыли еще три

педагога: Гарольд Трент, Элизабет Колн и Дуглас Уай. Последним был садовник Гарри. Он вошел, опустив руки в карманы и с сердитой гримасой на лице. Было понятно, что у него даже представления нет, зачем его вызывали.

— Вопрос, который нам следует себе задать, заключается не в том, кто убил Эллиота Твида. В качестве директора школы Фоули-Парк он нажил врагов, можно сказать, более чем достаточно. Мальчики боялись его. Он безжалостно избивал их за малейший проступок и не делал попыток скрыть, что получает удовольствие, причиняя им боль. Жена хотела развестись с ним. Учителя, не ладившие с директором по многим вопросам, объединялись на почве неприязни к нему. Нет... — Пюнд обвел аудиторию взглядом. — Нас интересует другой вопрос. Я задал его с самого начала. Почему его убили именно таким образом? Так публично? Убийца появляется словно ниоткуда, проходит через все здание и останавливается, только чтобы нанести удар скальпелем, позаимствованным из биологической лаборатории. Да, было темно, и внимание присутствующих было сосредоточено на сцене. Наступил самый драматический момент пьесы. По сцене ползет туман, свет мерцает, из тени выступает призрак раненого солдата, которого изображает мистер Грейвни. И тем не менее риск огромен. Кто-то обязательно бы заметил, откуда убийца пришел и куда направляется. Подготовительная школа вроде Фоули-Парка предоставляет массу удобных возможностей для убийства. Там есть расписание. Всегда известно, где кто должен быть. Как это полезно для убийцы, способного распланировать свои перемещения, исходя из того, что жертва будет одна, а его самого никто не увидит.

Сыщик помолчал немного, затем продолжил:

— И в самом деле, темнота и стремительность, с которой было совершено преступление, привели к катастрофе! Инспектор Риджуэй придерживался мнения, что заместитель директора мистер Мористон, сидевший рядом с Твидом тем вечером, что-то видел, и впоследствии его тоже убили, чтобы заставить замолчать. Возможно, имел место шантаж. Обнаружение значительной суммы наличными в его запирающемся шкафчике явно указывало на это. Однако теперь нам известно, что директор и его заместитель поменялись местами перед самым началом представления. Мистер Твид был на несколько дюймов ниже мистера Мористона и не мог ничего разглядеть из-за сидящей перед ним женщины, у которой вдобавок на голове была шляпа. Истинной мишенью являлся мистер Мористон. Смерть мистера Твида была случайной. И тем не менее это странно, так как мистера Мористона очень любили. Он часто вставал на защиту мисс Гвендрат. Именно он решил взять на работу мистера Гарри, будучи прекрасно осведомлен о его криминальном прошлом. Это ему удалось предотвратить самоубийство ребенка. Трудно найти в школе человека, который не отзывался бы хорошо о Джоне Мористоне. Трудно, но все-таки возможно. Было, разумеется, одно исключение. — Пюнд повернулся к учителю математики, но имени его не назвал. Все в комнате поняли, куда клонит сыщик.

— Уж не хотите ли вы сказать, что это я убил его?! — пролаял Леонард Грейвни. Ему не удалось сдержать усмешку.

— Ну конечно, вы не могли совершить убийство, мистер Грейвни. Вы лишились ноги во время войны...

— Когда воевал с вашими соотечественниками!

— И теперь у вас протез. Вы не могли пробежать через весь зал, это яснее ясного. И тем не менее согласитесь, что между вами существовала сильная неприязнь.

— Мористон был трус и обманщик.

— Он был вашим командиром в Западной пустыне в тысяча девятьсот сорок первом году. Вы оба участвовали в битве при Сиди-Резеге, где вы и потеряли ногу.

— Я потерял не только ногу, мистер Пюнд. Шесть месяцев я провалялся в госпитале, мучаясь от постоянной боли. Я потерял многих моих друзей, и каждый из них был человеком куда более достойным, нежели чертов майор Мористон! Я вам все это уже рассказывал. Он отдал неправильный приказ. Он послал нас в пекло, а потом бросил. Нас буквально выкосили, а он находился в безопасности.

— Был военный трибунал.

— Было расследование, после войны. — Слово «расследование» Грейвни произнес с издевкой. — Майор Мористон утверждал, что мы действовали по собственной инициативе, а он сделал все что мог, чтобы вернуть нас живыми и здоровыми. Я один оказался свидетелем обвинения. Всех других свидетелей разорвало на куски — как удобно, не правда ли?

— Для вас, наверное, было большим потрясением узнать, что он преподает здесь?

— Меня от него тошнило. А все вели себя точь-в-точь как вы — души в нем не чаяли. Герой войны, отец ученикам, лучший друг каждого. Только я знал, кто он такой на самом деле, и с радостью убил бы его. Тут я отдаю вам должное. Не думайте, будто меня не одолевало искушение.

— Почему вы остались здесь?

Грейвни пожал плечами. Фрейзеру он показался надорванным переживаниями: ссутулился, густые его усы обвисли.

— Мне некуда было больше податься, — ответил Грейвни. — Твид дал мне работу только потому, что я был женат на Джемме. Как еще прикажете калеке без диплома зарабатывать на жизнь? Я остался, потому что был вынужден, и старался как мог избегать Мористона.

— А когда его наградили медалью, сделали командором ордена Британской империи?

— Для меня это ничего не значит. Можно навесить на труса и лжеца побрякушку из металла, он останется тем же, кем был.

Пюнд кивнул, как если бы ожидал услышать именно такой ответ.

— И вот мы добрались до противоречия, образующего суть дела, — заявил сыщик. — Единственный человек в Фоули-Парке, имевший мотив убить Джона Мористона, является также единственным, кто не мог этого сделать. — Он помолчал. — Если только не было другого лица, также имевшего мотив, возможно тот же самый, и поступившего в школу с единственной целью свершить свою месть.

Себастьян Флит осознал, что детектив смотрит прямо на него. Он выпрямился, к щекам его прихлынула кровь.

— Что вы хотите сказать, мистер Пюнд? Я под Сиди-Резегом и близко не был. Мне тогда десять лет исполнилось. Я был слишком юн, чтобы воевать!

— Все правильно, мистер Флит. И тем не менее при нашей встрече вы показались мне слишком квалифицированным преподавателем английского, чтобы работать в подготовительной школе в сельской глуши. Вы окончили Оксфордский университет первым в списке. Вы молоды и талантливы. Зачем вам хоронить себя здесь?

— Я же вам сказал при самой первой встрече — я пишу роман!

— Роман важен для вас. Однако вы прервали работу над ним, чтобы сочинить пьесу.

— Меня попросили. Каждый год один из учителей пишет пьесу, которую педагоги показывают на сцене. Такова здешняя традиция.

— И кто же вас попросил?

Флит замялся, словно не желая отвечать.

— Это был мистер Грейвни, — выдавил он.

Пюнд кивнул, и Фрейзер понял, что сыщик мог не задавать этого вопроса. Он заранее все знал.

— Вы посвятили «Гость приходит ночью» памяти своего отца, — продолжил Пюнд. — По вашим словам, он недавно скончался?

— Год назад.

— Однако когда я был в вашей комнате, мне показалось странным, что у вас нет свежих фотографий отца. В день вашего поступления в Оксфорд вас провожала мать. Отца там не было. Как и на церемонии выпуска.

— Он болел.

— Его давно нет в живых, мистер Флит. Неужели вы полагали, будто мне сложно выяснить, что сержант Майкл Флит, служивший в Шестидесятом полку Королевской артиллерии, погиб двадцать первого ноября тысяча девятьсот сорок первого года? Станете ли вы утверждать, что этот человек не ваш отец и что вы оказались в этой школе по чистому стечению обстоятельств? Вы с мистером Грейвни повстречались в офисе Почетной артиллерийской роты в Лондоне. Он пригласил вас в Фоули-Парк. У вас обоих был серьезный повод ненавидеть Джона Мористона. Один и тот же повод.

Ни Флит, ни Грейвни не проронили ни слова, и нарушить тишину пришлось сестре-хозяйке.

— Вы утверждаете, что они сделали это вместе? — требовательно спросила она.

— Я утверждаю, что эти двое написали, поставили и замыслили «Гость приходит ночью» с исключительной целью совершить убийство. Они решили отомстить за случившееся под Сиди-Резегом. Я полагаю, что идея принадлежала мистеру Грейвни, а мистер Флит осуществил ее.

— Вы несете чепуху, — прошипел Флит. — Пока тот неизвестный бежал через зал, я находился на сцене. На виду у всех.

— Нет. Все было устроено так, чтобы зрителям казалось, будто вы на сцене, тогда как на самом деле все иначе. — Пюнд встал, опершись при этом на трость. — Призрак появляется в задней части сцены. Темно. Дым. На нем мундир солдата Первой мировой войны. У него усы, как у мистера Грейвни. Лицо перепачкано кровью. На голове повязка. Говорит он очень мало — так все устроено. В этом могущество писателя — он все способен подчинить своей цели. Призрак произносит всего одно слово: «Агнес!» Голос, искаженный воздействием горчичного газа, нетрудно подделать. Но на сцене находится не мистер Флит. Мистер Грейвни, режиссер пьесы, ждет за кулисами, и, как намечено, для этой короткой сцены вы меняетесь местами. Мистер Грейвни облачается в окопную форму. Надевает повязку и наносит кровь. Потом медленно выходит на сцену. Пройти нужно совсем небольшое расстояние, и хромота его не бросается в глаза, да и играет он раненого солдата. Мистер Флит тем временем избавляется от накладных усов, надетых для представления. Затем надевает пиджак и шляпу, которые позже найдут брошенными в колодец. Потом бегом мчится через зал, останавливаясь только для того, чтобы заколоть человека, сидящего в ряду E, место двадцать три. Откуда ему было знать, что перед самым началом спектакля мистер Твид и мистер Мористон поменялись местами и в результате умрет невиновный? Все происходит очень быстро. Мистер Флит выходит через парадные двери театра, избавляется от шляпы и пиджака, обегает вокруг здания и снова меняется местами с мистером Грейвни, который как раз покидает сцену. К этому моменту вся аудитория всполошилась. Все смотрят на убитого. Никто не замечает происходящего за кулисами. Разумеется, оба приходят в ужас, узнав, что случилось. Их жертвой стал ни к чему не причастный мистер Твид. Но преступники хладнокровны и хитры. Они представляют дело так, будто мистер Мористон пытался шантажировать их, и два дня спустя травят его настойкой болиголова, украденной из той же лаборатории, откуда взят скальпель. Умно, не так ли? Перст обвинения обращается в сторону учительницы биологии мисс Колн, и на этот раз истинные мотивы преступления полностью сокрыты...

Отрывок из романа Дональда Ли «Смерть выходит на подмости»

ГЛАВА 21. ПОСЛЕДНИЙ АКТ

В театре было очень темно. Свет дня быстро гас на улице, и небо заволкли зловещие тяжелые тучи. Всего через шесть часов год 1920-й подойдет к концу и начнется год 1921-й. Но суперинтендант Маккинон в голове своей уже праздновал Новый год. Его работа сделана. Он знает, кто совершил убийство, и вскоре уличит этого человека, приперев его к стене так же безжалостно, как ученый припиливает редкую бабочку.

Сержант Браун внимательно смотрел на подозреваемых, в тысячный раз задаваясь вопросом, кто же из них заколол в шею учителя истории Эвана Джонса той незабываемой ночью. Кто из них?

Подозреваемые сидели в полупустом театре и чувствовали себя неудобно. Каждый избегал встречаться с другими взглядом. Генри Бейкер, режиссер спектакля, поглаживал усы, как делал всегда, когда нервничал. Писатель Чарльз Хокинс курил, держа сигарету в коротких пальцах, вечно перепачканных чернилами. Просто ли совпадение, что Хокинс получил тяжкое ранение под Ипром, а вторая жертва, администратор театра Аластер Шорт, был загадочно отравлен мышьяком несколько дней спустя? Нет ли здесь связи? В прикроватной тумбочке Шорта обнаружили двести фунтов стерлингов, и было очень похоже, что игра, которую он вел, известна под названием «шантаж».

Откуда иначе мог он раздобыть деньги? Жаль, что он умер и не может сказать ничего в свое оправдание.

Так кто же из них? Браун до сих пор подозревал Лайлу Блэри. Мысли его обратились к тому моменту, когда она накинулась на Шорта, выкрикивая обвинения, что это он погубил ее карьеру. «Ненавижу тебя! — визжала она. — Хочу, чтобы ты умер!» А семьдесят минут спустя Шорт действительно умер, прямо как ей и хотелось. А как насчет Иэна Литгоу? Молодой, красивый и улыбочивый актер, слишком юный, чтобы участвовать в сражении под Ипром. Тут связь исключена, но у него карточные долги, а отчаянно нуждающиеся в деньгах люди совершают порой отчаянные поступки. Браун ждал, пока его босс соберется с мыслями.

И вот долгожданный момент настал. Когда Маккинон поднялся, густой влажный воздух вздрогнул от короткого громового раската. Новой год обещал начаться с жестокой бури. Все замерли, наблюдая, как суперинтендант поправляет монокль и готовится заговорить.

— В ночь на двадцатое декабря, — начал он, — здесь, в театре «Роксберри», во время представления спектакля «Аладдин» произошло убийство. Но совершено оно было по ошибке! Истинной мишенью был Аластер Шорт, но убийца обознался, потому что в последний момент мистер Шорт и мистер Джонс поменялись местами.

Маккинон помедлил, оглядывая каждого из подозреваемых по очереди, пока те впитывали его слова.

— Но кто убийца, сбежавший со сцены, чтобы вонзить нож в горло Джонса? — продолжил суперинтендант. — Есть два человека, свободные от подозрений. Чарльз Хокинс не мог пробежать через театр. У него только одна нога. Что до Найджела Смита, то он находился в это время на сцене, на глазах у всех присутствующих. Так что его тоже следует исключить. По крайней мере, так я полагал...

Не вызывало сомнений, что Алан украл у Ли идею. Он изменил время действия с двадцатых годов на конец сороковых, а место перенес из заштатного театра в частную подготовительную школу, списанную им с Чорли-Холла и переименованную в Фоули-Парк. Эллиот Твид представлял собой слабо замаскированный портрет его отца, Элиаса Конвея. И да, все учителя получили фамилии от названий английских рек. Имя детектива, инспектора Риджуэя, могло быть позаимствовано из «Смерти на Ниле» Агаты Кристи. Еще одна река. Но механизм преступления был тот же, что у Ли, как и мотив. Офицер подводит своих подчиненных на войне, и спустя десять лет единственный выживший объединяет усилия с сыном одного из погибших. Они меняются местами по ходу пьесы и совершают убийство на виду у всех зрителей. Суперинтендант Локк считал бы такое стечение обстоятельств неправдоподобным, но в мир литературного детектива оно вписывалось отлично.

Прочитав обе книги, я позвонила в «Арвон фаундейшн», фирму, которая, по моим догадкам, проводила курс, прослушанный Дональдом. Там подтвердили, что Дональд Ли действительно побывал в их усадьбе в Тотли-Бартон в Девоншире. Чудное местечко, кстати. Я сама там была. По моему мнению, шанс, что приглашенный наставник украдет работу одного из учеников, составляет примерно миллион к одному, но, сличая две книги, следовало предположить именно такой вариант. Мне было жаль Дональда. Честно говоря, писать он не умел. Предложения у него получались тяжеловесные, лишённые всякого ритма. Он использовал слишком много прилагательных, а диалоги у него выходили неубедительными. В этих двух замечаниях Алан был прав. И тем не менее Ли не заслуживал такого обращения. Мог ли он что-то предпринять? Он сказал, что написал Чарльзу, но ответа не получил. Это не удивляло. Издатели постоянно получают письма с идиотскими претензиями, и оно едва ли ушло дальше Джемаймы. Секретарша попросту отправила его в корзину. Полиция таким делом не стала заниматься. Для Алана не составляло труда заявить, что это Дональд позаимствовал у него идею, а не наоборот.

Что еще оставалось делать Ли? Ну, он мог найти адрес Алана в записях клуба «Плющ», поехать во Фрамлингем, столкнуть писателя с башни и украсть последние главы из нового романа. Я бы испытывала искушение поступить так на его месте.

Большую часть утра я потратила на чтение, а пообедать собиралась с Люси, нашим менеджером по авторским правам. Мне хотелось поговорить с ней про Джеймса Тейлора и

«Приключения Аттикуса». Часы показывали половину первого, и я собиралась выкурить сигаретку на дворе рядом с главной дверью, когда вспомнила про письмо наверху кучи — то, где переврали мою фамилию. Я вскрыла конверт.

В нем лежала фотография. Никакой записки. Имени отправителя нет. Я перевернула конверт и глянула на штемпель. Отправлено из Ипсуича.

Снимок получился слегка размытым. Я предположила, что его сделали на мобильный телефон, потом увеличили и напечатали в одной из фотомастерских «Снеппи-Снепс», которые есть повсюду. Можно воспользоваться напрямую их машиной, так что при оплате наличными личность изготовившего фотографию останется анонимной.

На ней был изображен Джон Уайт, убивающий Алана Конвея.

Двое мужчин находились на крыше башни. Алан стоял спиной к краю, наклоняясь к нему. Одет он был как обычно, в просторный пиджак и черную рубашку — они были на трупе, когда его нашли. Руки Уайта лежали на плечах Алана. Один толчок, и все будет кончено.

Значит, вот как это было. Загадка раскрылась. Я позвонила Люси и отменила ланч. И стала думать.

Работа детектива

Одно дело читать про сыщиков, совсем другое — пытаться быть таковым.

Мне всегда нравились остросюжетные детективы. Я не просто редактировала их. Всю жизнь я читала эти книги ради удовольствия, просто упивалась ими. Знакомо вам чувство, когда на улице идет дождь, а в доме тепло, и ты полностью, с головой погружаешься в книгу? Ты читаешь и читаешь, страницы шуршат под пальцами, и ты вдруг понимаешь, что по правую руку их уже остается меньше, чем по левую, и хочешь замедлиться, но все равно летишь вперед, не в силах дожидаться развязки. В этом тайная сила этого жанра, занимающего, по моему мнению, особое место среди всего разнообразия художественной литературы, и кроется она в том, что детектив устанавливает с читателем уникальные личностные отношения.

Он целиком посвящен правде, ни больше ни меньше. Когда нас окружает мир, полный неуверенности, разве не здорово добраться до последней страницы, где расставлены все точки над «и»? Литература отражает наш жизненный опыт. Мы окружены противоречиями и неясностями и тратим половину жизни, чтобы разрешить их, и бывает так, что лишь на смертном одре наступает миг, когда все обретает смысл. Почти каждый детектив доставляет нам то же самое удовольствие. Вот почему они существуют. И вот почему «Английские сорочки убийства» вызывали такое дикое раздражение.

Почти в каждой другой книге, какая мне приходит на ум, читатель следует по пятам за нашими героями: шпионами, солдатами, романтиками, искателями приключений. А вот с сыщиком мы способны встать плечом к плечу. С самого начала перед нами одна цель, по сути своей простая. Мы хотим выяснить, что на самом деле произошло, и ни кого из нас не волнуют деньги. Почитайте рассказы про Шерлока Холмса. Ему почти не платят, и хотя он явно не бедствует, я не припоминаю его выставляющим счет за услуги. Конечно, сыщики умнее нас. Мы к этому готовы. Но это не значит, что они лишены изъянов. Холмс впадает в депрессию. Пуаро тщеславен. Мисс Марпл резка и эксцентрична. Детектив не обязательно привлекателен внешне. Ниро Вульф такой толстый, что не выходит даже из своего нью-йоркского дома, и ему приходится заказывать специальное кресло, способное выдержать его вес! У отца Брауна «глаза были бесцветны, как Северное море, а при взгляде на его лицо вспоминалось, что жителей Норфолка зовут клецками»³⁴. Лорд Питер Уимзи, выпускник Итона и Оксфорда, тощ и худосочен и носит монокль. Бульдог Драммонд способен был убить человека голыми руками и послужил, вероятно, прообразом для Джеймса Бонда, но тоже не был образчиком мужской красоты. По сути, Герман Сирил Макнейл попадает в точку, когда пишет, что Драммонд обладал тем удачным типом некрасивости, что сразу порождает доверие. Нам нет нужды любить сыщиков или восхищаться ими. Мы с ними, потому что им доверяем.

Из всего вышесказанного следует, что сыщик из меня никудышный. Помимо полного отсутствия квалификации, у меня, вполне возможно, напрочь отсутствует талант. Я пыталась описывать все, что вижу, что слышу и, самое главное, что думаю. К сожалению, у меня нет своего Ватсона, Гастингса, Троя, Бантера или Льюиса. Поэтому мне ничего не оставалось, как заносить все на страницу, включая тот факт, что до того момента, как я вскрыла конверт и увидела фотографию Джона Уайта, я так ни к чему и не пришла. По правде говоря, в самые трудные мгновения я начинала даже спрашивать себя: а в самом ли деле произошло убийство? Частью проблема заключалась в том, что загадка, которую я пыталась разгадать, не имела четкой формы, шаблона. Если Алан Конвей приложил руку к описанию собственной смерти, как сделал это в случае с сэром Магнусом Паем, он наверняка оставил для меня разнообразные ключи, знаки и подсказки, помогающие найти верный путь. В «Английских сорочках убийствах», скажем, был след ладони на земле, собачий ошейник в комнате, клочок бумаги в камине, армейский револьвер в столе, напечатанное письмо с подписанным от руки конвертом. Пусть я понятия не имела, куда эти улики ведут, но как читатель догадывалась, что они имеют смысл, иначе зачем о них упоминать? Как сыщик, я сама должна была найти ключи, но возможно, смотрела где-то не там, потому что

---

³⁴ Гилберт Кийт Честертон. Сапфировый крест. Перевод Н.Трауберг.

работать было практически не с чем: никаких тебе оторванных пуговиц, загадочных отпечатков пальцев или удачно подслушанных разговоров. Ну да, Алан оставил рукописную предсмертную записку, отосланную Чарльзу в конверте с напечатанным адресом — с точностью до наоборот от описанного в книге события. Но что может это означать? У него закончились чернила? Письмо он написал лично, а адрес попросил напечатать другого человека? Если вы читали рассказы про Шерлока Холмса, то можете не сомневаться, что сыщик в точности осведомлен, как все было, даже если не считает необходимым сообщить это вам. У меня в данном случае не было никакой уверенности.

Был еще тот ужин в «Плюще». Мне никак не удавалось выбросить его из головы. Алан вышел из себя, когда Чарльз заикнулся о необходимости поменять название книги. Сидевший по соседству Мэтью Причард слышал его слова. Алан ударил кулаком по столу, потом воздел палец: «Не будет никакого про...» Чего? Продолжения? Прока? А может быть, прощения? Даже Чарльз точно не знал, что хотел сказать его собеседник.

И скажу напрямик: я не допускала, что Джон Уайт убил Алана Конвея, хотя и видела фотографию, запечатлевшую его прямо в момент совершения этого действия. Это было как с предсмертной запиской, оказавшейся на самом деле вовсе не предсмертной запиской, только в этом случае у меня не было даже намека на объяснение. Я просто не верила, и все. Я видела Джона Уайта и не нашла его человеком, склонным к насилию и агрессии. Да и причины убивать Алана у него не было. Скорее наоборот, это у Конвея имелся мотив.

Были и другие вопросы. Кто прислал мне фотографию? Почему ее послали мне, а не в полицию? Отправили ее, видимо, в день похорон, а на штемпеле указан был Ипсуич. Сколько из присутствующих на похоронах знали, что я работаю в «Клоуверлиф букс»? Мою фамилию исказили на конверте. Была ли это настоящая ошибка или же преднамеренная, чтобы создать видимость, будто отправитель не близко знаком со мной?

Сидя у себя в кабинете, пока все остальные ушли на обед, я набрасывала список подозреваемых. У меня в голове крутились пятеро, более чем Уайт подходивших на роль убийцы, и я расставила их в порядке наибольшего вероятия. Упражнение вызывало определенное смятение. Я уже выполняла подобное, дочитав книгу Алана.

1. Джеймс Тейлор, бойфренд.

Как бы ни симпатизировала я Джеймсу, он получал наибольшую выгоду от смерти Алана. На деле, проживи Конвей еще сутки, Джеймс потерял бы несколько миллионов фунтов. Он знал, что Алан дома. Он мог предположить, что Алан будет обедать на крыше башни, потому что погода в предпоследний день августа стояла прекрасная. Джеймс продолжал жить там и мог проникнуть в башню, подняться наверх и в мгновение ока столкнуть жертву. Он заявил, что провел выходные в Лондоне, но доказательством служило только его слово, да и, на мой взгляд, во время первой нашей встречи он держался слишком по-хозяйски, как будто знал, что Эбби-Грейндж принадлежит ему. Разумеется, первое правило остросюжетного детектива гласит: отбрасывай самого очевидного подозреваемого. Следует ли мне руководствоваться им в данном случае?

2. Клэр Дженкинс, сестра.

На каждой из присланных мне страниц Клэр распространялась о том, как обожала брата, как щедр он был к ней и какая близость всегда существовала между ними. Не могу сказать, что я так уж поверила ей. Джеймс полагал, что она завидует успеху брата, и в конце концов они поссорились из-за денег. Это не обязательно являлось мотивом для убийства, но имелась другая веская причина поставить Клэр второй в моем списке подозреваемых, и касалась она неоконченной книги.

Алан Конвей имел неприятную привычку создавать литературных персонажей на основе людей, которых знал. Джеймс Тейлор превратился в глуповатого и фатоватого Джеймса Фрейзера. Викарий появился под фамилией, представляющей анаграмму его собственной. Даже собственный сын Алана оказался там под своим именем. Я не сомневалась, что образ Клариссы Пай, старой девы, одинокой сестры сэра Магнуса, основан на Клэр. Портрет получился гротескный, и Алан сделал источник еще более очевидным, намеренно упомянув улицу Дэфни-руд (хотя по книге на ней проживал Brent). Прочитай Клэр рукопись, у нее появился бы веский

мотив столкнуть брата с крыши. Также в ее интересах было сделать так, чтобы книга никогда не увидела свет, — а для этого проще всего было выкрасть последние главы.

Зачем ей тогда настаивать, что Алана убили? Зачем привлекать внимание к тому, что она сделала? У меня не было на это готового ответа, но я где-то читала, что убийцы испытывают необоримое стремление заявить свои права. Вот почему они возвращаются на место преступления. Могла ли Клэр попросить меня расследовать гибель брата по той же самой причине, по какой прислала свой длинный отчет: из патологического желания оказаться в центре сцены?

3. Том Робсон, викарий.

Жаль, что во время нашей встречи в церкви Робсон не успел рассказать о том, что произошло в Чорли-Холле. Приди его жена буквально на пару минут позже, все было бы по-другому. Но инцидент подразумевал фотографию, которую используют с целью унижить мальчика в школе для мальчиков, и не требовалось обладать богатым воображением, чтобы представить общую идею. Любопытно, кстати, что Клэр рассматривала брата как жертву различных школьных притеснений, тогда как Робсон видел в нем одного из активных мучителей. Чем больше я узнавала об Алане, тем больше склонялась к правоте викария.

Все это происходило в семидесятые и явно засело в голове у Алана, так как он коснулся этих событий в первой главе «Английских сорочьих убийств», когда Мэри Блэкистон приходит в дом викария. «Они были там, лежали среди кипы его бумаг». Что она увидела? Не являлись ли Генриетта и Робин Осборн какими-нибудь извращенцами? Не оставили они уличающих фотографий, сродни тем, которыми мучили Робсона? Судя по погребальной речи, священник ничего не забыл, и при встрече мне не составило труда вообразить, как он прокрадывается на крышу башни, чтобы отомстить. Обмолвлюсь, что, с моей точки зрения, из викариев всегда получались не лучшие персонажи для детективных романов. Чересчур они приметные, слишком патриархальные. Если убийцей окажется Робсон, я буду разочарована.

4. Дональд Ли, официант.

«Вас, наверное, порадовала весть о его смерти?» — спросила я. «Я был в восторге», — ответил он. Эти двое не виделись несколько лет. Один ненавидел другого. Они совершенно случайно встретились, и сорок восемь часов спустя один из них умер. Излагая все это черным по белому, становится очевидно, что Дональд обязан быть в моем списке, и ему не составило бы труда узнать адрес Алана из книги клуба. Что тут еще сказать?

5. Марк Редмонд, продюсер.

Он солгал мне. Сказал, что вернулся в Лондон в субботу, тогда как журнал регистрации говорит о том, что Марк все выходные провел в «Короне». У него тоже имелись причины желать Алану смерти. Если «Приключения Аттикуса» удастся запустить, сериал может принести состояние, а Редмонд вложил в проект много собственных денег. Сняв на британском ТВ сотни убийств, он просто обязан кое-что знать об этом ремесле. Так ли уж сложно сделать шаг от вымысла к реальности? В конечном счете убийство-то бескровное. Никаких пистолетов, никаких ножей. Один простой толчок. Такое каждый сможет.

Такие первые пять имен значились в моем списке. «Пять поросят», если угодно, подозреваемых мной в совершении преступления. Были еще два, которых я в перечень не внесла, хотя, возможно, обязана была это сделать.

6. Мелисса Конвей, бывшая супруга.

До сих пор мне не представилось шанса переговорить с ней, но я решила, что съезжу в Брэдфорд-на-Эйвоне как только смогу. Убийство Алана начало поглощать меня целиком, и я не могла заниматься в «Клоуверлиф» никакой работой, пока не доберусь до истины. Если верить Клэр Дженкинс, Мелисса так и не простила Алану то, как он с ней обошелся. Встречались ли бывшие супруги в последнее время? Могло ли что-то подтолкнуть ее к мести? Мне было досадно, что я упустила Мелиссу в гостинице. Было бы интересно спросить, что побудило ее проделать

дальнюю дорогу до Фрамлингема, чтобы побывать на похоронах мужа. Не совершила ли она такое же путешествие с целью столкнуть его с башни?

7. Фредерик Конвей, сын.

Возможно, не совсем честно было включать юношу — я только мельком видела его на похоронах и почти ничего о нем не знала, — но хорошо запомнила, как он смотрел тогда на могилу и его лицо, перекошенное от злобы. Отец бросил его. Хуже того, отец оказался голубым, а для школьника пережить такое не просто. Мотив для убийства? Алан наверняка думал о нем, когда писал «Английские сорочьи убийства». Фредди стал сыном сэра Магнуса и леди Пай, единственным персонажем, сохранившим настоящее имя.

Такие записи я сделала, сидя в своем кабинете во вторую половину понедельника, и, закончив, поняла, что не пришла ни к чему. Замечательно, когда есть подозреваемые. Одного толчка было достаточно (как в буквальном смысле и произошло), чтобы любой из семи, или восьми, если считать Джона Уайта, мог убить Алана Конвея. Но если на то пошло, убийцей мог быть почтальон, молочник, кто-то, кого я не включила в список или о ком вообще не знала. Чего у меня не возникало, так это ощущения взаимного переплетения линий, как это бывает в детективном романе, чувства, что все персонажи движутся в тандеме, как фишки на доске «Клуэдо»³⁵. Любой из них мог постучать в дверь Эбби-Грейндж в то воскресное утро. Любой мог сделать это.

В итоге я отложила блокнот в сторону и отправилась на встречу с одним из наших литературных редакторов. Поработай я чуть более усердно, то сообразила бы, что искомым мною ключ на самом деле здесь, что кое-кто сказал мне совсем недавно кое-что, способное изобличить его как преступника, и что мотив убийства Алана находился у меня перед глазами с той самой минуты, как я начала читать «Английские сорочьи убийства».

Лишние полчаса могли стать судьбоносными. Но я опаздывала на встречу и думала про Андреаса. Эти поспешность и невнимательность дорого мне обошлись.

---

³⁵ «Клуэдо» — настольная игра для трех-шести человек, в ходе которой имитируется расследование убийства.

Брэдфорд-на-Эйвоне

Брэдфорд-на-Эйвоне оказался последней моей остановкой на пути в вымышленную страну «Английских сорочьих убийств». Хотя за основу Алан взял Орфорд, само название показывало, куда устремлялись его мысли. Что получилось, так это синтез из двух городков. Церковь, площадь, два паба, замок, луг и общий ландшафт принадлежали Орфорду. Но именно Брэдфорд-на-Эйвоне, расположенный в нескольких милях от Бата, с его «солидными георгианскими постройками из батского камня, с красивыми портиками и террасными садами» был описан в книге. Не думаю, что он случайно избрал место, где жила его бывшая супруга. Что-то заставило его подумать о ней. Где-то внутри «Английских сорочьих убийств» спрятано послание, предназначенное для Мелиссы.

Предварительно созвонившись, я отправилась утром во вторник в Брэдфорд-на-Эйвоне, села на поезд на Паддингтонском вокзале и сделала пересадку в Бате. Я могла бы поехать на машине, но захватила с собой рукопись, решив поработать по пути. Мелисса была рада меня услышать и пригласила на ланч. Я приехала сразу после двенадцати.

Мелисса сообщила мне адрес — Мидл-Рэнк, он привел меня к ряду однотипных домов высоко над городом, подобраться к ним можно было только с подножия холма. Улица располагалась в средоточии дорожек, лестниц и садилов, которые могли бы показаться испанскими или итальянскими по происхождению, не будь они столь подчеркнута английскими. Выстроившиеся тремя рядами дома имели идеально пропорциональные георгианские окна, над многими входными дверями имелись портики, а материалом послужил — да-да! — медового цвета батский камень. Во владениях Мелиссы было три этажа и богатый растительностью сад, ступенями спускавшийся по склону до каменной беседки внизу. Сюда она переехала из Орфорда, и хотя тамошнего ее дома я не видела, этот наверняка являлся антитезой ему. Он стоял обособленно. Был уединенным. Представлял собой место, куда стремишься, если хочешь сбежать.

Я нажала на кнопку звонка. Открыла сама Мелисса. Первое мое впечатление говорило, что она выглядит намного моложе, чем я ее запомнила, хотя мы должны быть примерно одного возраста. На похоронах я ее почти не разглядела. В плаще и шарфе, под морозящим дождем, она почти слилась с толпой. Теперь, стоя на пороге собственного дома, Мелисса поразила меня уверенностью, красотой и спокойствием. Худощавая, с высокими скулами, улыбчивая. Я была уверена, что в замужестве ее волосы были коричневатые, теперь они стали темно-каштановые, коротко подстриженные. На ней были джинсы и кашемировый свитер, цепочка из белого золота. Никакого макияжа. Мне часто приходит в голову мысль, что некоторых женщин красит развод. Это я отнесла бы и к Мелиссе.

Вежливо поздоровавшись, она проводила меня наверх в основную гостиную, шедшую по всей длине дома с красивым видом на Брэдфорд-на-Эйвоне и Мендипские холмы. Мебель представляла собой смесь традиции и модерна и выглядела дорогой. Мелисса накрыла на стол: копченая лососина, салат, домашней выпечки хлеб. Она предложила мне вина, но я предпочла минералку.

— Я видела вас на похоронах, — сказала она, когда мы расселись. — Простите, мне не удалось с вами переговорить — Фредди хотел побыстрее уехать. К сожалению, его сегодня нет дома. Он на дне открытых дверей в Лондоне.

— Вот как?

— Он поступает в школу искусств Сент-Мартин. Собирается пройти курс керамики. — Говорила Мелисса быстро. — Ему действительно очень не хотелось быть там, во Фрамлингеме.

— Я, можно сказать, удивилась, увидев вас на похоронах.

— Алан был моим мужем, Сьюзен. И отцом Фредди. Я решила, что поеду, как только услышала о его смерти. Думала, это будет полезно для Фредди. Когда мы разошлись, мальчик тяжело переживал. Сильнее меня, наверное. Я полагала, это принесет ему своего рода облегчение.

— Принесло?

— Едва ли. По пути туда он все время ныл, а по дороге назад не произнес ни слова. Уткнулся в свой айпад. И тем не менее я рада, что мы поехали. Думаю, это правильный поступок.

— Мелисса... — В разговоре начинался сложный этап. — Мне хотелось бы узнать кое-что про вас и Алана. Есть вопросы, в которых я пытаюсь разобраться.

— Я так и поняла, раз вы решили приехать сюда.

По телефону я сказала, что ищу пропавшие главы и пытаюсь понять, почему Алан покончил с собой. Более подробных объяснений Мелисса не потребовала, и я не обмолвилась про тот факт, что ее бывший муж был убит.

— Мне не хотелось бы причинять вам неудобства... — промолвила я.

— Задавайте любые вопросы, Сьюзен. — Она улыбнулась. — Мы расстались шесть лет назад, и прошлое меня больше не тревожит. Да и с какой стати? Разумеется, в свое время было тяжело. Я искренне любила Алана и не хотела его терять. Но странное дело... Вы замужем?

— Нет.

— Когда муж бросает вас ради другого мужчины, от этого как-то легче, что ли. Думаю, будь это женщина моложе меня, я бы сильнее злилась. Когда Алан признался про Джеймса, я поняла, что это его проблема. Если это проблема. Раз его чувства таковы, мне себя винить не в чем.

— Вы замечали в нем подобные наклонности, пока были женаты?

— Если вы насчет сексуальных предпочтений, то нет. Вообще нет. Фредди родился через два года после нашей свадьбы. Я бы сказала, что у нас были нормальные отношения.

— Вы обмолвились, что ваш сын воспринял развод тяжелее.

— Верно. Когда Алан ушел, Фредди было тринадцать, и что хуже всего, газеты раздули историю, и ребята из школы прочитали о ней. Конечно, мальчик стал предметом насмешек. Сын папочки-гея. В наши дни, думаю, было бы проще. Жизнь так быстро меняется.

В ней совершенно не чувствовалось обиды. Удивленная, я сделал в уме зарубку вычеркнуть ее из списка подозреваемых, составленного накануне. Мелисса пояснила, что развод прошел мирно, Алан дал ей все, что она хотела, и продолжал поддерживать Фредди, хотя супруги и не общались. Он образовал доверительный фонд для обучения сына в университете, а помимо этого, как упомянул Джеймс Тейлор, оставил деньги по завещанию. Сама Мелисса работала неполный день — была учителем на подмену в соседнем Уорминстере. Но денег на счете в банке у нее хватало, и работа не являлась необходимостью.

Мы довольно долго поговорили про Алана как писателя — я ей сказала, что меня интересует именно это. Мелисса знала Алана в самый интригующий период его карьеры: борьба, первая публикация, приход славы.

— Все в Вудбриджской школе знали, что он хочет стать писателем, — сообщила она мне. — Он отчаянно к этому стремился. Только об этом и говорил. У меня, вообще-то, были отношения с другим учителем, но все кончилось, когда Алан поступил в школу. Вы еще общаетесь с Андреасом?

Мелисса задала вопрос так непринужденно, что не заметила, мне кажется, как я застыла. Давным-давно, во время издательских мероприятий, мы болтали, и я обмолвилась, что знакома с Андреасом, но то ли я не сказала ей, что мы теперь вместе, то ли она забыла.

— С Андреасом? — переспросила я.

— Андреасом Патакисом. Он преподавал латынь и греческий. У нас с ним был жаркий роман, который продлился около года. Мы были без ума друг от друга. Ну вы же представляете средиземноморский темперамент. Боюсь, я скверно обошлась с ним в итоге, но, как я уже сказала, было в Алане нечто, что больше меня устраивало.

Андреас Патакис. Мой Андреас...

Все фрагменты картинки сложились вдруг воедино. Так вот почему Андреас не любил Алана и возмущался его успехом! Вот почему в тот воскресный вечер он отказывался назвать мне причину своей досады на Алана. Как мог он признать, что до меня встречался с Мелиссой? Как бы я восприняла эту новость? Расстроилась? Получила его как товар из вторых рук? Нет, это чепуха. Андреас дважды был женат. Женщин в его жизни хватало. Это я и так знала. Но чтобы Мелисса... Я поймала себя на мысли, что вижу ее совершенно в другом свете. Она казалась теперь гораздо менее привлекательной, чем прежде: слишком тощая, даже похожая на мальчика — такая лучше подходит Алану, чем Андреасу.

Мелисса тем временем не останавливалась, продолжая рассказ про Алана:

— Книги я очень люблю, и он мне был интересен. Никогда не встречала такого увлеченного человека. Алан постоянно говорил про сюжеты и идеи, о книгах, какие прочитал и какие собирается написать. Он окончил курс в Университете Восточной Англии и был уверен, что это поможет ему совершить прорыв. Ему мало было быть изданным. Алан хотел славы. Вот только заняло это больше времени, чем он ожидал. Я находилась рядом с ним в течение всего процесса: создание книги, редакция, а потом страшное разочарование, когда никто не проявляет к ней интереса. Вы даже не представляете, каково это, Сьюзен, — получать отказы, забирать на почте письма, где шесть-семь сухих строк перечеркивают труды целого года. Впрочем, вы, как понимаю, одна из тех, кто их пишет. Но это ужасно: постоянно писать и в итоге узнать, что никому это не нужно. Страшно разрушительно! Издатели отвергают не только твою книгу, они отвергают тебя, какой ты есть.

— А каким был Алан?

— Он воспринимал писательство очень серьезно. Правда в том, что ему не хотелось сочинять детективы. Первый роман, какой он мне показал, назывался «Посмотри на звезды». Очень умная книга, веселая и одновременно немного грустная. Главным героем был астронавт, так и не полетевший в космос. В каком-то смысле, думается, он походил на Алана. Потом была книга, где действие происходит на юге Франции. Алан сказал, что его вдохновил «Поворот винта» Генри Джеймса. У него ушло на нее три года, и опять никто не проявил интереса. Я отказывалась это понять, потому что мне нравились его книги и я целиком верила в них. И сильнее всего меня расстраивает то, что именно я все испортила.

Я подлила себе минералки, продолжая думать про Андреаса.

— Каким образом? — спросила я.

— Аттикус Пюнд был моей идеей. Да-да, честное слово! Вам нужно понять, что больше всего на свете Алан хотел, чтобы его издавали, хотел признания. Его убивала необходимость торчать в глуши, в тоскливой частной школе учить шайку сорванцов, которых он терпеть не мог и которые забывали про него в ту самую минуту, как отправлялись в университет. И вот однажды — мы как раз зашли в книжный магазин — я предложила ему написать что-то более простое и доступное. Алан был силен в загадках: кроссворды и тому подобное. Поэтому я посоветовала ему сочинить детектив. Мне подумалось, что есть множество писателей, зарабатывающих тысячи, миллионы фунтов и при этом вполнину не таких талантливых, как он. Работа займет у него всего несколько месяцев. Возможно, доставит удовольствие. А если окажется успешной, он сможет покинуть Вудбридж и стать профессиональным писателем, чего Алан искренне хотел. Я по-настоящему помогала ему писать «Аттикус Пюнд расследует». Мы вместе обсуждали главного героя. Муж делился со мной всеми своими идеями.

— Откуда взялся Аттикус?

— Как раз в это время по телевизору показывали «Список Шиндлера», и Алан взял Пюнда из него. Еще основой для образа послужил один старый учитель английского. Его звали Эдриан Паунд, или как-то так. Алан прочитал кучу романов Агаты Кристи, проанализировал, как она писала детективы, и только после этого принялся за работу. Я читала, что получалось. И до сих пор горжусь этим — я была первым человеком в мире, прочитавшим книгу про Аттикуса Пюнда. Она мне понравилась. Конечно, это было не так сильно, как другие его романы. Это легкое и не несущее никакой нагрузки чтение, но написано здорово! И вы, конечно, опубликовали книгу. Остальное вам известно.

— Вы сказали, что все испортили.

— Все пошло наперекосяк, как только книга вышла. Нужно понимать, что Алан был очень сложным человеком. Мог замыкаться, целиком уходить в себя. Для него творчество было чем-то вроде таинства. Он словно опускался на колени перед алтарем, и слова нисходили на него с неба. Или что-то вроде того. Были писатели, перед которыми он благоговел, и в самых сокровенных своих грезах видел себя одним из них.

— Что за писатели?

— Ну, Салман Рушди, допустим. Мартин Эмис. Дэвид Митчелл. И Уилл Селф.

Мне вспомнились четыреста двадцать прочитанных страниц «Скольжения». Мне они в свое время показались чем-то вторичным, и теперь Мелисса дала ответ, откуда они взялись. Алан

подражал автору, которым восхищался, но которого я, откровенно говоря, не переваривала. У Алана получилось что-то вроде фанфика на книги Уилла Селфа.

— С той минуты, как вышел Аттикус Пюнд, Алан оказался в ловушке, — продолжила Мелисса. — Такого никто из нас не ожидал. Роман получился таким успешным, что никто уже не хотел от Алана ничего другого.

— Это было лучше, чем прочие его книги, — сказала я.

— Возможно, вы так считаете, но Алан с вами не согласился бы. И я тоже. — В тоне у нее появилась горечь. — Аттикуса Пюнда он писал только для того, чтобы вырваться из Вудбриджской школы, а в результате стало только хуже.

— Но он разбогател.

— Он не денег хотел! Они тут ни при чем. — Мелисса вздохнула. Еда на столе стояла почти нетронутой. — Даже если бы Алан не открыл в себе другую природу, не ушел к Джеймсу, не думаю, что мы долго прожили бы в браке. Став известным, он перестал быть самим собой. Вы понимаете, о чем я, Сьюзен? Я предала его. А что еще хуже, я убедила его предать самого себя.

Спустя минут тридцать-сорок я ушла. Пришлось ждать поезд на станции Брэдфорда-на-Эйвоне, но это меня устраивало. Мне нужно было подумать. Андреас и Мелисса! Почему это меня так задело? Все кончилось года за два до того, как мы даже познакомились. Думаю, отчасти то была вполне объяснимая, невольная ревность. Но тут мне вспомнились сказанные во время последнего разговора слова Андреаса: «Разве это не лучшее, что мы можем сделать?» Я всегда исходила из представления, что нас обоих устраивают отношения в формате встреч время от времени, и опасалась идеи с отелом, потому как она изменит все. Сказанное недавно Мелиссой заставило меня задуматься еще раз. Я вдруг поняла, насколько просто потерять Андреаса.

Пришло мне в голову и еще кое-что. Андреас проиграл соперничество за Мелиссу Алану и ясно дал понять, что рана еще болит. Определенно, эти двое мужчин не любили друг друга. И вот теперь, годы спустя, Алан стал главной причиной того, что Андреас может потерять меня. Я была редактором Конвея. Моя карьера строилась по большей части на успехе его книг. Андреас сказал: «...мне невыносимо было видеть, как ты пресмыкалась перед ним». И я осознала вдруг, что Андреас не меньше других был бы рад видеть Алана мертвым.

Мне требовалось отвлечься, и, едва зайдя в поезд, я открыла «Английские сорочки убийства». Но на этот раз, вместо того чтобы читать, я занялась дешифровкой книги. Мне не давала покоя мысль, что Алан Конвей спрятал что-то в тексте, и это могло даже стать причиной убийства. Я вспомнила про кроссворд, который решала Кларисса Пай, и про коды, которые использовали для игры мальчики в Лодж-хаусе. В бытность в Чорли-Холле Алан слал сестре акронимы и расставлял в книгах точки под определенными буквами, чтобы те образовали тайное сообщение. В рукописи «Английских сорочих убийств» точек не было. Это я уже проверила. Но книги Алана содержали названия английских рек, станций метро, перьевых ручек, птиц. Этот человек на досуге играл в электронную версию скребла. «Алан был силен в загадках: кроссворды и тому подобное». В первую очередь поэтому Мелисса и порекомендовала ему набить руку на детективах. Я была уверена, что если сильно постараюсь, то обязательно что-то найду.

Исходя из факта, что происхождение имен персонажей мне известно, я отбросила их. Если искать тайные послания, то скорее это будут акронимы. Первые буквы первого слова каждой части, к примеру, сложились в ПДВАИД. Мимо. Потом я попробовала первые буквы первых слов десяти предложений первой части: ПДМЦЦСВМРБ... Первые буквы первых слов в каждой главе первой части: ПСДС... Продолжать было излишне. Никакого смысла. Я посмотрела на заглавие книги. «Английские сорочки убийства» можно было переименовать как «Коровий глист», «Буйство рока», «Скорость сигнала» и так далее. Детская забава. В общем-то, я не ожидала ничего обнаружить. Не рассчитывала всерьез. Но по мере долгой поездки в Лондон у меня из головы не шел рассказ Мелиссы.

И тут, где-то между Суиндоном и Дидкотом, меня осенило. Они просто собрались вместе у меня перед глазами.

Названия книг.

Ключ всегда был на виду. Джеймс сказал мне, что число книг важно. «Алан всегда говорил, что книг будет девять. Он решил так с самого начала». Почему девять? Потому что это и есть тайное сообщение. Именно там он его спрятал. Посмотрим на первые буквы.

«Аттикус Пюнд расследует»
«Нет покоя нечестивым»
«Аттикус Пюнд берется за дело»
«Гость приходит ночью»
«Рождество Аттикуса Пюнда»
«Аперитив с цианидом»
«Маки для Аттикуса»
«Мистер Пюнд за границей»

А если добавить последнее название *«Английские сорочки убийства»*, то что получится?

АНАГРАММА

Это по меньшей мере объясняло то, что не давало мне покоя. В клубе «Плющ» Алан рассердился, когда Чарльз предложил поменять название последней книги. Как он сказал: «Не будет никакого про...» И в этот миг Дональд Ли уронил тарелки.

Но суть в том, что не было никакого неоконченного слова. Алан закончил предложение. Он имел в виду, что не может заменить название на «Про сорочки убийства», потому что это испортит шутку, которую Алан претворял в жизнь с выхода самой первой книги. Он создавал анаграмму.

Вот только анаграмму чего?

Час спустя поезд прибыл на Паддингтонский вокзал, а ответа я так и не нашла.

Паддингтонский вокзал

Мне не по душе совпадения в романах, особенно в детективных, обязанных строиться на логике и расчете. Сыщик должен обладать способностью приходить к умозаключениям без помощи со стороны провидения. Но это во мне просто говорит редактор, и, к несчастью, совпадение как раз и произошло. Сойдя в две минуты шестого с поезда, в городе с населением в восемь с половиной миллионов человек, тысячи из которых роились вокруг меня, я столкнулась со своей знакомой, Джемаймой Хамфрис. До совсем недавнего времени она работала секретарем Чарльза Клоувера в «Клоуверлиф».

Я узнала ее сразу. Чарльз всегда говорил, что у Джемаймы улыбка, способная осветить толпу. Именно это и привлекло мое внимание: она одна выглядела веселой среди серой массы пассажиров, спешащих по домам. Джемайма — худенькая девушка, симпатичная, с длинными светлыми волосами, и хотя ей лет под двадцать пять, она ни капли не растеряла девичьей свежести. Помнится, она сказала мне, что хочет работать в издательстве, потому что любит читать. Мне уже не хватало ее в офисе. Я понятия не имела, почему она ушла.

Джемайма тоже сразу заметила меня и помахала. Мы стали пробираться навстречу друг другу, и я полагала, мы просто обменяемся приветствиями, а я спрошу, как у нее дела. Но произошло несколько иное.

— Ты как, Джемайма? — спросила я.

— Замечательно, Сьюзен, спасибо. Очень рада с вами встретиться. Простите, не успела попрощаться.

— Все произошло так быстро. Я ездила в книжный тур, а когда вернулась, тебя уже не было.

— Знаю.

— Где ты сейчас?

— Живу у родителей в Чизвике. Как раз еду туда.

— Где работаешь?

— Я пока не устроилась. — Девушка нервно хихикнула. — Ищу что-нибудь подходящее.

Это меня удивило. Я полагала, что она перешла к конкурентам.

— Так зачем ты ушла? — спросила я.

— Я не уходила, Сьюзен. Чарльз меня уволил. Ну, попросил уйти. Я не хотела.

Чарльз представил дело иначе. Я хорошо помнила его слова, что Джемайма подала заявление. Приближалась половина шестого, я хотела вернуться в издательство и проверить электронную почту, перед тем как встретиться с Андреасом. Но что-то подсказало мне, что не стоит вот так уходить. Нужно узнать больше.

— Ты не торопишься? — спросила я.

— Да нет, не особо.

— Могу я предложить тебе пропустить по глоточку?

Мы зашли в один из тех мрачных, прямо-таки адских пабов, что ютятся на краю платформ Паддингтонского вокзала. Себе я заказала джин с тоником, который подали с недостаточным количеством льда. Джемайма взяла бокал белого вина.

— Так что произошло? — поинтересовалась я.

Джемайма нахмурилась:

— Честно говоря, Сьюзен, я так и не поняла. Мне действительно нравилось в «Клоуверлиф», и с Чарльзом мы по большей части ладили. Временами он бывал резок, но я воспринимала это спокойно, как часть работы. Короче, мы сильно поругались, — наверное, как раз в тот день, когда вы уехали в книжный тур. Чарльз заявил, что я напутала с заказом столика на ланч и что его в ресторане сидит и дожидается агент, но это не правда. Я никогда не допускала ошибок в его расписании. Но стоило мне возразить, Чарльз прямо-таки разъярился. Никогда раньше таким его не видела. Он прямо кипел. А потом, в пятницу утром, я принесла ему кофе в кабинет и хотела поставить перед ним. А он вроде как решил нащупать чашку не глядя и опрокинул ее. Весь стол

залило, я сбегала на кухню за полотенцем и стала вытирать. Тут Чарльз и объявил, что нам с ним вместе не работать и мне следует подыскивать себе новую работу.

— Он вот так взял и уволил тебя в одну минуту?

— Ну, не совсем. Я очень разволновалась. В тот раз, с кофе, это была не моя вина. Я хотела поставить чашку ему на стол, как всегда, а он протянул руку и выбил ее у меня. И не так уж много ошибок я делала. Я вот уже год у него проработала, и все шло прекрасно. У нас состоялся долгий разговор, и, наверное, это я сказала, что лучше мне уйти. А Чарльз пообещал выплатить мне месячное пособие. На том и порешили. Еще он сказал, что даст мне хорошие рекомендации, а если кто будет спрашивать, тебя, мол, не уволили, ты уволилась сама.

Свое обещание Чарльз исполнил — так он мне и сказал.

— Думаю, он поступил по-доброму, — продолжила девушка. — В конце дня я ушла, и на этом все.

— Когда это произошло? — спросила я.

— В пятницу утром. Вы возвращались из Дублина. — Она что-то вспомнила. — Андреас вас нашел?

— Что? — У меня пошла кругом голова. Уже второй раз за день всплывало имя Андреаса. Мелисса ни с того ни с сего вплела его в разговор, а теперь Джемайма сделала то же самое. Андреаса она, конечно, знала. Виделась с ним пару раз и передавала его сообщения. Но с какой стати вспоминать про него сейчас?

— Он заходил днем раньше, — прошептала Джемайма. — Хотел вас повидать. После своего разговора с Чарльзом.

— Прости, Джемайма, — проговорила я, с трудом переваривая услышанное. — Ты, верно, ошиблась. Андреаса не было в Англии на той неделе. Он был на Крите.

— Выглядел он очень загорелым, но ошибиться я не могла. Неделя выдалась ужасная, и все события отпечатались у меня в памяти. Он заходил в четверг, часа в три.

— И встречался с Чарльзом?

— Верно. — Девушка смутилась. — Надеюсь, я не сделала ничего плохого. Он ведь не предупреждал, чтобы я вам не говорила.

Это Андреас сам ничего мне не сказал. Совсем напротив. Мы отметили встречу праздничным ужином. Он говорил, что только что с Крита.

Желая оставить Андреаса в стороне, я вернулась к Чарльзу.

— Не может быть, чтобы он захотел с тобой расстаться, — проговорила я. Обращалась я не к ней, а сама к себе, пытаюсь понять, что к чему. И это было так. Мне не составляло труда представить Чарльза выходящим из себя, с Джемаймой он никогда не был резок. За многие годы она была третьей его секретаршей, и я знала, что он ее ценит. Прежде была Оливия, игравшая у него на нервах, и Кэт, которая постоянно опаздывала. Бог троицу любит — так Чарльз всегда говаривал. Джемайма была работящей и толковой. Смешила его. С чего это вдруг он так к ней переменился?

— Не знаю, — ответила Джемайма. — У него выдались трудные две недели. Когда стали выходить рецензии на ту книжку, «Однорукий жонглер», он сильно разволновался, да и «Английские сорочки убийства» его тревожили. Еще Чарльз переживал за дочь. Честно скажу, Сьюзен, я делала все, чтобы помочь, но ему просто нужно было на кого-то излить злобу, тут я и подвернулась. Лора уже родила?

— Да, — ответила я, хотя на самом деле еще была не в курсе. — Только не знаю, мальчик или девочка.

— Ну, передайте им от меня наилучшие пожелания.

Мы поболтали еще немного. Джемайма часть дня работала — помогала матери-адвокату. Она подумывала провести зиму в Вербье. Будучи отличной сноубордисткой, она решила попробовать себя в качестве девушки из шале. Но я ее толком не слушала. Мне хотелось позвонить Андреасу и узнать, почему он солгал мне.

Когда мы прощались, меня вдруг осенила еще одна мысль. Я прокручивала в голове кое-что из сказанного Джемаймой.

— Ты упомянула, что Чарльз тревожился насчет «Английских сорочьих убийств», — сказала я. — Почему?

— Не знаю. Он не сказал. Но его явно что-то беспокоило. Мне подумалось, что, может, книга получилась не очень хорошей.

— Так он тогда ее еще не читал.

— Неужели? — В ее голосе послышалось удивление.

Джемайма собралась уже уйти, но я ее задержала. Все это было напрочь лишено смысла. Алан передал новую книгу уже после того, как Джемайма ушла. Он вручил рукопись Чарльзу в клубе «Плюш» в четверг, двадцать седьмого августа, в тот самый день — как теперь выяснилось, — когда Андреас заглядывал к Чарльзу в «Клоуверлиф букс». Я вернулась двадцать восьмого и обнаружила, что копия ждет меня. Мы оба читали книгу в течение выходных — тех самых выходных, в которые умер Алан. Так насчет чего мог переживать Чарльз?

— Чарльз получил книгу уже после твоего ухода, — сказала я.

— Нет. Ничего подобного. Я принесла ее с почты.

— Когда?

— В четверг.

— Откуда ты знаешь?

— Я вскрыла конверт.

Я уставилась на нее:

— Ты видела название?

— Да. На титульном листе.

— Книга была полной?

Тут она смешалась:

— Не знаю, Сюзен. Я просто передала ее Чарльзу. Он был очень рад ее получить, но потом ничего не сказал, а на следующий день произошла та история с кофе и все кончилось.

Вокруг нас кружился людской поток. Из громкоговорителя раздался голос, объявляющий отправление поезда. Я поблагодарила Джемайму, коротко обняла ее и поспешила найти такси.

«Клоуверлиф букс»

Андреасу я не позвонила. Хотела, но у меня было много других, более срочных дел.

Когда я добралась, издательство было уже закрыто, но у меня имелся ключ. Я вошла, отключила сигнализацию и поднялась на второй этаж. Включила свет, но пустое здание казалось мрачным и гнетущим, тени таились по углам. Я точно знала, что делаю. Кабинет Чарльза никогда не закрывался, и я направилась напрямик туда. В зоне для переговоров стояли два кресла, прямо передо мной располагался директорский стол. Сбоку по стене шли полки с книгами, наградами и фотографиями Чарльза. У другой стены, рядом с буфетом с бутылками и стаканами, приютилась корзинка Беллы. Сколько раз засиживалась я тут допоздна по вечерам, потягивая солодовый виски «Гленморанджи» и обсуждая проблемы дня? Теперь я пробралась сюда, как вор, и меня не отпускало чувство, что я ломаю все, что создавала минувшие одиннадцать лет.

Я обогнула стол. Настрой у меня был такой, что, если бы выдвижные ящики были заперты, я бы взломала их, не глядя на антикварную ценность. Но Чарльз не принял даже такой меры предосторожности. Ящики покорно выезжали, открывая содержимое в виде договоров, отчетов, счетов, квитанций, газетных вырезок, ненужных шнуров от компьютеров и мобильных телефонов, фотографий. На самом дне одного из них, небрежно спрятанная, лежала пластиковая папка с двумя десятками листов внутри. Первая страница была почти пустой, если не считать заголовка прописными буквами:

Часть VII Секрет на сто лет

Пропавшие главы. Они лежали здесь все время. В конечном счете заголовков не лгал. Разгадку смерти сэра Магнуса Пая следовало хранить в секрете, потому что она имела отношение к убийству Алана Конвея. Мне показалось, что раздался какой-то звук. Не лестница ли скрипнула? Я перевернула страницу и начала читать:

Аттикус Пюнд прогуливался в последний раз по Саксби-на-Эйвоне, а Джеймс Фрейзер тем временем оплачивал счет в «Гербе королевы». Сыщик договорился встретиться с инспектором Чаббом и еще двумя людьми в полицейском отделении Бата через час. Он пробыл в деревне совсем недолго, но каким-то образом успел досконально изучить ее.

Церковь, замок, антикварный магазинчик на площади, автобусная остановка, «Герб королевы» и «Паромщик»... Пюнд уже не видел их врозь. Они представлялись ему фигурами на шахматной доске этой партии, определенно последней, какую ему суждено сыграть.

Это была последняя его партия, потому что он умирал. Аттикус Пюнд и Алан Конвей уходили вместе. В этом был весь смысл. Писатель и герой, которого он ненавидел, оба направлялись к своему Рейхенбахскому водопаду.

Все это осенило меня на Паддингтонском вокзале в невероятный миг, знакомый им всем: Пуаро, Холмсу, Уимзи, Марпл, Морсу, но который их создатели никогда полностью не раскрывают. Как это происходило у них? Медленный процесс, похожий на движения пилы? Или одним щелчком, как во время последнего поворота игрушечного калейдоскопа, когда пестрые цвета и фигуры складываются вдруг, образуя узнаваемую картинку? Вот так это случилось со мной. Правда всегда была перед глазами. Однако мне потребовался финальный толчок, чтобы увидеть ее, всю целиком.

Случилось бы это, не повстречай я Джеммайму Хамфрис? Точно не знаю, но думаю, в итоге я все равно бы добралась до истины. Имелись обрывки сведений, ложные улики, которые следовало выкинуть из головы. Например, телевизионный продюсер Марк Редмонд утаил от меня, что провел в гостинице «Корона» во Фрамлингеме выходные. Почему? Ответ, стоило поразмыслить, напрашивался сам собой. Разговаривая со мной, он намеренно создавал

впечатление, что приезжал один. И только администратор в гостинице упомянула, что Марк был с женой. А что, если это была не его жена? Допустим, секретарша или какая-нибудь другая девица? Вот вам отличный повод солгать. Идем далее: Джеймс Тейлор. Он действительно был в Лондоне с друзьями. Фотография Джона Уайта и Алана на башне? Уайт приходил к Алану в воскресенье утром. Неудивительно, что Джон и его экономка выглядели смущенными, когда я беседовала с ними. Двое мужчин поругались из-за сгинувших инвестиций. Вот только не Уайт пытался убить Алана. Все было как раз наоборот. Ну разве не очевидно? Алан набросился на Джона на крыше башни, и некоторое время они боролись. Именно этот момент и попал на фото. А сделал его истинный убийца Конвея.

Я пробежала глазами еще пару страниц. Не думаю, что меня сильно заботило, кто убил сэра Магнуса Пая. Во всяком случае, не в тот момент. Но я точно знала, что ищу, и точно нашла, во второй части последней главы.

Ему не потребовалось много времени, чтобы написать письмо.

Дорогой Джеймс!

Когда Вы это прочтете, все будет уже кончено. Простите, что не предупредил Вас раньше, не удостоил своим доверием, но я убежден, что со временем Вы все поймете.

Есть кое-какие мои записки, Вы найдете их в столе. Они касаются состояния моего здоровья и принятого мною решения. Хочу подчеркнуть, что поставленный врачом диагноз ясен, и для меня надежды на избавление нет. Смерти я не боюсь. Меня тешит мысль, что мое имя запомнят.

Я успела дочитать до этого места, когда с порога раздался голос:

— Сьюзен, ты что тут делаешь?!

Подняв голову, я увидела Чарльза Клоувера. Так вот кто шумел на лестнице. Он был одет в вельветовые брюки и мешковатый свитер, поверх которого набросил плащ. Вид у него был усталый.

— Я нашла пропавшие главы, — сказала я.

— Да, это я вижу.

Повисла долгая пауза. Часы показывали всего половину седьмого, но казалось, что уже гораздо позже. С улицы не доносилось шума машин.

— Почему ты здесь? — спросила я.

— Хочу взять отпуск на несколько дней. Пришел доделать кое-какие дела.

— Как Лора?

— У нее мальчик. Назвали Джорджем.

— Красивое имя.

— И мне так кажется.

Он вошел в кабинет и опустился в одно из кресел. Я стояла за его столом, так что мы как будто поменялись местами.

— Я могу объяснить, почему спрятал страницы, — начал Чарльз. Я понимала, что он уже подыскивает оправдание и что оно в любом случае будет ложью.

— Нет нужды, — ответила я. — Я уже все знаю.

— Правда?

— Я знаю, что ты убил Алана Конвея. И знаю из-за чего.

— Почему бы нам не присесть? — Он махнул рукой в сторону буфета с напитками. — Может, выпьешь чего-нибудь?

— Спасибо.

Я взяла бутылку и налила два стакана виски. Я была рада, что Чарльз облегчил мне задачу. Мы двое очень давно знали друг друга, и я решила, что нам следует уладить все, как подобает цивилизованным людям. Но пока не знала, какой следующий шаг предпринять. Я исходила из того, что Чарльз позвонит суперинтенданту Локку и сдастся.

Подав ему выпивку, я села напротив.

— Как полагаю, по традиции ты расскажешь мне, что произошло, — сказал он. — Хотя можем поступить и наоборот. Как предпочитаешь.

— Ты намерен отрицать?

— Насколько я вижу, это совершенно бессмысленно. Ты нашла страницы.

— Тебе следовало понадежнее их припрятать.

— Не думал, что ты станешь их искать. Должен признаться, я был очень удивлен, застав тебя в моем кабинете.

— Меня твое появление тоже удивило.

Он иронично поднял стакан. Передо мной сидел мой босс, мой наставник. Дедушка. Крестный отец. Я поверить не могла, что мы ведем такой разговор. И тем не менее я начала... Пусть не так, как мне того хотелось, но я примерила наконец на себя шляпу сыщика, а не редактора.

— Алан Конвей ненавидел Аттикуса Пюнда, — сказала я. — Он считал себя великим писателем: Салманом Рушди, Дэвидом Митчеллом — кем-то, кого люди воспринимают всерьез, тогда как вынужден был строчить низкопробные детективчики. Они принесли ему состояние, но он их презирал. Роман, который он тебе показал, «Скольжение» — вот что ему на самом деле хотелось писать.

— Роман ужасный.

— Знаю. — Чарльз удивился, поэтому мне пришлось пояснить. — Я нашла рукопись в его кабинете и прочитала. Целиком с тобой согласна. Текст вторичный и никуда не годный. Но он был о чем-то. Выражал взгляды автора на общество, описывал, как прежние ценности образованных классов разлагаются и как без них вся страна соскальзывает в своего рода моральную и культурную пропасть. Таков был большой постулат Алана. И он просто не способен был понять, что роман не издадут и не станут читать, потому что он плох. Конвей верил, что призван писать именно такие произведения, и проклинал Аттикуса Пюнда, отвлекающего его от основной задачи. Тебе известно, что это Мелисса первая предложила ему написать детектив?

— Нет. Она мне не говорила.

— Вот одна из причин, по которой он с ней развелся.

— Эти книги сделали его богачом.

— Ему это было не важно. У него был миллион фунтов. Потом десять миллионов. Он мог получить и сто миллионов. Они не давали ему того, чего хотел он: уважения, звания великого писателя. Как ни странно это звучит, Алан не единственный. Вспомни Яна Флеминга или Конан Дойла. Или даже Алана Александра Милна! Милн терпеть не мог Винни-Пуха именно потому, что тот оказался таким успешным. Но большая разница в том, что Алан ненавидел Пюнда с самого начала. У него никогда не было желания писать про Пюнда, и, прославившись, он не чаял, как от него избавиться.

— Хочешь сказать, я убил Алана, потому что он не хотел продолжать серию?

— Нет, Чарльз. — Покопавшись в сумочке, я достала пачку сигарет. К черту офисные правила, мы тут про убийство говорим. — До причины убийства мы доберемся чуть позже. Прежде всего я хочу рассказать тебе, как это произошло, а также как ты себя выдал.

— Почему бы нам не начать именно с этого, Сьюзен? Мне не терпится узнать.

— Как ты себя выдал? Самое интересное, я прекрасно помню, когда это случилось. У меня словно тревожный звонок зазвенел в голове, вот только выводов я не сделала. Наверное, потому, что даже представить тебя не могла в роли убийцы. Продолжала считать, что ты последний хотел бы видеть Алана мертвым.

— Продолжай.

— Так вот, когда мы сидели у тебя в кабинете, в тот день, когда пришла весть о самоубийстве Алана, ты обмолвился, что уже полгода не был во Фрамлингеме, с апреля или марта. То была вполне объяснимая ложь. Ты пытался дистанцироваться от места преступления. Вот только когда мы ехали на похороны, ты предупредил меня, что нужно свернуть на другое шоссе, чтобы избежать дорожных работ под Эрл-Сохем. А работы там только начались — мне об этом Марк Редмонд сказал. И знать об этом ты мог, только если сам недавно был там. Ты проезжал через Эрл-Сохем утром в воскресенье, когда убил Алана.

Чарльз обдумал мои слова и немного грустно улыбнулся:

— Знаешь, как раз что-то такое Алан мог вставить в одну из своих книг.

— Думаю, да.

— Я бы не отказался от еще глоточка виски, если ты не против.

Я налила ему и немного себе. Мне нужно было сохранить трезвость мысли, но «Гленморанджи» уж очень хорошо шел под сигарету.

— Алан не передавал тебе рукописи «Английских сорочьих убийств» в клубе «Плющ», — продолжила я. — На самом деле она пришла по почте во вторник, двадцать пятого августа. Джемайма вскрыла конверт и увидела ее. Ты, видимо, прочитал книгу в тот же день.

— Закончил в среду.

— В четверг вечером ты ужинал с Аланом. Он был уже в Лондоне, так как во второй половине дня ходил на прием к своему лечащему врачу, Шейле Беннет. Ее инициалы обозначены в его ежедневнике. Не знаю, тогда ли она сообщила ему скверную новость, что его рак неоперабелен? Трудно представить, какие мысли носились в его голове, пока он сидел с тобой, но вечер этот, естественно, был тяжким для вас обоих. После ужина Алан вернулся в свою лондонскую квартиру, а на следующий день написал тебе письмо, извиняясь за поведение накануне. Датировано оно было двадцать восьмым августа, то есть пятницей, и по моей догадке, от руки. К письму я вернусь через минуту, просто мне хочется выстроить всех своих уточек в ряд.

— Временные линии, Сюзен. Ты всегда была сильна в этом.

— Ты подстроил ситуацию с разлитым кофе и уволил Джемайму в пятницу утром. Она ни в чем не была виновата, но ты уже обдумывал убийство Алана. Ты хотел придать ему вид суицида, но это могло сработать, только если ты не читал «Английские сорочьи убийства». Джемайма же лично вручила тебе роман парой дней ранее. Да и письмо Алана могла увидеть. Ты знал, что в пятницу вечером я возвращаюсь из Дублина, и было крайне важно не дать мне и Джемайме встретиться. Я должна была пребывать в уверенности, что выходные ты проводишь дома, за чтением «Английских сорочьих убийств». Как и я сама. Это было твоё алиби. Но, что было не менее важно, у тебя не должно было быть причины убивать Алана.

— Причину ты пока так и не назвала.

— Назову. — Откупорив стоявшую на столе бутылочку с чернилами, я воспользовалась ею как пепельницей. Виски приятно согрел желудок, придавая храбрости продолжать. — Во Фрамлингем Алан вернулся в пятницу вечером или в субботу утром. Ты наверняка знал, что он порвал с Джеймсом, и рассчитывал застать его в доме одного. Ты приехал в воскресенье утром, но, прибыв, заметил, что с ним кто-то есть наверху, на башне. Это был Джон Уайт, его сосед. Ты оставил машину за кустами, где ее не было видно, — я заметила следы шин, когда была там, — и стал наблюдать за происходящим. Между теми двумя произошла ссора, обернувшаяся схваткой, и ты сфотографировал, как они борются, — вдруг пригодится. И пригодилось, а, Чарльз? Когда я поделилась с тобой своей уверенностью, что Алана убили, ты послал мне фото, чтобы направить на ложный след. Но убил его не Уайт. Он ушел, а ты смотрел, как он спешит к своему дому по короткой дорожке, через лесок. Тогда ты принялся за дело. Вошел в дом. Алан, видимо, решил, что ты приехал продолжить разговор, начатый в клубе «Плющ». Он пригласил тебя позавтракать с ним на башне. Или это ты уговорил его подняться туда. Как тебе это удалось, не так важно. Главное в том, что, улучив момент, когда Конвей повернулся к тебе спиной, ты его столкнул. Но это было не все. Убив Алана, ты спустился в его кабинет, ведь ты читал «Английские сорочьи убийства» и точно знал, что ищешь. Это был настоящий подарок! Предсмертное письмо, написанное собственной рукой Алана! Нам обоим известно, что первый черновик Алан всегда писал от руки. В твоём распоряжении имелось письмо, переданное в пятницу утром. Но в книге имелось другое письмо, и ты сообразил, что можешь воспользоваться им. Мне в самом деле хочется пнуть себя под зад — я проработала редактором двадцать лет, а это было, наверное, единственное преступление, раскрыть которое мог только редактор. Я знала, что в предсмертной записке Алана что-то не так, но не могла понять, что именно. Теперь поняла. Первую и вторую страницы Алан написал в пятницу утром. А вот третья, та самая, где содержится намек на его желание покончить с собой, взята из книги. С нее звучит не голос Алана. Никаких жаргонных словечек или крепких выражений. Она сдержанная, слегка стилизованная, словно ее сочинил человек, для которого английский — второй язык... «...Для меня надежды на избавление нет». «...В надежде на то, что Вы доведете до конца работу над моей книгой...» Это не письмо Алана к тебе. Это письмо Пюнда к Джеймсу Фрейзеру, а книга, о которой идет речь, не «Английские сорочьи

убийства», а «Ландшафт криминалистического расследования». Тебе неслыханно повезло. Не знаю, что именно Алан написал тебе, но новая страница, ставшая третьей, подошла идеально. Однако тебе пришлось отрезать кусочек наверху. Не хватает одной строчки, где написано «Дорогой Джеймс». Я могла бы догадаться об этом, если бы измерила страницы, но, увы, мне это не пришло в голову. И там было кое-что еще. С целью дополнить иллюзию того, что все четыре страницы принадлежат единому целому, ты расставил номера в верхнем правом углу. Присмотрись я повнимательнее, то могла бы заметить, что цифры немного темнее букв. Ты использовал другую ручку. В остальном же подделка была совершенной. Чтобы смерть Алана сошла за самоубийство, тебе требовалась предсмертная записка, и ты ее получил. Но ее требовалось еще передать. Письмо с извинениями за ужин, которое Алан отправил тебе, на самом деле принес курьер. Тебе же следовало создать видимость, будто оно пришло из Ипсуича. Ответ оказался прост. Ты нашел старый конверт — как понимаю, один из тех, что Алан отправлял тебе раньше, и сунул в него поддельную предсмертную записку. Ты исходил из того, что конвертом всерьез заниматься никто не станет. Важно само письмо. Но вышло так, что я подметила две особенности. Конверт был разорван. Видимо, ты намеренно повредил штампель, чтобы скрыть дату. Но самое главное, письмо было написано от руки, а адрес на конверте напечатан. Это с точностью до наоборот отражало события из «Английских сорочьих убийств» и потому засело у меня в голове. Теперь давай перейдем к сути дела. Ты использовал часть письма, написанного Аттикусом Пюндом, и вот незадача — если твой план сработает, оригинал никто не должен увидеть. Если кто-то прочтет его и сложит два и два, вся теория о самоубийстве рухнет. Вот почему последние главы должны были исчезнуть. Признаюсь, я была озадачена, когда ты не откликнулся с энтузиазмом на мое предложение поехать во Фрамлингем поискать пропажу, но теперь я понимаю, почему ты не хотел, чтобы главы нашли. Ты изъясил рукописные страницы. Забрал блокноты Алана. Очистил жесткий диск его компьютера. Это означало, что девятой книги серии не будет или же выход ее задержится до той поры, когда кто-то ее закончит. Но ты был согласен заплатить эту цену.

Чарльз тихо вздохнул и поставил на стол стакан, снова пустой. В комнате воцарилась странная атмосфера покоя. Мы вдвоем словно обсуждали правку какого-то романа, как делали это много раз прежде. По какой-то причине мне стало жалко, что здесь нет Беллы. Не знаю почему. Возможно, ее присутствие помогло воспринимать эти откровения как нечто более нормальное.

— У меня такое чувство, что ты выяснила все, Сьюзен, — произнес Чарльз. — Ты очень умная. Я всегда это знал. Но мотив? Ты до сих пор не сказала, зачем мне понадобилось убивать Алана.

— Это потому, что он собирался уничтожить Аттикуса Пюнда. Так ведь? Вернемся к ужину в клубе «Плющ». Именно тогда он тебе это сообщил. На следующую неделю у него было назначено интервью с Саймоном Майо, и это давало ему отличную возможность привести свой план в исполнение. Совершить кое-что, что позволило бы ему хорошенько повеселиться перед смертью, и значившее для него больше, чем увидеть напечатанной последнюю книгу. Ты солгал мне, говоря, что Алан хотел отменить интервью. Оно значилось в его ежедневнике, а радиостанция была не в курсе его намерения отказаться. Думаю, он собирался его дать. Твердо решил идти до конца.

— Он был болен, — вставил Чарльз.

— Более, чем в одном смысле, — согласилась я. — Что меня удивляет сильнее всего, это что он планировал все с самого начала, с того самого дня, как придумал Аттикуса Пюнда. Можно ли представить писателя, закладывающего в собственную работу часовой механизм самоуничтожения, и наблюдать, как он тикает долгих одиннадцать лет? Но именно так поступил Алан. Только по этой причине последняя книга должна была называться «Английские сорочьи убийства» и никак иначе. Девять названий образуют акроним. Первые их буквы составляют слово.

— «Анаграмма».

— Ты знал?

— Алан сказал мне.

— Анаграмма. Но анаграмма чего? В конечном итоге мне понадобилось не так много времени, чтобы догадаться. Названия тут ни при чем. Они совершенно невинны. И не персонажи. Их назвали в честь птиц. И не полицейские — эти перекочевали из Агаты Кристи или основаны на

людях, которых Конвей знал. Джеймс Фрейзер получил имя в честь актера. Остается только один герой.

— Аттикус Пюнд.

— И анаграмма расшифровывается как «с*** нудная».

Простите, что я не стану озвучивать это слово. Вы легко можете догадаться, о чем речь, но лично мне оно ненавистно. Ругательства в книгах всегда режут мне слух как неуместные и чрезмерные. Но слово на «с» еще хуже. Его используют мерзкие, закомплексованные мужчины по отношению к женщинам. Оно вопиет о презрении к женскому полу. И вот как все обернулось! Такое отношение испытывал Алан Конвей к персонажу, про которого бывшая жена посоветовала ему написать. Именно так он выразил все эмоции в адрес всего детективного жанра.

— Он ведь рассказал тебе? — продолжила я. — Вот что на самом деле происходило в клубе «Плющ». Алан сообщил, что намерен поделиться своим маленьким секретом со всем миром, когда будет выступать в программе Саймона Майо на следующей неделе.

— Да.

— И поэтому ты его убил.

— Ты совершенно права, Сьюзен. Алан изрядно накачался — тем дорогим вином, какое я заказал, — и когда мы вышли из ресторана, выложил все. Ему все равно. Он сам умирает и намерен забрать Аттикуса с собой. Дьявольский план. Ты ведь представляешь, что случилось бы, сообщи это Алан читателям? Да его бы возненавидели! О сериале на Би-би-си стоило бы забыть. Мы бы не смогли продать новую книгу. Да и никакую другую. Вся франшиза разом теряла цену.

— Так ты это сделал из-за денег.

— Звучит очень грубо, но, думаю, это так. Да. Я потратил одиннадцать лет на создание бизнеса и не собирался смотреть, как его в одночасье рушит неблагодарный выродок, хорошо погревший на нас руки, кстати говоря. Я сделал это ради своей семьи и новорожденного внука. Могу даже сказать, что сделал это и ради тебя, хотя ты, конечно, едва ли скажешь мне спасибо. А еще я сделал это ради миллионов читателей по всему миру, которые покупали книги, вкладываясь в Аттикуса, наслаждаясь историями про него. Так что совесть меня не гложет. Единственное, о чем я жалею, так это что ты ухитрилась все выяснить, а это, надо полагать, делает тебя соучастником моего преступления.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну это зависит от того, как ты намерена поступить. Ты уже поделилась с кем-то тем, что рассказала сейчас мне?

— Нет.

— Тогда задумайся над тем, стоит ли это делать. Алан мертв. Он в любом случае умер бы. Ты читала первую страницу его письма. У него оставалось самое большее шесть месяцев. Я сократил ему жизнь на этот период времени, а заодно, возможно, избавил от тяжких страданий. — Чарльз улыбнулся. — Не стану утверждать, что руководствовался в первую очередь этим. Думается, я оказал миру услугу. Нам нужны литературные герои. Жизнь трудна и беспросветна, а они рассеивают мрак. Это маяки, на которые мы держим путь. Сьюзен, давай посмотрим на ситуацию с практической точки зрения. Ты становишься руководителем компании. Мое предложение сделано из лучших соображений и остается в силе. Без Аттикуса Пюнда не будет и компании. Не хочешь подумать о себе, подумай обо всех прочих, кто работает в этом здании. Неужели ты хочешь, чтобы они остались без работы?

— Это не совсем честно, Чарльз.

— Причины и следствия, моя дорогая. Только о них я и говорю.

В какой-то степени я страшилась этого момента. Сорвать с Чарльза маску — это здорово, но все это время я думала, как мне быть дальше. Все озвученные им доводы приходили мне в голову. Мир не особо потерял с уходом Алана Конвея. Его сестра, бывшая жена, сын, Дональд Ли, викарий, суперинтендант Локк — все эти люди в большей или меньшей степени терпели от него обиды. А сейчас он задумал очень скверную шутку по отношению ко всем, кто любил его книги. И в любом случае ему предстояло умереть. Но что заставило меня решиться, так это «моя дорогая». Было нечто отвратительное в этом выражении, адресованном мне. Именно такие слова мог

использовать, скажем, Мориарти. Или Фламбо. Или Карл Петерсон. Или Арнольд Зек³⁶[36]. И если верно, что детективы призваны служить нам маяком, то почему я не обязана теперь идти на их свет.

— Извини, Чарльз, — сказала я. — Не могу согласиться с тем, что ты говоришь. Мне не нравился Алан, и его поступок ужасен. Но факт в том, что ты убил его, и нельзя, чтобы ты остался безнаказанным. Прости, но я просто не смогу с этим жить.

— Хочешь выдать меня?

— Нет. Не хочу быть причастной к этому делу и думаю, что будет гораздо проще, если ты сам позвонишь в полицию.

Он улыбнулся, одними краешками губ:

— Ты ведь понимаешь, что меня посадят в тюрьму. Я пожилой человек и никогда уже не выйду на свободу.

— Да, Чарльз. Такое случается с теми, кто совершает убийство.

— Ты меня удивляешь, Сьюзен. Мы так давно знаем друг друга. Никогда не думал, что ты окажешься такой недалекой.

— Значит, вот как ты считаешь, — пожала плечами я. — Ну тогда и говорить больше не о чем.

Он поглядел на пустой стакан, потом на меня.

— Сколько времени ты можешь мне дать? — спросил Чарльз. — Допустим, неделю форы? Мне так хочется побыть немного с семьей, понянчить внука. Нужно пристроить куда-то Беллу. Ну и все такое...

— Неделю я тебе дать не могу. Это сделает меня твоим сообщником. Быть может, до выходных?

— Ладно. Это по-честному.

Чарльз встал и подошел к книжной полке. Перед ним выстроилась все его карьера. Многие из этих книг были изданы им. Я тоже встала. После того как пришлось долго сидеть, у меня скрипнуло в коленях.

— Мне искренне жаль, Чарльз, — произнесла я. Где-то в душе я еще сомневалась, что приняла правильное решение.

Мне хотелось поскорее уйти из этой комнаты.

— Да нет, все нормально. — Чарльз стоял спиной ко мне. — Я все понимаю.

— Доброй ночи, Чарльз.

— Доброй ночи, Сьюзен.

Я повернулась, шагнула к двери, и тут что-то ударило меня с невероятной силой по затылку. В глазах разлилась белая электрическая вспышка, ощущение было такое, будто тело переломилось пополам. Комната как-то резко накренилась, и я рухнула на пол.

---

³⁶ Речь идет о литературных героях-преступниках из книг Конан Дойла, Честертона, Макнейла, Стаута.

Эндшпиль

Я была так потрясена, настолько застигнута врасплох, что мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать происходящее. Видимо, я на какое-то время отключилась. Когда я открыла глаза, надо мной стоял Чарльз, и взгляд у него был, как бы это сказать, извиняющийся. Я лежала на ковре, головой к открытой двери. Что-то стекало у меня по шее, за ухом, с трудом подняв руку, я ощупала это место. Когда я отвела ее, то увидела на пальцах кровь. Меня ударили, очень сильно. Чарльз держал что-то в руке, но глаза мои отказывались работать как надо, все плыло. Наконец мне удалось сфокусировать взгляд, и, если бы не боль и не страх, я, наверно, засмеялась бы. Чарльз сжимал «Золотой кинжал», полученный Аланом за роман «Аттикус Пюнд расследует». Если вам не приходилось видеть эту награду, скажу, что она представляет собой миниатюрный кинжал, помещенный в довольно внушительный брусок из оргстекла, прямоугольный, с острыми краями. Чарльз воспользовался им, чтобы оглушить меня.

Я попыталась заговорить, но ничего не получалось. Возможно, сказывались последствия удара, или сказать было нечего. Чарльз смотрел на меня, и мне кажется, я определила тот самый миг, когда он принял решение. Жизнь ушла из его глаз, и мне подумалось вдруг, что убийцы — самые одинокие люди на планете. Это проклятие Каина — быть беглецом и бродягой, изгнанным с лица земли. Какие бы оправдания он не приводил, Чарльз оказался исторгнут из лона человечества в тот самый миг, когда столкнул Алана с башни. И этот стоявший надо мной человек не являлся больше моим другом и коллегой. Он был пуст. Он собирался убить меня, заткнуть мне рот, потому как, убив одну жертву, ты попадаешь в некую иную реальность, где, убьешь ты еще двоих или двадцать, не составляет уже существенной разницы. Я знала и принимала это. Чарльзу не знать уже покоя. Никогда не будет он счастлив, играя с внуком. Никогда не сможет бриться, не увидев в зеркале лица убийцы. Я черпала слабое утешение в этом. Но я буду мертва. Я не могу ничего сделать, чтобы избежать этого. Мне стало страшно.

Он поставил награду.

— Ну почему ты такая чертовски упрямая?! — спросил Чарльз каким-то не своим голосом. — Я не хотел, чтобы ты увидела пропавшие страницы. Нет мне дела до этой чертовой книги. Все, что я делал, — это старался защитить то, ради чего работал. И свое будущее. Я старался удержать тебя в стороне. Попытался направить на ложный след. Но ты не желала слушать. И что мне теперь остается? Я по-прежнему обязан защитить себя, Сьюзен. Мне слишком много лет, чтобы отправляться в тюрьму. Тебя никто не заставляет идти в полицию. Ты могла бы просто забыть обо всем. Но ты ведь такая чертовски упрямая...

Разговаривал он, в общем-то, не со мной. Это был скорее поток сознания, беседа с самим собой. Я, со своей стороны, лежала неподвижно. В голове разливалась жуткая боль, я злилась на себя. Он спросил, поделилась ли я с кем-то своими открытиями. Следовало соврать. В худшем случае я могла бы подыграть Чарльзу, сделать вид, что меня устраивает роль сообщницы в убийстве Алана. Скажи я это, спокойно ушла бы из офиса, а потом позвонила бы в полицию. Я сама навлекла на себя беду.

— Чарльз... — прохрипела я единственное слово. У меня что-то произошло со зрением. Очертания его фигуры то делались резкими, то расплывались. По шее стекала кровь.

Он огляделся и взял что-то. Это был спичечный коробок, от которого я прикуривала сигарету. Я поняла, что это, только когда головка спички вспыхнула. Огонек казался огромным, буквально заслонив собой Чарльза.

— Прости, Сьюзен, — сказал он.

Клоувер собирался поджечь дом. Обрекая меня сгореть заживо, избавившись от единственного свидетеля и, если на то пошло, уличающих его страниц, все еще лежавших на столе, где я их оставила. Я видела, как рука его описала дугу, и по комнате словно пролетел огненный шар, опустившись рядом с книжными полками. В современном офисе спичка упала бы на покрытие пола и погасла, но в «Клоуверлиф букс» все дышало стариной: само здание, деревянные панели, ковры, мебель. Языки пламени взметнулись мгновенно. Я была так

заворожена зрелищем, что даже не видела, как Чарльз зажег вторую спичку, устроив второй очаг пожара у противоположной стены комнаты. На этот раз пламя взбежало по шторам и лизнуло потолок. Сам воздух словно стал оранжевым. Даже не верится, как быстро все это происходило. Я будто оказалась внутри крематория. Чарльз двинулся ко мне: огромная, зловещая фигура, заполняющая все поле зрения. Видимо, он собирался перешагнуть через меня, ведь я лежала на пути к двери. Но прежде чем уйти, он нанес последний удар, и я закричала, когда его нога врезалась мне в ребра. Во рту я ощутила привкус крови. Из глаз, от дыма и от боли, брызнули слезы. А потом Чарльз исчез.

Горел кабинет знатно. Здание это вело историю от восемнадцатого века, и пожар был достоин тех времен. Я чувствовала, как жар обжигает щеки и руки, и думала, что горю сама. Наверное, я просто лежала бы вот так и умерла, но сработавшая сигнализация заставила меня очнуться. Каким-то чудом я нашла в себе силы и поползла. Стекло в одной из рам лопнуло, и это тоже мне помогло. Внутрь хлынул поток холодного воздуха. Он немного взбодрил меня и отогнал удушающий дым. Протянув руку, я нащупала косяк двери и подтянулась, держась за него. Я почти ничего не видела. В глазах плыли оранжевые и красные круги. Дышать было больно. Чарльз сломал мне несколько ребер, и даже в тот миг я удивилась, как человек, с которым мы так долго дружили, мог проявить такую жестокость. Злость придала мне сил, и я с трудом поднялась на ноги, но это не помогло. Наоборот, лежа на полу, я была в большей безопасности, а теперь оказалась среди дыма и ядовитых паров. От потери сознания меня отделяли секунды.

В ушах гремела сигнализация. Если пожарные машины едут, я их не услышу. Я почти ничего не видела, едва могла дышать. И тут я вскрикнула, когда вокруг моего туловища скользнула, крепко обхватив, чья-то рука. Я подумала, что это Чарльз вернулся, чтобы добить меня. Но потом до моего слуха долетело единственное слово:

— Сьюзен!

Я узнала голос, узнала запах, узнала крепкую грудь, когда он прижал к ней мою голову. Это был Андреас. Каким-то невероятным образом он появился из ниоткуда, чтобы спасти меня.

— Идти можешь? — прокричал он.

— Да. — Теперь я могла. Рядом с Андреасом я могла все, что угодно.

— Я вытащу тебя отсюда.

— Подожди! Там на столе страницы...

— Сьюзен?!

— Черта с два мы уйдем без них!

Он, видно, счел меня сумасшедшей, но спорить не стал. Андреас выпустил меня на пару секунд, потом подхватил снова, выволок из комнаты и помог спуститься по лестнице. Клубы серого дыма гнались за нами, но пожар имеет свойство распространяться вверх, а не вниз, и хотя я едва могла видеть или думать, страдала от страшной боли и обливалась кровью из раны в голове, нам удалось выбраться наружу. Андреас вытащил меня через главную дверь и перевел на другую сторону улицы. Обернувшись, я увидела, что второй и третий этажи охвачены пламенем, и, даже услышав вой сирен подъезжающих пожарных машин, отдавала себе отчет, что здание уже не спасти.

— Андреас, — произнесла я. — Ты забрал главы?

Я отключилась прежде, чем он успел ответить.

Интенсивная терапия

Три дня провела я в больнице Университетского колледжа на Юстон-роуд, что, в общем-то, было совсем немного, учитывая через что мне довелось пройти. Но так бывает в наш век — чудеса современной науки и так далее. Ну и койко-места, конечно, в дефиците. Андреас находился при мне неотлучно, и самая интенсивная терапия исходила как раз от него. У меня констатировали перелом двух ребер, сильные ушибы и линейный перелом черепа. Мне сделали компьютерную томографию, но хирургического вмешательства, к счастью, не понадобилось. От пожара немного пострадали мои легкие и слизистые. Я постоянно кашляла, и это было противно. Зрение еще не прояснилось. Это естественное следствие травмы головы, но доктора предупредили, что последствия могли быть намного хуже.

Как выяснилось, Андреаса привели в издательство переживания по поводу нашей ссоры в воскресенье вечером. Он решил устроить мне сюрприз, прибыв с цветами, и проводить в ресторан. Эта замечательная идея спасла мне жизнь. Но не этот вопрос был первым, который я хотела задать.

— Андреас? — окликнула я его в первое утро после пожара. Андреас был единственным моим посетителем, хотя я получила текстовое сообщение от сестры Кэти, уже ехавшей в больницу. Горло болело, и голос мой звучал чуть громче шепота. — Зачем ты приходил к Чарльзу? На неделе, когда я ездила в книжный тур, ты заходил в издательство. Почему ты мне не сказал?

Все выяснилось. Андреасу требовались деньги на его отель «Полидорус». Он вернулся в Англию и обратился в свой банк. Кредит предварительно одобрили, но потребовали представить поручителя. Поиски одного и привели Андреаса к Чарльзу.

— Я хотел удивить тебя, — сказал он. — А когда узнал, что тебя нет на месте, растерялся. Меня снедало чувство вины, Сьюзен. Я не рассказал тебе про визит к Чарльзу, потому что еще не сообщил тебе про отель. Поэтому я попросил его ничего тебе не говорить. Решил, что сам расскажу при встрече. Но все равно я испытывал угрызения совести.

Я не призналась Андреасу, что после разговора с Мелиссой какое-то время подозревала его в убийстве Алана. Мотив у него был веский. Он находился в стране. И в конечном счете Андреаса заподозрили бы в последнюю очередь. Нет, это вполне мог быть он.

Чарльза арестовали. В день выписки ко мне пожаловали двое полицейских, и они совсем не напоминали суперинтенданта Локка или, если на то пошло, Реймонда Чабба. Одним офицером была женщина, другим — азиат приятной наружности. Они поговорили со мной полчаса, делая пометки. Но мне трудно было много говорить, потому что горло сильно болело. Я была накачана лекарствами, еще не отошла от потрясения и постоянно кашляла. Полицейские сказали, что вернуться для составления полного отчета позже, когда я буду лучше себя чувствовать.

Самое забавное заключалось в том, что после всего пережитого у меня не было желания дочитывать пропавшие главы «Английских сорочьих убийств». Не то чтобы я не хотела узнать, кто убил Мэри Блэкистон и ее работодателя, сэра Магнуса Пая. Причина была в том, что я была по горло сыта уликами и убийством, да и не могла осилить рукопись — в глазах еще двоилось. И только с возвращением в мою квартиру в Крауч-Энде вернулось и мое любопытство. Андреас не разлучался со мной. Он взял в школе недельный отпуск, и я заставила его бегло просмотреть всю книгу, чтобы, читая мне вслух последние главы, он находился в курсе сюжета. Было очень уместно, что герои говорили со мной его голосом. Ведь спас их именно он.

Вот как заканчивался роман.

Часть VII

Секрет на сто лет

1

Аттикус Пюнд в последний раз прогуливался по Саксби-на-Эйвоне, наслаждаясь утренним солнышком. Он отлично выспался, а проснувшись, принял две таблетки. Сыщик чувствовал себя полным сил, голова была ясной. Он договорился встретиться с инспектором Чаббом через час в полицейском отделении Бата. Предоставив Джеймсу Фрейзеру собирать чемоданы и оплачивать счет в гостинице, Пюнд вышел поразмять ноги. Он совсем недолго пробыл в деревне, но странным образом успел хорошо узнать ее. Церковь, замок, антикварный магазинчик на площади, автобусная остановка, Дингл-Делл и, конечно, Пай-Холл — все эти места образовывали различные связи, но за последнюю неделю они превратились в ориентиры на ландшафте преступления. Пюнд тщательно выбрал название для своего *magnum opus*³⁷. Каждое криминалистическое расследование действительно имело свой ландшафт, и, прочитав его, можно было раскрыть преступление.

Саксби не мог выглядеть прекраснее. Час был еще ранний, людей на улицах не было, как и машин, и не составляло труда представить себе эту маленькую общину такой, какой она была лет сто назад. На миг убийство показалось почти не имеющим значения. И разве это не так? Люди приходят и уходят. Влюбляются. Взрослеют и умирают. А сама деревня, зеленая трава и живые изгороди, вся эта сцена, на которой разыгралась драма, остается неизменной. Возможно, много лет спустя некий человек укажет на усадьбу, где был убит сэр Магнус, или на дом его убийцы, а его собеседник ответит заинтересованным: «Ну и ну!» Но не более того. «Это не ему ли отрубили голову? И кажется, еще кто-то умер?» Обрывки разговора, разлетающиеся, как листья на ветру.

И все же кое-какие изменения есть. Смерть Мэри Блэкистон и сэра Магнуса Пая породили тысячи крошечных трещинок, разбегающихся от эпицентров этих событий, и потребуется время, чтобы их залечить. Пюнд обратил внимание на объявление в окне антикварной лавки «Уайтхедов»: «ЗАКРЫТО ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО УВЕДОМЛЕНИЯ». Сыщик не знал, арестовали Джонни Уайтхеда за кражу медалей или нет, но сомневался, что магазин откроется снова. Он шел к гаражу и думал о Роберте Блэкистоне и Джой Сандерлинг. Эти молодые люди просто хотели пожениться, но столкнулись с силами, превосходящими их понимание. Ему сделалось грустно при воспоминании о том дне, когда девушка приехала к нему в Лондон. Как там она сказала: «Это несправедливо. Просто нечестно». Тогда она понятия не имела, сколько правды в этих словах.

Взгляд Пюнда уловил какое-то движение. Посмотрев, он увидел Клариссу Пай в весьма претенциозной шляпке с тремя перьями. Она бодро шагала к лавке мясника и не заметила его. Что-то в ее манере заставило Пюнда улыбнуться. Кларисса много выиграла от смерти брата, тут нечего возразить. Даже не унаследовав усадьбу, она вернула себе собственную жизнь, а это было куда важнее. Не послужило ли это стремление мотивом убить сэра Магнуса? Честное слово, удивительно, как удалось этому человеку породить по отношению к себе столько враждебности? Сыщик вспомнил Артура Редвинга, художника, лучшую работу которого выбросили из дома, разрезали на куски и сожгли. Артур мог воспринимать себя как любителя. У него нет репутации великого мастера. Но Пюнд отлично знал ту страсть, что пылает в душе всякого творца, и ее способность перерождаться в поистине опасную одержимость.

А сама доктор Редвинг? В последний раз, говоря о сэре Магнусе, она не смогла скрыть свою ненависть — не то чтобы лично к нему, но ко всему им содеянному. Эмилия, как никто другой, понимала, какую рану сэр Магнус нанес ее мужу, а Пюнд из опыта знал, что нет в английской деревне персоны более могущественной, нежели доктор. А также, при определенных обстоятельствах, и более опасной.

---

³⁷ Великая работа (*лат.*).

Он прошел еще немного дальше по Хай-стрит и увидел раскинувшийся слева Дингл-Делл. Можно срезать через лес и попасть в Пай-Холл, но сыщик решил этого не делать. Ему не хотелось встречаться с леди Пай и ее новым сожителем. Эти двое, как никто, выиграли от смерти сэра Магнуса. Самая древняя история в мире: жена, любовник, жестокий муж, внезапная смерть. Возможно, они считают, что вольны теперь быть вместе, но Пюнд очень сильно сомневался в этом. Бывают отношения, которые строятся исключительно на том, что они невозможны, и, чтобы продолжаться, должны подпитываться несчастьем. Пройдет не так много времени, и Фрэнсис Пай устанет от Джека Дартфорда, пусть тот и писанный красавец. Как ни крути, она теперь унаследовала Пай-Холл. Или это Пай-Холл унаследовал ее? Мэтью Блэкистон сказал, что усадьба проклята, и Пюнд готов был с этим согласиться. Хорошенько подумав, он повернул назад. У него нет желания снова видеть это место.

Ему хотелось еще раз поговорить с Брентом. Странно, но во всем, что произошло, роль зрителя парка так и не получила исчерпывающего объяснения. Инспектор Чабб почти полностью исключил его из расследования. А ведь Брент был первым, кто нашел утонувшего Тома Блэкистона, и последним, кто видел сэра Магнуса перед тем, как его обезглавили. Если уж на то пошло, Брент утверждает, что обнаружил тело Мэри Блэкистон, и определенно он позвонил доктору Редвинг. Почему сэр Магнус так резко уволил его перед самой своей смертью? Пюнд опасался, что ответ на этот вопрос так никогда и не прозвучит. У него осталось очень мало времени — во всех смыслах. Это утро он посвятил размышлениям о том, что случилось в Саксби-на-Эйвоне. Но во второй половине дня его здесь не будет.

А что же Дингл-Делл? Полоса леса между домом викария и Пай-Холлом сыграла важную роль в этой истории, но Пюнд никогда не рассматривал ее как самостоятельную, как мотив для убийства, хотя бы потому, что смерть сэра Магнуса вовсе не гарантировала свертывания планов застройки. И люди повели себя очень глупо, поддавшись эмоциям. Пюнду вспомнилась Дайана Уивер, эта достопочтенная уборщица, взявшаяся написать ядовитое анонимное письмо, отпечатав его на машинке своего работодателя. Получилось так, что Пюнду не удалось расспросить ее про конверт, но это не важно. Он подозревал, что ответ ему уже известен. Он раскрыл это дело, не столько опираясь на улики, сколько на догадки. В конечном итоге существует только один сценарий, способный объяснить все.

Он возвращался той же дорогой, какой шел, по Хай-стрит. И оказался у входа на кладбище Святого Ботольфа, у высокого вяза рядом с воротами. Он поднял взгляд на ветки. Те были пусты.

Сыщик направился к свежей могиле, над которой возвышался временный деревянный крест с прикрепленной к нему табличкой:

Мэри Элизабет Блэкистон
5 апреля 1887 — 15 июля 1955

Вот с чего все началось. Смерть матери Роберта и тот факт, что они двое поругались при людях буквально за пару дней до этого, привели Джой Сандерлинг в его офис в Таннер-Корте на Клеркенвелл, 11. Пюнд знал, что все события в Саксби-на-Эйвоне произрастают из этой смерти. Ему представилась женщина, лежащая в сырой земле. Он никогда не встречался с ней, но чувствовал, что хорошо ее знает. Ему вспомнились записи в ее дневнике, ядовитый взгляд, которым она смотрела на окружающий мир.

Он подумал о яде.

За спиной послышались шаги. Обернувшись, сыщик увидел преподобного Робина Осборна, который направлялся к нему, прокладывая путь между могилами. Велосипеда при нем не было. Любопытно, что в ночь убийства оба, викарий и его жена, находились в окрестностях Пай-Холла, причем вторая вроде как разыскивала первого. Также было слышно, что велосипед викария проехал вечером мимо «Паромщика», а Мэтью Блэкистон даже видел его прислоненным к стене гостевого дома. Пюнд обрадовался, что встретил преподобного. Ему требовалось уладить с ним одно дело.

— А, здравствуйте, мистер Пюнд, — сказал Осборн и опустил взгляд на могилу. Никто не принес на нее цветов. — Пришли сюда за вдохновением?

— Нет, вовсе нет, — ответил сыщик. — Я сегодня уезжаю из деревни. Просто проходил мимо по пути обратно в гостиницу.

— Вы уезжаете? Это означает, что вы не в силах помочь нам?

— Нет, мистер Осборн. Это означает как раз обратное.

— Вам известно, кто убил ее?

— Да, известно.

— Очень рад это слышать. Я вот часто думаю... Трудно, должно быть, покоиться с миром, если знаешь, что твой убийца ходит по земле. Это попирает все законы естественной справедливости. Вы, наверное, не скажете, кто это. Впрочем, мне, наверное, не следовало спрашивать.

Пюнд не ответил, сменив вместо этого тему.

— Речь, произнесенная вами на похоронах Мэри Блэкистон, была очень интересной, — сказал он.

— Вы так думаете? Спасибо.

— Вы сказали, что она была значимой частью деревни, охватывала всю жизнь здесь. Вас удивит, если я скажу, что она вела дневник, в который помещала только самые темные и нелицеприятные наблюдения о людях, живущих в Саксби-на-Эйвоне?

— Удивит, мистер Пюнд. Да. Я хочу сказать, что Мэри умела досадить, но я никогда не замечал какой-то особой злобы в ее поступках.

— У нее есть запись про вас и миссис Осборн. Похоже, она заходила к вам четырнадцатого июля, накануне своей смерти. Припоминаете этот факт?

— Не берусь утверждать... — Лжец из Осборна был никакой. Руки у него дрожали, а лицо вытянулось и приняло неестественное выражение. Ну разумеется, он видел ее у кухонного стола. «Я слышала, что вам досаждают осы». А фотографии лежали картинкой вверх на кухонном столе... Ну как они оказались там? Почему Генриетта не убрала их?

— В своем дневнике она употребила слово «ужасно», — продолжил Пюнд. — Потом сказала, что это был «кошмар», и задавалась вопросом, как ей следует поступить. Вам известно, что имела она в виду?

— Понятия не имею.

— Ну так я вам скажу. Меня крайне озадачило, мистер Осборн, с какой стати вашей супруге понадобилось лечиться от отравления белладонной. Именно для этой цели доктор Редвинг выписала склянку с физостигмином. Миссис Осборн наступила на куст этого ядовитого паслена.

— Все верно.

— Но я задал себе следующий вопрос — почему на вашей супруге не было обуви?

— Да, вы уже озвучивали его. И моя жена ответила...

— Ваша жена не сказала мне всей правды. На ней не было обуви, потому что и другой одежды на ней тоже не было. По этой причине вы оба так неохотно признались, где провели отпуск. В итоге вы вынуждены были сообщить мне название отеля, «Шепли-Корт» в Девоншире. Хватило простого телефонного звонка, чтобы выяснить, что «Шепли-Корт» хорошо известен как пристанище натуралистов. Вот и вся правда, мистер Осборн. Вы с женой — сторонники натурализма.

Осборн с трудом сглотнул.

— Да...

— И у Мэри Блэкистон имелись доказательства этого?

— Она нашла фотографии.

— У вас были идеи, что она намерена предпринять?

— Нет. Она ничего не сказала. А на следующий день... — Викарий прокашлялся. — Мы с женой ни в чем не виноваты! — выпалил он вдруг. — Натурализм — это политическое и культурное течение, приносящее также большую пользу здоровью. В нем нет ничего постыдного, и, уверяю вас, оно не входит в противоречие с моим саном. Стоит упомянуть, что Адам и Ева не осознавали своей наготы. Это было естественное их состояние, и лишь вкусив яблока, они устыдились. Мы с Хен путешествовали по Германии перед войной, и это был первый наш опыт. Нам понравилось. Мы хранили тайну исключительно потому, что найдутся такие, кто не поймет и почувствует себя оскорбленным.

— А Дингл-Делл?

— Он идеально подходил нам. Обеспечивал свободу, позволял гулять без чужих глаз. Поспешу добавить, мистер Пюнд, что ничего такого мы не делали. Ну, в смысле плотского... — Викарий осторожно подбирает слова. — Мы просто прогуливались под луной. Вы там были и знаете, какое чудесное это место.

— И все шло прекрасно, пока ваша супруга не наступила на ядовитый куст.

— Все шло прекрасно, пока Мэри не увидела фотографии. Но вы же не допускаете, хотя бы на минуту... не думаете, что я причинил ей по этой причине вред?

— Мне в точности известно, как умерла Мэри Блэкистон, мистер Осборн.

— Вы сказали... сказали, что собираетесь уезжать.

— Через несколько часов. И ваш секрет я увезу с собой. Вам с женой нечего бояться. Я никому не скажу.

Робин Осборн шумно выдохнул:

— Спасибо, мистер Пюнд. Мы так переживали. Вы даже не представляете. — Взгляд у него просветлел. — Слышали новость? Если верить агентам из Бата, леди Пай не намеревается продолжать застройку. Делл оставят в покое.

— Чрезвычайно рад это слышать. Вы совершенно правы, мистер Осборн. Это чудесное место. Вообще-то, вы подали мне одну идею...

Аттикус Пюнд покинул кладбище один. До встречи с Реймондом Чаббом оставалось пятьдесят минут.

А ему предстояло еще одно дело.

2

Пюнду не потребовалось много времени, чтобы написать письмо, расположившись с чашкой чая в тихом уголке «Герба королевы».

Дорогой Джеймс!

Когда Вы это прочтете, все будет уже кончено. Простите, что не предупредил Вас раньше, не удостоил своим доверием, но я убежден, что со временем Вы поймете.

Есть кое-какие мои записки, Вы найдете их в столе. Они касаются состояния моего здоровья и принятого мною решения. Хочу подчеркнуть, что поставленный врачом диагноз ясен, и для меня надежды на избавление нет. Смерти я не боюсь. Меня тешит мысль, что мое имя запомнят.

Я достиг в жизни большого успеха, наслаждался им достаточно долго. Вам предстоит узнать, что в завещание я включил маленький пункт, касающийся Вас. Я сделал это отчасти в благодарность за многолетнее сотрудничество, но также в надежде на то, что Вы доведете до конца работу над моей книгой и подготовите ее к публикации. Вы теперь единственный ее опекун, но я уверен, что в Ваших руках с ней все будет хорошо.

В остальном же немного найдется людей, желающих меня оплакать. Сирот я после себя не оставляю. Готовясь покинуть этот мир, я чувствую, что хорошо распорядился отпущенным мне временем, и надеюсь, что меня будут помнить за успехи, которых мы с Вами добились совместно.

Прошу, извинитесь за меня перед моим другом инспектором Чаббом. Как вскоре станет известно, я воспользовался физостигмином, взятым мною у Клариссы Пай и который я должен был передать инспектору. Насколько понимаю, это вещество не имеет вкуса и способно обеспечить легкий переход в мир иной, но все равно это своего рода обман, маленькое преступление даже, и я каюсь в нем.

И наконец, хоть я и сам удивлен, я хочу, чтобы мой прах развеяли в лесу, известном как Дингл-Делл. Не знаю, почему прошу об этом. Вам известно, что я человек не романтического склада. Но это сцена последнего моего расследования, и потому выбор вполне уместен. А еще это очень спокойное место. Мне кажется, так будет правильно.

Я прощаюсь с Вами, мой друг, и шлю самые добрые свои пожелания. Я благодарю Вас за преданность и товарищеские чувства и надеюсь, что Вы

задумаетесь о возвращении к ремеслу актера и что Вас ждет долгая и успешная карьера.

Пюнд подставил подпись и сунул письмо в конверт, который запечатал и пометил: «МИСТЕРУ ДЖЕЙМСУ ФРЕЙЗЕРУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ».

Письмо не понадобится ему еще какое-то время, но он был рад, что приготовил его. Затем сыщик выпил чай и направился к ожидающей его машине.

3

Пять человек собрались в кабинете полицейского отделения в Бате, обрамленном двумя высокими окнами. Атмосфера была какая-то причудливо тихая и спокойная. По другую сторону стекла жизнь шла своим чередом, но здесь время остановилось на моменте, который с самого начала был неизбежен и вот наконец наступил. Инспектор Реймонд Чабб занимал главное место за столом, хотя сказать ему было практически нечего. Ему досталась роль простого очевидца. Но это был его кабинет, его стол, его власть, и он надеялся, что твердо дал это понять. Атиккус Пюнд сидел рядом, положив руку на полированную поверхность столешницы, как если бы прикосновение к ней наделяло его правом здесь находиться. Трость из палисандрового дерева была прислонена к подлокотнику кресла. Джеймс Фрейзер пристроился в уголке.

Джой Сандерлинг, которая ездила в Лондон и вовлекла Пюнда в это расследование, сидела напротив этих троих на стуле, место которого было выбрано так, словно она пришла на собеседование по вопросу трудоустройства. Место рядом с ней занимал Роберт Блэкистон, бледный и нервный. С того времени, как все собрались, не прозвучало почти ни слова. Центром внимания служил Пюнд, и теперь он начал.

— Мисс Сандерлинг, я пригласил вас сюда сегодня, потому что вы во многих смыслах являетесь моим клиентом. От вас первой я услышал о сэре Магнусе Пае и его делах. Вы обратились ко мне не затем, чтобы я расследовал преступление, — собственно, не было оснований полагать, что преступление имело место, — но с просьбой помочь устроить ваш с Робертом Блэкистоном брак, оказавшийся под угрозой. Возможно, я поступил неправильно, отказав в вашей просьбе, но надеюсь, вы поймете, что у меня имелись дела личного характера, и я не имел возможности отвлекаться. На следующий после вашего визита день я прочитал о смерти сэра Магнуса, и это заставило меня передумать. Так или иначе, с момента моего прибытия в Саксби-на-Эйвоне я исходил из того, что работаю в интересах не только ваших, но и вашего жениха. Именно поэтому я пригласил вас обоих, чтобы ознакомить с плодами моих трудов. Также мне очень жаль, что вы сочли необходимым принять собственные меры и сделать подробности вашей личной жизни достоянием всей деревни. Это было неприятно для вас, и это моя вина. Прошу простить меня.

— Если вы раскрыли убийства и мы с Робертом сможем пожениться, я прощу что угодно, — сказала Джой.

— Да-да. — Сыщик бросил короткий взгляд на Чабба. — Перед нами находятся двое молодых людей, определенно сильно любящих друг друга. Я отдавал себе отчет, как много значит для них обоих этот брак.

— Желаем им счастья, — буркнул Чабб.

— Если вы знаете, кто это сделал, то почему не говорите нам? — впервые за все время заговорил Роберт Блэкистон. В голосе его звучала спокойная злоба. — Тогда мы с Джой могли бы уйти. Я уже все решил. Мы не останемся в Саксби-на-Эйвоне. Не могу здесь находиться. Мы уедем куда-нибудь и начнем все с начала.

— У нас все получится, если мы будем вместе. — Джой взяла жениха за руку.

— Ну, тогда я начну, — сказал Пюнд. Убрав ладонь со стола, он положил ее на подлокотник кресла. — Еще до приезда в Саксби-на-Эйвоне, только прочтя об убийстве сэра Магнуса в «Таймс», я понимал, что столкнулся с очень странным совпадением. Экономка погибает во время самого обычного, как кажется, несчастного случая в быту, а две недели спустя ее работодателя убивают самым жестоким образом. Я употребил слово «совпадение», но подразумеваю, что это

как раз наоборот. Должна существовать причина, по которой эти два события столкнулись между собой, если так выразиться. Но какая причина? Мог ли существовать общий мотив смерти как сэра Магнуса Пая, так и его экономки? Какой цели достигал злоумышленник, убирая их обоих со своего пути?

На миг глаза Пюнда впились в сидящую перед ним молодую пару.

— Мне пришло в голову, что свадьба, о которой вы говорите и которой так страстно желаете, могла послужить этим мотивом. Нам известно, что Мэри Блэкистон, по причинам довольно неблагородным, противилась этому союзу. Но я отбросил эту линию размышлений. Прежде всего, у нее не было власти помешать браку, насколько мы знаем. Поэтому не имелось необходимости ее убивать. Также не существует свидетельств, что это дело в той или иной степени затрагивало сэра Магнуса. Напротив, он неизменно выказывал расположение к сыну Мэри Блэкистон и наверняка не стал бы ему мешать.

— Он знал о свадьбе, — заявил Роберт. — И не высказывал никаких возражений. Да и с какой стати? Джой — чудесная девушка. И вы совершенно правы, он всегда был добр ко мне. И хотел мне счастья.

— Согласен. Но если мы не можем найти единой причины для этих двух смертей, то какова альтернатива? Возможно ли, чтобы в Саксби-на-Эйвоне жили двое убийц, действующих независимо друг от друга, имея два различных мотива? Это звучит несколько неубедительно. Или же одна смерть тем или иным образом послужила причиной для другой? Нам теперь известно, что Мэри Блэкистон собрала много секретов о жизни обитателей деревни. Вдруг она узнала о ком-то таком, что грозило ей опасностью? И что, если она поделилась своим знанием с сэром Магнусом? Не будем забывать, что он был самым близким ей человеком. И пока я прокручивал в голове все эти события, предо мной предстало третье преступление. Вечером того дня, когда состоялись похороны Мэри Блэкистон, кто-то вломился в Пай-Холл. Вроде бы обычная кража, но в течение месяца, отмеченного смертью двух людей, любое событие перестает быть обычным. Вскоре эта догадка подтверждается, так как за исключением сбытой в Лондон серебряной пряжки, остальное украденное просто выбросили в озеро. Почему? Взломщику кто-то помешал или он преследовал другие цели? Возможно ли, что ему хотелось просто изъять серебро, а не получить от него выгоду?

— Хотите сказать, это была своего рода провокация? — спросил Чабб.

— Сэр Магнус гордился своим римским серебром. То была часть его наследства. Его могли взять просто ему назло. Такая мысль приходила мне в голову, инспектор. — Пюнд наклонился вперед. — Был еще один аспект в этом деле, который мне очень трудно оказалось понять. Роль Мэри Блэкистон.

— Я тоже ее никогда не понимал, — промолвил Роберт.

— Давайте проанализируем ее к вам отношение. Она лишилась в результате трагической случайности одного сына, это сделало ее осторожной, властной, чрезмерно заботливой. Вам известно, что я встречался с вашим отцом?

— Когда? — Роберт уставился на него.

— Вчера. Мой коллега Фрейзер довез меня до его дома в Кардиффе. И мистер Блэкистон сообщил мне много интересного. После смерти вашего брата Тома мать сосредоточилась на вас. Даже отцу не позволялось к вам приближаться. Ей было страшно выпускать вас из виду, и поэтому она разозлилась, когда вы решили поехать в Бристоль. Это был единственный раз, когда миссис Блэкистон поссорилась с сэром Магнусом, всегда проявлявшим заботу о вашем благополучии. Это вполне объяснимо. Женщина, потерявшая одного ребенка, вполне естественно становится одержима другим. Я понимаю также, что подобное отношение порождает неудобства и даже неприязнь. Ссоры между вами были следствием оного. Это очень печально, но неизбежно. Но было нечто, чего я понять не мог. Почему она так возражает против свадьбы? Это лишено смысла. Ее сын встретил, если позволите так выразиться, очаровательную спутницу в лице мисс Сандерлинг. Местная девушка из хорошей семьи. Отец пожарный. Сама она работает в лечебнице. В ее планы не входит увозить Роберта из деревни. Идеальный союз, и тем не менее Мэри Блэкистон с самого начала проявляет только враждебность. Почему?

— Понятия не имею, мистер Пюнд... — Джой зарделась.

— Ну тут мы вам можем помочь, мисс Сандерлинг, — вмешался Чабб. — У вас есть брат с синдромом Дауна.

— Пол? Он-то тут при чем?

— Миссис Блэкистон поверила свои мысли найденному нами дневнику. У нее сложилась идея, что болезнь может перейти к ее внукам, которые могут родиться от вас. Вот в чем проблема.

— Простите, инспектор, но тут я с вами не соглашусь, — покачал головой Пюнд.

— Ее собственные слова подтверждают мою точку зрения, мистер Пюнд: «...я все время думала о жуткой болезни, поражающей ее семью...» Это ужасно, но именно так она написала.

— Вы могли неправильно интерпретировать ее слова. — Пюнд вздохнул. — Чтобы понять Мэри Блэкистон, необходимо вернуться во времени к переломному моменту в ее жизни. — Сыщик посмотрел на Роберта. — Надеюсь, это не причинит вам боли, мистер Блэкистон, но речь пойдет о гибели вашего брата.

— Я живу с этим уже давно, — ответил Роберт. — Едва ли что-то сказанное вами может повлиять на меня.

— В этом несчастном случае существовало несколько аспектов, сбивавших меня с толку, — продолжал Пюнд. — Начнем хотя бы с реакции матери на случившееся. Я представляю себе женщину, которая смогла жить на том самом месте, где произошла такая трагедия, где она потеряла ребенка. Каждый день ее путь проходил мимо озера, и я спросил себя: наказывает ли она себя за нечто, что сделала? Или за то, что знала? Не может ли быть, чтобы с того самого ужасного дня ею руководило чувство вины? Я побывал в гостевом доме и попытался представить, каково было ей, да и вам, жить в этом мрачном месте, в окружении деревьев, в постоянной тени. Этот дом не богат секретами, но была одна загадка — комната на втором этаже, которую ваша мать держала запертой. Почему? В чем был смысл этой комнаты и почему Мэри Блэкистон никогда не входила туда? В спальне почти ничего не осталось: кровать и стол, а в столе лежал ошейник собаки, которая тоже умерла.

— Он принадлежал Белле, — сказал Роберт.

— Да. Белла была подарком отца вашему брату, и сэру Магнусу не нравилось ее присутствие на его земле. Вчера, во время разговора с вашим отцом, он предположил, что сэр Магнус убил собаку самым безжалостным образом. Не берусь судить, правда ли это, но скажу, как я размышлял. Ваш брат тонет. Ваша мать падает с лестницы. Сэр Магнус жестоко убит. И есть Белла, собака-метис, которую зарезали. Еще одна насильственная смерть в поистине удручающем списке насильственных смертей, произошедших в Пай-Холле. Зачем хранить в спальне собачий ошейник? Было в комнате еще кое-что, что я сразу заметил. Эта комната — единственная в доме, где из окна открывается вид на озеро. Этот факт мне показался существенным сам по себе. Далее я задал себе вопрос: как использовалась комната, когда Мэри Блэкистон жила в Лодж-хаусе? И предположил, ошибочно, что она служила спальней вам или вашему брату.

— Это была швейная моей матери, — сказал Роберт. — Если бы спросили, я бы ответил.

— Такой необходимости не возникло. Вы обмолвились, что играли с братом, перестукиваясь через стену, разделяющую ваши спальни. Так что комнаты ваши должны были быть смежными, и значит, что комната на противоположной стороне коридора должна была иметь другое назначение. У вашей матери было много шитья, и мне показалось весьма вероятным, что именно там ей нравилось работать.

— Все это замечательно, мистер Пюнд, — сказал Чабб. — Но я не понимаю, к чему это нас приводит.

— Мы почти уже прибыли, инспектор. Но сначала позвольте мне обрисовать, как именно произошел несчастный случай, поскольку детали, как я уже констатировал, тоже представляют некоторые сложности. Согласно показаниям, как Роберта, так и его отца, Том искал кусок золота, находившийся на самом деле в кустах на берегу — там, где его спрятал сэр Магнус. А теперь позвольте вам напомнить, что Том не был маленьким ребенком. Ему было двенадцать, и он был умен.

Позвольте спросить: полез бы он в холодную и мутную воду в расчете найти там золото? Насколько я уяснил, игры двух мальчиков носили весьма формализованный характер. Их организовывал сэр Магнус, который прятал сокровище и оставлял подсказки. Если Том оказался рядом с озером, он наверняка представлял, где нужно искать золото. Но лезть прямо в озеро не

было нужды. Это напрочь лишено смысла. Есть еще одна деталь, которая меня смущает. Brent, смотритель, обнаружил тело...

— Он постоянно шнырял поблизости, — вмешался Роберт. — Мы с Томом его боялись.

— Охотно верю. Но есть вопрос, который мне хотелось бы вам задать. Brent был очень точен в своих показаниях. Он вытащил вашего брата из озера и положил на землю. Минуту спустя появились вы. Какой смысл вам самому было бросаться в воду?

— Я хотел помочь.

— Разумеется. Но вашего брата уже вытащили из воды. Ваш отец сказал, что Том уже лежал на суше. С какой стати вам захотелось вымокнуть и замерзнуть?

Роберт нахмурился:

— Не понимаю, что вы хотите от меня услышать, мистер Пюнд. Мне было четырнадцать лет. Я толком не помню даже, как все было. Я думал только о Томе, как достать его из воды. Больше мне ни до чего дела не было.

— Нет, Роберт. Я полагаю, было. Думаю, вы хотели замаскировать тот факт, что уже были мокрым.

Вся комната словно замерла, как если бы кадр киноплёнки застрял в проекторе. Даже снаружи, на улице, не происходило никакого движения.

— Зачем ему понадобилось это делать? — спросила Джой. В голосе ее угадывалась легкая дрожь.

— Затем, что всего несколькими минутами ранее он подрался с братом на берегу озера. И убил его, утопив в воде.

— Это неправда! — Глаза у Роберта вспыхнули. На миг Фрейзеру показалось, что молодой человек вскочит с кресла, и приготовился при необходимости прийти на выручку Пюнду.

— Большая часть сказанного мной основывается на догадке, — продолжал сыщик. — И я искренне считаю, что на вас нельзя целиком возлагать ответственность за убийство, совершенное в детском возрасте. Но давайте рассмотрим свидетельства. Собаку подарили вашему брату, а не вам. Она погибает при ужасных обстоятельствах. Вы с вашим братом ищите кусок золота. Находит его он, а не вы. И на этот раз ему предстоит понести кару. Ваш отец сказал, что вы с Томом часто дрались. Он беспокоился из-за вашего характера, привычек к уединенным прогулкам, даже в столь раннем возрасте. Но он не замечал того, что видела ваша мать с самого момента вашего рождения, с тех тяжелых родов. Она поняла: с вами что-то не так, возможно, вы способны на убийство.

— Нет, мистер Пюнд! — На этот раз протестом разразилась Джой. — Вы не про Роберта говорите! Роберт совсем не такой!

— Очень даже такой, мисс Сандерлинг. Вы сами мне рассказывали, как нелегко ему приходилось в школе. Он с трудом заводил друзей. Другие дети сторонились его. Возможно, они чувствовали, что здесь что-то не так. А во время того единственного раза, когда Роберт покидал дом, уехав работать в Бристоль, он оказался вовлечен в драку, закончившуюся арестом и ночью в тюрьме.

— Он сломал тому парню челюсть и три ребра, — добавил Чабб, явно заглянувший в досье.

— Полагаю, Мэри Блэкистон очень хорошо понимала характер старшего сына, — продолжил Пюнд. — И простая правда заключается в том, что она не оберегала его от внешнего мира. Она оберегала мир от него. Женщина знала или подозревала, что случилось с собакой по кличке Белла. Зачем еще было ей хранить ошейник? Она видела, что случилось на озере. Да. Сидя за столом в швейной, она смотрела, как Роберт убивает Тома, разъярившись из-за того, что это младший брат нашел золото, а не он. И с того дня она оградила Роберта стеной. Мэтью Блэкистон выразился, что его жена убрала подъемный мост, не позволяя ему приблизиться к Роберту. Но он не понимал почему. А она не хотела, чтобы муж узнал правду. Теперь мы в состоянии понять, мисс Сандерлинг, ту причину, по какой Мэри Блэкистон так противилась вашей свадьбе. И опять, беспокоил ее не выбор вас в качестве жены. Она знала истинную природу своего сына и твердо решила: он не должен стать мужем. Касательно вашего брата, страдающего синдромом Дауна, то вы наверняка понимаете, что она хотела сказать. Миссис Блэкистон сделала важную запись в своем дневнике: «...я все время думала о жуткой болезни, поражающей ее семью...» Боюсь, как Джеймс Фрейзер, так и инспектор Чабб превратно истолковали ее слова. Болезнь, о которой она

говорила, относилась к безумию ее сына. И опасалась, что однажды в будущем эта зараза поразит и семью мисс Сандерлинг, если позволить браку состояться.

— Я ухожу! — Роберт Блэкистон вскочил. — Я не намерен больше выслушивать этот бред!

— Вы останетесь здесь! — приказал ему Чабб. — За этой дверью стоят два человека, и вы никуда не уйдете, пока мистер Пюнд не закончит.

Роберт обвел комнату гневным взглядом.

— Какие у вас еще припасены теории, мистер Пюнд? — спросил он. — Собираетесь заявить, что я убил свою мать с целью заткнуть ей рот? Вот что у вас на уме?

— Нет, мистер Блэкистон. Мне прекрасно известно, что вы не убивали свою мать. Если вы соизволите сесть, я расскажу вам, что именно произошло.

Роберт Блэкистон помедлил, но снова занял свое место. Фрейзер не мог не заметить, как Джой Сандерлинг произвольно отстранилась от жениха. Вид у нее был совершенно несчастный, она избегала встречаться с Робертом взглядом.

— Давайте проникнем в ход мыслей вашей матери, — снова заговорил Пюнд. — Повторюсь, многое здесь строится на догадках, но это единственный способ истолковать события, с которыми мы имеем дело. Ей приходится жить с сыном, страдающим, как ей известно, опасным расстройством рассудка. На свой лад Мэри Блэкистон старается защитить его. Она наблюдает за каждым его шагом. Ни на секунду не выпускает из виду. Но по мере того, как отношения между ними делаются все более напряженными и безрадостными, а ссоры более ожесточенными, ей становится тревожно. Что, если охваченный безумием сын обратится против нее? Есть один человек, которому она способна довериться. В сэре Магнусе Пае ей видится человек богатый и благородного происхождения. Он выше нее, настоящий аристократ. Во многих случаях сэр Магнус помогал ей в делах семьи. Взял ее на работу. Придумывал игры для ее детей, занимался с ними в отсутствие отца. Поддержал ее после развода, а затем дважды подыскивал работу для единственного выжившего сына. Он даже использовал свои связи, чтобы вытащить Роберта из тюрьмы. Про убийство Мэри ему сказать не могла. Он придет в ужас и, возможно, удалит их обоих. Но у нее появляется идея. Она вручает ему запечатанный конверт. В нем письмо, где рассказана вся правда: про убийство младшего сына, про зарезанную собаку, может, и про другие случаи, о которых мы никогда не узнаем. Мэри описывает Роберта Блэкистона таким, каков он на самом деле. Но тут есть одна хитрость. Конверт должны вскрыть только в случае ее смерти. После того как конверт был вручен и заперт в сейфе, миссис Блэкистон ставит сына в известность о том, что она сделала. Письмо призвано сыграть роль предохранительной сети. Сэр Магнус сдержит слово. Он не откроет письмо и будет хранить его в безопасном месте. Но если с ней что-то случится, если она умрет при странных или поразительных обстоятельствах, сэр Магнус прочтет его и узнает, кто виноват. Идеальная конструкция. Роберт не осмелится тронуть ее. Не сможет причинить ей вреда. Благодаря письму исходящая от него опасность нейтрализована.

— Вы этого не знаете, — произнес Роберт. — Не можете знать...

— Я все знаю! — Пюнд помолчал немного. — Давайте вернемся к смерти Мэри Блэкистон и посмотрим, как разворачивались события.

— Так кто ее убил? — спросил Чабб.

— Никто! — Пюнд улыбнулся. — В этом-то и кроется вся необычность и злополучность этого дела. Она действительно погибла в результате несчастного случая. Ничего более!

— Погодите-ка! — заговорил из своего угла Фрейзер. — Вы же сказали мне, что ее убил Мэтью Блэкистон.

— Убил. Но он сделал это ненамеренно и даже не знал, что это его вина. Помните Джеймс, что у него возникло странное предчувствие, будто его жене грозит опасность. И тем утром он позвонил ей. Напомню также, что телефоны в верхней части дома не работают. Об этом нам сказала леди Пай, когда мы были у нее. Так что случившееся объясняется весьма просто. Мэри Блэкистон пылесосила верхнюю лестничную площадку. Раздается телефонный звонок, и она сбегает по лестнице, чтобы взять трубку. Нога ее запутывается в проводе, и она падает, волоча за собой пылесос, который застревает между балясинами. Мне представляется, что несчастный случай — единственное разумное объяснение. Мэри Блэкистон была в доме одна. Ключи ее остались в задней двери, которая была заперта, а Брент работал у парадного входа. Он не видел, чтобы кто-то входил или выходил. Да и столкнуть человека с лестницы... Это не самый надежный

способ убийства. Как можно быть уверенным, что жертва не отделается всего лишь серьезными травмами? Но обитатели Саксби-на-Эйвоне считали по-другому. Пошли разговоры про убийство. И что еще хуже, между Мэри Блэкистон и ее сыном произошла буквально на днях серьезная ссора. «Как я хочу, чтобы ты умерла и дала мне немного передохнуть!» Роберт, наверное, не сразу понял, что условие, поставленное в письме его матери — насколько мы можем догадываться о нем, — оказалось в точности выполнено. Она умерла насильственной смертью. Он — главный подозреваемый. Дошло это до него неделю спустя, во время похорон. Викарий любезно одолжил мне свою речь, и я нашел точную цитату: «И хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам следует помнить о том, что оставила она после себя». Преподобный обмолвился, но, услышав это, Роберт вздрогнул и закрыл лицо руками. И на то имелась веская причина. Не потому, что сын покойной так расстроился, а так как вспомнил, что именно оставила после себя его мать. По счастью, сэра Магнуса и леди Пай в деревне не было. Они отдыхали на юге Франции.

Времени у Роберта было мало, и он приступил к действию немедленно. Той же ночью Роберт проник в Пай-Холл, воспользовавшись той же самой дверью, которую сломал Brent, когда нашли тело. Задача была проста: найти и уничтожить письмо прежде, чем вернется сэр Магнус. — Пюнд посмотрел на Роберта. — Вас, должно быть, бесила несправедливость происходящего. Вы ведь ничего не сделали! Смерть матери — не ваша вина. Но если письмо прочтут, темные секреты вашего детства всплывут, и о свадьбе можно будет забыть.

Затем сыщик обратился к Джой, слушавшей этот разговор с выражением полного отчаяния на лице.

— Понимаю, мисс Сандерлинг, как нелегко все это для вас. И мне не доставляет удовольствия крушить ваши надежды. Но черпайте утешение в том, что сидящий рядом с вами мужчина искренне вас любит и делал все возможное ради того, чтобы быть с вами.

Джой Сандерлинг ничего не ответила.

— Роберт обыскал дом, но ничего не нашел, — продолжил Пюнд. — Сэр Магнус держал письмо в сейфе, стоявшем в кабинете, вместе с другими личными бумагами. Сейф был спрятан за картиной, и чтобы открыть его, требовалось ввести сложный код, которого Роберт наверняка не знал. Ему пришлось возвращаться с пустыми руками. Теперь перед ним возникла еще одна проблема: как объяснить взлом. Если ничего не возьмут, сэр Магнус и полиция заподозрят иной мотив. И тогда может всплыть письмо, а от него ниточка потянется к Роберту. Выход был прост. Роберт вскрыл витрину и забрал римское серебро, найденное некогда в Дингл-Делле. И захватил вдобавок кое-какие драгоценности леди Пай. Теперь это походило на заурядный грабеж. Разумеется, ему не нужны были все эти вещи. Он не мог пойти на риск и продать их. Что оставалось делать? Роберт бросил клад в озеро, где никто бы его не нашел, если бы не досадная случайность. Пробегая через лужайку, он обронил серебряную пряжку. Brent нашел ее на следующий день и сбыл Джонни Уайтхеду. В результате при помощи полицейских водолазов остальные сокровища вышли на поверхность, как и истинная причина ограбления. Письмо оставалось в сейфе. Сэр Магнус вернулся из Франции. В следующие несколько дней он был занят своими делами, и вам, Роберт, нелегко было дожидаться неизбежной развязки. Как поступит сэр Магнус? Обратится прямо в полицию или даст вам шанс объясниться? В итоге в четверг, когда его жена уехала в Лондон, он вызвал вас в Пай-Холл. И мы наконец прибываем на место преступления. Сэр Магнус прочел письмо. Трудно с уверенностью сказать, какова была его реакция. Наверняка потрясение. Подозревал ли он Роберта Блэкистона в убийстве матери? Вполне возможно. Однако сэр Магнус был человеком умным и допускал право на сомнение. Он давно знал Роберта и не боялся его. Разве не выступал он всегда покровителем Роберта? И все же на всякий случай сэр Магнус достает свой армейский револьвер и кладет его в ящик стола, где обнаружит его потом инспектор Чабб. То была простая предосторожность, не более. В семь часов вечера гараж закрывается. Роберт возвращается домой, чтобы помыться и переодеться для встречи, во время которой собирается убедить сэра Магнуса в своей невиновности и попросить отнестись к нему с пониманием. Однако в события вмешиваются другие силы. Мэтью Блэкистон едет из Кардиффа, чтобы допросить сэра Магнуса насчет жены. Brent, только что уволенный, заработался допоздна и направляется в «Паромщик». Робин Осборн переживает душевный кризис и едет искать утешения в церкви. Генриетта Осборн беспокоится и идет искать мужа.

Многие из этих маршрутов пересекаются, но таким образом, что истинная картина не вырисовывается. Примерно в двадцать минут девятого Роберт отправляется на судьбоносную встречу. Он замечает у церкви велосипед викария и, повинаясь порыву, берет его. Молодой человек и понятия не имел, что викарий в это время находится в храме. Никем не замеченный, Роберт приезжает в Пай-Холл, оставляет велосипед у гостевого дома и идет по дорожке. Сэр Магнус встречает его. То, что произошло далее, собственно убийство, я опишу через минуту. Сначала позвольте мне обрисовать более масштабную картину. Мэтью Блэкистон также приезжает и паркует машину рядом с Лодж-хаусом, и замечает велосипед. Он идет по дорожке и попадает на глаза Бренту, только что закончившему работу. Мистер Блэкистон стучит в дверь, которую несколько секунд спустя открывает сэр Магнус. Фрейзер, вы припоминаете разговор, который состоялся на пороге и который довольно подробно передал нам Мэтью Блэкистон? «Ты?!» Сэр Магнус удивлен, и не без причины. Отец прибыл в тот самый миг, когда у него находится сын и между ними происходит очень деликатный разговор. Сэр Магнус не произносит имя нового гостя вслух, не хочет смущать Роберта присутствием отца в самое неподходящее время. Прежде чем избавиться от визитера, он пользуется возможностью и задает Мэтью вопрос: «Неужели ты вправду думаешь, будто я убил вашу чертову собаку?» Зачем поднимать эту тему, если только он не хотел убедиться в чем-то, что они с Робертом обсуждали минуту назад? Так или иначе, сэр Магнус закрывает дверь. Мэтью уходит. Происходит убийство. Роберт Блэкистон бежит из дома, воспользовавшись позаимствованным велосипедом. Темно. Он не рассчитывает встретиться с кем-то. Внутри «Паромщика» Брент слышит сквозь шум музыки проезжающий велосипед и предполагает, что это викарий. Роберт возвращает велосипед на место у церкви, но он весь в крови, и пачкает рукоятку на руле. Когда преподобный выходит из храма и едет домой, кровь попадает и на его одежду. Вот почему, как я полагаю, миссис Осборн так нервничала во время разговора со мной. Не исключено, что она подозревает мужа в преступлении. Но ничего, скоро они узнают правду. Разыгрывается последний акт той ночной драмы. Мэтью Блэкистон передумывает и возвращается, чтобы выяснить отношения с сэром Магнусом. Он буквально на несколько минут разминулся с сыном, но видит через щель для писем мертвое тело и оседает на цветочную клумбу, оставляя в мягком грунте отпечаток ладони. Боясь, что попадет под подозрение, Блэкистон быстро уезжает, но его замечает леди Пай, только что вернувшаяся из Лондона. Затем она входит в дом и находит тело мужа. Остается описать только само убийство. Роберт Блэкистон и сэр Магнус Пай встречаются в кабинете. Сэр Магнус извлек письмо, написанное Мэри Блэкистон несколько лет назад, и вы можете представить, что картина, скрывающая сейф, еще сдвинута. Письмо лежит на столе, двое мужчин обсуждают его содержимое. Роберт изо всех сил старается убедить сэра Магнуса, что он не сделал ничего плохого и не причастен к трагической гибели матери. По случаю на столе лежит второе письмо. Сэр Магнус получил его в тот день. Оно касается уничтожения Дингл-Делла и содержит угрозы и довольно резкие выражения. Как нам теперь известно, напечатано оно было местной жительницей Дайаной Уивер на пишущей машинке доктора Редвинг. Два письма. Два конверта. Запомните этот факт. Разговор оборачивается не лучшим образом. Вероятно, сэр Магнус грозит разоблачить бывшего протеже. Возможно, обещает все обдумать, прежде чем идти в полицию. Воображаю, что, пока сэр Магнус выпроваживает его, Роберт стелется перед ним как может. Но, оказавшись в главном холле, он наносит удар. Он уже заметил доспехи и выхватывает меч из ножен. Извлечь клинок тихо и быстро не составило труда, потому что по воле случая сэр Магнус недавно воспользовался оружием, чтобы изрубить портрет жены. Роберт действует наверняка. Он не позволит себя уличить. На кону его брак с Джой Сандерлинг. Подойдя сзади, он срубает сэру Магнусу голову, затем возвращается в кабинет и уничтожает улику. И именно тут допускает две важнейшие ошибки. Он мнет письмо матери и бросает в огонь. И при этом пачкает бумагу кровью сэра Магнуса. Этот клочок мы потом найдем. Хуже того: он сжигает не тот конверт! Я сразу догадался, что произошла ошибка, и не только потому, что письмо миссис Уивер было отпечатано на машинке, а адресат на сохранившемся конверте был написан от руки. Нет. Обращение к сэру Магнусу на конверте было строго официальным, и это противоречило характеру самого письма. Автор письма называет адресата говнюком, угрожает убить. Стал бы такой человек писать на конверте «сэру Магнусу»? Я усомнился в этом и намеревался задать миссис Уивер вопрос, но, к несчастью, не успел, так как мне стало плохо. Но это не важно. У нас есть конверт и есть дневник,

написанный рукой Мэри Блэкистон. Как я уже обмолвился Фрейзеру, почерк и там и там одинаковый.

Пюнд умолк. Не было ни драматической развязки, ни финальной речи. Такое было не в его стиле.

Чабб покачал головой.

— Роберт Блэкистон, — изрек он. — Вы арестованы за убийство. — Зачитав положенные законом предупреждения, он добавил: — Хотите вы что-то сказать?

В последние несколько минут Блэкистон просто смотрел в одну точку на полу, словно пытался прочитать по ней свое будущее. Вдруг он поднял голову. Из глаз его бежали слезы. В этот миг Фрейзер с легкостью представил себе четырнадцатилетнего мальчика, который убил в приступе ярости своего брата и который всю свою жизнь скрывался от этого преступления. Роберт повернулся к Джой. Он обращался к ней одной.

— Я сделал это ради тебя, дорогая, — проговорил он. — Встреча с тобой была лучшим, что со мной произошло, и я знал, что только с тобой я буду счастлив. Я никому не позволил бы отобрать у меня это счастье, и, если для этого пришлось убить еще раз, я бы убил. Ради тебя.

4

Из «Таймс», август 1955 года:

Смерть Аттикуса Пюнда широко освещена в британской прессе, но мне кажется, что я могу добавить несколько слов от себя, поскольку знал мистера Пюнда, наверное, лучше других, так как работал шесть лет в должности его личного секретаря. Я познакомился с мистером Пюндом, откликнувшись на объявление в журнале «Спектейтор». Там говорилось, что один бизнесмен, прибывший недавно из Германии, нуждается в услугах доверенного секретаря, способного печатать на машинке, исполнять административные и организационные функции. Как выяснилось, он не преподносил себя как сыщика или частного детектива, хотя уже приобрел внушительную репутацию, особенно после обнаружения бриллианта «Людендорф» и последующей серии примечательных арестов. Мистер Пюнд всегда был скромен. Хотя он много раз помогал полиции, включая расследование недавнего убийства богатого землевладельца в суффолкской деревне Саксби-на-Эйвоне, мистер Пюнд предпочитал оставаться в тени, не стремясь получить похвалу за свои достижения.

Возникли определенные толки по поводу его смерти, и мне хотелось бы развеять эти слухи. Верно, что во время последнего расследования в распоряжении мистера Пюнда оказалась большая доза ядовитого вещества физостигмин. Разумеется, он должен был передать его в полицию, но не сделал этого, потому что решил совершить самоубийство. Это становится ясно из письма, оставленного им мне и врученного после кремации тела. Хотя мне было об этом неизвестно, у мистера Пюнда обнаружили злокачественную опухоль мозга, которая в любом случае убила бы его в ближайшее время, и мой работодатель предпочел избавить себя от лишних страданий.

Это был самый добрый и мудрый человек из всех, кого я знал. Пережитое им в Германии накануне и в годы войны развило в нем широту взгляда, помогавшую в его работе. Он понимал истинную природу зла и умел безошибочно искоренять его. Друзей у мистера Пюнда было мало, и, хотя мы много времени проводили вместе, я не претендую, что целиком понимал механизм работы этого удивительного ума. Он ясно дал понять, что не желает оставлять после себя надгробия и что прах его следует развеять близ Саксби-на-Эйвоне, в лесу Дингл-Делл, который он отчасти помог сохранить от уничтожения.

Так или иначе, в моем распоряжении осталось значительное количество документов и материалов, имеющих отношение к трактату, к созданию которого Мистер Пюнд в последние годы прилагал много усилий. Это труд всей его жизни, озаглавленный «Ландшафт криминалистического расследования». Печально, что книга осталась неоконченной, но я передал все, что смог собрать, профессору Крине Хаттон из Оксфордского центра

криминалистики, в уповании на то, что эта фундаментальная монография
вскоре увидит свет.

Джеймс Фрейзер

Айос-Николаос, Крит

Добавить остается совсем немного.

«Клоуверлиф букс» захлопнулось — хорошее описание того, что случается с книгоиздательской фирмой, ушедшей из бизнеса. Бардак был полный: Чарльз в тюрьме, страховщики отказываются выплатить компенсацию за здание, уничтоженное пожаром. Наши успешные авторы стремительно попрыгали с тонущего корабля, что было обидно, но, в общем-то, неудивительно. Ну кто станет публиковаться у издателя, который может тебя убить?

Работы я, естественно, лишилась. Оставаясь дома после выписки из больницы, я с удивлением узнала, что меня объявили своего рода виновной в случившемся. Все, как я сказала вначале. Чарльз Клоувер представлял собой фигуру в издательском мире, и общее убеждение было таково, что я предала его. В конечном счете он издавал многих писателей: Грэма Грина, Энтони Бёрджесса и Мюриэл Спарк, а убил только одного — Алана Конвея, ту еще занозу в заднице. Чего ради было устраивать из его гибели такой скандал, тем более что он все равно скоро умер бы? В слова это никто не облекал, но когда я наконец доковыляла, чтобы принять участие в паре литературных мероприятий, таких как конференции и книжные презентации, то уловила общее настроение. Женская премия за художественную литературу решила в итоге обойтись без моего участия в жюри. Мне очень хотелось, чтобы они увидели Чарльза таким, каким увидела его в итоге я, когда он готовился сжечь меня заживо и пнул ногой так, что переломал ребра. Скорое возвращение к работе мне не светило. Настроя не было, да и зрение не восстановилось. Перемена оказалась необратимой. Я не так слепа, как бедный мистер Рочестер из «Джен Эйр», но стоит мне немного почитать, как глаза устают, а буквы начинают расплываться. Я теперь предпочитаю аудиокниги. Вернулась к литературе девятнадцатого века и стараюсь избегать остросюжетных детективов.

Живу я в городке Айос-Николаос на Крите.

Решение в конечном счете пришло само собой. В Лондоне меня ничто не удерживало. Многие из друзей от меня отвернулись, а Андреас в любом случае уезжал. Я свалила бы дурака, не поехав с ним, и моя сестра Кэти потратила целую неделю, вбивая мне это в голову. Самое главное, я люблю его. Я поняла это, когда сидела одна на станции в Брэдфорд-на-Эйвоне, и окончательно убедилась, увидев, как рыцарь в сияющих доспехах пробирается сквозь пламя, чтобы меня спасти. Уж если на то пошло, то это ему стоило сомневаться. Я ни слова не знаю по-гречески. Кухарка из меня никакая. С глазами плохо. Ну какой от меня прок?

Я поделилась с Андреасом частью своих сомнений. В ответ он пригласил меня в греческий ресторан в Крауч-Энде, извлек кольцо с бриллиантом, которое явно было ему не по карману, опустился на колени и сделал предложение на глазах у всех обедающих. Я пришла в ужас и согласилась не раздумывая, только бы он снова повел себя прилично и встал. В конечном счете кредит ему не понадобился. Я продала свою квартиру и, вопреки тому, что идея не очень нравилась Андреасу, заставила его инвестировать часть моих средств в отель «Полидорус», став его партнером в равных долях. Наверное, это было безумие, но после всего пережитого мне было наплевать. Дело не в том, что меня едва не убили. Все, во что я верила и чем жила, у меня вдруг отняли. Я чувствовала, что моя жизнь переворачивается так же стремительно и бесповоротно, как имя Аттикуса Пюнда. Есть ли в этом смысл? Получалось, что новая моя жизнь стала анаграммой прежней, и что из нее в конечном итоге выйдет, можно узнать, только прожив ее.

Со времени моего отъезда из Англии прошло два года.

«Полидорус» не приносит пока ощутимого дохода, но гостям тут, похоже, нравится, и большую часть сезона свободных мест у нас нет, а это значит, что мы движемся в правильном направлении. Отель расположен на окраине Айос-Николаоса: солнечного и яркого провинциального городка, где слишком много магазинов, торгующих побрякушками и сувенирами для туристов, но вполне приличного, чтобы в нем хотелось жить. Мы находимся прямо на берегу, и я никогда не устаю смотреть на воду, такую ослепительно-голубую, что Средиземное море кажется бассейном. Кухня и стойка администратора выходят на каменную террасу, где стоит около десятка столиков: мы предлагаем завтрак, обед и ужин, которые готовим

из немудреных и свежих местных продуктов. Андреас хлопочет в кухне. Его кузен Яннис почти ничего не делает, но у него хорошие связи — тут это называется *visma*, — и он очень полезен в сношениях с местными властями. А еще есть Филиппос, Александрос, Гиоргос, Нелл и многие другие члены семьи и друзья, которые приваливают толпой, чтобы помочь нам в течение дня, а потом засиживаются за ракией до самой ночи.

Я могла бы написать об этом и, может быть, когда-то напишу. Женщина средних лет бросает все и живет с возлюбленным-греком в лоне его эксцентричной семьи, среди многочисленных кошек, соседей, поставщиков и туристов, создавая свое счастье под эгейским солнцем. Для подобной литературы существует свой сегмент, хотя, разумеется, если хочешь продать книгу, всю правду писать нельзя. Часть меня еще скучает по Крауч-Энду, и мне не хватает редакторской работы. Мы с Андреасом постоянно беспокоимся насчет денег, и это нависает над нами. Жизнь способна подражать искусству, но обычно у нее это плохо получается.

Странное дело, но «Английские сорочьи убийства» в итоге все-таки выпустили. После краха «Клоуверлиф» некоторые наши книги перешли к другим издателям, включая права на всю серию про Аттикуса Пюнда, которые, как вышло, купила фирма, где я работала раньше, — «Орион букс». Там книги переиздали с новыми обложками, включая и «Английские сорочьи убийства». К тому времени весь мир узнал о злобной шутке с именем сыщика, но это по большому счету не сыграло никакой роли. Шумиха вокруг настоящего убийства и суда привлекла внимание к книге, и меня ничуть не удивило увидеть ее в списке бестселлеров. Роберт Харрис поместил в «Санди таймс» весьма благожелательную рецензию на нее.

Я даже наткнулась однажды на экземпляр, когда прогуливалась по пляжу. Женщина сидела в шезлонге и читала книгу, и с задника обложки на меня смотрел Алан Конвей. При виде него меня обуял приступ самого настоящего гнева. Я вспомнила слова Чарльза про Алана, про то, как он эгоистично и без всякой нужды испортил удовольствие миллионов людей, любивших книги про Аттикуса Пюнда. Чарльз был прав. Я находилась среди пострадавших и на миг представила себе, что это я, а не Чарльз, стою на башне в Эбби-Грейндж, вытягиваю вперед обе руки и сталкиваю Алана с края. Я поймала себя на мысли, что вполне могла сделать это. Именно такого этот негодяй и заслуживал.

Мне довелось побывать сыщиком, и вот теперь я стала убийцей.

И знаете что? Эта роль пришлось мне больше по вкусу.

Интервью Энтони Горовица с Аланом Конвеем

Из журнала «Спектейтор»

Когда я встретился с Аланом Конвеем в клубе «Плющ» в Лондоне, меня поразило, как много у нас общего. По крайней мере, так мне показалось на первый взгляд.

Мы оба пишем детективы, хотя и в разных сферах. Он — автор сверхпопулярной серии про Аттикуса Пюнда, тогда как я много лет работаю над криминальными сериалами для телевидения: «Чисто английские убийства», «Война Фойла» и «Пуаро Агаты Кристи». Оба мы теперь публикуемся в «Орион букс». Связывает нас и Суффолк. Алан живет в викторианском особняке близ Фрамлингема, тогда как у меня есть домик в Орфорде, как раз на другом конце трассы A12. И наконец, мы, так или иначе, оба члены клуба «Плющ», хотя встретиться здесь было его предложение, не мое.

За неделю до выхода седьмого романа Алана, «Маки для Аттикуса», журнал «Спектейтор» попросил меня взять у Алана интервью, и я охотно согласился. Я фанат его книг. По правде говоря, мне пришлось потратить пару месяцев, работая над романом «Аттикус Пюнд расследует», первой книгой цикла, адаптируя ее для экранизации на Биби-си. Но ничего толкового из этого не вышло. Компания-производитель, «Ред херринг продакшнз», внезапно меня уволила, и, как я слышал, сценарием занялся сам Алан.

Упомянуть об этом в разговоре с ним не стоило, наверное, но его реакция была по меньшей мере неожиданной.

— Да. Я сказал им, что хочу заняться этим сам. Если честно, я никогда не был большим поклонником «Чисто английских убийств». Сериал всегда представлялся мне легковесным и туповатым. Я решил, что, работая над сценарием по моей книге, смогу сделать что-то более тонкое.

Писатель, продвигающий книгу, и журналист или другое лицо, берущее у него интервью, руководствуются, как правило, негласным кодексом. Писатель дружелюбен и открыт. А журналист, даже если книга ему не нравится, вежлив. Вот почему до выхода книги вы никогда не встретите ни одной отрицательной рецензии. Поэтому меня озадачила столь неосторожная оплеуха со стороны Конвея, подразумевавшая ответный выпад с моей стороны в адрес его творчества.

Но я этого не сделал, потому что, скажу по правде, «Маки для Аттикуса» — один из лучших романов серии. Это первая книга, действие которой происходит за пределами Великобритании, по большей части на юге Франции, что поначалу меня это беспокоило. Мне всегда казалось, что Аттикус Пюнд предстает во всей красе в английской провинции. «Нет покоя нечестивым» и «Аперитив с цианидом», два «лондонских» романа, показались мне не таким занятным чтением. При всем том Конвею удалось создать очень реалистичный образ Лазурного Берега в конце пятидесятых. Вы буквально ощущаете аромат бугенвиллеи.

Также это первый сюжет, включающий полноценную романтическую линию. Аттикус влюбляется в Лидию Форд, сестру знаменитого художника, и вынужден заняться расследованием, когда ее арестовывают по подозрению в убийстве местного дельца по имени Жан Субару. Скапливающиеся улики указывают на ее неоспоримую вину, а тут еще неприятный французский детектив, инспектор Рено, добавляет напряжения. Концовка оказалась совершенно для меня неожиданной, — что, думаю, произойдет и с вами, — хотя Конвей, как всегда, играет четко по правилам.

Поэтому я начал с замечания, что несколько необычно писать о влюбленном сыщике.

— Чепуха! — стремительно возразил Алан. — А как же Холмс и Ирэн Адлер? А Эркюль Пуаро, проникшийся чувствами к русской графине Вере Русаковой?

Разумеется, я про это знал. Вера Русакова появляется в истории «Ключ к разгадке», которую мне довелось адаптировать для Ай-ти-ви. Но прежде чем я успел заметить, что это были самые короткие любовные истории, какие можно представить, Алан продолжил, явно противореча сам себе:

— Беда в том, что большинство детективов слишком однобоки. У них попросту яиц нет, как сказали бы испанцы. Да и характера, по сути говоря. Одна манерность. — Он улыбнулся своим мыслям. — Когда женщина упрекает сыщика, что у него только одно на уме, она не секс имеет в виду. Он, видимо, просто хочет ее арестовать.

Я ответил, что это несправедливо по отношению к Аттикусу Пюнду. В новой книге появляется персонаж по имени Отто Даймлер, бывший вместе с Пюндом в концентрационном лагере Собибор, что придает истории весьма трогательные черты. Конвей не согласился, и выражения его граничили с ругательными.

— Люди читают мои книги не потому, что им интересен Пюнд или страдания, которые он претерпел от рук нацистов. Их читают, только чтобы узнать, кто совершил убийство.

— Но вы же верите, что ничто человеческое сыщику не чуждо?

— Не вполне. Сыщик — это функция, и только она имеет цену. Посмотрите на Холмса: даже Дойл признает, что его герой не интересуется литературой, философией или политикой. У него нет друзей, только знакомые.

И тем не менее Холмс остается одним из самых любимых персонажей популярной литературы. А образ Пюнда, предположительно, основан на личности преподавателя английского языка Стивена Паунда, учителя Конвея из школы в Сент-Олбансе. (Паунд, продолжающий преподавать, не ответил на мои звонки.) Неужели он не более чем цифра?

— Конечно цифра, — ответил на мои рассуждения Алан. — А убийца из «Маков для Аттикуса» — это своего рода нейтральный элемент. Оба они образуют некий математический пример, уравнение. Читая книгу, вы решаете уравнение.

Вот как? Послушав Конвея, приходишь к выводу, что он питает что-то вроде презрения к собственному творчеству. Но не к недостатку, которым он ему обязан. На интервью он заявился — с опозданием в сорок пять минут, кстати, — в джинсах, белой рубашке и пиджаке, все с иголки и очень дорогое. Пока я пил чай, Конвей заказал шампанское. На безымянном пальце у него золотое кольцо, которое он имеет привычку крутить по мере того, как я говорю, словно это регулятор громкости. Чем больше я говорю, тем быстрее вращается кольцо. Если в начале интервью меня удивляло, насколько мы с ним похожи, то теперь удивляет, какие мы разные.

Во время беседы он то и дело поглядывал на часы, и не проходит и получаса, как появляется молодой человек, который представляется Джеймсом Тейлором, личным секретарем Конвея. Машина ждет. Интервью окончено. Конвей идет к барной стойке, чтобы расплатиться, а Тейлор, являющийся на самом деле сожителем Алана, говорит мне вполголоса:

— Надеюсь, он был не слишком резок с вами? Ему не нравится давать интервью.

— Тогда почему он согласился?

— Ясное дело: издатели настаивают. Пару недель назад мы ездили в Эдинбург, так он был просто в бешенстве. Алан постоянно твердит, что писателям следует писать книги, а не говорить о них.

Не соглашусь. Писательство — занятие настолько уединенное, что я очень люблю литературные фестивали, где можно поговорить с людьми, читавшими мои книги. Рассказывают, что Конвей довел до слез журналистку, бравшую у него интервью в Хей-он-Уай. После встречи с ним я склонен поверить в эту историю.

Наконец Алан возвращается из бара.

— Надеюсь, вы получили, что хотели. Вы действительно читали книгу?

Я ответил, что читал, и он едва заметно улыбнулся.

— Знаете, во время нашего разговора я обронил имя убийцы. Надеюсь, никто не станет читать ваш материал. Он может подпортить себе удовольствие от концовки.

Таков был его прощальный выстрел. Я ушел, пытаюсь понять, что руководит Аланом Конвеем, этим одним из самых неприятных авторов, с которыми мне доводилось иметь дело. Что именно хотел сказать он своими последними словами? Я записывал нашу беседу на диктофон и прослушал ее несколько раз, прежде чем написать эту статью, но определенно не смог отыскать имени убийцы. В самом деле оно там или он просто подшутил надо мной?

Печально говорить, но есть одно имя, которое сильно мешает мне получать удовольствие от книг Алана Конвея. Его собственное.

Сентябрь 2014 года

Горовиц Э.

Г 70 Сороки-убийцы : роман / Энтони Горовиц ; пер. с англ. А. Яковлева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 480 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-18642-2

Редактор Сьюзен Райленд читает рукопись детективного романа, который с нетерпением ожидают поклонники популярной серии, и обнаруживает, что там недостает самого интересного — развязки. Сьюзен начинает поиски пропавших страниц и попутно фантазирует, пытаясь отгадать, кто же является убийцей в романе, составляет список подозреваемых... Известие о смерти Алана Конвея, автора того самого детектива, застает ее врасплох. Он покончил с собой? Стал жертвой несчастного случая? Но Сьюзен не зря двадцать лет редактировала книги криминального жанра, дедуктивный метод знаком ей не понаслышке. Сопоставив некоторые факты, она приходит к выводу, что произошло замаскированное убийство, и с риском для жизни начинает распутывать этот детективный клубок...

Роман в романе, литературная игра, полная загадок и мистификаций.
Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ
СОРОКИ-УБИЙЦЫ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Алла Косакова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Антон Залозный, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 03.08.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ABB-27275-01-R